

Литературный
Ленинград

В ДНИ
БЛОКАДЫ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Литературный
Ленинград
в дни блокады

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД
1973

Под редакцией

В. А. КОВАЛЕВА, А. И. ПАВЛОВСКОГО

Л $\frac{0722-1148}{042(02)-73}$ 278-73

© Издательство «Наука» 1973

Литературная жизнь блокадного Ленинграда представляет собой пример героической борьбы нашего искусства в годы Великой Отечественной войны.

«Ленинград, — писал Николай Тихонов, — это первый город в Европе, остановивший немецкие орды».¹

Литература блокадного Ленинграда, продолжавшая жить интенсивной жизнью на протяжении трех лет небывалой осады, является в свою очередь исключительным в истории искусства примером непреклонной жизнестойкости, упорства и могучей силы художественного слова. Не случайно, а закономерно, что это слово принадлежало советским писателям, художникам социалистического реализма.

На протяжении всех девятист дней блокады Ленинград оставался не только городом вооруженной борьбы, но и городом воинствующей поэзии — в широком смысле этого слова. Лед, огонь и холод, мрак и ожесточение не смогли стереть с его облика той особой одухотворенной поэтичности, какая была дана ему от века и которая продолжала вдохновлять его поэтов, художников и музыкантов. Великие революционные традиции, как бы заново ожившие и громко заявившие о себе перед лицом опасности, в немалой степени способствовали мужественной работе ленинградских литераторов.

Партийная организация Ленинграда, Военный совет фронта заботились о писателях, повседневно руководили их деятельностью. Не прекращалась работа городской писательской организации. Литературные кадры влились в редакции военных газет, писатели-коммунисты вели политработу в частях действующей армии. Большие группы писателей работали в штабе Ленинградского фронта (во главе с Николаем Тихоновым), на Балтийском Военно-Морском флоте (возглавлял Всеволод Вишневский). Даже в тяжелые месяцы

¹ Н. Тихонов. Ленинград. — «Литературная газета», 1945, 27 января.

первой блокадной зимы литературная жизнь в Ленинграде не прекращалась — она сосредоточивалась на страницах городских и военных газет, на радио. Живое писательское слово звучало на передовой, в клубах, на читательских конференциях. Литераторы делили судьбу с народом, создавали произведения действенные, боевые, нужные защитникам города, помогали крепить высокий моральный дух и стойкость воинов.

За годы блокады было создано значительное число произведений в самых различных жанрах — от скорострельного огня сатиры и остро отточенной публицистики до поэм, повестей, романов.

Однако до сих пор литературная жизнь и литературное творчество блокадного Ленинграда не становились объектом специального научного изучения, целостного рассмотрения во всей совокупности многообразных и разномасштабных фактов, из которых складывался реальный литературный процесс тех лет, хотя следует напомнить, что еще во время войны делались отдельные попытки проанализировать и обобщить этот достаточно уникальный и поучительный опыт, неразрывно связанный с общими тенденциями развития всей советской литературы военных лет.

Коллективный труд «Литературный Ленинград в дни блокады» является первым опытом систематизации и осмысления большого литературного материала, включающего в себя не только известные произведения, но и те, что остались в подшивках армейских газет, в архиве Радиокомитета, в изданиях военных лет, ставших библиографической редкостью. Привлечение этого материала дает возможность более детально понять некоторые особенности литературной жизни блокадного города, а также отдать дань уважения и признательности множеству ленинградских литераторов — писателей, корреспондентов, журналистов, репортеров, осуществлявших ту ежедневную, крайне необходимую практическую литературную работу, без которой жизнь города и его армий была бы неполноценной.

Жизнь блокадного Ленинграда знала, как известно, свои этапы, среди них самым трудным была зима 1941/42 г. Статьи, посвященные поэзии, прозе, публицистике и т. д., построены преимущественно в хронологическом плане, что дает возможность более отчетливо показать живое, естественное, а подчас и драматическое развитие литературы на протяжении трех блокадных лет.

Совершенно несостоятельны злонамеренные попытки буржуазной печати представить Ленинград

в годы войны изолированным и оторванным от страны, от литературной жизни Советского Союза.

Ленинград разговаривал со страной и миром посредством свободного художественного слова, гордо переступавшего блокадное огненное кольцо. Условия жизни в блокадном городе были особенными, и это не могло не сказываться на работе писателей, но это особенное, специфичное лишь подчеркивало общность Ленинграда со всей страной. Литература блокадного города была неразрывно связана с общим развитием советской литературы периода Великой Отечественной войны.

Авторы ставили своей задачей осветить по возможности все литературные жанры, а также деятельность ленинградского радио, городских и военных газет.

Большое внимание при этом было уделено поэзии и публицистике, т. е. важнейшим, наиболее распространенным и действенным видам оружия слова в дни блокады. Николай Тихонов говорит, вспоминая то время, что эмоциональное, зажигающее стихотворение бывало в иные моменты важнее рассказа или листовки. На эту же особенность литературного развития тех лет указывала и Ольга Берггольц, по праву считавшая, что именно поэзии принадлежало тогда главнейшее место, что, по сути дела, поэзия взяла на себя, особенно в первую блокадную зиму, главнейшие функции всего искусства. Читатель легко заметит, что и в этом сборнике поэзия как предмет исследования зачастую выходит на первый план в самых различных статьях. Это обусловлено реальным, чрезвычайно большим значением ее в небывалом трехлетнем походе ленинградцев к своей победе.

Многое из того, что было создано в период блокады, навсегда вошло в историю советской литературы, которую мы не можем сейчас представить без поэмы Н. Тихонова «Киров с нами», блокадных поэм и стихотворений О. Берггольц, «Пулковского меридиана» В. Инбер, публицистики В. Вишневского, «России» А. Прокофьева, стихов В. Саянова, Б. Лихарева, М. Дудина и многих других.

Литература блокадного Ленинграда — свидетельство силы и жизненности всего советского искусства.

ПОЭТИЧЕСКИЙ ЭПОС БЛОКАДНЫХ ЛЕТ

В годы Великой Отечественной войны, вопреки старинному выражению о молчании муз, когда говорят пушки, роль художественного слова была огромной. Казалось бы, замечал Алексей Толстой, «грохот войны должен заглушить голос поэта, должен огрублять, упрощать литературу, укладывать ее в узкую щель окопа»,¹ однако «глагол уже не только уголь, пылающий в сердце человека, глагол идет в атаку миллионами штыков, глагол приобретает мощь артиллерийского залпа».²

Так было повсюду — на всем протяжении трехтысячекилометрового фронта. Так было и в Ленинграде.

Однако Ленинград оказался городом особой судьбы. «Ленинград, — писал Николай Тихонов, — это первый город в Европе, остановивший немецкие орды».³ Уже по одной этой причине поэзия осажденных, но остановивших, а затем и победивших противника ленинградцев должна заинтересовать любого исследователя, не обязательно литературоведа, так как языком стиха рассказывала о себе сама душа этого необыкновенного победителя: его стойкость, его мужество, его вера, т. е. все то, что мы называем духовным миром народа.

Что может враг? Разрушить и убить.
И только-то?..⁴

В этих словах, прекрасных по своей мужественности и неколебимости, по чувству человеческого превосходства над бездуховной низменностью и обреченностью фашистского каннибала, заключена одна из важнейших, а может быть, и главная разгадка ленинградской победы.

Маршал Г. К. Жуков, командовавший осенью сорок первого года Ленинградским фронтом, пишет: «Никто не может провести

¹ А. Толстой. Четверть века советской литературы.— «Новый мир», 1942, № 11—12, стр. 215.

² Там же, стр. 206.

³ Н. Тихонов. Ленинград. — «Литературная газета», 1945, 27 января.

⁴ О. Берггольц. Избр. произв. в двух томах, т. 1. Л., 1967, стр. 200.

четкую грань между ролью собственно оружия, военной техники и значением морального духа войск. Однако бесспорно, что при прочих равных условиях крупнейшие битвы и целые войны выигрывают те войска, которые отличаются непреодолимой волей к победе, осознанностью цели, стойкостью духа и преданностью знамени, под которым они идут в бой».⁵

Надо сказать, что ни «прочих», ни иных «равных условий» у ленинградцев не было. Наоборот, многое, казалось бы, говорило о том, что современный город, отрезанный от страны огненным кольцом блокады, беспощадно и методично расстреливаемый в упор, лишенный продовольствия, топлива, воды, электричества, похоронивший в первую же зиму более миллиона своих граждан, что он — в особенности по расчетам немецкой военной науки — должен был неминуемо пасть.

«Что же случилось в городе, куда стремились десятки фашистских дивизий? — спрашивал Николай Тихонов и отвечал. — Когда-то о защитниках Севастополя, о русских воинах писал Л. Толстой: „...есть чувство ... лежащее в глубине души каждого, — любовь к Родине“. С этой любовью в душе, вспыхнувшей непобедимым светом и вдруг озарившей обыкновенный мирный быт со всеми его большими и незначительными семейными и служебными подробностями, ленинградцы вышли из своих домов, из заводов и фабрик и составили народ, неразъединимый в дни грозной опасности».⁶

Вместе со своим народом, со своим городом вышли навстречу грозной опасности и ленинградские поэты. Их призывное поэтическое слово можно было увидеть на газетной полосе, на плакатах, услышать по радио. С первых дней войны при Политуправлении Ленфронта стали работать Н. Тихонов, В. Саянов, А. Прокофьев, в 55-й армии — А. Гитович, Вл. Лифшиц, в 23-й — И. Авраменко, В. Шефнер, в 8-й — Н. Дилакторская, в 54-й — Вс. Рожественский и др. Перечень этот мог бы быть большим и разнообразным: не случайно читатель этого сборника не раз встретит писательские имена вместе с названиями самых различных фронтовых и армейских газет, в связи с деятельностью радио, группы «Боевой карандаш» и т. д.

Уже в первые дни войны ряду ленинградских поэтов пришлось принять непосредственное участие в борьбе с врагом, хотя фашистские войска находились еще сравнительно далеко от города. Сейчас хорошо известна, например, борьба защитников Ханко — среди них был и поэт-красноармеец Михаил Дудин, уроженец города Иваново. Он — один из авторов легендарного коллективного письма гарнизона Ханко барону Маннергейму. Текст письма был выдержан в духе тех энергичных выражений, к которым

⁵ Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления. М., 1969, стр. 314.

⁶ Н. Тихонов. Ленинград принимает бой. — В кн.: 900 дней. Л., 1962, стр. 13—14.

прибегли в свое время запорожские казаки в письме турецкому султану.

При переходе советских кораблей из Таллина в Ленинград в августе 1941 г. погиб талантливый ленинградский поэт Юрий Инге. Он был, кстати сказать, автором первой на войне своеобразной агитационной поэмы, передававшейся 22 июня 1941 г. вслед за сообщением о нападении Германии на Советский Союз. Поэма была написана Ю. Инге за несколько дней до войны по специальному заказу, что еще раз может свидетельствовать о крайней напряженности в мае—июне. В этой поэме, разумеется, нет еще никаких реалий войны и нет — что не менее характерно — ощущения смертельной опасности: она является как бы большим развернутым плакатом, призывающим к отпору врагу. С первого же дня войны Юрий Инге стал работать над публицистическими стихами и стихотворными фельетонами для газеты «Красный Балтийский флот». Свою первую военную книгу, которую ему так и не удалось написать, Ю. Инге хотел назвать «Мстить!»

Кровью набухающее море
Кажется суровым и седым,
Вдовьих слез, насилия и горя
Никогда врагу мы не простим.⁷

Как и вся советская поэзия, ленинградская поэзия начала войны была в основном публицистической, ораторской и призывной. В ней живо ощутились традиции поэзии гражданской войны, зазвучали реминисценции из старых революционных песен. Опыт поэтов Октября, Красного Питера, в особенности Демьяна Бедного и Вл. Маяковского, стал неисчерпаемым арсеналом боевого поэтического оружия. Традиции Вл. Маяковского ожили тогда в стихах поэтов самых различных творческих индивидуальностей: у А. Прокофьева и Б. Лихарева, у В. Шефнера и Е. Вечтомовой, у Вс. Азарова и Вс. Рождественского.

Николай Браун писал в одном из своих стихотворений:

С полос газетных, сверстанных ночами,
Еще пропахших дымом фронтовым,
Сатирой, песней, лозунгом, стихами
Я прихожу к читателям моим.
Чтоб сделать стих, как штык, готовым к бою,
Я силу всю вдохну в него свою,
Я оживлю его своею болью,
Своею кровью строки напою.⁸

Это стремление к штыку приравнять перо шло, конечно, если говорить о литературных традициях, прежде всего от боевой поэзии Вл. Маяковского.

⁷ Ю. Инге. Вахтенный журнал. Избранные стихи. М., 1944, стр. 8.

⁸ Н. Браун. Военная весна. Л., 1943, стр. 3, 4.

Более того, сами стихи Вл. Маяковского оказались настолько живыми, злободневными и смертоносными для врага, что они наравне со стихами поэтов 1941 г. вновь стали плакатом и лозунгом.

Б. Бурсов в статье «Маяковский в наши дни», опубликованной сразу после войны, писал по свежим еще тогда впечатлениям: «Осень 1941 года. Ленинград отрезан от страны, и только водный путь, трудный и кровавый, дает ему выход на „Большую землю“. Ораниенбаум находится в двойной блокаде: он отрезан от блокированного Ленинграда. Немцы стояли на наших дорогах. Тогда, в те дни, у Ораниенбаумского вокзала на железнодорожном пути был установлен огромный плакат с цитатой из Маяковского:

Били Девикина,
Били Махно.
Так же любого
С дороги смахнем.

Этот плакат был поставлен железнодорожниками, которые ни на минуту не сомневались в том, что Красная Армия обязательно смахнет немцев с их дороги и по ней вновь пойдут поезда в Ленинград. Проходя мимо плаката, каждый — и военный и гражданский — говорил убежденно:

— Смахнем. Обязательно смахнем!

Четверостишие Маяковского подымалось в те годы до колоссального обобщения наших мыслей и чувств».⁹

Особенно неопенимым был опыт Вл. Маяковского, автора плакатов к Окнам РОСТА, для той группы поэтов (В. Саянов, Б. Лихарев, А. Флит и др.), которые совместно с художниками работали в группе «Боевой карандаш», выпускавшей сатирические листки и плакаты, родственные Окнам ТАСС, также продолжавшим в свою очередь ростинские традиции великого поэта.

Большинство стихов лета и осени 1941 г., печатавшихся в газетах «Ленинградская правда», «На страже Родины», «Боевая красноармейская», «Удар по врагу», «Ленинский путь», «Пехотинец», «За Родину», «Атака», «Защита», «На защиту Ленинграда» и в многочисленных дивизионных газетах, были по преимуществу публицистическими. Поэты, работавшие в этих газетах, писали не только стихи, но и очерки, передовицы, корреспонденции, статьи, фельетоны, обзоры. Что же касается собственно стихов, то в них широко разрабатывались не только злободневно-политические темы, связанные с конкретной обстановкой дня, но, как правило, находили патетическое выражение традиции воинской доблести, революционной борьбы народа на различных этапах его

⁹ Б. Бурсов. Маяковский в наши дни. — «Ленинград», 1945, № 7—8, стр. 25.

исторического существования, что играло прежде всего агитационно-пропагандистскую роль. Естественно, что в Ленинграде, городе Октябрьской революции, особое место занимали произведения, посвященные революционному прошлому. Образ Ленина, Смольный, питерский пролетариат — вот что прежде всего входило в стихи, вызывая прямые аналогии с сегодняшней борьбой ленинградцев. В стихотворении, характерно озаглавленном «1919—1941», Николай Тихонов, участник гражданской войны, писал:

Я помню ту осень и стужу,
Во мраке бугры баррикад,
И отблеск пожараща в лужах,
И грозный, как ночь, Петроград.
.....
Враг снова у города кружит,
И выстрелы снова звучат,

И снова сверкает оружие
В твоих августовских почках.

И снова идут ленинградцы,
Как двадцать два года назад,
В смертельном сраженьи сражаться
За свой боевой Ленинград.¹⁰

И потому многие стихи, обращавшиеся к недавнему революционному прошлому, были похожи на клятву, на воинскую присягу.

... Я говорю: нас, граждан Ленинграда,
не поколеблет грохот канонад,
и если завтра будут баррикады, —
мы не покинем наших баррикад.¹¹

Своеобразие литературного развития в Ленинграде, двигавшегося в общем теми же импульсами, что и вся советская литература, заключалось, как вскоре выяснилось, в том, что оно оказалось в некоторых отношениях более ускоренным, а также в том, что именно поэзии предстояло в этом осажденном городе выйти на первый план. Поэзия в отличие от очерка и первоначально слабо развивавшегося рассказа при явном и долгом отсутствии крупной прозы взяла на себя многие функции литературы. Она раньше других литературных родов и жанров научилась давать четкие образные формулы состояния души человека и города. Очерк и корреспонденция фиксировали событие и поступок, рассказ сосредоточивал внимание на эпизоде и героическом подвиге, в своей совокупности они создали достаточно подробную и выразительную летопись жизни города в первые месяцы войны, но стремительность событий, их накал, их трагедийная патетика все более настоятельно требовали иных, более действенных, коротких и целенаправленных связей между литературой и сражающимся народом. Николай Тихонов назвал Ленинград лагерем, т. е. коллективом людей, не только живших общими интересами, перед которыми вынуждены были отступить индивидуальные привычки, но и существовавших в одинаковых повседневных условиях. Поэзия

¹⁰ Н. Тихонов. Избр. произв. в двух томах, т. 1. М., 1955, стр. 314, 315.

¹¹ О. Берггольц. Избр. произв. в двух томах, т. 1, стр. 117.

с ее огромной эмоциональной силой и способностью концентрированного выражения коллективных эмоций, естественно, вскоре заняла в Ленинграде главенствующее место.

В этой статье, не останавливаясь подробно на великом множестве стихов, рожденных блокадой, так как в основном они увидели свет на газетных страницах и о них идет речь в статьях, посвященных городским, армейским и фронтовым газетам, мы сосредоточиваем внимание лишь на крупных поэтических явлениях, т. е. в основном на поэмах.

Поэмы, написанные в Ленинграде («Киров с нами» Н. Тихонова, «Февральский дневник», «Ленинградская поэма» и «Памяти защитников» О. Берггольц, «Сердце Ленинграда» Вс. Азарова, «Крылья жизни» Л. Поповой, «Ночь накануне бессмертия» И. Авраменко, «Пулковский меридиан» В. Инбер, «Блокада» З. Шишовой, «Россия» А. Прокофьева и др.), во многом заменяли отсутствовавший тогда роман и немногочисленную повесть.

Некоторые из этих произведений имели принципиальное значение для развития всей советской поэзии, это относится прежде всего к поэмам Н. Тихонова, О. Берггольц, В. Инбер, А. Прокофьева.

«Киров с нами» Н. Тихонова, как и большинство поэтических и прозаических произведений тех лет, был написан по специальному газетному заказу: приближалась памятная для ленинградцев дата, кировский день, и поэту была заказана «Правдой» статья. Н. Тихонов руководил тогда группой писателей при Политуправлении Ленинградского фронта, публицистическая работа отнимала у него почти все время, но тема Кирова была ему близка и дорога, как и любому ленинградцу. Однако вместо предполагавшейся статьи он неожиданно даже для самого себя написал поэму. Впоследствии Н. Тихонов вспоминал, что поэма постепенно, но быстро складывалась в его воображении во время долгих пеших путешествий, обычно ночных, когда после долгой работы в Смольном он возвращался через весь город домой. Улицы, вспоминал Н. Тихонов, казались ему строфами некоей героической поэмы, и эти строфы, пронизанные мелодиями революционных питерских песен и гимнов, как бы шли ему навстречу, подсказывая мелодию непреклонного марша и сами образы, неизменно ассоциировавшиеся в его сознании с обликом Кирова. Значение этой поэмы заключалось прежде всего в том, что именно в ней раньше, чем в каких-либо других произведениях, упорно прозвучала мелодия победы. Это в обстановке тяжелейшей блокадной зимы, которая тогда только что начиналась, не было ни поэтическим своеволием, ни даже гиперболой, достаточно, впрочем, уместной в произведении такого романтического облика, каким явилась поэма Н. Тихонова. Мелодия победы, прозвучавшая в поэме «Киров с нами» зимой сорок первого года, как раз накануне начавшегося вскоре московского наступления, была подсказана логикой самой действительности. Поэт не преувеличил, кроме того, ее истинного звучания.

Его поэма была еще не словом о победе, но ее уверенным предчувствием.

Как и многие другие поэты той поры, автор «Кирова с нами» не ставил перед собой цели создать произведение в каком-либо определенном жанре: по его словам, поэма была «просто записью внутреннего состояния поэта-ленинградца, окруженного обстановкой, не позволявшей ни украшательства, ни лишних слов». ¹² Примерно так же создавала свои блокадные поэмы при всей индивидуальности своего почерка Ольга Берггольц: в ее произведениях детали блокадного быта крайне немногочисленны, а те, что вкраплены в «Февральский дневник» или в «Ленинградскую поэму», носят по преимуществу укрупненный, символический характер. Лирический монолог, господствующий в поэмах О. Берггольц, тоже представляет собой как бы запись внутреннего состояния. В поэме «Киров с нами», как и почти во всех поэмах блокадных лет, по существу нет ни сюжета, ни тем более фабулы, нет и объективированных характеров. Лица людей, в которых обычно Н. Тихонов улавливает кировско-питерские черты, появляются словно при свете мгновенно затухающего карманного фонарика, слышны лишь их шаги, город живет в молчании и мраке, и черное ноябрьское небо над ним разрезано лучами прожекторов. А. Толстой имел известное основание назвать тихоновскую поэму «песнью сквозь стиснутые зубы»; ¹³ впрочем, так же можно было бы сказать и о поэмах О. Берггольц, отчасти Вс. Азарова и З. Шишовой.

«Киров с нами» — романтическая поэма, вобравшая в себя некоторые черты ранних тихоновских баллад. Между тем некоторые исследователи склонны видеть в ней как бы некий литературный симбиоз поэмы, так сказать, обычного типа и сугубо документального очерка. Они основываются в своих выводах, во-первых, на том соображении, что поэма эта создавалась, как известно, одновременно, т. е. параллельно с большой очерковой работой, бывшей в то время главной для Н. Тихонова и поэтому, следовательно, неизбежно отразившейся в его поэме; во-вторых, на том наблюдении, что в поэме действительно есть своего рода графические зарисовки городского пейзажа; в-третьих, они полагают, что самый образ Кирова также решен очерковыми средствами, так как он будто бы лишен психологизма и пластики. Все же прав безусловно сам Н. Тихонов, объяснивший, что тогда, в ноябрьские дни, получив задание написать статью, он не смог написать о Кирове иначе, чем именно стихами, потому что «если уж говорить самым сокровенным, самым громким и правдивым голосом о том, что Киров среди нас ... то надо говорить

¹² Н. Тихонов. В дни ленинградской осады. — В кн.: Своим оружием. Л., 1961, стр. 52—53.

¹³ А. Н. Толстой. Полн. собр. соч. в 15 томах, т. 14. М., 1950, стр. 345.

об этом стихами».¹⁴ Почему? Потому что сама идея возвращения в город погибшего воеводы — это романтическая идея, и она попросту не могла быть решена средствами очерка или, скажем, в жанре тех «Ленинградских рассказов», к которым Н. Тихонов вскоре обратился. Киров, возникающий в строгих, графически четких и патетических строфах, полных внутреннего напряжения и страсти, походит в поэме на некое светоносное исполинское видение, встающее над городом: индивидуальные черты облика, естественно, были бы здесь излишни. Но то обстоятельство, что «романтическая идея» Кирова своеобразно персонифицировалась под пером поэта в обликах самых различных горожан, что она поэтически, как когда-то у Вл. Маяковского, рассредоточилась в кораблях, танках, улицах, зданиях и заводах, не позволило образу Кирова стать бесплотным: Киров как бы вырос из ощущения реального существования кировского дела, которое, будучи традицией революции, действительно бессмертно и неистребимо в долгих делах народа, в его борьбе за свою свободу и независимость. Строгая, почти фотографическая документальность отдельных строк, или, как думают некоторые исследователи, «очерковость», играет в тихоновской поэме определенную художественную роль, вполне согласующуюся с принципами романтического повествования, — она делает идею поэмы материальной, придает ей плоть, достоверность, жизненную аргументацию.

Самый тип тихоновской поэмы, где патетика соединилась с сокровенным высказыванием, принявшим форму свободного лирического монолога, а эпизодически появляющиеся герои почти полностью поглощены личностью автора, говорящего за них, от их лица, потому что в его представлении то общее, что объединило всех, бесконечно важнее индивидуальных различий, — самый тип такой поэмы, сугубо лирической, держащейся исключительно на самораскрытии и внутренней страсти, лишенной фабулы и конкретно-жизненных причинно-следственных связей, музыкальной по композиции, надолго привился в поэзии Великой Отечественной войны.

Поэма «Киров с нами», продолжая определенные традиции (главным образом романтические, и в частности балладные), оказалась новаторским произведением. Это проявилось как в изменении традиционной формы, подчинившейся новому огромному содержанию и потому пережившей вместе с ним, так и в широте авторского взгляда на события. Будучи лапидарной и подобно балладе концентрированно сжатой, как пружина, поэма в то же время существенно отличается от прежних баллад Н. Тихонова. Ранние тихоновские баллады запечатлевали обычно какой-либо один поступок или ситуацию. Теперь же, сохранив сжатость и сосредоточенность, он одновременно добился своеобразной психологической (в форме внутреннего монолога) развернутости. Резкая художе-

¹⁴ Н. Тихонов. В дни ленинградской осады, стр. 51.

ственная индивидуальность «Киров с нами» заключена, по-видимому, как раз в этом парадоксальном, но органичном соединении монологического принципа, конструктивно организующего всю вещь, с неожиданной полифоничностью ее звучания. Душа поэта вобрала в себя огромность эпических событий, впустила в себя множество голосов, людских движений и лиц, но поведала об этом в форме лирического признания, почти молчаливого в своей предельной человеческой открытости. Словом, здесь эпос перешел на язык лирики. Недаром Н. Тихонов говорил о поэзии военных лет, что «эпический отсвет невольно лег на многие поэтические произведения, потому что они родились как непосредственный отклик на происходящее и еще потому, что герой их — эпический герой».¹⁵

Н. Тихонов был свидетелем определенной военной ситуации, конкретного сражения за Ленинград, но весь предшествующий опыт страны, а также его собственная гражданская и писательская биография помогли ему выйти за пределы локального материала и конкретного газетного задания, чтобы написать произведение, где впервые в жанре поэмы была передана народность войны и неодолимость нашей победы. Последнее обстоятельство тесно связано и с традициями русской литературы — народной в своих устремлениях и вольнолюбивой. Если понимать традиции широко — как наследование коренных особенностей, свойственных духовному облику нации и запечатленных в ее культуре, то можно сказать, что поэма Н. Тихонова при всей ее резкой своеобразности глубоко родственна этим лучшим традициям. Самый облик поэта, живущего безраздельной жизнью с народом, его сосредоточенность, его собранность и готовность к жертвам — все это роднит поэму с большим миром предшествовавшей русской культуры.

«Киров с нами» является вместе с тем замечательным произведением и в другом смысле: поэма своим общим духом и своими конкретными художественными чертами подводила определенный итог художественным исканиям советской поэзии первого этапа войны. Она неотделима от времени, когда была создана, и потому при своем новаторстве и оригинальности многообразно связана не только с давними или близкими традициями, но и с ее тогдашним литературным окружением, в частности с поэзией лета—осени сорок первого года. Многие из того, что было свойственно тогда всем, присуще в этой поэме и Н. Тихонову. Он, например, как и многие приравнявшие с первых дней войны перо к штыку, не избегает в «Кирове с нами» столь распространенной тогда плакатности, агитационности и призывности, он (опять-таки, как и многие) не чуждается аллегоричности, тесно связанной у него с сугубо индивидуальными приемами обработки материала, и, наконец, поэт широко обращается к теме истории, чрезвычайно актуально звучащей в поэзии периода Великой Отечественной войны.

¹⁵ Н. Тихонов. Литература и война. — «Литература и искусство», 1944, 22 июня.

Итоговость и перспективность художественных достижений в поэме «Киров с нами» заключались, помимо сказанного, также и в том, что все элементы, зачастую существовавшие у многих поэтов начального периода войны в разрозненном, а иногда, когда дело касалось исторических ассоциаций и параллелей, в иллюстративном виде, — эти элементы оказались не только слиты в оригинальное художественное целое, но и объединены единым психологическим миром, представшим перед читателем в достаточно редкой для агитационно-плакатной поэзии первого полугодия интонационной непосредственности, исторической глубине и душевной сосредоточенности. Тот «внутренний монолог», о котором мы говорили, несомненно открывал в романтической форме серьезные перспективы в деле художественного познания духовного мира современника. К моменту появления тихоновского произведения советская поэзия лишь отчасти приближалась к этому рубежу.

Психологический мир воюющего современника был раскрыт Н. Тихоновым в сфере собственной души, собственных раздумий и переживаний (лирика у него господствует над иными формами восприятия и передачи), но ценно то, что важнейшая идея слиянности художника и народа прозвучала здесь не только декларативно, но вошла в плоть художественного произведения и организовала его внутреннюю структуру. Тут был ключ к дальнейшим поискам, направленным от собственной души и личного опыта к иным — многообразным — характерам и ситуациям.

Лирическое раскрытие эпических по своему характеру и масштабу тем, намеченное Н. Тихоновым в кировской поэме, стало присуще многим поэтическим произведениям периода блокады. Речь идет не о каком-либо прямом влиянии Н. Тихонова (его в каждом конкретном случае могло и не быть) — дело здесь, очевидно, в том, что чувство сопричастности индивидуальной судьбы и общей, личной и народной, чувство остро осознанное, не смутное, а отчетливое и горделивое, — это чувство выводило лирику на широкий простор эпических решений. Этим в первую очередь объясняется масштабность и успех лирических поэм Ольги Берггольц. Она говорила в своих стихах и поэмах о «самом обыкновенном, рядовом ленинградце», но в то же время это был рассказ о ее собственной жизни. Высокий душевный подъем («путь по вершинам»), испытанный в блокадную зиму Ольгой Берггольц и отразившийся в ее блокадных стихах и поэмах с большой искренностью и психологической достоверностью, был свойствен, разумеется, не ей одной. Ее переживания оказались общими с народным мироощущением. Уже одно то, что стихи ее находили живейший отклик у людей, стоявших на грани смерти, многое говорило и о стихах, и о поэтессе, и о людях, для которых они были написаны.

О. Берггольц сказала в одной из своих статей, что «только благородный народ ... может воевать со стихами на устах, запек-

шихся от зноя войны...». ¹⁶ Трехлетний поход ленинградцев к победе, начатый блокадой, все время сопровождался стихами. Еще в сентябре 1941 г. древний Джембул прислал в Ленинград свое знаменитое письмо:

Ленинградцы, дети мои!
Ленинградцы, гордость моя!

Письмо это было расклеено на стенах зданий рядом с военными приказами.

Вс. Вишневский писал в своем дневнике зимой сорок первого года: «Россия, любимая, все к ногам твоим! Иду с душой, очищенной от всего, — я весь только во времени, в истории, в воинственной поэзии...». ¹⁷

И если прав был А. Фадеев, сказавший, что квартира Н. Тихонова была «несокрушимой цитаделью поэзии и жизни», ¹⁸ то с наименьшим основанием можно отнести эти слова и ко всему Ленинграду.

Можно вспомнить, например, такие факты: к середине января сорок второго года ленинградские композиторы, из которых многие так и не дожили до весны, написали свыше четырехсот новых песен и маршей. Д. Шостакович, начавший писать свою Седьмую симфонию в Ленинграде, дал тем самым возможность оркестру Ленинградской филармонии исполнить ее 9 августа 1942 г. Ленинградские художники организовали две выставки своих работ зимой и летом того же 1942 г. Фронтовой ленинградский театр «Агитвзвод» под руководством Б. Бродянского выехал весной на фронт со своим тысячным спектаклем.

Что касается стихов, то они ежедневно печатались в газетах, передавались по радио. За годы блокады эти стихи, появлявшиеся сначала в газетах, на плакатах, звучавшие по радио, составили немало коллективных и индивидуальных книг. В Ленинграде вышли тогда книги Вс. Азарова («Ленинграду», 1942; «Балтийские баллады», 1942), М. Дудина («Военная Нева», 1943; «Костер на перекрестке», 1944; «Фляга», 1943), Л. Поповой («Крылья жизни», 1943; «Соколиный мир», 1944), Ю. Инге («Балтийские стихи», 1942), А. Гитовича («Фронтовые стихи», 1943), Н. Брауна («Военная весна», 1943), А. Прокофьева («За Родину», 1941; «Фронтовые стихи», 1943; «Атака», 1943; «Гармонь», 1943; «Россия», 1944); Вл. Лифшица («Миллион братьев», 1943; «Зарево над залвом», 1945; «Клятва», 1944), Б. Лихарева («Ярость», 1943), С. Бытового («Земля отцов», 1944), О. Берггольц («Ленинградская поэма», 1942; «Ленинградская тетрадь», 1942; «Ленинград»,

¹⁶ О. Берггольц. Ленинградский опыт. — «Октябрь», 1944, № 1—2, стр. 151.

¹⁷ Вс. Вишневский. Собр. соч. в пяти томах, т. 3. М., 1956, стр. 204.

¹⁸ А. Фадеев. За тридцать лет. Избранные статьи, речи и письма о литературе и искусстве. М., 1957, стр. 300.

1944; «Ленинградский дневник», 1944; «Твой путь», 1945), В. Саянова («Фронтовые стихи», 1941; «Повесть о Кульневеве», 1942; «Отечество героев», 1942; «Стихи о Лизе Чайкиной», 1942; «Повести о русских воинах», 1944), И. Авраменко («Родине присягаю», 1941; «Ночь накануне бессмертия», 1943), В. Шефнера («Защита», 1943), Вс. Рождественского («Голос Родины», 1943; «Ладога», 1945) и многие другие.

О большинстве этих стихов можно было бы сказать так, как сказал впоследствии о своих военных стихотворениях Сергей Орлов. Книгу «Третья скорость», вышедшую сразу после войны, он предварил словами:

Я порохом пропахнувшие строки
Из-под обстрела вынес на руках.¹⁹

«Стихи военного корреспондента» — так озаглавил свою итоговую военную книгу А. Гитович. Однако такими же «стихами военных корреспондентов» являлись по сути дела и произведения Вс. Рождественского, Б. Лихарева, М. Дудина, Н. Тихонова — любого из фронтовых поэтов. Более того — стихи, посвященные осажденному городу, так же мало отличались по своему жизненному материалу и даже тональности от «фронтовых», как мало отличался город-фронт Ленинград от своих передовых рубежей.

Обстрел вели с пяти сторон,
Был город странно молчаливым.
Звучал тупых ударов стон,
И черные вставали взрывы.

Повсюду, рядом, впереди,
Слепая смерть подстерегала,
Мне было некуда уйти,
Я встал за глыбой пьедестала.²⁰

Это — городская зарисовка из поэмы Вс. Азарова «Сердце Ленинграда», но это и зарисовка типичного военного быта.

Война, ставшая бытом, объединяла армию и горожан. Николай Браун писал:

Зверел мороз. Дома, как люди, зябли.
Свет не горел. Пошли лучины в ход.
И, отзвевев скупой последней каплей,
Отбормотав, застыл водопровод.

Гремели ведра, чайники, бидоны,
Везли на санках и в руках несли.
Порой снаряды, воя, пролетали, —
И обагрятся кровью снег зимы,

С утра хозяйки за водой студеной
К Неве, тропинки протоптав, брели.

Но не сдавались, бились, воевали, —
И выдержали, выстояли мы.²¹

Поэзия осажденного Ленинграда при всей своей патетичности была очень внимательна к конкретным деталям быта: она бережно подмечала и делала всеобщим достоянием малейшие доказательства жизнестойкости города, упорства и силы духа его жителей.

¹⁹ С. Орлов. Третья скорость. Л., 1946, стр. 6.

²⁰ Вс. Азаров. Солнце и море. Стихи. Л., 1963, стр. 17.

²¹ Н. Браун. Военная весна, стр. 6.

Вот стихотворение «Урок» Владимира Лифшица.

Обычный класс. Доска, и шкаф, и стол.
И, как всегда, стоит за партой парта.
И, свежeweымытый, сосною пахнет пол.
И на доске потрепанная карта.
Как зачарованный, сегодня класс притих.
Ведет наставница в извозчиьем тулупе
Воспитанников колпинских своих
Вслед за указкою — по знойной Гваделупе.
Но вот звонок звенит над головой,
И, заложив цветные промокашки,
Выходят школьники, чтоб поиграть в пятнашки
В двух километрах от передовой.²²

Это неустанное стремление поэзии отметить, зафиксировать, воспеть по возможности все, малые и большие, значительные и незаметные проявления жизни, ассоциировавшиеся тогда исключительно с победой, заставляло поэтов искать в личных поступках общее, а значит, соизмерять свой стих, свое поэтическое слово с наиболее высокими понятиями, категориями крупного социально-исторического плана. Эта особенность, продиктованная условиями жизни и борьбы Ленинграда, постоянно влекла ленинградскую поэзию к поискам широких форм, к выбору таких средств художественной изобразительности, которые оказывались близки к собственно эпической поэзии. Не случайно весьма распространенным в те годы оказался жанр баллады, как, впрочем, и во всей советской поэзии, особенно в начальный период войны. Такими были, например, многие баллады (названные автором «балтийскими») Вс. Азарова, многие стихотворения-баллады Л. Поповой, посвященные летчикам, баллады В. Саянова, «Баллада о черством куске» Вл. Лифшица, пользовавшаяся большой известностью из-за подлинной всеобщности чувства, выраженного в ней, и трогательно-драматического содержания. Да и вообще многие интимные темы (любви, разлуки) обычно были инструментованы лирикой в высоких гражданственных тонах, что, однако, не сообщало им ни ходульности, ни риторичности. У В. Шефнера, например, интимная тема любви-разлуки сконцентрировалась в образе Победы, о которой поэт написал с большой трагедийной силой:

Гневом дышит лик ее суровый,
Путь ее тревожен и далек, —
На ее чело венец терновый
Из колючей проволоки лег.

Все неотвратимей, все суровой
Воинов на бой она зовет,
И черны от пороха и крови
Руки, устремленные вперед.²³

Искусство Ленинграда вообще было очень чутким к мельчайшим, едва заметным подчас, проявлениям жизни и — на холсте, в слове, в музыке — бережно и подолгу ласкало их: кусочек голу-

²² Вл. Л и ф ш и ц. Миллион братьев. Стихи. Л., 1943, стр. 28—29.

²³ В. Ш е ф н е р. Защита. Л., 1943, стр. 3.

Талант Берггольц, это подмеченная у нее еще М. Горьким предельная личная искренность, не допускающая не только какой-либо фальши, но даже малейшей неточности в передаче душевных движений. Стихи и поэмы Ольги Берггольц в отличие от романтической патетики Н. Тихонова и многоцветной песенности А. Прокофьева обладали редким качеством доверительности: стихи становились как бы беседой с глазу на глаз, по душам. В одной из своих статей Ольга Берггольц писала о том времени: «Искусство взошло на общегородскую небывалую трибуну не только затем, чтобы митинговать, агитировать, призывать, — нет, кроме этого, оно еще и беседовало с согражданами — беседовало негромко, в полном смысле слова „по душам“, оно размышляло вслух над самыми простыми вопросами жизни, оно советовало, утешало, горевало и радовалось вместе с теми, кто ему внимал, проникало в их души тем путем, который известен лишь искусству».²⁷

Эти слова прежде всего относятся, разумеется, к самой поэтессе, открывшей в себе талант сердечного соучастия, сопереживания с сотнями тысяч своих сограждан посредством безыскусственного, решительно ничем не украшенного поэтического слова.

Надо сказать, кроме того, что, размышляя вслух над самыми простыми вопросами жизни (а они-то и оказались в блокаду самыми трудными), О. Берггольц всегда соотносила их с крупными, главным образом историко-революционными координатами. Характерно, что в блокадных стихах и поэмах у О. Берггольц обычно нет сколько-нибудь развернутых пейзажей, нет любования красками и их оттенками — в этом отношении она заметно отличается, пожалуй, от всех остальных художников блокадного времени. Ее стихи как бы вознесены на те «одинокие и нагие вершины», с которых видно лишь самое главное, всеобщее, историческое. И ее город предстает, как правило, в своих многочисленных и заботливо взятых ею на учет исторических символах и реликвиях. Для Берггольц чрезвычайно характерна обостренная историчность мышления и чувствования. Будучи лирическим поэтом, она относилась к блокадному быту почти как историк или, точнее говоря, постоянно имела в виду некоего будущего Историка, которому нужно помочь уже сегодня. Ведь

...дни придут,
и чьи-то руки пепел соберут
из наших нищих, бедственных времянок.
И с трепетом, почти смешным для нас,
снесут в музей, пронизанный огнями,
и под стекло положат, как алмаз,
невзрачный пепел, смешанный с гвоздями!
Седой хранитель будет объяснять

²⁷ О. Берггольц. Ленинградский опыт, стр. 151.

потомкам, приходящим изумляться:
— Вот это — след Великого Огня,
которым согревались ленинградцы.²⁸

Отсюда то особенное значение, которое она придает в своих поэмах — в «Февральском дневнике», в «Ленинградской поэме» — всему ею лично увиденному. Она стремилась сохранить, закрепить, спасти от забвения текущий блокадный день, чтобы люди будущего не только помнили свою историю, но и могли согреться у ее былого огня:

и, может, снова душу мир согреет
у нашего блокадного костра.²⁹

Стремление сохранить для памяти потомства неповторимое бытие блокады, постоянно присутствующий в произведениях О. Берггольц взгляд на блокаду из будущего придавали даже мелким, конкретным деталям быта в тогдашних ее стихах своеобразный характер торжественной символичности. Бумажные полоски на окнах, наивно наклеенные для сохранения стекол, —

неведенья беспомощные знаки,
зимы варфоломеевской кресты.³⁰

Пропуск для хождения по улицам в ночное время — тоже символ, своего рода знак великого ленинградского братства:

— Вот пропуск мой. Пожалуйста, проверьте.
Я здешняя, и этот город — мой.
У нас одно дыхание, дума, сердце...
Я здешняя, товарищ полевой.³¹

Иногда эта символичность деталей поднималась в ее стихах и поэмах до высокой трагедийной патетики. Вот, например, гвозди, которые, возможно, найдет будущий потомок-историк в пепле Великого Огня. Как узнать ему их происхождение? Ведь «дотла сгорела целая эпоха». И О. Берггольц рассказывает: то была

доска в гвоздях — как будто часть распятия,
большой обломок древнего креста.³²

Ее тащила женщина, ленинградка, несла с кладбища, от мертвых, чтобы согреть живых. Крест был тяжел, гвозди впивались ей в ладони, она изнемогала от усталости, но все же несла его, чтобы согреть живых и «ненадолго руки снять с гвоздей».³³

²⁸ О. Берггольц. Избр. произв. в двух томах, т. 1, стр. 164.

²⁹ Там же, стр. 165.

³⁰ Там же, стр. 161.

³¹ Там же, стр. 160.

³² Там же, стр. 163.

³³ Там же, стр. 164.

Что это? Блокадное видение Голгофы? Нет, так было — той зимой, «библейски грозной»... Пусть же поймет и оценит это будущий историк, когда в седом пепле блокады найдет он впоследствии несколько старых гвоздей. . .

Или — случай на Литейном, когда,

Трубу прорвав, подземная вода
однажды с воплем вырвалась из почвы
и поплыла, смерзаясь в глыбы льда.
Вода плыла, гремя и коченея,
и люди к стенам жались перед нею,
но вдруг один, устав пережить, —
наперерез пошел,

. по не прорвался,
а, сбит волной,
свалился на ходу,
и вмерз в поток,
и так лежать остался
здесь,
на Литейном,
видный всем, —
во льду.

А люди утром прорубь продолжили
невдалеке
и длинную чредой
к его прозрачной ледяной могиле
до марта приходили за водой.
Тому, кому пришлось когда-нибудь
ходить сюда, — не говори: «Забудь».³⁴

Это ведь тоже символ. «Прозрачная ледяная могила», ледяной мавзолей — символ бедствий и памяти. Для О. Берггольц в ее блокадной лирике это своего рода ключевой образ, который затем появится у нее в разных обличьях не однажды. Больше того — она даже отождествила себя с ним и, отождествив, сказала:

И ясно мне судьбы моей велье:
своим стихом на много лет вперед
я к твоему пригвождена виденью,
я вмерзла
в твой неповторимый лед.³⁵

В этом, как и во всех блокадных стихах О. Берггольц, не было ни малейшей позы. Ее символы, бросавшие на лирику эпический отсвет, носившие подчас торжественно-приподнятый, «библейский» характер, основывались, по ее словам, «на принципе предельного самораскрытия столько же, сколько на верности фактам блокадного бытия». Будучи верной фактам блокадного бытия, О. Берггольц придавала им значение реликвий, своего рода памятных знаков.

³⁴ Там же, стр. 191—192.

³⁵ О. Берггольц. Лирика, стр. 37.

смертные бунтарские преданья» — формировали ее сегодняшний облик так же, по ее мнению, как

первая ячейка комсомола
и первая влюбленность и семья.³⁸

Блокадные поэмы О. Берггольц являются не только волнующим документом блокады, сохранившим неповторимые черты того времени и верно передавшим мужественный дух ее сограждан, — они пережили то страшное время именно потому, что художник не замкнулся в рамках быта, отдельных подробностей и т. д., но подошел к блокадному дню с точки зрения крупных, общезначимых исторических координат.

Во многом сходными путями шла в работе над поэмой «Блокада» и Зинаида Шишова.

В отличие от О. Берггольц она несравненно более щедра на подробности, связанные со спецификой тогдашнего ленинградского бытия, но в то же время, подобно автору «Февральской поэмы» и «Ленинградского дневника», поэтесса стремится дать как бы общую панораму трагических событий.

Да, Ленинград остыл и обезлюдел,
И высятся пустые этажи,
Но мы умеем жить, хотим и будем,
Мы отстояли это право — жить.
Здесь трусов нет, здесь не должно быть робких,
И этот город тем непобедим.
Что мы за чечевичную похлебку
Достоинство свое не продадим.³⁹

Да, неоднократно повторяет поэтесса:

Наш мир сейчас определен блокадой,
Наш мир сейчас не больше Ленинграда.⁴⁰

но с тем большей настойчивостью она на протяжении всей поэмы расширяет этот мир Ленинграда и блокады, находя в городе немало примет славной революционной борьбы. Подобно Ольге Берггольц, оглядываясь на прошлое и соизмеряя его с настоящим днем, она пишет:

Мне с молодостью очень повезло,
Она вплотную с Октябрем совпала.⁴¹

Блокада осмысливается поэтессой как звено непрекращающейся истории. История не только вплотную приблизилась к жизни

³⁸ О. Берггольц. Лирика, стр. 111.

³⁹ З. Шишова. Блокада. Поэма. — В кн.: «Победа». Поэты о подвиге Ленинграда в Великой Отечественной войне. Л., 1970, стр. 514.

⁴⁰ Там же, стр. 515.

⁴¹ Там же, стр. 516.

любого человека, но и сам человек, с его подчас будничными заботами, с его каждодневной упорной борьбой за существование, входит в историю, как в «родной дом»:

А мы с тобой в историю войдем
Так запросто, как люди входят в дом.
Но дом особенный, но дом, в котором
Разворотило бомбой потолок,
Железные жгутом скрутило шторы,
Который больше выстоять не мог,
Но выстоял. Суровейшими днями,
Лютейшей ленинградской весной. . .
Войдем в историю, как входят в дом родной,
Как в мплый дом, оставленный врагами,
Как в отчий дом, отбитый у врага.⁴²

Личность и история, их взаимоотношения в роковой, экзаменующий час — вот что прежде всего занимает воображение поэтессы в «Блокаде». Это — давняя, пушкинская тема, тема всей русской литературы. Недаром в конце поэмы З. Шишова вспоминает пушкинский образ светлой Адмиралтейской иглы, гордо возносящейся над городом. В ее представлении борьба тех лет — одно из проявлений духовного богатства человеческой личности, неотделимой от своего государства, от своего общества: в этом, по ее мнению, и заключается непреложный закон победы, зримо встающей вокруг города на огненном блокадном кольце.

Особенностью большинства поэм, созданных в блокадном городе, является стремление точно, достоверно, подчас хронологически последовательно изобразить весь ход героической борьбы. По произведениям О. Берггольц можно проследить, например, все основные этапы жизни осажденного Ленинграда — от первых месяцев войны вплоть до победы. «Какова должна быть наша военная поэзия — вот первый вопрос, который следует выяснить», — размышляла Вера Инбер. Она полагала (и строго придерживалась этого принципа), что поэзия войны — и в особенности, может быть, именно Ленинграда — должна быть конкретной и точной. Ею владело то же стремление, что и Ольгой Берггольц, — оставить для потомства, для будущего историка эту священную минуту истории во всей неповторимости ее конкретного бытия и быта. «Она (поэзия, — А. П.), — говорила В. Инбер, — должна быть не только передатчиком, возбудителем эмоций, но и фиксатором событий. Она должна быть такой, чтобы наши будущие читатели (а надо думать и о них) не только ясно себе представляли, что мы чувствовали, но и знали бы, что именно происходило в нашей стране в эти дни. . .».⁴³

Можно сказать, что это стремление владело всеми поэтами блокадного Ленинграда, но они решали эту задачу по-разному.

⁴² Там же, стр. 519.

⁴³ В. Инбер. Разговор о поэзии. — «Литература и искусство», 1943, 28 августа.

Интересно с этой точки зрения посмотреть на поэмы, которые обычно принято называть «именными», «фронтowymi». Это произведения, широко распространенные в годы Великой Отечественной войны. Они строились обычно на строго документальной основе, были посвящены, как правило, конкретным героям и сосредоточивали свой сюжет на каком-либо героическом поступке, на исключительной по своему героизму ситуации. Поэты, работавшие в жанре этой полуочерковой, но пронизанной лиризмом поэзии, нередко ставили своей задачей не столько раскрыть характер, сколько выразить к нему свое взволнованное отношение, а также и просто как бы закрепить имя человека и его поступок в слове, на газетной полосе, заставить подражать ему и спасти от забвения. Таковы, например, поэмы «Слово о двадцати восьми гвардейцах» Н. Тихонова, «Крылья жизни» Л. Поповой, «Ночь накануне бессмертия» И. Авраменко, отчасти «Костер на перекрестке» М. Дудина, «Звезда Гречишника» Вс. Азарова и др.

М. И. Калинин писал в одной из своих статей тогдашнего времени: «Когда наши люди гибнут смертью храбрых, бойцы собственными руками сооружают на могиле героев скромные памятники. Просты эти памятники, проста и надпись на них. Но вряд ли хоть один художник вкладывает столько любви в свое произведение, сколько вкладывается бойцами в создаваемые ими усыпальницы павшим священной смертью храбрых».⁴⁴ Своего рода памятниками — героям и их подвигам — были и многие полуочерковые «именные» поэмы, не претендовавшие на художественное бессмертие, но стремившиеся закрепить в памяти людей имя героя. В поэме «Костер на перекрестке» М. Дудин писал:

Друзья мои, товарищи мои,
Для вас уже окончились бои.
Вы рассчитались полностью. Вы квиты.
Но совесть говорит мне: «Не туши
Горячий свет обугленной души».⁴⁵

Людмила Попова непосредственно обращалась к своему избранному герою-летчику:

Когда б могла взять на себя
хоть треть я
Тех мук...
Когда бы с твоего лица стереть я
Морщинки боли страшной той могла!⁴⁶

Илья Авраменко предпослал своей поэме своего рода корреспондентский репортаж, свидетельствующий о подлинности собы-

⁴⁴ Комсомол в боях за Родину. М., 1942, стр. 9.

⁴⁵ М. Дудин. Костер на перекрестке. Стихи. Л., 1944, стр. 10.

⁴⁶ Л. Попова. Крылья жизни. Поэма. Л., 1943, стр. 19.

тий, которые затем взволнованно-лирически описываются в «Ночи накануне бессмертия»:

«„Устоять или умереть!“ — таков был девиз доблестных советских богатырей. Во главе с командиром Петровым горстка бойцов, находившихся в эту ночь в боевом охранении, приняла неравный бой со 150 фашистами. И до последней капли крови, покуда в обоймах имелся хотя один патрон, дрались герои...».⁴⁷

Многие из подобных поэм не пережили своего времени, навсегда оставшись в подшивках старых фронтовых и армейских газет, но своеобразная, главным образом пропагандистская роль их в те годы была несомненно велика. Кроме того, полуочерковые, документальные поэмы при всех своих несовершенствах безусловно помогали общему развитию тогдашней поэзии, так как они давали возможность лирического проникновения в объективированные характеры, расширяя самые возможности лирической поэзии.

Л. Попова, рассказывая о воздушном бое эскадрильи Кóванева, о героической смерти стрелка-радиста Курьина, различными средствами стремится раздвинуть рамки боевого эпизода, легшего в основу поэмы, чтобы показать его как одно из звеньев в длинной цепи различных и разномасштабных военных событий. Особый — расширительный, символический — смысл придает она, например, последнему разговору смертельно раненого радиста Курьина с Землей.

— Слушай, Земля!

Говорит Курьин,
Не все мы придем домой!
Но двадцать фашистских
горит машин,
И лютый выигран бой.⁴⁸

Для радиста «Земля» в данной ситуации является конкретной точкой связи, для поэтессы эта связь служит одним из приемов символического обобщения.

И. Авраменко также описывает конкретный боевой эпизод — поединок девяти бойцов со 150 финскими шюцкоровцами. Изображение этого эпизода поэтически и психологически подготавливается поэтом во вступительных главах, где читатель знакомится с будущими героями поединка. Тимофей Худяков вспоминает о родной Сибири — перед читателем проплывают столь излюбленные и неоднократно воспетые Ильей Авраменко сибирские пейзажи; Степан Головченко вспоминает Украину; появляется Петров — он ленинградец, и поэт вкрапляет в его лирические воспоминания несколько характерных штришков ленинградского пейзажа. Так возникает образ большой Родины, а вместе с ним

⁴⁷ И. Авраменко. Ветер странствий. Стихи. Л., 1945, стр. 88.

⁴⁸ Л. Попова. Крылья жизни, стр. 13.

рождается поэтическая мысль о том, что за город на Неве дерется вся страна.

Велика, необъятна
у России земля,
в беспредельные дали
уплывают поля,

а лесам и дубравам —
аж конца не видать.
Все же некуда больше
ни на шаг отступить.⁴⁹

Однако очерковая скоропись, свойственная поэмам Л. Поповой и И. Авраменко, заметно сказалась на обрисовке героев обоих произведений, особенно в «Ночи накануне бессмертия». Худяков, Головченко и Петров у И. Авраменко не обрели той самостоятельности художественной жизни, а тем более пластичности и выразительности, которые дали бы нам возможность глубоко понять их характеры. И. Авраменко больше удались эпизоды, связанные с непосредственным боевым действием, например отражение атаки противника, что говорит о тесном родстве поэмы с навыками очерковой работы, чаще всего требовавшей от газетчика-корреспондента более или менее точных сведений о происшедшем событии и лишь самых необходимых, почти анкетных данных об участвовавших в нем людях. И. Авраменко отчасти скрадывает эти элементы явственно проступающего у него схематичного очеркизма некоторой приподнятостью всего рассказа, к сожалению, часто сбивающегося на высокопарность, эмоциональностью интонации и другими средствами, характерными чаще всего для лирической поэмы или лирико-публицистического стихотворения. Произведения Л. Поповой отличались несравненно большей лирической силой и психологической выразительностью.

Лирическое начало сильно ощущается в поэме М. Дудина «Костер на перекрестке», посвященной подвигу краснодонцев и сосредоточенной на образе Олега Кошевого. Самый факт обращения поэта к неленинградскому, неблокадному материалу свидетельствовал о расширении тем в работе ленинградских поэтов, о том, что самый круг тем и героев, в большинстве случаев очерченный блокадой, стал делаться распространеннее. Когда М. Дудин писал свою поэму, романа А. Фадеева «Молодая гвардия» еще не существовало, и он располагал лишь теми сведениями о подвиге молодогвардейцев, которые известны были всем по газетным публикациям. Поэтому М. Дудин, естественно, сразу же отказался от пересказа известных тогда фактов деятельности подпольной организации «Молодая гвардия», стремясь прежде всего поэтически осмыслить их общее значение. В подвиге краснодонцев он увидел выразительное проявление характерных черт, свойственных самому молодому поколению воюющего советского народа. Поколение молодогвардейцев дало М. Дудину возможность постоянного соотнесения молодых героев Краснодона со своими товарищами. Последнее обстоятельство и обусловило интензив-

⁴⁹ И. Авраменко. Ветер странствий, стр. 103—104.

ный, своего рода автобиографический лиризм всего произведения, пронизанный многочисленными ассоциациями с собственной жизнью, с судьбами своих друзей, скорбью об их ранней гибели. Отсюда — это гордое объединяющее «Мы», проходящее через всю поэму как символ кровного братства:

Огонь мечты неистребим и светел.
Мы прорастем, сквозь перегной и пепел,
К большому солнцу порослью большой.
Да будет мир! Я только бой приемлю.
Придут другие юноши на землю,
Богатыри и рыцари душой
Не меньше нас. Судьбы тяжелой бремя
Нас сделало мужчинами. Не время
Раздумывать. Не кончена война.
Она не ждет. Не замедляй с ответом,
Она меня крестила быть поэтом.⁵⁰

Образ Олега тем самым рождает в поэме «Костер на перекрестке» целую цепь широко расходящихся и взаимосвязанных ассоциаций. Они призваны поэтически объединить судьбу Олега и его поколения с общими судьбами страны и не только в ее настоящем, но также в прошлом и отчасти в будущем. Воинская русская доблесть, мужественная гражданственность и самоотреченность, сказавшиеся в делах юных героев Краснодона, ассоциативно связываются поэтом с великими традициями, уходящими к временам стрелы, меча и шпаги, в «горящие предместья Кингисеппа, на желтые херсонские пески», к редутам Березины и недавнего московского сражения. Возникает образ «большого поколения», точнее говоря, Истории и Народа. Критика военных лет отмечала, что повышенное чувство исторической связи с национальными героями прошлого пронизывает все творчество Дудина.⁵¹ Эта особенность поэтического мировосприятия, сказавшаяся во многих стихах поэта («Петр», «Суворов», «Кронштадт», «Волга» и др.), отчетливо выразилась и в поэме «Костер на перекрестке». Ощущение исторической устойчивости народа, непреклонности его поступи позволило поэту одному из первых выразить и поэтическое предчувствие близкого мирного дня. Поэма «Костер на перекрестке» с ее пафосом жизнелюбия уверенно пророчила близкую победу. Завтрашний мирный день, возникающий в ее эпилоге, протягивал живую связь времен — от войны к будущему послевоенному устройству мира.

Впрочем, эта особенность по-разному сказалась во многих поэмах. Ведь и О. Берггольц, думая об «историке», говорила о том же, и ее поэма-реквием «Памяти защитников», подобно поэме М. Дудина, также была пронизана острым ощущением завтрашней победы и тревожной думой о послевоенном мире.

⁵⁰ М. Дудин. Костер на перекрестке, стр. 32.

⁵¹ Т. Хмельницкая. Стихи Михаила Дудина. — «Звезда», 1944, № 3, стр. 202.

Идеей устойчивости национально-исторического бытия была одухотворена и поэма А. Прокофьева «Россия». Исследователи творчества поэта уже указали на многие особенности этого произведения, свидетельствующие, в частности, о ближайшем родстве ее с песенно-народной стихией, например с частушкой (П. Выходцев). Подробно прослежена и история создания «России» (в работах В. Бахтина, Дм. Молдавского и др.). Хорошо известно, например, что поэма, повествующая о минометном расчете знаменитых на Волховском фронте братьев Шумовых, построена на документальной основе.

Однако поэма А. Прокофьева, если рассматривать ее в общем контексте тогдашнего литературного развития, обнаруживает еще несколько примечательных качеств, свидетельствующих о том, что, будучи произведением глубоко оригинальным и, может быть, наиболее полно воплотившим в себе фольклорные черты, «Россия» многими своими особенностями обязана не только конкретно-злободневному времени, но и конкретным же потребностям литературного развития тех лет.

В частности, так называемая документальная основа «России» (конкретные герои и конкретные события из боевой жизни братьев Шумовых) несомненно связана, на наш взгляд, с теми «именными» поэмами, которые во множестве появились в 1942 г. и обеспечили определенный литературный опыт для перехода к произведениям более широкого и полифонического плана. Когда А. Прокофьев познакомился с необыкновенным минометным расчетом братьев Шумовых, его как журналиста и поэта сразу же поразила богатая художественная потенциальность этого факта. Он увидел в семье Шумовых как бы олицетворение России, а в их солдатском братстве (не фигуральном, а действительно кровном) — возможность поэтически проникновенно сказать о братстве солдат страны, о той кровной поруче, которая была свойственна воюющему народу.

Идея братства, выступившая под пером А. Прокофьева в своеобразном фольклорном обличье, вместе с тем связана у него с совершенно конкретной ситуацией. Особенность поэмы заключается в этом характерном для военного времени сочетании фольклорности с явно просвечивающими приемами газетно-оперативной поэзии. Это сочетание, выполненное с большим мастерством и вкусом, имеет в поэме множество подвижных граней: реальность переплетается в произведении с теми приемами народно-поэтического творчества, которые постоянно развигают конкретную ситуацию, положенную в основание «России», до широких, общенародных масштабов.

Усилия А. Прокофьева как создателя поэмы с обязывающим названием «Россия» все время сводились к тому, чтобы преступить границы собственно документального жанра, отойти от репортажности и очерковости. Поэтому, как правило, он бывает нарочито «невнимателен» к деталям биографий своих героев, окру-

жая их борьбу огромным сияющим миром пейзажно-песенной России.

Рассветало. Зимние, косые
По снегу лучи прошлись гурьбой,
За окном летела вдаль Россия
Со своей прекрасною судьбой.

Тяжелы земли родимой слезы,
Но рукой до радости подать.
Встали наши русские березы
Высоки, им далеко выдать.⁵²

.

Имея в виду это постоянное стремление А. Прокофьева к обобщенности своего повествования, критики писали, что господство авторского голоса, вбирающего в себя многозвучные голоса русских пейзажей, а заодно и голоса героев, что эта особенность говорит не только о воздействии приемов народно-поэтического творчества, но и о сильнейшем воздействии традиций романтической поэмы.⁵³ В связи с этим «Россия» сопоставлялась, например, с «Сыном» П. Антокольского. Сама мысль о романтическом начале в творчестве А. Прокофьева безусловно верна, но все же главенствующим элементом поэмы, организовавшим всю художественную структуру произведения, является народно-поэтическое творчество. Именно оно помогло поэту выйти из рамок документально-очеркового произведения и создать вещь широкого национального звучания. А. Прокофьев был в этом отношении не одинок: сходными путями шли, например, в создании своих поэм Л. Мартынов («Жар-цвет», «Сказ о Ферапонте Головатом» и др.), Б. Ручьев («Невидимка», «Красное солнышко»), А. Твардовский («Василий Теркин» и «Дом у дороги»).

С ходом литературного развития, шедшего в основном синхронно самой войне, все более и более выростала проблема, которая заключалась в необходимости совместить злободневность с крупномасштабностью, отзывчивость с широтой взгляда. Поэмы О. Берггольц, З. Шишовой, А. Прокофьева и др., созданные в осажденном Ленинграде, являлись частью общего литературного процесса. В них отчетливо проявилось стремление к историчности мышления, способность понять конкретные события войны в свете крупных социально-исторических координат. Н. Тихонов находил эти координаты в революционной истории, О. Берггольц обнаруживала их приметы в повседневной борьбе горожан, укрупняя их до степени высоких символов, А. Прокофьев обратился к русскому пейзажу, найдя в нем поэтическую опору для мысли о неколебимости национальной почвы.

Поиски синтетического изображения времени, стремление воплотить в поэзии величайший подвиг советского народа, творимый ежедневно и многообразно как на фронте, так и в тылу, ставляли поэтов, как мы видим, искать различные художествен-

⁵² «Звезда», 1943, № 5/6, стр. 12, 15.

⁵³ А. Абрамов. Богатство красок и голосов. — «Подъем», 1965, № 3, стр. 135.

ные решения. Поэма, в том числе и создававшаяся в Ленинграде, постоянно тяготела к своеобразной эличности, крупноформатности, обращаясь к коренным проблемам истории, стараясь вобрать в себя не только быт эпохи, многообразие судеб и душевных движений, но и объяснить ее в целом: в перспективе века, страны, революции. Внимание к философско-историческому содержанию эпохи свидетельствовало о росте советской поэзии, стремившейся ставить и разрешать наиболее значимые и глубокие вопросы своего времени. Интересна с этой точки зрения эволюция Веры Инбер как автора поэмы «Пулковский меридиан». Поэма создавалась более двух лет — с сентября 1941 по ноябрь 1943 г. За это время поэтесса не один раз меняла и композицию произведения, и его отдельные главы, и даже самый характер. Говоря о «Пулковском меридиане», исследователи обычно отмечают, как последовательно и целеустремленно освобождалась писательница от присущей ей книжной аллегоричности и отвлеченного философствования. Однако важно сказать о другом: поэтесса во многих местах своего произведения безусловно добивалась того, чего хотела, — ленинградская блокада с ее массовым героизмом простых граждан, с ее обнаженностью революционных идеалов поэтически ярко выступала в ее поэме как выражение духовной и политической сущности советского строя. Такие главы, как «Мы — гуманисты» и «Огонь», могут быть отнесены к наиболее заметным явлениям ораторской публицистической поэзии военных лет.

Преследуем единственную цель мы,
Все помыслы и чувства об одном:
Разить врага прямым, косоприцельным,
И лобовым, и фланговым огнем,
Чтобы очаг отчаянья и зла —
Проклятье гитлеризма — сжечь дотла.⁵⁴

Подобные строки, делающие честь советской поэзии, в то же время являются новой чертой в творчестве Веры Инбер, утверждавшей прежде, что пафосность чужда ее поэзии.

«Пулковский меридиан» в отличие от предшествующего творчества поэтессы написан с большим пафосом, во весь голос, с широкими ораторскими жестами, предполагающими массовую, дружественно настроенную и чутко откликающуюся аудиторию. «Во фронтовом городе, — писала Вера Инбер, — замкнутые грозным кольцом блокады читатель и поэт как бы остались наедине друг с другом. В этой единственной в мире обстановке они, как еще никогда, получили возможность прислушаться друг к другу. И никакие обстрелы, никакие бомбежки не были в состоянии воспрепятствовать этому».⁵⁵

⁵⁴ В. Инбер. Пулковский меридиан. М., 1944, стр. 23.

⁵⁵ В. Инбер. Боеспособность стиха. — «Литература и искусство», 1943, 3 апреля.

«Пулковский меридиан», с горячим интересом, по мере публикации отдельных глав, встречавшийся читателями, был высоко оценен ленинградской критикой того времени. «О борьбе великого города, — писал И. Груздев, — будут созданы песни и сказания, и эпос, и трагедия. Но мы, ленинградцы, можем гордиться, что уже сейчас, когда еще горячи раны, когда еще дымятся жилища, когда еще борьба в разгаре, что уже сейчас создана поэма не на час, не на день, а на будущее, точнее сказать, — и на наш день, и на будущее, и как наше оружие, и как память о нас в истории».⁵⁶

Многие особенности «Пулковского меридиана» обусловлены, по-видимому, тем, что он первоначально формировался как дневник, как своего рода летопись наподобие «Ленинградского года» Николая Тихонова. Сличение первых глав, в особенности в их начальных вариантах, с параллельно писавшимся тогда же прозаическим дневником («Почти три года») показывает, что поэма в сущности была сначала как бы стихотворным эквивалентом дневниковой прозы. Тут можно было бы привести много почти дословных совпадений, не говоря уже о тождественности деталей и отдельных переживаний, но дело не в этих вполне понятных совпадениях, а в том, что «Пулковский меридиан» далеко не сразу оторвался от своей фактографической дневниковой подпочвы. Вера Инбер, постоянно работая над поэмой, переписывая подчас целиком отдельные главы (например, пятую), целеустремленно освобождалась от мелочей, угрожавших ей ненужным бытовизмом, оставляла лишь самое характерное, выразительное, то, что при всей своей внешней «незначительности» заключало в себе, однако, как бы некий скрытый источник света, делающий более ясными даже удаленные от него фрагменты общей картины. В главе «Свет и тепло» она писала по этому поводу:

В системе фильтров есть такое сито —
Прозрачная стальная кисей,
Мельчайшее из всех. Вот так и я
Стараюсь удержать песчинки быта,
Чтобы в текучей памяти людской
Они б осели, как песок морской.⁵⁷

Это — декларация отбора, тщательного просеивания многообразных и пестрых фактов, предлагаемых действительностью, с точки зрения общего замысла, ведущей идеи книги.

Но главная трудность состояла в том, что Вера Инбер не сразу обрела саму эту общую идею. Начав писать поэму в самом начале блокады, она, естественно, не могла знать наперед всех ее перипетий и сроков. Поэма заканчивалась несколько раз, но затем, под влиянием новых событий, она опять и опять про-

⁵⁶ И. Груздев. Ленинградская поэма. — «Литература и искусство», 1943, 16 января.

⁵⁷ В. Инбер. Пулковский меридиан, стр. 13.

должалась, как продолжался, не останавливался и дневник, превратившийся затем в книгу «Почти три года». Отсюда эти попеременные рывки, бросавшие поэму из стороны в сторону, то в «бытово-личный» (Вс. Вишневский) дневник, то в декламационную аллегорию. «Пулковский меридиан» так и остался разно-стильным, его главы заметно отличаются друг от друга и по способу изображения действительности, и по интонации. Первая глава, например, написана в высоком стиле, с использованием традиционных ораторских фиоритур, она чужда быта и идет главным образом по самым высоким культурно-историческим ассоциациям. Во второй главе («Свет и тепло») — собственно блокада в ее жутком дистрофическом обличье. Она построена как разговор с самой собой в одну из тех бессонных, холодных и голодных блокадных ночей, когда все пережитое за день как бы пересматривается, подытоживается и кладется на некие точные весы. Это — одна из лучших глав в поэме. Ее интонация доверительна, проста, никаких ораторских приемов, все выполнено «в подробностях»:

На мне перчатки, валенки, две шубы
(Одна в ногах). На голове — платок;
Я из него устроила щиток,
Укрыла подбородок, нос и губы.
Зарылась в одеяло, как в сугроб.
Тепло, отлично. Только стынет лоб.⁵⁸

Затем идет глава «Огонь» — она сразу расширяет наши представления о Ленинграде, так как дополняет картину блокады зарисовкой Ленинградского фронта. Хотя и эта глава подвергалась переделкам, она и сейчас наименее удачная в поэме. Судя по всему, Вера Инбер стремилась объединить в ней достижения первой главы (высокий ораторский стиль и широту культурно-исторических ассоциаций) с присмами второй. Однако конкретных жизненных наблюдений, которые позволили бы ей художественно нарисовать жизнь фронта и связать ее с внутренним миром осажденного города сделать ей не удалось. Пятая строфа главы:

Ни шороха, ни звука, ни движенья.
Не покидает свой высокий пост
Луна, чье кольцевое окруженье
Истаивает под напором звезд.
И вдруг раскат. И ожил горизонт...
Товарищи, здесь Ленинградский фронт!⁵⁹

является единственной, посвященной фронту, и, конечно, никак не реализует первоначального намерения поэтессы объединить в одну картину горожанина и солдата. Почти вся глава посвящена воспоминанию о речи Сталина 7 ноября 1941 г. и его при-

⁵⁸ Там же, стр. 18.

⁵⁹ Там же.

казу — 23 февраля 1942 г. Естественно, что все строфы, отданные этим событиям, написаны в обычном для того времени одическо-гимническом стиле, который, по-видимому, мало подходил для возможного рассказа о людях фронта... В одном из выступлений 1943 г. Вера Инбер справедливо говорила о «недоброй инерции», которая порой развивается в нас «с быстротой сорных трав и побуждает писать о том, что нами уже освоено». ⁶⁰ Третья глава «Пулковского меридиана» в основном была разработана автором на уже освоенных риторико-декламационных путях.

Если говорить о наметившемся подъеме в сюжетном развитии поэмы, об усилении ее идейного звучания, то следует иметь в виду прежде всего главу «Год» и следующие за нею «Снова лето» и «Восстановление». Этот подъем продиктовала Вере Инбер сама ленинградская действительность, за которой ее поэма двигалась с точностью дневника. «Год» — это итоговые размышления о двенадцати месяцах блокады. Перенеся с неимоверными потерями голодную зиму, Ленинград тем самым уже мог чувствовать себя победителем. Правда, кольцо блокады было не прорвано, но из всех смертей, направленных на ленинградцев, самая страшная — голод — не угрожала. Поэтому четвертая глава, написанная осенью 1942 г., незадолго до прорыва блокады, строится на сопоставлениях с блокадной зимой 1941/42 г., которой, как мы знаем, была целиком посвящена вторая глава поэмы — «Свет и тепло». Эти две главы взаимно перекликаются друг с другом и цементируют всю поэму внутренней глубокой ассоциативной связью.

Да, хлеб... Бывало, хоть не подходи,
Дотронуться — и то бывало жутко.
Начнешь его и съешь без промежутка
Весь целиком. А день-то впереди!..
И все же днем ли, вечером, в ночи ли
Работали, учились и учили.⁶¹

Дважды повторенное здесь словечко «бывало» становится отныне характерным для поэмы. Внимательно изображая новые будни, В. Инбер то и дело оглядывается на прожитый славный и трагический год. Так сама действительность дала концовку сюжету поэмы, спаяв воедино все ее внешне разрозненные части.

«Пулковский меридиан» — значительное и яркое явление советской литературы. Вместе с тем он хорошо продемонстрировал те трудности, которые вставали тогда перед поэтами (разумеется, не только ленинградскими), бравшимися за произведения широкоформатного и обобщающего характера. Поэма Веры Инбер создавалась, как и многие большие вещи тех лет, одновременно с событиями, которым была посвящена. Именно таким образом были написаны, например, все лирические и очерковые поэмы

⁶⁰ В. Инбер. За много лет. М., 1964, стр. 413.

⁶¹ В. Инбер. Пулковский меридиан, стр. 26.

военных лет, так была создана «Зоя» Маргариты Алигер, «Сын» Павла Антокольского, блокадные поэмы Ольги Берггольд, поэмы Николая Тихонова, Михаила Светлова и большинство других. Лишь некоторые и, кстати говоря, очень немногие из поэз военного времени создавались по широко задуманному замыслу и в свете первоначально сложившейся творческой идеи. Значение «Пулковского меридиана» состояло и в том, что поэтесса попыталась сразу же, в процессе освоения материала и запечатления его в стихе, осмыслить действительность в крупных политических и философских категориях. Это, как мы видели, не всегда ей удавалось: вынужденная идти по ходу событий, которые, как им и полагалось, не считались с замыслом автора, она временами впадала в хронику и, желая избежать этого недостатка, приподнимала свое повествование с помощью достаточно общих аллегорий и едва ли не высренних символов. Однако главное — силу духа ленинградцев, противостоявших врагу, конкретные условия их быта и бытия — Вера Инбер передала с большой точностью и подлинно поэтической одухотворенностью.

Как видим, создатели ленинградских поэз шли в своих поисках и свершениях от общесуммарного изображения войны и блокады, осуществлявшегося средствами плакатно-агитационной поэзии («Война началась» Ю. Инге), от очерковости (поэмы Л. Поповой, И. Авраменко и др.) к изображению личности воюющего современника, его внутреннего мира (например, в произведениях Вс. Азарова и других), к своеобразному панорамированию блокады и войны в целом (О. Берггольд, В. Инбер). Принципиальное значение для этих поисков имела первая поэма, появившаяся в годы начавшейся блокады, — «Киров с нами» Николая Тихонова. В ней были заложены многие особенности всего последующего развития этого жанра, в частности идея преемственности революционных традиций, преломленная через автобиографический опыт. Н. Тихонов, построивший свою поэму на внутреннем монологе, проложил пути как для лирической поэмы, в которой первенствующую роль играет личность автора и интонация героя-повествователя, так и для произведений более широкого плана, поскольку в его произведении впервые осажденный Ленинград был показан как своеобразный лагерь-остров, отрезанный от страны, но продолжающий жить и сражаться по ее законам, обычаям и привычкам. О. Берггольд развила этот мотив дальше: ее поэмы явились голосом — конкретным, будничным, но внутренне патетическим — того лагеря-острова, который был социально и психологически осмыслен Н. Тихоновым. Значение работы Вс. Азарова («Сердце Ленинграда» и др.), Л. Поповой, И. Авраменко, В. Заводчикова и других заключалось в том, что они внесли в поэзию необходимый элемент соединенности конкретного факта (очерковости) с фрагментарными прорывами к эпичности. Произведения М. Дудина («Костер на перекрестке» и др.) примыкают именно к этой сфере поэтических поисков, значение его труда

в годы блокады заключалось в обостренной историчности восприятия всего окружающего, что опосредованно, но достаточно отчетливо налагало на его романтико-лирические поэмы отсвет известной эпичности. В. Инбер создала в своем роде уникальный поэтический документ, говорящий языком автора, приверженного к деталям, быту и штриху, о величайшей победе человеческого духа, одержанной в кольце ленинградской блокады.

Поэтический эпос блокады слагался коллективными усилиями, отразившими усилия всей советской поэзии. В. Инбер права, когда в одном из своих выступлений сказала, что «опыт ленинградских поэтов должен быть учтен. Он добыт в боях, проверен огнем, он прошел через тяжелые испытания. Он апробирован самой жизнью...».⁶²

К этим словам следует добавить, что поэзия Ленинграда, создававшаяся в кольце блокады, свободно — и наперекор врагу — переступала через блокадное кольцо, разговаривая со страной и народом точно так же, как и вся советская поэзия, неотъемлемой частью которой она оставалась в самых трудных испытаниях блокады.

⁶² В. Инбер. Боеспособность стиха. — «Литература и искусство», 1943, 3 апреля.

ЖАНРЫ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ

1

В августовские дни 1941 г. воззвания Военного совета Ленинградского фронта предупреждали: «Враг у ворот». На фальшивых фотоснимках в фашистских газетах, что выходили на оккупированной территории Ленинградской области, эсесовские посты «уже» красовались у Гостиного двора...

А ленинградское радио — вся страна, затаив дыхание, ловила его голос — утверждало: «Мы непобедимы».

С наступлением зимы блокированный город ощутил крайнюю нужду в самом необходимом — питании, топливе, воде. Однако, вспоминает Н. Тихонов, в первую блокадную зиму он как писатель испытывал «странное двойное чувство»: «Город, казалось, умирал... Но вместе с тем... как будто родилось, как у спортсмена, второе дыхание, и можно двигаться, жить, работать, и уже ничто не страшно».¹ В своем блокадном дневнике В. Вишневский записал: «Нет слов, нет сил передать все страдания города».² А некоторое время спустя: «Жизнь вечна! Она упорна до невероятия!».³

Английский журналист Александр Верт на встрече с представителями ленинградской интеллигенции после прорыва блокады просил ответить на один главный вопрос: «Как мог выстоять Ленинград?».⁴ Вопрос этот полон смысла и для ныне живущего поколения, для которого блокада — уже история, и лучше всего, быть может, на него отвечает именно ленинградская литература блокадной поры. Типичен рассказ Н. Тихонова «Старый военный» (1941).

« — Старик протянет недолго, — говорили жильцы в квартире. ... В это знаменитое утро женщины, разводившие примусы в своих комнатах, и дочь старого военного услышали странные звуки. В комнате старика звенела пила, потом застучал топор, потом послышалась песня... »

¹ Н. Тихонов. В дни ленинградской осады. — В кн.: Своим оружием. М., 1961, стр. 51.

² В. Вишневский. Собр. соч. в пяти томах, т. 3. М., 1956, стр. 267.

³ Там же, стр. 415.

⁴ Как мог выстоять Ленинград. Беседа английского журналиста Александра Верта с представителями интеллигенции Ленинграда. — В кн.: Подвиг Ленинграда. Документально-художественный сборник. М., 1960, стр. 529.

Все знали, что старик лежит под своим ветхим одеялом, тихий, обескураженный, слабый.

Дочь подошла к двери и ... увидела, что ее древний, больной отец пилит какую-то доску и поет ... и глаза его сияли ... он был величественен, как патриарх.

— Что с тобой, отец? — с испугом спросила дочь. — Почему ты встал?

Он посмотрел на нее и сказал медленно ясным и громким голосом:

... — Ты не слышала, ты не слышала!.. Немцев разбили под Москвой — наголову, в дым, вдрызг... Я не мог больше лежать... Я вскочил, чтобы закричать: Да здравствует победа! Ведь это нельзя кричать лежа, понимаешь, дочка!».⁵

Этого нельзя было придумать. Да и не нужно: в каждом доме, на каждой улице можно было найти примеры той духовной силы, которая сотворила ленинградское чудо, непостижимое и для врага, и для западных союзников. «Физические силы таяли, а духовная жизнь была напряженной и страстной, — вспомнит через много лет В. Кетлинская, — она поднимала в истощенном организме какие-то неведомые, почти невероятные резервы сил и выносливости».⁶ Художественное слово было одним из выразителей, одним из главных возбудителей и организаторов этой духовной жизни. И, что очень важно, писательское слово помогало ленинградцам приобщаться к тому *чувству единой семьи*, которое дало силы выстоять беспримерные девятьсот дней. О нем писал В. Вишневский в своем блокадном дневнике: «Пожалуй, нет „частной жалости“, — есть одна общая боль...».⁷ О нем вспомнит много лет спустя Н. Тихонов: «Люди, населявшие Ленинград, превратились в одну семью, в один небывалый коллектив».⁸ «Я заметил эту черту, характерную для подавляющего числа ленинградцев, переживших блокадную зиму, — писал по живым впечатлениям А. Фадеев, — ощущение города, как своего единого большого дома, и всех ленинградцев, как единой большой семьи, прошедшей через общие для всех тяжелые испытания... И когда ленинградец рассказывает о перенесенных им испытаниях, он всегда говорит как представитель этой удивительной крепкой семьи и как хозяин этого удивительного дома».⁹

Известный на Ленинградском фронте командир снайперской роты Георгий Панков рассказал писателю П. Лукницкому, как молодой летчик-истребитель Колютов, получавший вместе с ним боевой орден, умышленно подставлял себя под пули остервенелых

⁵ Н. Тихонов. Ленинградские рассказы и стихи. Ташкент, 1942, стр. 33—34.

⁶ В. Кетлинская. Испытание душ. — «Нева», 1965, № 5, стр. 51.

⁷ В. Вишневский. Собр. соч. в пяти томах, т. 3, стр. 316.

⁸ Н. Тихонов. В дни ленинградской осады, стр. 51.

⁹ А. Фадеев. Ленинград в дни блокады. (Из дневника). М., 1944, стр. 14—15.

«хейнкелей», чтобы дать оторваться транспортным «дугласам» с ленинградскими женщинами и детьми, и что он следит теперь за ним, как за родным братом. Не в том только дело, что на одном из «дугласов» эвакуировались жена и сын Панкова. В самопожертвовании летчика Панков ощутил ту самую частицу общей боли и общего героизма ленинградцев, которая сделала их обоих настоящими солдатами и настоящими людьми. Ведь вместе с женой Панкова летчик Колютов спасал их сына-приемыша. Мать мальчика погибла у Панкова на глазах. Все они теперь связаны родством. «Теперь, — говорил Панков, — каждый замученный фашистами мне так близок, будто он и я — одно существо, будто это рвет на части меня самого...».¹⁰ «До войны я не понимал этого».¹¹

Вот это чувство единой семьи и явилось ключевым мотивом творчества ленинградских писателей в годы блокады. Характерный для ленинградской прозы, этот мотив связывал ее и со всей советской литературой военного времени, проникнутой пафосом социальной и национальной общности советского народа перед лицом нашествия.

2

Война сразу заставила советских писателей заняться журналистикой, и ленинградцы не были исключением. Уже в первые недели и месяцы войны с очерками и статьями, зарисовками и небольшими «газетными» рассказами выступили Г. Алексин, А. Бартэн, О. Берггольц, Л. Борисов, А. Бродская, А. Голубева, К. Ванин, Л. Вайсенберг, И. Виноградов, И. Груздев, М. Жестев, М. Зоценко, В. Инбер, В. Каверин, С. Кара-Дэмур, Е. Катерли, И. Кратт, А. Крон, В. Кукушкин, Е. Лаганский, Н. Никитин, Д. Остров, В. Пошехонов, Л. Раковский, А. Розен, В. Саянов, М. Слонимский, В. Тоболяков, Е. Федоров, С. Хмельницкий, Е. Шварц, В. Шишков и многие другие. Военная работа ленинградских прозаиков была необычайно многообразной. Они писали для центральных газет и для маленькой «дивизионки», создавали листовки и подписи к «Боевому карандашу», тексты радиопередач и очерки о подвигах воинов. Даже обработка текущей информации, которая стала на первых порах главной задачей, часто вела к обобщениям, ибо в условиях Ленинграда многие будничные явления войны обретали символический смысл. Например, то, что в самые трагические первые дни войны Краснознаменный Балтийский флот во всеоружии встретил нападение Германии, а его летчики нанесли ответный удар по Берлину (об этом рассказывал очерк С. Варшавского и Б. Реста «Над Берлином», 1941), вселяло в ленинградцев уверенность и гордость, поддерживавшую их во время блокады. Ленинградские писатели одними из первых

¹⁰ П. Лукницкий. Сила победы. Повесть. — «Знамя», 1943, № 1, стр. 108.

¹¹ Там же, стр. 103.

сообщили о случаях перелета вражеских летчиков на нашу сторону и зафиксировали ряд других фактов, с самого начала предвещавших бесславный ряд других фактов, с самого начала предвещавших бесславный конец «непобедимой» гитлеровской военной машины.

Правда, в иных случаях делались поспешные, неоправданные выводы. Зарисовка М. Слонимского «Шлимм» (1941) создавала впечатление, будто обманутые немецкие рабочие в солдатских мундирах моментально прозревают, едва соприкоснувшись с советской действительностью.¹² Но в целом писательские зарисовки военных будней правильно ориентировали защитников Ленинграда на то, что борьба с сильным и безжалостным врагом потребует напряжения всех сил и что единственным ответом «небесным рыцарям», пикирующим на переполненные детьми железнодорожные станции, должна быть беспощадная ненависть. Журналистская деятельность ленинградских писателей немало способствовала тому, чтобы развеять имевшее место в первые недели войны благодушие. На эту тему писали Н. Тихонов, Б. Лавренев, В. Кетлинская, Е. Катерли и др. Вместе с тем уже тогда ленинградские писатели выражали надежду, что немецкий народ очнется от нацистского наваждения.¹³

В своей оперативной работе писатели-беллетристы не только накапливали необходимый опыт, сказавшийся затем в рассказах, повестях и романах. Сотрудничество писателей на радио и в военных газетах поднимало литературный уровень повседневной журналистики. Грозовой осенью и зимой 1941/42 г. рассказ сжимался до коротенькой зарисовки и перенимал газетный слог и публицистическую интонацию. Даже повесть, которая появится позднее (П. Лукницкий, А. Розен, Г. Соловьев), обнаружит черты очерклизма. В «Домике магистра» (1943) В. Глиники сюжет из гражданской войны получит обрамление в виде блокадных эпизодов, которые придадут повествованию историческую перспективу и в то же время актуальность и публицистический оттенок.

С другой стороны, очерки и другие газетные публикации с весны 1942 г. (а в иных случаях и раньше) заметно беллетризуются. В некоторых случаях это можно проследить, сравнив разные редакции одного и того же произведения. В исторической заметке А. Беляева «Лапотный Муций Сцевола», опубликованной в одном из первых военных номеров журнала «Ленинград», описывалось предание времен Отечественной войны 1812 г. Наполеон пытался пополнить свою армию ренегатами из русских, но таковых не нашлось. Один из завербованных крестьян, узнав, что означает поставленное на руку клеймо, отрубил свою руку и бросил к ногам французов: «— Нате вам ваше клеймо!». ¹⁴ В дру-

¹² В кн.: Родина зовет. Сборник ленинградских писателей, № 2. Л., 1941.

¹³ См., например, упоминавшийся очерк Б. Лавренева «У обломков фашистского самолета».

¹⁴ «Ленинград», 1941, № 18, стр. 7.

гой версии заметки, названной «Российский Муций Сцевола», помещенной в сборнике «Родина зовет»,¹⁵ этот случай не просто излагался, но разворачивался в маленький сюжет, со всеми компонентами художественного очерка. Публицистический и беллетристический варианты отделены друг от друга какими-нибудь неделями. Л. Успенский построил свой большой репортаж об освобождении Шлиссельбурга «Три часа пятнадцать минут» (1943) на исторических отступлениях и лирико-патетической интонации. Напечатанный годом раньше очерк В. Попехонова «Десятая сотня» разработанностью сюжета и тенденцией к психологизму приближался к повести.

Взаимодействие беллетристики с журналистикой проявлялось иногда в необычных формах. Исторический очерк В. Шишкова «Народная война 1812 года» (1942) образностью языка примыкал к беллетристическим жанрам, а прямым сопоставлением подвига дедов с самопожертвованием современных Сусаниных — к публицистическому выступлению. Литературовед И. Груздев раскрывал тему своей публицистической статьи «О героической молодежи Ленинграда» (1943) обширной цитацией из горьковского рассказа «Мечь». Полковник М. Люшковский в статье «Дисциплина русских воинов» (1943), проводя исторические параллели, обращался к народному анекдоту о «птенцах гнезда Петрова».

Беллетристика постепенно вторгалась даже в информационные материалы. Журнал «Ленинград» давал, например, в записи профессиональных литераторов (Н. Чуковский, П. Ойфа, И. Виноградов, А. Сапаров и др.) действительные рассказы фронтовиков-очевидцев. Со временем под рубрикой «Рассказы фронтовиков», «Из записной книжки» появляются оригинальные миниатюры, подчас настоящие художественные произведения, ценные не столько специальным военным опытом, сколько духовным и нравственным, например «Степная родина горца» (1943) С. Кара-Дэмура — рассказ-очерк о солдатском братстве русского и кавказца.

«Публицистически-очерковый» период у ленинградских прозаиков был очень коротким. Взаимодействие беллетристики с публицистикой было столь тесным, что для ленинградской блокадной прозы, вероятно, следует пересмотреть распространенное мнение, будто во время войны публицистика обладала безраздельным преимуществом. Бесспорно, конечно, что, как говорил И. Эренбург, во время войны многие писатели не могли себе позволить «сесть за роман, как ни хотелось бы ... написать роман о враге, — без черных и белых красок, „единственно запрещенных в искусстве!“».¹⁶ Однако вывод, который делал И. Эренбург, «что ежели бы он и решил давать вместо каждодневных своих агитационных статей одно, два произведения в месяц, но значительно более худо-

¹⁵ Родина зовет. Сборник ленинградских писателей, № 2.

¹⁶ См. в кн.: П. Лукницкий. Ленинград действует... Фронтной дневник. Кн. 3. М., 1971, стр. 33.

жественных, то воздействие последних на читателя было бы меньше, нежели воздействие, оказываемое сейчас теми статьями, которые он дает»,¹⁷ не содержал какого-то общего правила. Дневники В. Вишневого и письма Н. Тихонова из блокированного Ленинграда свидетельствуют, что обоих неудержимо влекло к беллетристике и они только сожалели, что военно-политическая и журналистская работа оставляли для нее слишком мало возможностей. Тем не менее после первой блокадной зимы появились замечательные «Ленинградские рассказы» Н. Тихонова, и вряд ли они имели меньшее воздействие на читателя, чем статьи и очерки, — об этом свидетельствуют многочисленные отклики фронтиков.¹⁸ То же можно сказать и о других произведениях ленинградских прозаиков.

Что касается преимущественного воздействия публицистики, то здесь многое зависело от употребления пресловутых «черных и белых» красок. В блокадном дневнике В. Вишневого останавливает внимание такая запись: «Говорил (с офицерами, — А. Б.) о противнике прямо: это не „вшивые фрицы“. Я в эти фельетоны (тут, при всем моем уважении, и Эренбург) и „раешники“ не верю, я все-таки воевал».¹⁹

В целом публицистическая установка имела положительное значение — она граждански заостряла беллетристику, помогала писателю в самых разных жанрах найти простой и лаконичный «военный» стиль. Но ложное упрощение не способствовало правдивому изображению советского человека на войне. В очерке С. Варшавского и Б. Реста «Дружба закаляется в боях. Рассказы о том, как летчики Монахов и Князев истребляют фашистских гадов» (1941) общие слова о том, что защитники Ленинграда «показывают образцы взаимной поддержки и взаимной выручки, примеры боевого взаимодействия. И это обеспечивает им победу...»,²⁰ слабо раскрывали обозначенную в заголовке тему. В очерке Г. Мирошниченко «Гвардейцы Балтики бомбардируют» (1943) гиперболизация («Крепкий, грузный... Легких целей такому летчику командование не дает»)²¹ граничила с каким-то бахвальством («В случае вынужденной посадки ... я могу притащить на себе свой бомбардировщик»)²² и создавала впечатление, будто гвардейцы-летчики «громят врага наверняка» благодаря своей сверхчеловеческой силе и выносливости. Мол, «люди, подвешивающие бомбы, устали. Самолеты (!) устали. А летчики и штурманы гнали от себя прочь всякую усталость...».²³

¹⁷ Там же.

¹⁸ См., например: Писатели в Отечественной войне. М., 1946, стр. 46 и др.

¹⁹ В. Вишневикий. Собр. соч. в пяти томах, т. 3, стр. 440.

²⁰ «Ленинград», 1941, № 17, стр. 11.

²¹ «Звезда», 1943, № 2, стр. 47.

²² Там же, стр. 48.

²³ Там же.

Между тем, например, из фронтовых очерков В. Саянова можно было узнать, что летчики «никогда не хвастают своими успехами»,²⁴ а из «Рассказов летчиков» (1942; главка «Остающиеся на земле»), записанных Н. Чуковским на Ленинградском фронте, — что сами летчики высоко ценили ратный труд своих «технарей». Т. е. речь идет не об отдельных неудачных фразах, а о той грани, на которой ложная публицистичность переходила в поверхностное изображательство. Литературная критика, терпимая к неизбежной в блокадных условиях шероховатости писательского слова, не оставляла тем не менее без внимания попыток вообще пренебречь художественной формой. Рецензент «Звезды» отрицательно оценил очерк Г. Мирошниченко «Гвардии полковник Преображенский» (1943),²⁵ указав на беспорядочное нагромождение документов и необработанных записей, на бесцветный язык и неудавшийся портрет главного героя.

Заметным изъяном произведений о блокаде была бессодержательная литературщина. Резкое возражение вызвала детективная повесть Н. Чуковского «Девять братьев» (1944) о неправдоподобных похождениях мальчика Павлика, разыскивающего немецкого шпиона-ракетчика. В рецензии А. Прокофьев писал, что к такой теме, как героика Ленинграда, недопустимо подходить столь безответственно.²⁶ В начальный период блокады реальное изображение войны иногда подменялось книжным вымыслом. Основную часть рассказа В. Каверина «Трое» о морских летчиках составляли «подробности», которые можно найти в любой приключенческой повести о кораблекрушениях. Даже шуточные сентенции вроде: «— Если вы переутомлены, лучше не летайте, пока не отдохнете!»²⁷ писатель предпочел почему-то позаимствовать из популярной американской книги для летчиков-любителей «Ваши крылья», незадолго до войны выпущенной Детгизом. Беллетристика увенчана «публицистической» концовкой: «В чем источник этой стойкости, этого мужества? В негибаемой силе народа».²⁸ Впечатление книжной выдуманности производят и рассказы В. Каверина «Из дневника танкиста» и С. Леонова «Сердца отважных», напечатанные в сборнике «Родина зовет» (1941, № 2): поверхностно-занимательный сюжет, условные персонажи, «красивая» война «малой кровью» и т. д. А в помещенном рядом в том же сборнике рассказе-очерке И. Кратта «Переправа» полковник с пулеметом в руках сам вел красноармейцев в атаку, а старик-комиссар собственноручно подрывал фашистский танк.

²⁴ В. Саянов. В боях за Ленинград. Записки военного корреспондента. Л., 1943, стр. 189.

²⁵ Т. Трифонова. Г. Мирошниченко. Гвардии полковник Преображенский. Л., 1943. [Рец.]. — «Звезда», 1944, № 5/6, стр. 137—138.

²⁶ «Звезда», 1944, № 5/6, стр. 138—139.

²⁷ В кн.: Флот в боях за Родину. Литературно-художественный сборник. М., 1942, стр. 127.

²⁸ Там же, стр. 128.

И хотя такому показу войны явно недоставало анализа, оно было бесспорно выше умозрительного изображательства.

Подлинная публицистичность заключалась в конечном счете не в привнесении в художественную прозу газетной фразеологии и «лобовых» оценок людей и событий, но прежде всего в отборе таких фактов, эпизодов, явлений, которые действительно отображали бы характерное для текущего дня войны. Увидеть их в первые недели войны было не так-то просто. Очерк С. Варшавского и Б. Реста «Над Берлином» рассказывал, например, о славном ответном ударе, в котором балтийские бомбардировщики не понесли никаких потерь. Сработал фактор внезапности. Налет был настолько неожиданным, что на немецких аэродромах зажигались огни, приглашая на посадку: «Несомненно, это заблудилась зеленая молодежь с „Юнкерсов“». ²⁹ Самоуверенным гитлеровцам и в голову не приходило, что «уничтоженная» советская авиация дерзнет появиться в немецком небе. Впоследствии на Германию обрушались куда более мощные воздушные удары, но тот налет произвел большую моральный эффект — не зря гитлеровская пропаганда, сообщали авторы, поспешила отнести его на счет англичан. Ленинградский читатель увидел из очерка С. Варшавского и Б. Реста, что защитники города не только стойко обороняются, но и успешно переходят в наступление.

3

Взаимодействие литературных жанров и видоизменение их функций во многом зависели от конкретной обстановки, от психологической атмосферы, формировавшей читательские запросы. Если в самые тяжелые дни и недели блокады листовка, как справедливо говорил Н. Тихонов, была подчас нужнее рассказа и поэмы, то в другие периоды очерк и даже рассказ успешно выполняли роль информационно-пропагандистского материала. Так воспринимались, например, даже за пределами Ленинграда, блокадные рассказы Н. Тихонова. Так воспринимались и очерки В. Саянова. Очерк «Старший лейтенант Маргулис» обошел многие фронтовые газеты, его читали перед строем в батальонах и ротах, изучали на политзанятиях. ³⁰ Иные из очерков В. Саянова были изданы брошюрами. Такие брошюры, распространявшие тактический боевой опыт, числили на своем «боевом счету» многие ленинградские прозаики. «Уроки двух боев роты», «Артиллеристы-гвардейцы», «Боевая памятка» (выпущены отдельными изданиями в 1942 г.) в беллетристической форме давали ценный военно-инструктивный материал молодым солдатам и офицерам. Автор известного романа о русских авиаторах глубоко изучал

²⁹ Там же, стр. 133.

³⁰ См.: Ф. Васильев. В. Саянов. На полях Ленинградской битвы. Изд. 2-е. Л., 1945. [Рец.]. — «Ленинград», 1946, № 7/8, стр. 24.

военное искусство и саперов, и пехотинцев, и пограничников. Простота слога, сочетание образной и деловой прозы, разнообразие повествовательной формы (рассказ от первого лица и объективное описание от автора, прямая речь героев и вмонтированные в рассказы и очерки письма и т. д.) придали военной журналистике В. Саянова высокую литературную действенность.

В книге «В боях за Ленинград» не только зафиксированы важнейшие события обороны, но и отображены этапы духовного мужания защитников города.

Публицистика и беллетристика при всей тесной их взаимосвязи ориентировались на разные сферы жизни и в этом смысле были незаменимы каждая по-своему. Публицистические жанры агитационно открыто, даже плакатно подхватывали энтузиазм, воспитывали ненависть, взывали к гордости революционными традициями Ленинграда. Что касается рассказа, то он в силу присутствующего ему психологизма исследовал и раскрывал проявление гражданских чувств народа в индивидуальном душевном мире, в личных поступках и действиях ленинградцев, рисовал примеры стойкости и братского самоотречения, нравственную чистоту и человеческое благородство.

Конечно, строгого разделения между жанрами и типами литературного творчества в блокаду не было. Рассказ часто совмещался с документальным очерком, получили широкое распространение очерковые новелла и повесть. Таковы рассказы Н. Тихонова, В. Кетлинской и Е. Катерли, зарисовки Д. Бродской и А. Голубевой, рассказы-очерки Л. Борисова («Софья Михайловна Чибисова и ее собака», 1941), Л. Вайсенберга («Солдатская кружка», «Сирена», 1941), К. Ванина («Шестнадцатый рейс», 1942), В. Дружинина («Заветный выстрел», 1943), М. Жестева («Чаша терпения», 1942), С. Кара-Дэмура («Иван и Василий Лапшовы», 1943), И. Кратта («Переправа», 1941, «Часы», 1942), А. Крона («Дочь корабля», 1943), В. Кукушкина («Возвращение», 1943), П. Лукницкого («Обыкновенное дело», 1943), В. Пошехонова («Десятая сотня», «Мстители», 1942), М. Светлова («Дружинница», 1942). Простота сюжета, ограниченного одним эпизодом, повествовательный тон, беглость психологических характеристик, небольшой объем — эти черты малого жанра блокадной поры особенно наглядно выступали в миниатюрах Г. Алехина («Борода» и др., 1941), М. Жестева («Счет крови», «Рука и сердце», 1942), С. Кара-Дэмура («Твои герои, Ленинград. Рассказы из походной тетради», 1943), А. Кучерова («Изобретатель», 1943), В. Тоболякова («Рация. Домашнее животное», 1942), И. Басалаева («Петергофская бабушка», 1943).

Тип документального очерка, смыкающегося с беллетристическим рассказом, сложился в первые же месяцы войны. К беллетризации иногда понуждали сами условия обороны Ленинграда: писатель подчас не имел права быть документально достоверным, так как даже незначительные детали, не имевшие, казалось, воен-

ного значения, могли быть использованы врагом. А. Фадеев, например, в очерке «Рыбинская, 5» зашифровал этим вымышленным адресом действительное местожительство Н. Тихонова, чтобы не дать фашистским артиллеристам ориентиров района, где жил писатель.

Рассказ-очерк был прежде всего рассказом о событии, человек в нем вырисовывался преимущественно через поступки и действия, характер содержал сугубо обобщенные, едва ли не символизированные *массовые* чувства и настроения — ту самую общую боль, ту самую коллективную науку ненависти и терпеливой стойкости, которые так хорошо выражала не требовавшая особой индивидуализации публицистическая интонация. Такая манера позволяла выявлять национальные («Ратоборство» Н. Тихонова), интернациональные («Степная родина горца» С. Кара-Дэмура), социально-групповые или даже возрастные обобщенные черты и наиболее характерные особенности поведения ленинградцев. Ребенок, познающий в своих детских представлениях понятие «сражался как лев» («Львиная лапа» Н. Тихонова), скромный бухгалтер, неожиданно проявивший мужество и военную хитрость («Сирена» В. Пошехонова), мать семейства, проводившая в армию мужа и сыновей и не смеющая удерживать шестнадцатилетнего внука («Всем сердцем» В. Кетлинской), демонстрировали массовые «черты советского человека» (такой заголовок имела первоначально книга блокадных рассказов Н. Тихонова), лицом к лицу столкнувшегося с войной.

Рассказ-очерк в подавляющем большинстве опирался на реальные эпизоды и живых прототипов. В кольце Ленинградского фронта хорошо знали своих героев, фактическая и документальная точность рассказов и очерков — подлинные имена, как например имя зверски замученной фашистами комсомолки Пани М. в «Простом сердце» (1941) В. Кетлинской или ленинградского летчика Алиева, ставшего национальным героем азербайджанского народа, в другом рассказе писательницы «Воля» (1941), — были как бы дополнительным условием действенности произведения. «Уважаемый писатель Николай Тихонов, — обращались фронтовики к автору рассказа «Мгновение» (1941). — Вы создали реальный, яркий образ девушки-героини Жени Стасюк. Такой мы знали ее, родные и друзья, и таким навсегда запечатлелся в нас ее светлый образ».³¹ Примерно то же могли сказать читатели о рассказах Н. Тихонова «Дети гор» (1941), «Под Ленинградом» (1941), «Поединок» (1941) и др. В рассказе «Львиная лапа» писатель метафорически переосмыслил хорошо известное ленинградцам происшествие, когда попавшие в зоопарк снаряды убили и разогнали зверей. Мальчик, потрясенный тем, что гипсовый лев у входа в зоопарк, которому осколок раздробил лапу, «не покинул своего поста», решает, что он в самом деле «сражался как лев».

³¹ Писатели в Отечественной войне 1941—1945 годов. Письма читателей. М., 1946, стр. 50.

Рассказ-очерк часто писался по личным впечатлениям либо со слов участников и героев событий. «Простое сердце», «Сводка Информбюро», «Хозяин», «С первой звездой» (1942) сложились у В. Кетлинской в общении с партизанами, героически доставившими в осажденный Ленинград обоз с продовольствием. «Невыдуманные рассказы о войне», как позднее назовет свои фронтовые новеллы Г. Холопов, не только брали начало в действительных эпизодах, но и получали продолжение в последующих встречах писателя со своими героями. (Ср., например, рассказ «Восточная пословица», 1944, с очерком «Рассказ „На короткой волне“ и его продолжение», 1966).

Многие блокадные рассказы представляют собой изложенный в сюжетной форме будничные эпизод, один из тех, о которых сообщали сводки Совинформбюро или фронтовые репортеры. Типичны в этом отношении рассказы Е. Катерли, печатавшиеся в ленинградских журналах и газетах и впоследствии изданные отдельной книжкой — «Новые звезды» (1945). Для них характерна журналистская скупость деталей и деловитость языка, присущая обычно газетному сообщению.

Сюжетом же собственно рассказа чаще делался случай необычный. Блокадный сборник Л. Успенского был так и назван: «Рассказы о невозможном» (1942). «Сбить в одном бою один-два, ну, три вражеских самолета, — писал С. Кара-Дэмур в одном из «Рассказов из походной тетради», — все понятно. Но захватить летчику личное оружие у врага... Этого еще не случалось».³²

Необычное, правда, охотно подхватывалось и очерком, зарисовкой, корреспонденцией. Но чересчур сжатая журналистская форма не всегда позволяла психологически развернуть смысл необычного. В зарисовке М. Жестева «Рука и сердце» (1942) летчик, потерявший в бою руку, даже в госпитале все повторял: «Повреждение пустяковое», пока не увидел, что руки нет. Известны случаи (и они вошли в художественную летопись блокады), когда истекавшие кровью летчики приводили домой машины и из кабины извлекали уже бездыханное тело. Но в произведении М. Жестева мы не узнаем, как именно все произошло, каким образом удалось тяжелораненному сделать то, что и не каждому здоровому под силу.

Сюжетный рассказ в отличие от очерка позволял использовать все потенции необычного и на сравнительно небольшой площадке завязать психологически емкий драматический узел. Большим успехом пользовался, например, у воинов рассказ В. Кетлинской «Воля» (1941). Летчик-истребитель Алиев, сбив в неравном бою троих врагов, умирая, непостижимо как сумел посадить свою машину. «Врач нашел у Алиева тридцать ран, из них шесть смертельных.

³² «Звезда», 1943, № 9, стр. 18.

— Я ничего не понимаю, — сказал врач, — он не мог лететь».³³

«Если сборник „Танкисты“, — писал исследователь творчества В. Кетлинской, — представляет собой художественно бледный пересказ отдельных фактов и событий, то такой рассказ, как „Воля“, опубликованный в „Правде“ и переведенный на многие языки, захватывает силой художественной правды, оказывает большое эмоциональное воздействие».³⁴ Артист армейского ансамбля С. К. Филиппов, читавший этот рассказ в войсках, вспоминал: «Какой бы состав аудитории не был — всегда мертвая тишина, затаенное дыхание... Как они слушали! Редко приходится нашему брату, актеру, переживать такие замечательные минуты!».³⁵ Писательница не только удачно выбрала эпизод — в рассказе нет ничего лишнего. Автор скупо объясняет, почему Алиев победил смерть, но пунктир психологического рисунка восполнен эмоциональной силой самого факта. Даже в то героическое время таких титанических подвигов было не так уж много. Однако они были понятны каждому, исключительное проявление массовой воли к победе говорило само за себя.

Великая Отечественная война изобиловала исключительными событиями. В блокадной прозе необычное и исключительное — как исходная жизненная коллизия (в рассказах В. Кетлинской), как сюжетное решение (в рассказах Л. Успенского), как символическое обобщение типичного (в рассказах Н. Тихонова) — одновременно явилось своего рода способом перехода от публицистических жанров к беллетристическим, от рассказа-очерка, фиксирующего событие, к рассказу, раскрывающему характер. В какой-то мере эта эволюция от очеркизма к новеллистике и психологизму означала подъем и от малых эпических форм к более крупным.

В рассказах Н. Тихонова необычное выступало в особом поэтическом качестве. Уже критика тех лет отметила его миниатюру «Поединок».³⁶ Безнадежным кажется положение мирного железнодорожного состава перед стремительно пикирующим на него боевым самолетом. И тем не менее машинист выиграл поединок. Такие случаи действительно имели место. Н. Тихонов с большим искусством превратил факт в психологическую новеллу. Мы видим, как неуклюжая гусеница поезда преобразуется вдруг в неуязвимое, увертливое существо, и сознаем, как мастерски, как талантливо упреждает человек там, на паровозе, каждый маневр стервятника. И вот у фашиста кончились бомбы, замолкли пулеметы... Русский человек там, на паровозе, защищал свой дом и свою землю и оттого совершил невозможное.

³³ В. Кетлинская. Рассказы о ленинградцах. Л., 1944, стр. 40.

³⁴ В. Хорошихин. Творчество В. Кетлинской в период Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы. — Уч. зап. Ташкентского пед. ин-та им. Низами, 1961, вып. XXIV, стр. 198.

³⁵ Там же.

³⁶ В. Смирнова. Гордость. — «Литература и искусство», 1942, 8 августа.

Сила ленинградских рассказов Н. Тихонова — в романтизации исключительного как обыденного. Автор, писала критика, действительно «подчеркивает обыденность изображенных им персонажей», но «героизм, который преобразует их в подвижников», проявляется не в совсем обычной обстановке. Человек тонет — и требует, чтобы не его спасали, а успокоили обезумевшую женщину («На плоту»); в блокадную зиму ленинградцы принимают родившегося прямо на снегу ребенка («Новый человек»); взрыв бомбы, разметав заборы, открыл вдруг перед живописцем изумительный пейзаж израненного, но по-прежнему прекрасного города («Яблоня»). Предельно простой сюжет, лаконичная речевая характеристика, два-три резких психологических штриха, взволнованная авторская интонация — все это драматизировано и укрупнено у Н. Тихонова заглавными образами-символами, в которых заложены широкие обобщения.

В рассказе «Ратоборство» (1943) спор художника Никиты со своим другом Алешкой о богатырской удали в этой войне разрешается такой картиной. Никита схватился с дюжим фашистом на холме, за который идет необычайно упорный бой. «На глазах залегших по обе стороны холма врагов боролись насмерть двое», а кругом простиралось «огромное пространство, рыже-бурая, как будто дымившаяся кровью земля, темные контуры дальнего леса, рваные облака и величественное кроваво-красное солнце.

Так было и в тот день, когда русские дрались врукопашную с псами-рыцарями на ледяных просторах Чудского озера. Так же глотал кровь окаянный немец. И тогда хватило силы у русских богатырей. Они дрались, а я не могу? — Могу! . . .

. . . На холмик нанесло облако дыма . . . и, когда оно разошлось, все увидели, что на холмике, шатаясь, стоит человек. . .

„А ты говоришь: век техники, — заканчивал Никита после боя спор с Алешкой. — Конечно, век техники. Но, Алешка, помни: наша русская сила, кулак вот мой всегда уживается и с танком, и с пушкой, и с гранатой. Они из одной семьи!“³⁷

Это характерное сочетание романтической символики с трезвым видением мира, выражавшее напряжение битвы за Ленинград, это характерное тихоновское сочетание лиро-эпической интонации с патетикой и широкого историзма с будничным бытописанием поэту не пришлось искать на ходу: он всем своим предшествующим творчеством подготовлен был к тому, чтобы запечатлеть в трагических буднях осады ее высокую героику, чтобы придать повседневному летописанию те «формы высокого искусства»,³⁸ которые М. Горький отметил еще в его туркменских очерках (1930).

Если для одних ленинградских литераторов блокадная журналистика стала солдатской службой, на время оторвавшей от за-

³⁷ «Звезда», 1943, № 2, стр. 9.

³⁸ В письме М. Горького Ольге Форш от 15 декабря 1930 г. («Звезда», 1945, № 2, стр. 107).

мыслов мирных дней; если для других блокадные рассказы и очерки явились черновыми этюдами произведений, которые будут написаны позднее, то для Н. Тихонова его «малая проза» блокадного периода была прямым продолжением его художественного развития. В дни мира Н. Тихонов на редкость хорошо помнил о прошлых и будущих войнах и готовился к ним не только как гражданин, но и как художник. К. Федин справедливо назвал его Денисом Давыдовым «русской поэзии советского времени», истинно «военным писателем... по привязанности к военному оружию, по пониманию военного искусства», чей талант «возжигается от соприкосновения с армией, которой он верно служит».³⁹ На Великую Отечественную войну Н. Тихонов пришел в солдатской шинели, которую не снимал всю жизнь. Вспомним хотя бы его повесть «Война» (1932).

И вместе с тем чисто батальные мотивы были далеко не единственными и вряд ли центральными в его блокадных очерках и рассказах. Другая и не менее важная линия его военной прозы — мирный советский человек на войне, вчера еще не помышлявший о боях и сражениях, а сегодня защищающий свое отечество. Для него была написана повесть «Война», для него и о нем Н. Тихонов с удивительной быстротой создал цикл ленинградских рассказов, в первом отдельном издании названный «Черты советского человека».

Они очень разные, эти рассказы. Одни приближаются к очерку: в них на первом плане самоотверженное и смелое действие героев, «в других — глубокое переживание, словно озаряющее напряженную, насыщенную жизнь ума и сердца защитников Ленинграда: спокойствие матери, убедившейся в том, что ее сын „сражается, как все“ («Мать»), или ощущение силы, пришедшее к молодой девушке в минуту опасности и превратившее ее в боевого командира, сделавшее мудрой, неутомимой, беспощадной и страшно гордой («Мгновение»). В третьих — события вполне достоверные, но и необычайные, кажется происходившие только в особых условиях многолетней осады: это девушки, пляшущие вокруг огня, в котором сгорают их скромные и милые вещи («Костер»); это юбилей великого поэта древности, справляемый в мерзлых залах Эрмитажа («Низами»); это раскопки, ведущиеся... на крыше большого дома, и Венера, появляющаяся не из морской пены, а из-под льда и каменного мусора («Весна»). И четвертые — построенные как метафоры, резким поворотом повествования обнажающие самую суть происходящего. Таковы „Карлики“, где мальчику, глядящему с колокольни, гитлеровцы представляются злыми, страшными, но ничтожными... существами»,⁴⁰ и т. д.

³⁹ К. Федин. Н. Тихонов. — «Литература и искусство», 1943, 5 июня.

⁴⁰ И. Гринберг. Проза Николая Тихонова. — В кн.: Н. Тихонов. Повести и рассказы. М., 1965, стр. 571—572.

Но при всем различии манеры «Ленинградские рассказы» тяготеют к общему жанровому типу, который восходит к туркменским очеркам. До этих очерков, признавался Н. Тихонов, он относился к самому жанру «чрезвычайно пренебрежительно... Слово „очерк“ даже было каким-то пугалом в литературных кругах. И, когда я сам стал работать над этим жанром, я пришел к убеждению, что надо сильно видоизменить этот жанр... Я начал вводить элементы особой *очерковой новеллы*, украшать очерк метафорами, делая поэтической саму подачу»⁴¹ такой, например, «прозы», как экономика районного масштаба. «Некоторые очерки, — продолжает Н. Тихонов, — у меня дошли до такой (поэтической, — А. Б.) концентрации, что они превратились в особого рода очерковые новеллы... не теряя при этом содержания, а передавая... бытовое содержание точно».⁴²

Вот откуда поэтическая концентрированность тихоновских блокадных очерков. Этим его цикл «Ленинградский год» отличается, например, от книги А. Фадеева «Ленинград в дни блокады» (1944). В публицистических очерках А. Фадеева страдание, и стойкость, и гордость ленинградцев названы своим собственным именем, и то, что писатель сумел найти для этого нестертые слова, объясняется, быть может, его точкой паблюдения. А. Фадеев приехал в Ленинград после первой, самой страшной блокадной зимы, когда в испытаниях уже сформировались определенные черты ленинградского характера, и взглянул на подвиг Ленинграда извне — на фоне всей великой битвы с фашизмом. Может быть, поэтому его гимн ленинградской женщине, его скорбь по ленинградским детям, его зоркая оценка ленинградского солдата по-новому осветили то, о чем не раз уже писали сами ленинградцы, порой не замечая особенного в героизме сограждан. Книга А. Фадеева — журналистский, публицистический документ большой силы. Рассказы же и очерки Н. Тихонова — повседневная поэтическая летопись: они писались в те недели и месяцы, когда ленинградский характер еще плавился в горниле испытаний, они запечатлели обстоятельства самого процесса, а их образность как нельзя лучше соответствовала видению ленинградской жизни изнутри.

Уже в тихоновских очерках-обзорах встречаются элементы «очерковой новеллы». Впрочем, это относится и к очеркам других ленинградских литераторов-блокадников. «Жизненный материал, — писал А. Розен в рецензии на упоминавшуюся книгу В. Саянова «Ленинградский дневник», — отбирался писателем с расчетом на новеллу — энергичный, быстротечный рассказ, часто с неожиданной концовкой. Время, вихрь событий... необычайное развитие человеческих судеб, их самые немыслимые „по-

⁴¹ Н. Тихонов. Моя работа над стихами и прозой. М.—Л., 1934, стр. 26 (курсив мой, — А. Б.).

⁴² Там же.

вороты⁴³, возможно, подсказали В. Саянову именно такой отбор материала и в конечном итоге форму книги.⁴³

В рассказе Н. Тихонова жанр «очерковой новеллы» достиг полноты формы. Тихоновские рассказы в отличие от иных слишком фактографичных или, наоборот, чересчур беллетризованных зарисовок блокадной жизни выдержали испытание временем как раз потому, что поэт поставил свое воображение на службу документальной точности. Рассказы писались параллельно очеркам-обзорам, и принципиально важно, что в цикле рассказов сказана установка на своего рода обозрение ленинградской жизни. Автор целеустремленно отбирал для рассказов наиболее характерные человеческие типы и стороны блокадной жизни. Тыл и фронт, типичная коммунальная квартира и типичный заводской цех, центральные проспекты Ленинграда и окраины, взрослые и дети, рабочие и домохозяйки, художники и солдаты, пожилые и юные — в тоненькой книжке «Ленинградских рассказов» дана на редкость многосторонняя картина тогдашней действительности.

Блокадный цикл появился сразу же серией как нечто целое: первые десять новелл, составившие затем сборник под названием «Черты советского человека», были опубликованы в пяти мартовских номерах «Правды» за 1942 г. В многократных переизданиях цикл удвоился за счет новых произведений, но сохранил единство замысла, определяемое первоначальным названием. Вот эта внутренняя целостность и придала книге новелл Н. Тихонова эпический характер, выделяя ее среди вышедших во время войны в Ленинграде сборников, авторских и коллективных.

Их появилось много за время блокады. Несколько отступая в сторону, следует сказать, что для историка литературы сборники периода Великой Отечественной войны представляют немалый интерес. Одни — потому, что дают в какой-то мере целостное представление о работе писателей-блокадников, как например малодоступные ныне выпуски сборника ленинградских писателей «Родина зовет» (1941) или единственная за войну книжка рассказов К. Ванина «Русская сила» (1943), или книжка П. Капицы «Мужество. Рассказы и очерки» (1942). Другие — потому, что явились творческим отчетом в разработке той или иной темы, как коллективные сборники «Молодежь Ленинграда» (1941) и «Ленинград, 1944» (о восстановлении города после снятия блокады) или публицистический сборник литературоведа И. Груздева «Родная земля» (1944). Третьи — как книжки Г. Холопова «Четыре рассказа» (1943)⁴⁴ и «Домик на Шуге» (1944) — потому, что позволяют проследить исток писательской индивидуальности, развернувшейся во всю силу уже после войны. А иные, как «Ленинградские ночи» (1942) В. Беляева, свидетельствуют, что и

⁴³ «Звезда», 1959, № 3, стр. 240.

⁴⁴ См.: Т. Хмельницкая. Г. Холопов. Четыре рассказа. Л., 1942. [Рец.]. — «Звезда», 1943, № 4.

в то время, хотя бы в порядке исключения, случалась «развесистая клюква, или халтура, тем более недопустимая, что автор связал ее с темами нашего великого ... города времен Отечественной войны».⁴⁵

Но, кроме всего прочего, литературно-художественные сборники блокадной поры, особенно новеллистические, следует учитывать как своего рода типологическое явление. Л. Розин, автор статьи о блокадной прозе Н. Тихонова,⁴⁶ рассматривает «Ленинградские рассказы» писателя в более широком круге сборников военного времени («Фронтовые записки» В. Ставского, «Бог войны» Б. Галина, «От Черного до Баренцева моря» К. Симонова, «Труженики войны» В. Кожевникова, «Сталинградские очерки» В. Гроссмана) и приходит к выводу, что сборники на первых порах оказались наиболее удобным переходом от отдельного рассказа и очерка к более широкой эпической форме.

Это действительно так: рассказы Н. Тихонова в своей совокупности удачно совместили отклик на быстротекущий день с обобщением целого исторического периода, каким явилась в Великую Отечественную войну оборона Ленинграда. К этому надо только добавить, что книга «Ленинградских рассказов» не была ни собранием произведений разного жанра, написанных с разным творческим заданием, как, скажем, сборники В. Саянова «В боях за Ленинград» и «На полях Ленинградской битвы» (1945), ни подступом к более крупному произведению, как сборники зарисовок и рассказов Е. Катерли, Н. Чуковского, В. Кетлинской по отношению к их послевоенным романам и повестям о блокаде.

«Ленинградские рассказы» — это эпос именно в форме новеллистического цикла. Проникнутые одной общей идеей, спаянные жанрово-стилевым единством, рассказы Н. Тихонова остались тем не менее отдельными лиро-эпическими миниатюрами. Всем своим строем они характерны как раз для прозы *поэта*.

Развитие военной прозы после войны, в частности успех миниатюр Г. Холопова, собранных в книге «Невыдуманные рассказы» (1960), подтвердило опыт Н. Тихонова, показавший, что цикл новелл как эпическая форма в значительной мере дополняет повесть и роман.

Интересно, что форма цикла — новелл, рассказов или небольших повестей, связанных либо единством идейного замысла («Ленинградские рассказы» Н. Тихонова), либо общими героями (некоторые рассказы В. Кетлинской, «Рассказы о невозможном» Л. Успенского), либо хотя бы тематически (трилогия А. Розена «Три повести», рассказы-очерки В. Пошехонова, маленький цикл новелл А. Кучерова «В дороге», «Тринадцать», 1943), — оказа-

⁴⁵ А. Прокофьев. В. Беляев. Ленинградские ночи. Архангельск, 1942. [Рец.]. — «Звезда», 1944, № 4, стр. 119.

⁴⁶ Л. Розин. Ленинградские очерки Н. Тихонова. — В кн.: Тр. Сталинского пед. ин-та, 1957, т. 4, стр. 111.

лась довольно распространенной в блокадной прозе и как таковая (новеллы Н. Тихонова, трилогия А. Розена, новеллы А. Кучерова), и даже в качестве подступа к роману (рассказы В. Кетлинской).

4

Синкретическая, если так можно сказать, природа ленинградской военной прозы в первую блокадную зиму, когда в одном произведении сочетались разные жанровые начала и когда признаки одних жанров переходили в другие, несколько приглушала психологический анализ характеров. Внимание писателя сосредоточено было преимущественно на обстоятельствах, в которых проявлялись те или иные типичные черты советского человека. Примечателен уклончивый ответ героя очерка И. Кратта «Зенитчики» на просьбу автора рассказать о своих чувствах в минуты боя: «После войны анализировать научимся. Сейчас воюем».⁴⁷ Писатели не могли не учитывать этой «замкнутости» психологического состояния своих героев.

Между тем военные испытания, вызывая к жизни до времени дремавшие глубинные свойства людей, дали сильнейший импульс развитию личности. Блокада действовала на людей двойко: то как лакмусовая бумага, проявляющая «химический состав» души, то словно катализатор, бурно стимулирующий «химическую реакцию» характера, порождая, по словам В. Кетлинской, «стремительный взлет — или такое же падение. Это мне открылось, — подчеркивает писательница, — в блокаде».⁴⁸

И если пробуждение потенциальных душевных свойств стало объектом изображения почти сразу же, то изменение личности в условиях войны и блокады привлекло внимание писателей несколько позднее, ибо это изменение шло уже в сравнительно отстоявшихся обстоятельствах — в том необычном, что уже сделалось обыденным. К 1943 г. появляются произведения, которые можно назвать в отличие от «событийного» рассказа и очерка первых месяцев осады рассказом характера. Это, например, новеллы типа «Ратоборства» (1943) Н. Тихонова, «Зрелости» (1943) В. Кетлинской, «Солдатки» (1943) Е. Катерли, «В дороге» и «Тринадцати» (1943) А. Кучерова; это повести Л. Успенского «Скобарь» (1943) и А. Розена «Алексей Абатуров» (1944). В рассказ характера уже обильно вплетаются психологически-бытовые темы («Солдатка»), почти отсутствовавшие в рассказе события, лирические («Зрелость») и психологически-философские мотивы (рассказы Н. Тихонова, повесть Л. Успенского).

Внимание к психологии советского человека проявляется и в публицистике. В статье «Любимый город» Н. Тихонов, обобщая

⁴⁷ «Ленинград», 1943, № 6, стр. 3.

⁴⁸ В. Кетлинская. Испытание душ, стр. 188.

черты ленинградского характера, напоминал о двух символах русской славы — взлетевшем над Невой Медном Всаднике и бронзовом Ильиче, с броневика простершем руку в будущее. «Характер... ленинградца, — подчеркивал поэт, — не похож на характер далекого от нас петровского петербуржца. Он как бы сформировался заново, в нем нет ничего от человека Петровской эпохи, и в нем есть все, что двигало и того далекого работника...». ⁴⁹ Н. Тихонов приводил ленинскую оценку питерского пролетариата как наиболее сознательного и твердого отряда рабочего класса, наиболее революционного и стойкого. Блокада показала, что эти свои качества ленинградский рабочий передал всему трудовому Ленинграду.

«Я много лет знал людей, которые окружали меня, — рассказывал А. Фадеев в своих блокадных очерках о семье Н. Тихонова. — Это были все те же люди. Все те же, но и другие. Да, в них было что-то новое. Что? Я не мог сразу уловить, понять». ⁵⁰ Руки жены поэта, Марии Константиновны, художницы-кукольницы, говорит А. Фадеев, были все те же руки, но в их складках отложились следы той работы, которой она никогда прежде не выполняла. Эти руки носили дрова и воду, скалывали лед и стряпали, ухаживали за чужими детьми и выносили умерших родственников, и делали это не хуже тех, что привыкли к тяжелому физическому труду — иначе нельзя было сохранить достоинство советского человека.

«Я не осудил бы ее, — продолжает А. Фадеев, — если бы она при постороннем человеке, видевшим ее в лучшие времена, стала стесняться этих своих рук. Еще большее право имела бы она гордиться передо мной этими своими руками после всего пережитого. Но она... стала другой женщиной... и как все женщины этого города, спокойно, свободно и естественно выполняла то, что надо было. И если в выражении ее лица и ее слова проскальзывали иногда черты и нотки гордости, это была гордость за Ленинград, которая так характерна для всех ленинградцев, перенесших трудности военной зимы и блокады». ⁵¹

То же самое можно было сказать о тысячах и тысячах ленинградок. Не случайно им посвящены самые вдохновенные слова. Часто женщины раньше мужчин обретали свое место в строю и как раз там, где подвиг был самым незаметным. В очерке В. Кетлинской «Вера Щекина» девушка, которой не удалось попасть в армию, нашла себя в служении больным и ослабевшим: «В те жуткие дни не было, пожалуй, величественней и прекрасней движения, чем это простое милосердное движение исхудалой руки, отдающей свой хлеб более слабому». ⁵²

⁴⁹ «Ленинград», 1943, № 7, стр. 1.

⁵⁰ А. Фадеев. Ленинград в дни блокады, стр. 12.

⁵¹ Там же, стр. 13.

⁵² В. Кетлинская. Рассказы о ленинградцах, стр. 182.

Ткачиха Варвара Петровна из рассказа В. Кетлинской «Волчонок» (1944) потеряла в блокаду всю семью и решила усыновить сироту. Но выбрала она бездельника и воришку Ваську, а не того работающего мальчугана, на кого сперва обратилась ее материнская симпатия. «Стены мы . . . лечим, — говорит она, — трещины бездушные, каменные заглаживаем. А сколько покалеченных душ рядом с нами. . .».⁵³ И на возражения товарки: «— Да он у тебя все вещи перетаскает», отвечала: «— Немцам его отдать, что ли? Искалечили жизнь — так, нате, берите, делайте из него бандита! Так, что ли, подруга?».⁵⁴

Особенностью огромной ленинградской семьи была взаимная поддержка, стойкость, мужество, терпение. Этой теме посвящен рассказ В. Кетлинской «Зрелость». Рассказ неровен. Наряду с торопливыми газетными строками есть в нем удачно найденные детали, например: дожидаясь ночи, разведчик «дал себе заснуть. Это был непрочный сон. Слух продолжал процеживать тишину».⁵⁵ Подобные детали критика отличала и у других писателей, как признак успеха художественного совершенствования военной прозы.⁵⁶ Удача В. Кетлинской, однако, была не только в точной передаче психологического состояния. Рассказ, о котором идет речь, примечателен попыткой запечатлеть в духовном развитии героя закалку характера ленинградцев. Писательницу интересует уже не отдельно взятая личность в исключительных обстоятельствах, как в прежних рассказах-очерках, но сложные процессы мужания, факторы, постоянно действующие и ставшие будничными.

Если отточенные миниатюры Н. Тихонова выхватывали из блокадной жизни, как правило, психологически завершённый эпизод, то в некоторых рассказах В. Кетлинской при всей их подчас шероховатости ощущается намерение соотнести целую человеческую судьбу с судьбой народа. Если Н. Тихонов стремился воссоздать эпопею обороны Ленинграда в цикле новелл, то В. Кетлинская попыталась развернуть эпические потенции самой новеллы и рассказа, как бы нащупывая пути будущего романа.

В романе «В осаде» тема ленинградского характера получит многогранную трактовку и явится центром, к которому сходятся все сколько-нибудь значительные психологические мотивы произведения. В героине этого романа Марии Смолиной обрели известный синтез типичные черты ленинградской женщины. Больше других персонажей она сама раскрывается в своем душевном развитии, и вместе с тем воздействие ее сильной натуры помогает выпрямиться окружающим, например Мите Кудрявцеву, растерявшемуся было в самые тяжелые для города дни.

⁵³ В кн.: Ленинград, 1944. Рассказы и очерки. Л., 1944, стр. 21.

⁵⁴ Там же, стр. 20.

⁵⁵ «Звезда», 1943, № 5/6, стр. 155.

⁵⁶ См., например, рецензию Ол. Рисс «Военные очерки А. Полякова» («Звезда», 1943, № 2, стр. 117).

В. Кетлинская показала также людей, не выдержавших испытания. В кризисные дни блокады Мария Смолина вдруг поняла, что ее муж, Трубников, по существу никогда не имел права на почет и уважение, которыми пользовался в мирное время по своему высокому положению председателя райисполкома. В. Кетлинская не преувеличила «удельного веса» Трубниковых, напротив, роман убеждает, что такие, как он, какое бы зло они ни несли, не оказали существенного воздействия ни на людей, ни на события.

Осажденный город жил духом товарищества и братства. Этот дух дал людям выдержать самое страшное — не артыалеты и даже не голод, а те вынужденные простои, когда от нехватки электроэнергии замирали станки и смерть входила в заледенелые заводские корпуса. Коммунисты были не только организующей силой обороны, но и душой пролетарской солидарности ленинградцев. Сейчас человека можно сберець только одним способом, говорит в романе В. Кетлинской парторг завода Левитин, — дать ему живое дело. По своей инициативе рабочие стали спасать впавших в апатию товарищей. Старого мастера Солодухина девушки подвезли к заводу на санках, а в ворота он уже вошел — шатаясь, поддерживаемый под руки, — на своих ногах. Казалось бы, немислимое для истощенного организма напряжение вернуло человека к жизни. Таким был ленинградский характер в действии.

В испытаниях ленинградцы стали другими — и остались прежними. Общая беда и общая борьба очистили «укоренившееся в советских людях отношение к общественным интересам как к своим личным, кровным — вот что удвоило силы Ленинграда, вот что поставило их выше смерти и помогло выстоять, выдержать двадцать девять месяцев блокады...»,⁵⁷ писала В. Кетлинская по случаю снятия осады в статье «Моральная сила советского человека».

Особые обстоятельства обороны Ленинграда в сочетании с национальным складом характера и революционными традициями его защитников наложили отпечаток на все поколение, вынесшее на своих плечах тяжесть осады. Испытания просветлили милосердие русской души и раскрыли щедрость русского сердца как социальную солидарность, как чувство советского коллективизма.

5

Освобождение от элементарной событийной описательности и углубление психологического исследования эпопеи Ленинграда у разных писателей происходили по-разному. В какой-то мере этот процесс явился результатом внутрилитературного развития: естественным был постепенный переход от публицистической статьи и очерка к беллетристическому рассказу и повести. В пер-

⁵⁷ «Правда», 1944, 31 мая.

вой половине 1943 г. появляются повести о блокаде Л. Успенского, А. Розена, П. Лукницкого, Г. Соловьева, в которых уже ощутима тенденция осмыслить пережитое через внутренний мир человека.

Но само это литературное развитие — от первичных форм к более сложным, от малых жанров к более крупным, от очеркизма и журнализма к беллетристическому психологизму — было следствием усиления внимания писателей к мыслям и чувствам ленинградцев, к тому новому, что появилось в жизнеощущении защитников города. В мае 1942 г., после первой блокадной зимы, В. Вишневский записал в своем дневнике: «Кажется, что крайняя острота летних, осенних, зимних впечатлений и переживаний сейчас понемногу уступила более ровному, что ли, потоку, тут соединяются и естественная реакция нервной системы, и волевое напряжение, и рациональный подход к событиям, анализ сил. . .»⁵⁸ Особенно сильный отзвук в сердцах ленинградцев имел прорыв блокады: он знаменовал победу жизни над смертью, торжество веры и надежды. Сила этих чувств заставила писателей по-новому посмотреть на пережитое.

Стремление показать характер в военных испытаниях отчасти реализовалось в прежних, полужурналистских формах, но уже придавало им оттенок нового своеобразного жанра. Документальная повесть П. Лукницкого «Сила победы» представляла собой традиционную для блокадной прозы запись рассказа бывалого солдата. То, чем делился с автором его герой, Георгий Панков: «Правду сказать, и врага мы не знали тогда! Думали: ты честно дерешься с честным врагом. Ты человек — и он человек. Даже жалость к нему была: вот, мол, послал его Гитлерюга, может быть, против воли!»⁵⁹ — почти слово в слово совпадало с мыслями ветерана двух войн из очерка Н. Тихонова «Ленинград в августе» (1942). «Немца сначала не понимал, — рассказывал автору заслуженный офицер, «пробивавший» еще линию Маннергейма. — Враг и враг. Техником он вначале брал, нашими неувязками... Враг и враг, а что он — зверь и смертельный для меня, для родины. . . не сразу дошло».⁶⁰

В повести П. Лукницкого та же мысль — отправная точка самоанализа героя, переоценки своих настроений. Монолог Панкова разворачивается в поучительную историю превращения «вооруженного мирного человека» (слова Панкова) в умелого и беспощадного мстителя. «Я пошел на войну, — говорил он, — с величайшей готовностью. Но, как теперь понимаю. . . по инерции жил еще представлениями мирного времени. Как мальчишка, я лез в огонь зря. . . ни чувства мести, ни ненависти, ни организованной ини-

⁵⁸ В. Вишневский. Собр. соч. в пяти томах, т. 3, стр. 446.

⁵⁹ П. Лукницкий. Сила победы, стр. 100.

⁶⁰ Н. Тихонов. Ленинград принимает бой. — В кн.: Своим оружием. М., 1961, стр. 275.

циативы... я думал, пожалуй, больше всего о том, чтобы выказать себя храбрецом перед товарищами. Многие из нас не умели воевать тогда! Сколько замечательных ребят зря погибло, по беспабашности. Как-то по-книжному воіпу себе представляли». ⁶¹

У Панкова тогда только стали открываться глаза, когда он столкнулся с неправдоподобно чудовищным зверством: «Страшно сказать... челюсть раздроблена, зубы кругом валяются, на лбу кровавая звезда вырезана, пальцы, уши и нос отрезаны, глаза выколоты... И проделано все это (с другом Панкова, — А. Б.) за какие-нибудь пятнадцать минут». ⁶²

Но и в тот раз стихийный взрыв чувства мести едва не стоил Панкову жизни. Холодной выдержке его научил Ленинград: ленинградские женщины так деловито исполняли свои повседневные обязанности, словно не было ни изнуряющих артобстрелов, ни голода, ни ежечасной опасности.

Трезвое, реалистическое представление о враге было важнейшей частью становления солдатского характера, а точнее сказать, военно-политического сознания народа. В рассказе Б. Лавренева «В море» (1942) краснофлотцы поставили своего командира в затруднительное положение простым вопросом: как случилось, что немцы, которые дали миру философию Фихте и Шеллинга, будившую в свое время вольнолюбивую мысль, превратились при Гитлере в варваров? Храбрый моряк, командир — по молодости его звали Мишей — в мирное время изучал немецкую философию и теперь на досуге просвещал подчиненных. Он отвечал в том духе, что, мол, эволюция может пойти и обратным путем, путем регресса. Дело даже не в практической бесполезности этого книжного ответа, а в том, что сам вопрос застал философа врасплох и матросам самим пришлось искать на него ответ: «Выходить так, что у других наций до фашизму мають склонность только зрадники, предатели, а що до немцев, то там (в Германии, — А. Б.) больше всего фашистов. И такая у меня думка, що по всей земле воны один человеческую мысль назад и до зверюги пихають. Бей немца и на том точка! Больше мини хвилософии не треба!». ⁶³

Плакатно-прямолинейна, но по-своему справедлива аллегория рассказа: пилотом фашистского самолета, сбитого философом Мишей, оказался некто Иоганн Вильгельм Шеллинг. Прежде чем пуля настигла его, однофамилец гуманиста и просветителя успел перестрелять половину Мишиного экипажа.

Рассказ, конечно, не решал, но он поднимал большой вопрос о причинах трагически неудачного начала войны.

Назревание перелома в борьбе за Ленинград заостряло внимание писателей на тех чертах советского человека, активного

⁶¹ П. Лукницкий. Сила победы, стр. 100.

⁶² Там же, стр. 101.

⁶³ В кн.: Флот в боях за Родину, стр. 81.

проявления которых война потребовала от солдата. Если В. Василевского в его первом литературном произведении «Победитель» (опубликовано в начале 1943 г.) война интересовала лишь как источник приключенческого сюжета, если сам жанр этого рассказа не предполагал характеров, то тема маленькой повести «Офицерская дружба» (1944) говорила сама за себя, а рассказ «Странный характер» (1944) был уже размышлением (он и построен в форме беседы старого генерала с только что выпущенным лейтенантом) о важных свойствах командира и о том, что эти свойства могут скрываться за внешними странностями. Поучения генерала: «Мне нужны офицеры хорошие и разные... в разведке мне нужен офицер хитрый, в маневре — смелый до дерзости, в штабе — пунктуальный»,⁶⁴ не были, вероятно, открытием для опытного бойца, но они показательны для возросшей военно-профессиональной точности ленинградской прозы третьего года войны.

В 1943 г. речь уже идет не только о правдивом изображении чувств и переживаний, не только о мужестве и стойкости, ненависти и выдержке, но и о воспитании военного мышления и соответствующих черт характера. А. Фадеев в очерке «Катя Брауде» (1943) и Н. Тихонов в статье «О достоинствах начальников. Из прошлого русской армии» (1943) подвергли переоценке индивидуальный героизм, в свое время по справедливости высоко поднятый ленинградскими писателями. Времена изменились. «У нас очень много индивидуального героизма, — объяснял группе писателей командир одного из лучших полков Ленинградского фронта майор Мустафин, — но героизма мало, если герои не видят свою задачу прежде всего в том, чтобы объединять вокруг себя остальных... и в минуты опасности командовать ими, а не сражаться за всех...».⁶⁵

Солдатский характер явился в новых условиях одной из важнейших задач художественного исследования. Интересно, что и в статье Н. Тихонова, и особенно в очерке А. Фадеева, качества полководца стали объектом художественного изображения, а не только размышления. Приведенная выше мысль Мустафина подсказала писателю сюжет очерка: они, литераторы, «охотились» за знаменитой пулеметчицей Катей Брауде, заменившей убитого мужа, но майор Мустафин не пустил их на передовую, и самой важной творческой находкой оказалось то, что увидели писатели во втором эшелоне полка.

Несколько раз А. Фадеев прямо и косвенно отмечает в Мустафине выработанные качества «водителя людей» — то через обстановку командирского блиндажа, лишенную малейшего офицерского форса, то через поведение его солдат: «Мне понравилось, что бойцы и командиры... не проявляли по отношению к Му-

⁶⁴ «Звезда», 1944, № 5/6, стр. 63.

⁶⁵ А. Фадеев. Катя Брауде. — «Ленинград», 1943, № 5, стр. 3.

стаффину подчеркнутых знаков чинопочитания, но не было и распущенности... в этом было что-то похожее на отношение рабочих и мастеров к начальнику цеха, в знания которого они верят и именно поэтому уважают его и подчиняются ему, а не потому, что он может на них накричать и распорядиться их судьбой».⁶⁶

Война как тяжкий творческий труд — это была не только новая тема, это был и новый пафос ленинградской прозы, обусловивший новые жанровые решения. Где-то на стыке документального очерка (о боевых действиях) и психологического рассказа (о человеке на войне) возникла военная повесть, обращенная уже не столько к отдельной личности, сколько к судьбе больших воинских коллективов, к судьбе всей войны. Она вобрала в себя сравнительно разностороннюю картину битвы за Ленинград. Чисто же ленинградская тематика «закреплялась» в «мирной» прозе — в рассказах и очерках о восстановлении города (см., например, сборник «Ленинград. 1944»).

Повесть А. Розена «Фигурная роща» (1943) начиналась эпизодами и интонациями, типичными для журналистских очерков, в большом числе появившихся после прорыва блокады. Когда дивизия выбила фашистов из Фигурной рощи, председатель местного Совета говорил комдиву: «— Собрали ребятишек, почти каждый спрашивает: а где мамка? А мамку или запытали, или в Берлин на каторгу... А вот со взрослыми беда... тут вот рыбак есть... Ему семьдесят лет. Очень слабый. Не едет (в эвакуацию, — А. Б.). Говорит: строиться буду».⁶⁷ И на фоне пейзажа — в одном окне чернела обгорелая улица, в другое заглядывал изрешеченный сарай — к этим словам не нужно было ничего добавлять.

Но тема повести — не репортаж с освобожденной советской земли и не описание какого-то отдельного боя. Репортерская интонация естественно переходит в размышление: «Каждое событие, как бы значительно оно ни было, теряет со временем тот личный характер, который определяется отношением к нему участников, и само это отношение со временем изменяется.

Прошла зима, и Фигурная роща перестала быть... для всей дивизии тем, чем была раньше, — синонимом немецкой силы и неприступности. И о бое за Фигурную рощу стали говорить, как об одном из удачных боев зимней кампании».⁶⁸

Бой за рощу отошел в прошлое, а смысл его продолжал действовать на настоящее и будущее. Повесть рассказывает о том, как изменилось соотношение сил в боях за Ленинград. Защитники города физически устали, а враг был по-прежнему упорен, организован, отлично вооружен, но это уже был не тот враг, что прежде.

⁶⁶ Там же, стр. 2.

⁶⁷ «Звезда», 1943, № 3, стр. 51.

⁶⁸ Там же.

« — Идут-то они, как раньше, — соглашался комдив с разведчиком, — а вот как? .. ночью фары не тушат?

— Нет, тушат. . .

— Вот видишь!». ⁶⁹

Люди изменились в наступательных боях. Солдат переживает, что приходится отступать на отдельном участке: еще не привык к тому, что отступать стали из военной хитрости, а не под давлением противника. А комдив радуется: фашисты пошли в расставленную им ловушку, он верно разгадал их замысел, он теперь хозяин положения и опасается теперь уже не силы врага, а своего просчета.

В повести «Фигурная роца» на частном примере ленинградской обороны, превратившейся уже в наступление, воссоздавалась атмосфера общего перелома в войне. В последующих боях как бы реализовались стойкость, выкованная осадой, — это была тема «Зимней повести» (1944) — и весь комплекс «солдатского характера» — этой теме была посвящена другая повесть А. Розена, «Алексей Абатуров» (1944). Изданные позже одной книжкой «Три повести» (1945), эти небольшие произведения составили трилогию — первую в блокадной прозе попытку осветить поэтапно и обобщить в целом битву за Ленинград.

Трилогия А. Розена могла бы занять более заметное место в ленинградской военной прозе, если бы зоркости жизненных наблюдений, военной грамотности, четкости сюжета соответствовала стилистическая выразительность. Интересный замысел снижен холодноватым, а порой и неточным языком. Когда комдив чувствует себя *«облегченно по сравнению с днями, предшествовавшими немецкому наступлению»*,⁷⁰ автор явно «облегчает» сложность внутреннего состояния, о которой можно догадываться по действиям и поступкам героя.

6

Блокадная проза шероховата, как бумага ленинградских газет и журналов той поры. Речь не о тех немногих страницах, что остались бы невыразительными, будь они написаны в самой благоприятной обстановке; речь о специфической печати времени, которой отмечены и самые талантливые произведения. «Писатель, — вспоминает В. Кетлинская, — хотел и должен был делать все, что нужно, — очерк, рассказ, статью, эстрадный монолог. . . В этой работе были свои минусы чисто профессионального порядка — приходилось писать наскоро, без должной отработки. Но в целом это была для литератора круглосуточная школа гражданской ответственности и профессиональной широты, причем школа, лишенная

⁶⁹ Там же, стр. 55.

⁷⁰ Там же, стр. 57.

школярства и заданности: так сильна была душевная отмобилизация самого писателя, что всякое задание находило сердечный отклик». ⁷¹

И еще одно обстоятельство. «Сейчас мне уже самой кажется невероятным, — продолжает В. Кетлинская, — что я написала первые страницы будущего романа . . . январской ночью, в заледенелой комнате, медленно выстукивая слова на чужой машинке, потому что чернила замерзли, что рядом спал одетым, под многими одеялами, полуторалетний Сережа, а в соседней комнате на столе лежала моя умершая от голода мама, которую вот уже третьи сутки я не могла похоронить. Слез тогда не было, Ольга Берггольц написала правду — „слезы вымерзли у ленинградцев“». ⁷²

И действительно, достойно удивления, что столь трагическое время оставило в ленинградской литературе не только однодневки, что и по сей день высокое искусство стиха О. Берггольц и В. Инбер, публицистики В. Вишневского, новеллы и очерка Н. Тихонова составляет славу советской литературы. Наверное, только исключительной душевной отмобилизацией зажигалось вдохновение, без которого были бы невозможны литературные шедевры блокады.

К этим шедеврам принадлежит и небольшая повесть Л. Успенского «Скобарь», сочетающая зрелую мысль, умение показать самобытный человеческий характер, совершенное искусство сюжета и красочность языка. Повесть по справедливости пользовалась большим успехом у ленинградцев, и можно сожалеть, что в истории советской литературы военных лет ей нашлось лишь незаслуженно скромное место. Оборона Ленинграда — ее фон, в центре внимания писателя — судьба псковского крестьянина Ивана Журавлева, через нее автор осмысляет социально-историческое содержание Великой Отечественной войны. У блестящего астронома Григория Журавлева, ученика академика Гамалеи, подобно большинству солдат получившего свою судьбу готовой из рук Советской власти, классовая ненависть к захватчикам была по началу отвлеченным понятием. А у его двоюродного брата, скобаря, печорца Ивана Журавлева, все свои неполные тридцать лет прожившего под властью буржуазной Эстонии, эта ненависть была так же естественна, как его природное чутье лесного человека. Иван Журавлев «вел свое летоисчисление „до зямли“ и „после зямли“; а „зямлю“ ему, в 40-м году, кто дал? Советы!», и вот «за кожную тую нивку» ⁷³ Иван Журавлев будет биться насмерть.

Национально-освободительный пафос Великой Отечественной войны звучал в некоторых произведениях в ущерб изображению ее социально-политической сущности. Критика, например, отме-

⁷¹ В. Кетлинская. Испытание душ, стр. 185.

⁷² Там же, стр. 193.

⁷³ «Знамя», 1943, № 1, стр. 58.

чала, что в книге рассказов Е. Федорова «В тылу врага» (1943) не всегда ясно, что русские крестьяне, защищающие свой, по словам автора, «извечный круговорот деревенской жизни», это — советские люди, поднявшиеся на борьбу за свой колхозный строй.⁷⁴ И не случайно в публицистике, в статьях Н. Тихонова и В. Вишневого, в очерке К. Федина «Свидание с Ленинградом» подчеркивался советский характер патриотизма. В повести Л. Успенского неразрывность национальных и социальных истоков борьбы с фашизмом выражена тем убедительней, что сама история героя воплощает в себе связь времен.

Лейтенант Савич, в чье распоряжение направлен был партизан Журавлев, думал о том, что вот «такие же бородачи ворочали когда-то деламп в московских приказах, „отлаивались“ в посольствах русских от „цесарских думных людишек“... Это они сиднем сидели во псковском детинце на изумление венграм Батория. Это они — зато... к чему прилепились помыслом — шли на виселицу и плаху, на самоожжение... Такие заводили врагов в черные буераки, притворялись убитыми богом юродами. И они же „блистали непомерным лукавством“ перед растерянными бритосцами мейерберовой свиты...».⁷⁵

По-псковски строптивый, партизан не пожелал расстаться со своим диковинно полосатым «сидором», с дремучей своей бородой и вообще отказался признать начальником молодого лейтенанта: «Вот тебе мое апоследнее слово: ... Давай, брат, мы с тобой сбормемся! Побори ты меня — слуга твой буду до века. Тогда хоть на небо посылай — полезу... Ну ж, коли я тебя поборю — квит! То — просдай, милый ты мой целовец, покойной тебе ноци, доброго тебе сна, веселого тебе козла!».⁷⁶

И железный лесной человек насмешливо согнул пополам перед носом Савича — пальцами одной руки — громадный тесовый гвоздь...

Возможно, писателя сперва увлекла просто колоритность пещорца. Первое упоминание об Иване Журавлеве мелькнуло в одном из предшествовавших повести «Рассказов о невозможном». Там Л. Успенского интересовали в изобилии встречавшиеся на дорогах войны до неправдоподобия удивительные истории. Вроде прорыва через фронт на «самобиле-автолете». (Разведчики отбили у фашистов грузовик, перевозивший вражеский истребитель. Мотор грузовика отказал, и дотошные моряки, запустив винт самолета, рванулись на этом диковинном экипаже к своим). Но, впрочем, уже в «Рассказах о невозможном» писатель искал типичные проявления находчивости, сметки, упорства и ненависти к врагу.

⁷⁴ А. Дымшиц. О жизненной правде. — «Звезда», 1944, № 5/6, стр. 126.

⁷⁵ «Знамя», 1943, № 1, стр. 59—60.

⁷⁶ Там же.

В Иване Журавлеве эти качества особенно выпуклы, потому, быть может, что переплелись с крестьянскими чудачествами и предрассудками, уходящими корнями в дремучее прошлое. Автор откровенно любит и заставляет своих героев любоваться богатством этого сына природы, самородным его умом, его почти фантастической воинской хваткой, детской наивностью и охотничьей хитростью.

Но не только экзотичность героя привлекала симпатии писателя. Лейтенант Савич не зря принял вызов на глупый и невозможный в современной армии поединок: «...перед ним был тот самый дореволюционной закалки мужик ... битый, мятый, варенный в семи водах, с тысячами чудовищных суеверий и предрассудков, но зато с одним инстинктивным, от отцов и дедов впитанным, непреодолимым убеждением: барина, „помесцика“, барона, немца — надо бить! Не каждый день, черт возьми, в наше время советский командир может напасть на двадцатисемилетнего снайпера ... с которого урядники картуз кулаком сбивали...».⁷⁷ Ради этого стоило рискнуть командирским авторитетом и померяться силой с лукавым богатырем. Иван Журавлев был ошеломлен: «Ведь поборола меня нечистая сила, а?».⁷⁸ Среди многих прочих вещей не знал он и современного искусства рукопашной борьбы...

Ленинградские писатели задумывались и просто над чудинкой, над порывистой неровностью характера русского человека, вышедшего сражаться за свою землю. Герой рассказа А. Кучерова «В дороге» (1943) по закону подлежал расстрелу за то, что оставил — по легкомыслию — свой в общем не такой уж ответственный пост, но не побоялся признать свою вину и дрался умело и самоотверженно, не думая о том, чтобы заслужить прощение, но лишь по зову сердца и совести. Умная сердечность этого рассказа предвосхищала коллизию повести Э. Казакевича «Двое в степи».

Но в повести Л. Успенского тема человеческой сложности русской души взята была крупней — как исходный мотив социального и исторического эпоса. Через натуру Ивана Журавлева автор обращает читателя к *классовым* истокам войны с фашизмом. Л. Успенский не только превосходно нарисовал оригинальный русский характер, но и проследил его типичное социальное развитие. Иван Журавлев, зачисленный в отряд флотских разведчиков и ставший одним из лучших бойцов, запросился вдруг обратно в партизаны. Не в том дело, что встреча с братом Григорием потянула к землякам, — Иван Журавлев слишком самостоятелен и горд для этого. Но встреча с братом-партизаном произвела другое и более сильное действие: он вдруг узнал, что этот образованный, интеллигентный человек — тоже свой. И Иван Жу-

⁷⁷ Там же, стр. 58.

⁷⁸ Там же, стр. 62.

равлев иными глазами посмотрел на всю свою историю «после зямли». Ведь культура в его представлении была недостижимой привилегией «помещика» и барона. И вот нынче они с братом, оказывается, сражаются не только за исконную мужицкую собственность, но и за более высокое право — всех рабочих и крестьян — на духовное богатство, достойное Человека. Иван Журавлев не сознает еще этих понятий, но уже почувствовал их всей своей цельной натурой. Вовлеченный в схватку своей стихийной классовой ненавистью, он постепенно приобщается к ощущению всемирно-исторического смысла борьбы за свое советское отечество. В повести о его жизни ощущается судьба народа.

7

Течение времени изменяло жанры литературной эпопеи битвы за Ленинград — от рассказа и повести к роману. В послевоенные годы вслед за повестями П. Капицы «В дни разлуки», В. Кнехта «На невиской позиции», В. Кочетова «На невиских развалинах» и «Предместье», И. Кратта «Суровый берег», А. Кучерова «Служили два товарища» и «Трое» стали постепенно появляться романы: «Стожаровы» Е. Катерли, «Под небом Родины» В. Кочетова, «60-я параллель» Л. Успенского и Г. Караева, «Балтийское небо» Н. Чуковского, «Это было в Ленинграде» А. Чаковского и др.

Как известно, в блокаду наиболее распространены были повесть и цикл рассказов (или небольших повестей). Роман — явление более позднее. Но примечательно, что эпическое ощущение беспримерной битвы возникло у ленинградских писателей уже во время осады. «Сама жизнь показала, — говорил Н. Тихонов на исходе 1944 г. на отчетно-выборном собрании ленинградских писателей, — что сейчас наступает время для прозаиков. Если невозможно было года два тому назад говорить об этом так твердо, то сейчас мы имеем книги разных авторов, которые уже можно обсуждать... Зонин первым положил на стол большую книгу о Северном флоте — роман „Морское братство“... Это очень интересный роман. Он страдает только одним недостатком — язык романа недостаточно выразителен».⁷⁹

Еще в опубликованных во время войны заключительных частях романов В. Саянова «Небо и земля» (1943) и В. Каверина «Два капитана» (1944) значительное место заняли блокадные эпизоды. Судьбы героев, тесно связанные с Ленинградом, оказалось невозможным завершить без незабываемых девятисот дней. Вместе с тем необходимость вводить совершенно новый жизненный материал в рамки старых замыслов заметно затрудняла писателей.

⁷⁹ Н. Тихонов. Слово о литературе. — «Ленинград», 1944. № 13/14, стр. 4.

С. Хмельницкий (погиб во время блокады) начал работу над обещавшим быть интересным произведением, охватывающим большую историческую эпоху, включая Отечественную войну и оборону Ленинграда. В самые тяжелые месяцы блокады были задуманы многие романы и повести, появившиеся после войны, по крайней мере почти каждое пропущенное было подготовлено военной журналистской и беллетристической работой авторов. Это зарождение эпоса в самом горниле испытаний было бы невозможно без глубокой убежденности писателей в неодолимости хода истории, начало которому положила Октябрьская социалистическая революция.

В блокаду в основном был написан роман В. Кетлинской «В осаде». По отношению к жизненным событиям это произведение не ретроспективное, не историческое, но современное, подобно рассказам Н. Тихонова, повестям Л. Успенского или А. Розена, дневникам В. Инбер или О. Матюшиной. Правда, документальность непосредственного художественного отклика снижена была, по словам Кетлинской, затянувшимся редактированием, в результате которого писательница, по ее признанию, «порой сама теряла ощущение всей вещи и размеров внесенных изменений».⁸⁰ И, когда книга вышла из печати, старый большевик С. Лозовский (во время войны возглавлял Совинформбюро), читавший роман еще в рукописи, недоумевал: «— Там же была сильная сцена в окопах — где она? А ночное отступление, куда вы его девали?»,⁸¹ и т. д. Неудивительно, что, хотя критика встретила «В осаде» в общем благожелательно, на публичных обсуждениях читатели выказывали неудовлетворенность облегченным изображением блокадных лишений.

Многие начатые работы по разным причинам остались незавершенными. Так, лишь две части задуманного Е. Рыссом романа о героической колпинской обороне вышли в 1945 г., но продолжение так и не было до конца написано. Роман Чуковского «Балтийское небо» был завершен и опубликован только много лет спустя.

Случилось так, что роман «В осаде» оказался единственным большим законченным произведением, которое было создано по горячим следам событий. Он представляет интерес не только широтой охвата ленинградской военной действительности и концентрацией характерных для блокадной прозы мотивов и образов, но и как литературное явление, обозначившее переход к тем романам и повестям о блокаде, что были написаны с иным, более поздним литературным и социальным опытом, в целом обогатившим, но в чем-то и обеднившим взгляд в прошлое.

В произведении В. Кетлинской уже рельефно просматриваются

⁸⁰ Там же, стр. 196.

⁸¹ Там же.

приметы романистики первых мирных лет и в то же время достаточно ощутимы черты минувшей блокадной беллетристики. Эмоционально-лирическими и вместе с тем суховато-деловитыми интонациями, патетической символикой (например, проходящий через весь роман образ большого ленинградского завода) и даже приметами новеллистической структуры это произведение перекликается, при всем различии индивидуальности и уровня талантов авторов, с одной стороны, например, с блокадными новеллами и очерками Н. Тихонова, а с другой — с «Дневными звездами» О. Берггольца, с ленинградской трилогией А. Чаковского и дневником П. Лукницкого «Ленинград действует...».

С журналистско-новеллистической природой блокадной прозы связана композиция романа В. Кетлинской. Не случайно его сюжет подобрал немало «вставных» эпизодов, развертывающихся как бы в отдельные рассказы. Прежде чем роман был напечатан целиком («Звезда», 1947), в журналах и газетах на протяжении 1942—1947 гг. появилось столько законченных фрагментов,⁸² что они составляют как бы предварительный вариант в форме цикла рассказов. В романах и повестях о блокаде, которые появятся позднее, форма цикла ощущается не так явно, но все же достаточно заметно. Если в «Дневных звездах» новеллы-воспоминания спаяны лирико-трагедийной интонацией повествователя, то трилогия А. Чаковского отчетливо делится на составляющие ее самостоятельные повести.

В. Кетлинская прибегла к новеллистическому приему (окольцовывающая новелла) даже в общей композиции романа. В самом конце автор возвращает свою героиню, Марию Смолину, в обстановку, сходную с той, что изображена в первой главе, давая почувствовать, как изменились, как возмужали и закалились ленинградцы в борьбе; тем самым писательница отчасти нейтрализовала композиционную дробность повествования. Значительную структурную роль в романе выполняет образ автора, что несколько напоминает новеллистический цикл Н. Тихонова, хотя, разумеется, этот прием был выработан писательницей в собственных рассказах блокадных лет.

Роман «В осаде» любопытен и как опыт применения приемов, так сказать, «субъективного документализма». В. Кетлинская признавалась: «Все удачи достигнуты там, где у меня было множество наблюдений, а неудачи настигли меня там, где в силу военных условий я была крайне ограничена в возможности наблюдения и изучения того, что мне нужно... я не люблю многие страницы

⁸² См. публикации под названием: С первой звездой. — «На страже Родины», 1942, 1 мая; Парашютист. — «Смена», 1943, 7 марта; Народный мститель. — «Красноармеец», 1943, № 4; Враг. — «Смена», 1942, № 17; В осаде. — «Известия», 1945, 6 ноября; В новогоднюю ночь. — «Ленинградская правда», 1946, 1 января; Горячее сердце. — «Труд», 1946, 9 мая; После боя. — «На страже Родины», 1947, 7 августа.

„В осаде“, относящиеся не к городу, а к самому фронту, потому что ясно чувствую в них ограниченность своего знания». ⁸³

Однако как раз установка преимущественно на личный опыт и сужала возможности писательницы. Личный опыт вообще вряд ли может преобладать в многоплановом романе, охватывающем историческую картину жизни народа. Писатель физически не может лично освоить изобилие жизненного материала, которого требует подобный замысел.

Вместе с тем несомненно, что в воссоздании эпического образа борющегося Ленинграда «субъективный документализм» все же сыграл свою положительную роль, помогая преодолевать неизбежный фактор временной дистанции. Глубоко индивидуальное в каждом отдельном произведении творчество ленинградских писателей блокадного периода в своей совокупности и сегодня, через десятилетия, утверждает мужественный пафос обороны Ленинграда, величие и торжество советского человека.

* * *

Блокадная проза ленинградских писателей — документ неизгладимый. По нему, как по актам Чрезвычайной правительственной комиссии, расследовавшей фашистские зверства, можно проследить содеянное на ленинградской земле. Читатель очерка К. Федина «Свидание с Ленинградом» (1944) не забудет деревья в прекрасных царскосельских парках, превращенного фашистами в виселицу. Нынешний турист по рассказу экскурсовода представит себе меру разорения прекрасного растреллиевского дворца, а строки потрясенного летописца воссоздадут его внутреннему взору детали страшной картины. «Все, что хранилось великой кровлей дворца, исчезло. . . Все, что немец успел похитить, он похитил. Все, что не успел, — предал топору». ⁸⁴

И. Эренбургу даже казалось, что другой дворец, петергофский, неизлечим: «Лучше всего будет, если он останется величественными руинами, как руины акрополя, напоминая потомкам о гении зодчего и о варварстве фашистов». ⁸⁵

Судьба, однако, рассудила иначе. Не зря, видно, в свой блокадный дневник В. Вишневский вписал в самые страшные месяцы строки о невероятном жизненном упорстве ленинградцев. В одной из главок цитированного очерка К. Федина, названной «Ленинградская натура», писатель знакомит нас с человеком, которого он называет истинным ленинградцем. Это была молодая женщина — хранитель петергофских дворцов. Еще не осела

⁸³ В. Кетлинская. Испытание душ, стр. 194.

⁸⁴ К. Федин. Свидание с Ленинградом. (Записки 1944 г.). — «Новый мир», 1944, № 4/5, стр. 48.

⁸⁵ И. Эренбург. Вечный город. — В кн.: Девятьсот дней. Литературно-художественный сборник. Л., 1957, стр. 592.

гарь сражения на груды кирпича, в которые были превращены прекрасные здания, как женщина устремилась к своим сокровищам — на «попутном» танке, пешком, через минные поля. Матросы из охранения помогали ей разыскать первые обломки. «Мы, как пчелы, соберем наши дворцы из пыли... мы восстановим наш Петергоф так, что там не останется даже духа немецкого пребывания!..».⁸⁶ Лучшим памятником защитникам города было восстановление всего, что можно восстановить.

Ленинградская проза принадлежит истории. Но не одни имена и факты сберегла она, чтобы никто не был забыт и ничто не было забыто. Не менее, а может быть более, важен заключенный в ней идейно-эмоциональный опыт народа на войне. Этот опыт связывает героическое прошлое со всей историей Советского государства, и он бросает луч в будущее.

⁸⁶ К. Ф е д и н. Свидание с Ленинградом, стр. 53.

ПИСАТЕЛЬСКОЕ СЛОВО НА СТРАНИЦАХ ЛЕНИНГРАДСКИХ ГАЗЕТ

1

Почему писательское слово буквально хлынуло и закипело на газетных листах «Ленинградской правды», «На страже Родины» (ЛВО), «Красного Балтийского флота» на следующий же день войны, лаконично и точно объяснил впоследствии Всеволод Вишневский в своих заметках: «В такое накаленное время и газета должна быть накаленной. Чтоб душу обжигала. Чтоб — прочтешь — и в дело тебя тянуло».¹

Газетные полосы, словно сейсмографы, зафиксировали небывалой силы сдвиг в сознании и душах людей от обрушившихся на них непредвиденных переживаний, ощущений, мыслей, резкий поворот, «взрыв» душевной энергии от неожиданного и крутого перелома в судьбе народа, причем такого масштаба, какой еще никому в истории не приходилось испытывать и переживать в небывало короткие мгновения. Достаточно сравнить тональность последнего «мирного» и первого «военного» номеров газет.

Читатели «Ленинградской правды», «На страже Родины», «Красного Балтийского флота», раскрыв утром 22 июня 1941 г. воскресные номера газет, по их мирному тону никак не могли предположить, что все это уже ушло в прошлое. Ничто не говорило им о том, что уже несколько часов бушует война. «Ленинградская правда» на первой полосе деловито сообщала о намерении трудящихся города досрочно выполнить полугодовую программу. Отчитывались о своей работе заводы и фабрики. На второй странице основное место занимала статья «Шесть условий победы» о повышении эффективности производства; на третьей — сводки о ходе весеннего сева, материалы о жизни Красной Армии. Привычной для читателя была и четвертая полоса, публиковавшая «сообщения по стране» и «зарубежные новости».

Номер «Красного Балтийского флота» целиком посвящен подготовке к празднованию Дня Военно-Морского Флота. Достойным вручали ордена и медали Союза ССР. На третьей полосе, которая в воскресные дни обычно отводилась под «Литературную

¹ В. Вишневский. Собр. соч. в пяти томах, т. 5. М., 1960, стр. 440.

страницу», были помещены стихи и рассказы краснофлотцев. В передовой статье «На страже Родины» шла речь о значении и действенности политинформации. Здесь же сообщалось о предстоящем X Всесоюзном дне физкультурника, который предполагалось провести в Ленинграде, и подготовке к нему спортсменов Ленинградского военного округа. На второй полосе — большая подборка под рубрикой «Партийная жизнь»; на третьей — очерковая зарисовка о буднях авиаторов; на четвертой — сообщения, советы, небольшие заметки.

Во второй половине дня вышел экстренный выпуск «Ленинградской правды». Он перечеркнул собой обычный, мирный, выпущенный утром. «Два номера „Ленинградской правды“, помеченные одним числом — 22 июня 1941 г., а какая пропасть легла между ними!».² Уже вслед за официальными сообщениями с гневной силой прорвалось слово ленинградцев, клеймящих фашистскую агрессию. С особой публицистической страстностью и убежденностью прозвучало и писательское слово, принадлежащее Н. Тихонову, — «Мы победим!»: «Сколько врагов видела наша страна и отбрасывала их разбитые полчища или уничтожала на месте. Так будет и сейчас. Как один, встанут верные сыны Родины против силы, несущей тьму и ненависть!...».³

На следующие же сутки резко изменилась тональность всех публикаций. Газетные полосы буквально преобразились: от их будничного вида не осталось и следа. Поскольку теперь от того, что стояло в номере, зависела личная судьба каждого, постольку на первый план выдвинулись те жанры, которые могли благодаря своей особой «заразительности» сосредоточить в себе основную ударную публицистическую силу. Броские призывные «шапки», лозунги, прямые обращения, краткие и в то же время эмоционально насыщенные политические комментарии и корреспонденции мгновенно завоевали главенствующее место. Основное качество таких материалов заключалось в том, что каждый был написан кровью авторского сердца, нес в себе повышенный публицистический накал, ибо только так и можно было выразить читательские мысли и чувства; не просто убедить читателей в чем-то жизненно необходимом, но и возбудить в них собственный эмоциональный подъем, позволяющий направить их волю и поступки в нужное русло. При таких условиях газетная публицистика принимала на себя более широкие, чем обычно, эстетические функции: она помогала лозунгу дня, «приказу» того или иного момента становиться реальностью, делом, заражала человека страстью и энергией. Причем это качество достигалось не только искусностью профессиональных журналистов и писателей, пришедших в газеты, но и тем обстоятельством, что

² В кн.: С пером и автоматом. Писатели и журналисты Ленинграда в годы блокады. Л., 1964, стр. 28.

³ «Ленинградская правда», 1941, 22 июня, экстренный выпуск.

публицистика с этого времени становится достоянием самого читателя. Завучавшие со страниц гневные и взволнованные голоса защитников города, его жителей делали газету читательским рупором. Пламенный отклик на происходящие события, обращенный к уму и чувству каждого из ленинградцев, товарищей по оружию, стал неотъемлемой принадлежностью любого газетного номера. Но, конечно, особое внимание читателей привлекали к себе набранные крупным шрифтом многострочные призывные «шапки». Они не просто «конденсировали» содержание всего номера или отдельной полосы, но и несли в себе поэтическую лаконичность и эмоциональную экспрессивность; именно такими броскими материалами открывались газеты второго дня войны.

Во всю вторую полосу «Ленинградской правды» — приказывающая «шапка»: «Покажем пример дисциплины, организованности, самоотверженности, достойной настоящих советских патриотов, обеспечим все нужды Красной Армии, флота и авиации для победы над врагом». Она открывает страницу, заполненную страстными и негодующими письмами с заводов и фабрик, пронизанными одной мыслью — не допустить, чтобы фашистские солдаты топтали землю нашей родины. «Разгромить врага, не жалеть для этого ни сил, ни самой жизни!»; «За Родину, за честь, за свободу!» — таким призывом начиналась 23 июня первая полоса «На страже Родины». «В победоносной Отечественной войне Красная Армия разгромит кровожадных фашистских разбойников»; «Балтийцы! За Родину! За партию!.. На разгром врага — вперед!» — призывала в тот же день газета «Красный Балтийский флот».

И так изо дня в день, из номера в номер эта расширенная агитационная «шапка» становится постоянной. Каких бы сторон военной действительности ни касались газеты, императив публицистического обращения, проникнутый патетической образностью, закрепляется как господствующий: «Все для фронта, все для Красной Армии!»; ⁴ «Победы не приходят сами. Их надо завоевать на фронте войны и фронте труда. Все силы на защиту отечества, на разгром и уничтожение врага!»; ⁵ «Балтийцы! Ни минуты передышки врагу! Днем и ночью громите фашистскую гадину на море, в воздухе и на земле! Каждый выстрел орудия, торпедный залп, бомбовой удар сделать всепокрушающим!»; ⁶ «Победа отважным в сраженьях дается. За Родину, полный вперед, краснофлотцы!»; ⁷ «Победа будет за нами! Со стиснутыми зубами, собрав волю, с полным сознанием всех трудностей войны мы будем готовить победу, готовить ежедневно, ежечасно, пока не сверкнет последний сокрушительный удар над германским

⁴ «Ленинградская правда», 1941, 25 июня.

⁵ Там же. 1941, 29 июня.

⁶ «Красный Балтийский флот», 1941, 3 июля.

⁷ Там же.

фашизмом — злейшим врагом нашей страны и всего человечества»;⁸ «Наши силы неисчислимы. Десятки тысяч патриотов идут добровольцами в ряды Красной Армии, сотни тысяч вступают в ряды народного ополчения. На священную Отечественную войну против фашистских извергов поднимается весь советский народ. Ненавидный враг будет разгромлен!».⁹

Такая экспрессивность, одушевлявшая газетную публицистику, как бы уже предопределяла необходимость появления на страницах газет и собственно поэтического слова, активнейших поисков форм и средств такого же прямого поэтического воздействия.

Перелистываешь пожелтевшие подшивки газет дней ленинградской блокады и не перестаешь удивляться обилию стихов на их страницах. Конечно, чаще, чем прежде, можно встретить и малую прозаическую форму — рассказ. Но все же первенство оставалось за стихами. Даже тогда, когда с начала декабря 1941 г. «Ленинградская правда» была вынуждена выходить на двух полосах вместо четырех и, естественно, сократить публикацию литературных материалов, это почти не коснулось стихов. Именно им вместе с обычной газетной публицистикой (статьей, очерком, корреспонденцией, подборкой оперативных материалов, репортажами, заметками и письмами) приходилось в первую очередь выполнять высокую и ответственную функцию — выражать и формировать общественные настроения участников битвы за Ленинград, быть одним из источников моральной стойкости, духовной зарядки. Они учили ненависти к врагу, мужеству, умению переносить все тяготы и лишения. Надо сказать, что стихи были, как правило, синхронны публицистическому отклику, точно (но, разумеется, не механически) соответствовали ему, так как создавались непосредственными участниками событий.

Именно так на второй день войны, 23 июня, со страниц «Ленинградской правды» зазвучало полное суровых интонаций стихотворение Н. Тихонова «Не отдадим!». Это же можно сказать и об опубликованных «Красным Балтийским флотом» призывных стихах Ю. Инге «К победе» и В. Скрылева «Вперед!». Исключения не составляют и стихотворения «В поход!» и «За честь Родины!», с которыми А. Прокофьев и В. Саянов выступили в газете «На страже Родины».

Уже одни названия этих первых «военных» стихов как бы концентрируют, вбирают в себя всю страстность и призывность газетных «шапок».

Характерно, что сами стихи часто развертываются именно как обращение, адресованное одновременно всем и лично каждому. Например, у В. Саянова:

⁸ «На страже Родины», 1941, 29 июня.

⁹ Там же, 1941, 8 июля.

На наших границах сегодня война,
Вставайте, товарищи, снова.
В поход призывает родная страна —
К решительным схваткам готова.
Смелее ж, товарищи, в доблестный бой
За честь нашей Родины милой,

Исполним присягу в страде боевой,
Обрушимся грозною силой
На черные скопища наших врагов,
На черные скопища наших врагов,
Ведь слово приказа сурово —
Вперед, под знаменами грозных полков,
За счастье парода родного!¹⁰

В то же время сама тональность этого стихотворения говорит и об определенной психологической трудности: дело в том, что эти волевые, но все же лишенные внутренней напряженности строки по существу не раскрывают масштабов, особого характера войны и глубины нависшей над народом опасности. Такое понимание пришло не сразу.

Подобного рода трудность не миновала и Н. Тихонова, чьи довоенные стихи были полны предчувствия небывало тяжелых военных испытаний, трезвого взгляда на военно-политические проблемы. Даже в прозвучавшем как поэтическая клятва стихотворении «Не отдадим!» неощутима степень нависшей опасности, хотя мотив готовности стоять до конца проходит в нем со всей напряженностью:

Пусть знает враг, на нас войной идущий,
Поднявший меч на наш простор цветущий,
Что ждет его лишь гибель впереди —
Мы ничего ему не отдадим.¹¹

В причинах такого отношения к начавшейся войне пытались разобраться прежде всего сами поэты. На открытом партсобрании московских писателей летом 1942 г. А. Сурков сетовал по этому поводу: «... до войны мы часто дезориентировали читателя насчет характера будущих испытаний. Мы слишком „облегченно“ изображали войну... Я не хочу никого обижать, но лозунги: „В воде мы не утонем, в огне мы не сгорим“, „Кипучая, могучая, непобедимая“... — рождали бездумное самолюбование... Воюющему соотечественнику пришлось справиться не только с танками, которые на него лезли, с самолетами, которые валили на его голову тысячи тонн рваного железа, но и вытравлять из души конфетную „идеологию“, которой мы его обкормили».¹² Тем труднее было устоять против подобного поветрия поэтам, которые не обладали таким опытом, как Н. Тихонов или А. Сурков, и потому, вероятно, так «легко» встретила войну Л. Попова:

Не тужу и не горюю,
Провожая в бой тебя,
Только крепко поделую,
Жарче прежнего люблю.

Пусть рукой твоей сраженный,
Гибель враг свою найдет,
Пусть он камнем опаленным
В бездну моря упадет.¹³

¹⁰ Там же, 1941, 23 июня.

¹¹ «Ленинградская правда», 1941, 23 июня.

¹² А. Сурков. Голоса времени. М., 1965, стр. 158—159.

¹³ «Ленинградская правда», 1941, 2 августа.

тору свободно отныне входят боевые, зовущие к действию интонации:

Никогда фашист не сломит
Богатырскую семью,
До последней капли крови
Стой за Родину свою.¹⁶

Не случайно этот поэтический «приказ» звучал во многих врезках, усиливающих воздействие окружающего публицистического материала.

Газета помогла увидеть широкую массовую аудиторию многим поэтам, в том числе и Анне Ахматовой, прибегнувшей к шероховатому языку плаката. Ее поэтические врезки (пламенные, но по-ахматовски лаконичные четверостишия), венчающие подборку «На фронтах Отечественной войны» и очерковый «подвал», передают твердость и мужество, спокойствие и уверенность защитников города:

Вражье знамя
Растает, как дым,
Правда за нами,
И мы победим!¹⁷

Чтобы стихи-призывы, стихи-декларации могли обрести права гражданства на газетной странице, важно было найти тот необходимый интонационный строй, который позволил бы передать постоянно изменяющийся ритм жизни защитников города. Поэтических удач можно было ожидать лишь там, где будут найдены, так сказать, эстетические эквиваленты переживаний широких кругов читателей.

В этих случаях иногда даже стихи, не отличающиеся сколько-нибудь большими художественными достоинствами, могли по своему сильно и темпераментно выразить основную задачу каждого ленинградца в данный момент:

За дело правое, за мир и за свободу,
За счастье на земле, за будущность веков,
Вперед! Вперед, щетиною штыков
Добудем волю мы всему народу.
Не отступая, а идя вперед,
В дыму, огне и непроглядном мраке,
Вперед, боец, вперед за свой народ
Весильным вдохновением атаки.¹⁸

В не очень умелых строках, принадлежащих молодому поэту-краснофлотцу Василию Скрылеву и опубликованных на газетной полосе под аншлагом «Моряки Балтики! Смелым, сокрушительным ударом уничтожим зарвавшихся фашистских провокаторов войны!», с большой достоверностью отражено основное в душевном состоянии ленинградцев в первые дни войны. Они передают сокро-

¹⁶ Там же, 1941, 3 и 7 августа.

¹⁷ Там же, 1941, 19 июля.

¹⁸ «Красный Балтийский флот», 1941, 23 июня.

венное стремление каждого быть прежде всего на переднем крае, отдать все свои силы, а если надо, то и жизнь, во имя победы.

При таких условиях стих мог наполниться действенной энергией, ибо поэт привнес в него чуть-чуть и от своей собственной взволнованности, чтобы с газетной страницы передать хотя бы маленькую ее частицу читателю, как это произошло в «Клятве» Б. Лихарева:

Мы в бой идем. Два чувства, как заветы, —
Я их навеки в сердце сберегу, —
Любовь к великой родине Советов
И ненависть к заклятому врагу.¹⁹

От обезличенной призывно-повелительной «агитационности» могло предотвратить лишь разнообразие ее образной трактовки, отвечающей нравственным требованиям переживаемого момента. Публицистический материал отнюдь не сковывал присущую тому или иному поэту склонность к лирической интерпретации. Так, А. Прокофьев, подчеркнув заголовком — «Не победить таких людей» — свою приверженность к публицистическому тону, развертывает замысел стихотворения, опираясь на народнопоэтические мотивы. В результате вызываемые народнопоэтическими уподоблениями ассоциации придают «категоричности» звучания стиха опосредованный характер и тем самым скрадывают его дидактичность:

В лесах суровых и глухих,
В необозримом ратном поле
Не победить людей таких,
Не растоптать, не сжечь их воли.²⁰

По-своему, прибегая к внутренней антитезе, пытается преодолеть эмоциональную обезличенность А. Решетов в призывном стихотворении «Мы здесь»:

Пуškai колосится и зреет
Простор заповедных полей.
Испытанные батареи
У наших стоят рубежей.²¹

А убедительность призывно-повелительных интонаций стихотворения Ю. Инге «К победе», требующих беспощадности в бою с врагами, подкреплялась обращенностью к историческому прошлому:

Друзья! На зов страны сходитесь,
Врагу напомните о том,
Как бил его российский витязь
На древнем озере Чудском.

Исторические реминисценции придавали большую эмоциональную достоверность уверенности молодого поэта, не имевшего,

¹⁹ «На страже Родины», 1941, 24 июня.

²⁰ «Ленинградская правда», 1942, 3 апреля.

²¹ Там же, 1941, 29 июня.

ного Балтийского флота». Редакции, рассчитывая на их широкий общественный резонанс, предусмотрительно отводили этим стихам специальное место: они, как правило, выполняли функцию либо передовой статьи, задающей тон всему номеру (стихи Н. Тихонова, А. Прокофьева, Ю. Инге и др.), либо подпередовицы, заостряющей внимание на не менее важной проблеме (стихи В. Саянова и др.); они открывали тематическую полосу (стихи В. Скрылева, Б. Лихарева) или подборку под постоянной рубрикой «Боевые эпизоды», «На фронтах Отечественной войны» (стихи А. Решетова, Л. Равича и др.). Подобные стихотворения тем самым не просто разнообразили и усиливали формы воспитательного воздействия газеты, а были своего рода поэтической призмой, сквозь которую воспринимался весь публицистический материал, помещенный в номере. И это понятно, ибо стихи являлись его своеобразным эмоциональным усилителем. Это особенно важно бывало тогда, когда газета решала какую-то важную задачу не одного только дня. Такая именно роль, например, принадлежала стихотворениям при освещении «Ленинградской правды» и «На страже Родины» актуальнейшей проблемы — создания народного ополчения.

Это сегодня нам известно, что в предельно короткий срок Ленинград дал фронту девять дивизий народного ополчения.²⁶ Тогда же газеты, естественно, не могли приводить эти впечатляющие цифры, но публикуемые ими материалы все же давали почувствовать поистине общенародный размах движения. «Ленинградская правда» завела даже постоянную рубрику «Люди народного ополчения», под которой каждый день печатались подборки, очерки, корреспонденции, рассказывающие о том, как все новые и новые защитники Ленинграда, цвет рабочего класса и интеллигенции, уходят на фронт. Лозунг «Создадим могучее народное ополчение!» среди других актуальных призывов в это время выделялся своей неизменной злободневностью. Так, например, «Ленинградская правда» с подлинной публицистической страстностью показывает, какой горячий отклик в сердцах ленинградцев нашел этот призыв. «Вступают в народное ополчение инженеры и ученые, писатели и артисты, художники и музыканты. Идут слесари и литейщики, обувщики и химики, моряки и железнодорожники».²⁷ «Мужчины и женщины, молодые и старики, рабочие, служащие, интеллигенты, коммунисты, комсомольцы, беспартийные — все горят одним желанием: очистить страну от врага, истребить его».²⁸ Она сумела даже довести до читательского сердца самое сокровенное, что владело людьми в это время. «Не могу я сейчас оставаться дома, когда такое дело, — говорит со

²⁶ И. П. Барбашин, А. И. Кузнецов, В. П. Морозов, А. Д. Харитонов, Б. Н. Яковлев. Битва за Ленинград. М., 1964, стр. 185.

²⁷ «Ленинградская правда», 1941, 6 июля.

²⁸ Там же, 1941, 4 июля.

страниц газеты один из старых путиловцев, участник обороны Петрограда в 1919 г., — не могу сидеть, когда идет борьба с подлой фашистской бандой». «Я иду в народное ополчение на поддержку Красной Армии, — вторит ему юноша. — Не пожалее жизни за счастье Родины».²⁹ Потому-то и нет никакой гиперболичности в обобщающих «ополченские» полосы «шапках»: «Наши силы неисчислимы. Десятки тысяч патриотов идут добровольцами в ряды Красной Армии, сотни тысяч вступают в ряды народного ополчения. На священную Отечественную войну против фашистских извергов и поработителей поднимается весь советский народ». Поэтическое слово являлось своего рода резонатором нравственной энергии ленинградцев и не случайно поэтому выливалось в подходящие моменту песенные напевы А. Чуркина («За родимый край наш родной»), Е. Рывиной («Марш народного ополчения»), среди которых с наибольшей энергией звучала бесхитростная безымянная «Песня народного ополчения», опубликованная газетой «На страже Родины»:

Мы — советской земли патриоты,	И за край наш великий и вольный,
Мы — ее молодые сыны,	Дружно встанем в развернутый
Мы идем в батареи и роты	строй,
На защиту родимой страны.	Я танкистом пошел добровольно,
	Боевая подруга — сестрой.

3

«Ленинградская правда», «На страже Родины», «Красный Балтийский флот» изо дня в день способствовали прямым, близким и, можно даже сказать, сердечным контактам поэтического слова со своими читателями, которыми отныне стали все воюющие ленинградцы, находились ли они на передовой, в окопах или в цехах осажденного города. А в таких контактах в дни, когда положение под Ленинградом, несмотря на железную стойкость его защитников, все осложнялось и осложнялось, ленинградцы особенно нуждались. Газетная работа помогала поэтам острее чувствовать особую обнаженность человеческих настроений и чувств в подобные напряженные моменты и (чтобы ответить на них, оказать на самом гребне событий) выступить со стихом по их поводу именно в то самое время, когда из фактов и событий можно было извлечь эмоции такой высокой концентрации, которая позволяла бы свести воедино эти человеческие чувства и направить их по определенному социальному руслу.

Как бы эмоционально подготавливая читателей к осознанию всей тяжести положения под Ленинградом, Ю. Инге уже в одном из августовских номеров «Красного Балтийского флота» саму войну рисует как великое несчастье и трагедию народа:

²⁹ Там же. 1941, 6 июля.

люции, мощный промышленный и культурный центр нашей страны — никогда не был и не будет в руках врагов».³¹

Заключительную мысль воззвания, раскрывающую революционные преемственные связи ленинградцев и, значит, истоки их потрясающего героизма, тут же подхватили газеты, и не просто подхватили, а сделали все, чтобы сделать ее убеждением, основой стойкости каждого. Тем более что и раньше в газетной публицистике, в газетном стихе эта мысль уже отчасти находила свое выражение. Она заявила о себе в опубликованном в первые дни войны «Ленинградской правдой» стихотворении «Отец и сын» В. Саянова, в котором он как бы возвращался к начальным мотивам своей поэзии:

Над тишиной родных предместий
Все песни родины гремят.

Но именно это «возвращение» к излюбленному образу позволило мысли о преемственности поколений обрести облик современных событий, причем вроде бы самого обыденного (и тем самым наиболее достоверного) плана:

Они идут в военкомат.	Но смелый взгляд упрям и зорок
Отец — ему уже за сорок,	И голос вовсе молодой.
Гражданской выучен войной,	А сыну — двадцать. ³²

Она слышалась и в песне В. Азарова «Мы не будем фашизма рабами», напечатанной накануне августовских событий той же газетой, подчеркнутая интонационными реминисценциями поэзии первых лет революции, в частности знаменитого стихотворения В. Князева «Коммунары не будут рабами»:

Наша воля тверда.	Никогда, никогда,
Край свободный труда,	Никогда, никогда
Ты сплочен миллионов руками.	Мы не будем фашизма рабами! ³³

Теперь же эта мысль объединяет вокруг себя — даже больше — подчиняет себе почти всю газетную проблематику. «Товарищи бойцы, командиры и комиссары! Наступил решительный момент, — писала в эти дни газета «На страже Родины». — Враг приближается к Ленинграду. Здесь родилась и победила Великая Октябрьская социалистическая революция. Здесь, под стенами города, питерские рабочие под водительством Ленина... не раз громили полчища контрреволюции. Здесь, на подступах к Ленинграду, разгромим немецкие фашистские орды!».³⁴ «Ленинградская правда» буквально в каждом номере публикует очерки, корреспонденции, рассказывающие о питерских рабочих, проливших кровь у стен Петрограда, о волнующих днях революции,

³¹ «Ленинградская правда», 1941, 21 августа.

³² Там же, 1941, 24 июня.

³³ Там же, 1941, 31 июля.

³⁴ «На страже Родины», 1941, 23 августа.

о героях тех покрытых неувыдаемой славой дней. «Ополченец Бирцев»³⁵ В. Кочетова, «Комиссар Пожарский»³⁶ М. Жестева, «Дзержинский с нами»³⁷ М. Козакова, «Балтийская слава»³⁸ В. Азарова, «Кировцы стоят на боевом посту»³⁹ Н. Тихонова — целая серия выступлений посвящена этой актуальнейшей теме и связана общим заданием, — воссоздавая образы героев минувших дней, раскрыть в то же время неукротимый революционный дух сегодняшних поколений ленинградцев. Не случайно такое проникновенное звучание на страницах газеты получили призывные слова В. И. Ленина, обращенные к питерским рабочим в грозные дни 1919 г.: «Решается судьба Петрограда!.. Бейтесь до последней капли крови, товарищи, держитесь за каждую пядь земли, будьте стойки до конца, победа недалека! победа будет за нами!».⁴⁰ Но таким же пафосом проникнуты и живые голоса самих участников тех тревожных и памятных дней, когда враг вот так же бешено, остервенело рвался к городу. «Вспомните, товарищи, 18-й и 19-й годы, — обращается к ленинградцам со страниц газеты один из старых кировцев, участник гражданской войны. — Вспомните, как живой стеной встали мы на оборону Питера от Юденича и победили. Путиловцы были тогда на первой линии огня. Мы свято верны этой славной боевой традиции. Не топтать гитлеровским гадам наших улиц и площадей. Мы все возьмем за оружие. Погибель свою найдут у подступов к Ленинграду фашистско-немецкие банды».⁴¹ И как обобщенное заверение от имени сражающихся ленинградцев в том, что героические традиции любимого города живы и в поколениях сегодняшних бойцов, на страницах «Ленинградской правды» и «На страже Родины» одновременно прозвучали написанные предельно эмоционально и убеждающе статьи Н. Тихонова «Боевые традиции великого города» и «Свято хранить боевые революционные традиции Ленинграда». Обе они завершались внутренне напряженными и одинаково энергичными концовками, глубоко воздействующими на читателя подобно заключительному музыкальному аккорду: «Не умерли наши традиции, не изменились люди нашего города, не упали духом. Разве не к нам обращаются герои девятнадцатого года, говоря: — Неужели вы отдадите врагу тот город, который мы так упорно, так самоотверженно защищали?! Люди сорок первого никогда не забудут доблести людей девятнадцатого года. Она вспыхнет в их сердцах с новой силой. Иначе не может быть!».⁴²

В то же время Н. Тихонов и другие поэты, сотрудничавшие в газетах, в такой степени ощутили внутреннюю силу и могучий

³⁵ «Ленинградская правда», 1941, 18 июля.

³⁶ Там же, 1941, 19 июля.

³⁷ Там же, 1941, 20 июля.

³⁸ Там же, 1941, 27 июля.

³⁹ Там же, 1941, 30 августа.

⁴⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 230—231.

⁴¹ «Ленинградская правда», 1941, 27 августа.

⁴² Там же, 1941, 22 августа; «На страже Родины», 1941, 22 августа.

прилив владевшей тысячами умов ленинградцев идеи, настолько почувствовали потребность поэтически ответить на тревожившие их вопросы, что найденная каждым из них в соответствии с собственными склонностями стихотворная форма явила собой как бы концентрированное выражение лейтмотива публицистики тех грозных дней. Уже одни заголовки стихотворений (А. Прокофьев «Умрем, но не допустим», Б. Лихарев «Мы город Ленина врагу не отдадим», В. Лебедев-Кумач «Не пройдут!», А. Решетов «Великий свой город, боец, береги») говорили о бескомпромиссности решения этой небывало важной проблемы, решения ее как вопроса жизни и смерти ленинградцев. Но особенно верный тон был найден Н. Тихоновым в стихотворении, которое так и называлось: «1919—1941». Достоверность впечатлений очевидца и участника исторических революционных событий делает особенно доверительной интонацию начальных строф:

Я помню ту осень и стужу,
Во мраке бугры баррикад,
И отблеск пожарами в лужах,
И грозный, как ночь, Петроград.

Но тем большим правом располагает поэт, чтобы заставить нынешнее поколение оглянуться назад и ощутить свою кровную связь с тем, что было пережито в боевом 1919 г. И не просто ощутить, а и почерпнуть в этом новые силы для разгрома кровавого врага:

И снова идут ленинградцы,
Как двадцать два года назад,
В смертельном сраженьи
сражаться
За свой боевой Ленинград.

И чем больше общего находит поэт у поколения 1941 г. с поколением революции, тем явственнее видится читателю, как снова уходят мужчины — отцы и сыновья, снова женщины роют окопы, «о близких шепча», тем достовернее звучит клятва самих защитников города, произнесенная от их имени поэтом:

«Умрем, но врага не пропустим
В наш город, в родимый наш дом!».⁴³

По мере того как нарастала опасность, нависшая над городом, росла и тревога за него в статьях и корреспонденциях публицистов и в стихах поэтов. Буквально на одном дыхании была высказана эта мужественная тревога-признание в стихотворении Л. Поповой «Ленинграду» в дни ожесточенных сентябрьских боев, когда газета призывала «укреплять боевое содружество трудящихся Ленинграда и доблестных воинов Красной Армии»:

Так как же мне
не жить твоей судьбою

⁴³ «На страже Родины», 1941, 23 августа.

часть составляла молодежь. Именно в таком ключе, полном лиричности и доброжелательности, начинает свою статью «Мы не отступим, мы победим!» М. Жестев. «Вот и исполнилась твоя мечта, молодой ленинградец. Это — не легкое дело. Но мужайся! Война отточила наш глаз, сделала нас сноровистей. Молодые взрослеют, старики молодеют. Так ведь?». Но тем вернее и короче путь автора к молодому сердцу, которому он своей глубинной задушевностью позволяет ощутить личную причастность к «великой армии защитников великого города»: «Прекрасен город Ленина! И особенно, когда, окутанный темнотой, он сливается своими выступами со звездным ленинградским небом. Нет, мы — люди света, люди солнца... Но когда непроглядная темнота ночи не может скрыть очертаний родных улиц и широких площадей, скверов и садов, арку заводских ворот и дом, где ты живешь, — тогда особенно близок и дорог сердцу становится город, потому что каждому он кажется таким, каким он его любит, каким он его запечатлел в своей душе.

А не любить его нельзя. Он дал тебе все, что тебе надо было... Великий город, он источник счастья! И если враг на подступах к городу, значит, враг на подступах к нашему счастью, враг покушается на нашу жизнь».⁴⁷

С иным темпераментом, но с меньшей проникновенностью начинается выступление В. Вишневого «Мы можем победить! Должны! И победим!»: «Юноши и девушки великого Краснознаменного города! Вникните, друзья, всем сердцем, всей мыслью в происходящие события...

Ты был душой с Павлом Корчагиным, с Маяковским. Твоя душа, товарищ, отзывалась на все лучшее в мире, на все лучшее в истории нашего народа, нашей культуры...

Товарищ, речь идет о существовании нашего народа, о самом основном: быть нам или не быть...

Так вперед же, товарищи, вперед, юность! Вперед, ленинградцы! Вспомни, о том, чье имя носит великий город: о неустранимом Ленине, и ринемся вперед, всеми силами. Мы можем победить! Должны! И победим!».⁴⁸

Частичку самого себя вложил и Н. Тихонов в финал статьи «Защитим Ленинград во что бы то ни стало» — патетическое и образное обращение к молодежной красноармейской аудитории: «Дети революции, сыны советского народа, будем драться до победы! Сама жизнь за нас! Небо с клетотом наших стальных соколов — за нас, пушки и танки, рвущие и топчущие врага, — за нас! За нас каждый камень нашего великого города! Все свободное человечество — за нас! Враг должен быть уничтожен, и он будет уничтожен! Не пощадим жизни своей и разобьем его!».⁴⁹

⁴⁷ Там же, 1941, 2 сентября.

⁴⁸ Там же, 1941, 16 сентября.

⁴⁹ «На страже Родины», 1941, 18 сентября.

С предельной публицистической обнаженностью пытается выдержать эту «проекцию» на каждого и А. Чивилихин в своем романтическом «воззвании» к сверстникам:

К оружию, юноши, к оружию,
Всесветной юности союз!
Не будет места малодушью,
Пощады не узнает трус.

Мы принимаем бой упорный,
Победа светит нам вдали.
Вовек не править силе черной
Живыми силами земли.

И, словно «эхо», отозвалось прокофьевское четверостишие:

В походе беспримерном
Под пулеметный дождь
Первою из первых
Выходит молодежь.

О том, что молодежь нравственно готова к выполнению своей «священной обязанности» перед горожанами, о чем ей напоминала в одном из сентябрьских номеров «Ленинградская правда», умеет трезво смотреть опасности в глаза и способна занять свое «место в первых рядах защитников города», свидетельствовала на следующий день после появления статьи «Враг у ворот» «повзрослевшая» вместе со своим поколением поэтесса Л. Попова в стихотворении «Моим согражданам»:

Мы знали — это не простое дело
Война, где фронт на много сотен миль,
И так с врагом сражаться оголтелым,
Как этого еще не видел мир.
Нам не легко.

И велика опасность,
Подкравшаяся к нашим берегам:
К заставам счастья в город наш прекрасный
Упорно рвутся полчища врага...
Мы встретим стойко испытание любое.
Другого нет — не может быть пути.
Ведь сами властвуем мы над своей судьбою,
Всем мужеством, всей волей, всей любовью
Мы наш великий город защитим!

4

Но чтобы «каждый» мог воочию увидеть, не просто почувствовать, но и впитать в себя всю чистоту и кристальность нравственной народной силы, всю глубину народного самосознания, ему необходимо было как можно ближе разглядеть человека, который предстал бы в качестве нравственного критерия, ощутить его близкое, живое дыхание. Вот почему за каждой острой проблемой необходимо было видеть прежде всего человека. И не случайно поэтому уже первые военные материалы «Ленинградской правды», «На страже Родины», «Красного Балтийского флота» были густо

«населены» героями времени, рассказы о трудовых подвигах соседствовали с примерами мужества и бесстрашия защитников Ленинграда. Именно из таких материалов читатели узнали о летчиках Здоровцеве, Жукове и Харитонове, впервые в истории пошедших на таран, о гвардейцах полковника Преображенского, бомбивших уже в те дни Берлин и Кенингсберг, о курсантах училища им. С. М. Кирова, отважно дравшихся на лужских рубежах. Но чем напряженнее становилась атмосфера под Ленинградом, чем туже захлестывало город ледяное кольцо блокады, тем острее ощущалась потребность в слове, раскрывающем величие духа ленинградцев и воинов, оборонявших невскую твердыню. Признаки очеркового жанра, как известно, не существующего вне живого дела человека, которое можно понять, лишь поняв его творца, пронизывают теперь даже оперативную фронтовую корреспонденцию; она все более и более становится похожей на событийный или портретный очерк. Теперь под такими рубриками, как «В боях за город Ленина», «Подвиг» («Ленинградская правда») или «Герои нашего фронта» (специально введена газетой «На страже Родины»), основное место занимают большие очерковые материалы. В свою очередь эти очерковые зарисовки служили надежным отправным моментом для публицистических обобщений, конкретных выводов. Они писались не только из желания рассказать о тех или иных событиях и людях, а с непременным намерением активной агитации, разъяснения, убеждения. А это требовало особого умения схватывать существенное, главное в рассматриваемом событии, в поведении человека. Очерки В. Кочетова и М. Михалева («Воздушная граница», «Подруги», «Сутки на сосне», «Не зная преград», «Политруки»), М. Жестева («Часовые наших жилищ», «Сила земли», «Старые знакомые», «Воздушные патрули Ленинграда», «Наши герои»), В. Азарова («Балтийская слава»), Д. Левоневского («Бондаревцы») и строились как ряд метко схваченных военных картин, эпизодов блокадного города или характеров, объединенных единой публицистической мыслью, позволяющей наиболее выпукло показать нравственную, социально-гражданскую сущность описываемого. Именно так завершается очерк братьев Тур «Степной орел»: «Да он и в самом деле богатырь. Русский богатырь, степной орел, разведчик Прокошин. И кто знает, не о нем ли будет сложена будущая былина?»⁵⁰

Иногда эта обобщающая мысль «поручается» даже самим героям очеркового повествования, как например в очерке М. Жестева «Экзамен»:

«...Иванов мысленно спросил свое сердце, сердце молодого пограничника: боится ли оно смерти?

И сердце ответило:

⁵⁰ Там же, 1941, 9 августа.

— Во имя бессмертия — не страшна смерть!

И тогда Иванов понял, — он сдал последнее испытание на снайпера. Самый серьезный экзамен — на презрение к смерти». ⁵¹

Эта общая публицистическая тенденция заставила и поэтов обратить свое лицо к конкретным людям, к их живым боевым и трудовым делам. К этому их побуждала прежде всего сама газетная работа, редакционное задание, требующее отныне обязательно в каждый номер и очерк о герое. Этому же способствовало и особое положение, которое занимали поэты в самой гуще фронтовых событий и будней блокадного города: в условиях фронтового быта они очень остро видели самого человека, понимали его душевное состояние, от них не могли ускользнуть никакие тонкости. Жанр «поэтического очерка» позволял им соединять беглые зарисовки, непосредственные впечатления с размышлениями и обобщающими выводами. Именно поэтому, вероятно, И. Колтунову и удалось поэтически оттенить своим стихотворным очерком, посвященным старшине Лозовому, публицистические материалы подборки «На фронтах Отечественной войны» («Ночной поиск», «Мастерство и отвага»):

Должно быть, в полночь начиналось это,
За озеро разведка шла, а там
Приказано ей выйти до рассвета
В тылы врага и возвратиться к нам.
... И Леониду Лозову ясно,
Что путь закрыт, что у высотки той
Всю ночь он может провести напрасно.
И он неравный принимает бой.
... Оп полз вперед, взрыхляя торф локтями,
Землей сыроу набивая рот,
И к нам вернулся, потому что с нами
И мертвый, побеждая, не умрет. ⁵²

И. Колтунов, можно сказать, написал все стихотворение ради четырех последних его строчек. Вся прозаическо-описательная часть подводит именно к ним. Изображение героя, его боевого задания не прозвучало сколько-нибудь впечатляюще. Вся суть, весь смысл стиха в концовке: поступок героя во всей своей трагедийности и героичности получает символическое значение, тема военного долга переходит в тему бессмертия человека, не мыслившего иначе своего поведения и тем совершившего подвиг.

Иногда такие стихи составляли как бы единое целое с прозаическим материалом. Так, в газете «Красный Балтийский флот» в тяжелые для Ленинграда дни 22 августа 1941 г. под аншлагом «Подвиг» была опубликована корреспонденция Н. Андреева «Стальные нервы», рассказывающая о трудностях, с какими подводной лодке «Н» пришлось торпедировать вражеский танкер. Лодка вынуждена была лечь на дно, но фашисты обнаружили ее

⁵¹ «Ленинградская правда», 1942, 5 июля.

⁵² Там же, 1941, 10 августа.

мандовал: „Огоны!“ Тяжелые мины рвались среди скопища вражеской пехоты. Я от радости кричал: „Здесь, на поляне, враг увидит свою смерть! Вперед, за победу! Подлый враг будет разбит!“.

И дальше — па уголке клочка бумажки: „Вражеские снаряды изрешетили весь дом. Я с поста не уйду!“».

Фактическая основа придает особую убедительность поэтической мысли и тем подготавливает ее более широкое звучание, позволяющее взглянуть за пределы совершенного героем и ощутить его общечеловеческий, типический смысл:

Вперед за реку прорывались отряды,
И враг заметался, гоним.
... Он пал, наш товарищ, но бывшее рядом
Бессмертие встало над ним!
И, славящий мужество паше прямое,
Я вижу, как входят в века
Дом, в щепы разбитый. Герой-комсомолец.
Столетние сосны. Река.⁵³

Но достигнуть такого широкого звучания было не так-то легко. Иногда поэты в своем стремлении к обобщению пытаются оттолкнуться, как это делает В. Азаров в стихотворении «Истребитель Романенко», от конкретных человеческих черт и качеств героя, от характерных примет его внешности:

Я описать хочу стихом простым
Не только волю, смелость, страсть героя,
Но и глаза с усмешкою живою,
Лицо, что будет вечно молодым,
И украинский мягкий говорок,
И прядь волос, что непокорно вьется.

И там, где поэтическая мысль, как в данном случае у В. Азарова, не приподымалась над фактом (хотя за месяц до этого автор опубликовал прозаический очерк о герое), там поэту не удавалось идти дальше внешней описательности, там она могла лишь декларировать стремление поэта:

Я знаю, песней вас не охватить,
Для подвигов есть высшая оценка.
Так жить хочу, так научиться бить,
Как бьете вы.⁵⁴

По своей структуре стихотворные очерки мало чем отличались один от другого. Разные в них только имена и фамилии героев, а прием повествования, логика движения поэтической мысли одни и те же. Но нельзя сказать, что стихотворный газетный очерк приводил к нивелировке поэтической мысли. Чем глубже становились впечатления поэтов от соприкосновения с человеческими

⁵³ «Ленинградская правда», 1941, 3 октября.

⁵⁴ Там же, 1941, 23 ноября.

судьбами на фронтовых дорогах, тем больше приоткрывалась им новая человеческая сущность защитников города, новый характер их нравственных связей с окружающим стабилизирующимся военным бытом на приневских рубежах. В таких стихах, начиная от «Баллады о красноармейце Демине» А. Прокофьева (1941) и кончая стихотворением М. Дудина «Александр Каструбо» (1942, октябрь), повествование о реальных героях выходит за пределы частных событий, лежащих в его основе. Поэтам удается подметить новые отношения между людьми, новый характер их героизма, как бы саму философию жизни и смерти. И тем самым им удается в динамическое повествование вдохнуть такой лирический подтекст, что если даже портрет героя и не выписан подробно, как у М. Дудина, то он отчетливо угадывается в его поступках. Драматизация повествования подчеркивается назывной функцией изобразительных средств, создающих у читателя иллюзию присутствия:

Два взрыва слева. Восемь — справа.
 Столбы земли, столбы огня.
 Горят деревья, никнут травы,
 И глухо ухаёт броня.
 А он врывается, неистов,
 Через траншеи и кусты,

Ошеломляюще и быстро
 Передовые сняв посты.
 Входя, пошатываясь, в штаб,
 Он понял, видимо, что ранен,
 Что удивительно ослаб,
 От боли стискивая зубы,
 Он у стола штабного встал.⁵⁵

Как видим, здесь ничего не сказано ни о внешности героя, ни о его характере, но, будучи представленным в действии, он позволяет ощутить основную свою сущность, которая может служить для читателя нравственным мерилom.

А. Тарасенков ведет рассказ на страницах «Красного Балтийского флота» о своем герое совсем в другом ключе:

Ладный, молодой, высокий, статный
 Летчик в унтах по снегу идет.

Сотни раз взлетал он в поднебесье,
 Совершая плавные круги.
 Пусть расскажут мертвые враги,
 Как горел и падал сбитый «Мессер».

Хотя поэт и не поспешил на эпитеты, он, как бы памятуя о том, что их перечисление еще не раскрывает облика героя, хочет тут же, на глазах читателя, поразмышлять (и находит слова, полные душевного движения) о его нравственной победе:

Победим. Приедет в отпуск парень,
 Сядет у домашнего стола...
 Мать ему покрепче чай заварит:
 «Расскажи, сыночек, про дела».

И припомнит сокол все, как было,
 Тесную землянку и друзей.
 Скажет он:
 «Мы не жалели силы,
 Били немца час от часу злей».⁵⁶

⁵⁵ «На страже Родины», 1942, 1 октября.

⁵⁶ «Красный Балтийский флот», 1942, 22 марта.

Высокий жанр баллады, воспевающей мужество подвига и трагическую гибель героя, давал еще больший простор поэтической индивидуальности. Он заставлял задуматься над тем, что не всегда событие, найденное в гуще фронтовых будней, выступает в форме готового художественного сюжета — его надо было найти, открыть в событии. Баллада требовала не просто описать подвиг героя, а сконцентрировать главное в одном, притом драматическом эпизоде, отсвет от которого придавал бы всему повествованию романтический оттенок и тем самым усиливал его впечатление. И хотя черты этого жанра не очень-то порывали со стихотворным очерком, баллада своим драматизмом значительно сильнее могла приковать читательское внимание.

Такой драматичностью уже была проникнута «Баллада о четырех моряках» Н. Воронова, опубликованная в разгар сентябрьских боев 1941 г. в «Красном Балтийском флоте»:

Пехоты морской отряд — слава его велика —
Шлет четырех отважных, им поручает пост.
Стоят моряки-балтийцы, вышка, как на заказ:
Норд и вест — под контролем. Как на ладони — ост.

Самый простой зачин. Но сжатость, напряженность фразы уже подготавливает кульминацию. И она наступает в своей обнаженности действия:

Но ударил еще снаряд, осколки бьют
наповал.
Гурьев упал, Майский — в крови, за ним
Копьев упал.
Мысли и волю сковала смерть
ледяной корой.
Так на посту, не дрогнув, пал
четвертый герой.

И тем закономернее переход от суровых линий энергического повествования к торжественному реквиему, воспеванию мужества простого солдата:

— Спите мирно, друзья!
Мы впитали в сердца ваши волю,
отвагу и силы,
Мы готовы, как вы, бить врагов до конца!
Спите мирно, друзья! Навсегда у великой
могилы
Смерть презревших — бессмертье стоит
на часах.⁵⁷

Там же, где в описание, пусть с определенной долей скупости, поэт вводит пейзажные штрихи, ему удается еще лучше настроить в унисон со своими чувствами читательские чувства:

⁵⁷ Там же, 1941, 7 сентября.

Он летел... Ночная стыла бездна,
Черные равнины и леса.
Исполнскую змеей железной
Извивалась фронта полоса.⁵⁸

Такими суровыми мазками начинает В. Азаров балладу о летчике Николае Митигине, готовя исподволь ее оптимистический финал.

Особой читательской популярностью пользовалась «Баллада о танке» А. Яшина, опубликованная в апреле 1942 г. в «Красном Балтийском флоте». Это вроде бы рассказ не о живом человеке, не о его подвиге. Главным действующим лицом является танк. Но поэту удалось найти такие убедительные краски для своего олицетворения, что когда читаешь стихотворение, то видишь не бронированную махину, а живое существо, мужественно отбпвающеся от нападающих на него врагов.

Советский танк попал в болота —
Еловая прогнулась гать.
Его бомбили с самолета,
Его фашистская пехота
Под вечер стала окружать.
Как он рычал и огрызался,
Взрывал закисший перегной,
Горячий дым по кочкам стлался.
Все нарастал, все приближался
К нему по лесу волчий вой.

Он — неподвижный,
Башня в тине,
Еще разбрасывая ил,
Сидел в пузырчатой трясине

Кругом в осоке,
Как в щетине,
И каски серые дробил.
Из лупки бил,
Из пулемета.
Потом он дал остыть огню.
Мотор заглох...
И вот пехота
Из рожи, сзади,
Из болота
Насела с гиком на броню.
Он, словно мамонт в волчьей яме,
Затихнув, бивень опустил.
Его потрогали штыками
И в штаб решили отвести.⁵⁹

А где же подвиг? Его раскрывает неожиданная концовка: советский танк, вытасченный из болота фашистским танком, *сам взял фашиста на буксир* и отвел в расположение своих войск.

Жанр баллады как бы прокладывал путь на газетную страницу и собственно лирической поэзии. Накопленный поэтами опыт журналистской работы подсказывал, что газетный стих не исключает постоянство интересов того или иного автора к излюбленным мотивам и героям. Об этом свидетельствовало хотя бы стихотворение «Заботливая женская рука» В. Инбер, помещенное в самой гуще публицистической подборки, рядом с «Обращением ко всем женщинам Ленинграда», подписанном В. А. Мичуриной-Самойловой, Анной Ахматовой, Тамарой Макаровой и самой Верой Инбер. Поэтесса, прежде с гордостью писавшая о своих сестрах-труженицах — ткачихах, учительницах, художницах, так же и со столь же спокойной проникновенностью говорит о ленинградской патриотке, олицетворяющей лучшие нравственные качества ленинградцев:

⁵⁸ Там же, 1941, 23 июля.

⁵⁹ Там же, 1942, 25 апреля.

социальные истоки беспримерного мужества ленинградцев, черты, свойственные вообще советскому человеку:

Таких не сломит недоля злая,
Такие смело вступают в бой,
Ленинградка, сестра родная,
Сильнее многих, горжусь тобой.

Ты входишь в песню суровой,
гневной,
Как дочь народа-большевика.
И в пей твой подвиг ежедневный
Через века летит в века.⁶³

В этом непосредственном обращении к героине еще большую весомость обрели чувства самого поэта и тем естественнее и надежнее они могли быть отнесены к читателям газеты.

5

1942 год, как известно, явился не просто годом стабилизации фронта под Ленинградом, а годом потрясающего подвига ленинградцев, стоившего многих и многих жизней, большой крови, предельного напряжения воли, духовных и физических сил. Вот когда буквально от мироощущения каждого человека зависели судьба целого города мирового значения, действия нескольких фронтов.

Но газеты уже умели подобрать «ключи» к душам людей, живших, работавших и воевавших в нечеловеческих условиях голода, холода, изнуряющих воздушных тревог и артиллерийских обстрелов, в условиях невыносимых, грозивших каждому смертью, умели возбудить в них тот необходимый резонанс, так растревожить их душу, чтобы они из самых своих последних сил каждодневно оставались на уровне насущных задач беспощадной борьбы. Таким ключом для журналистов и публицистов явилось чувство ненависти и мести. В сложнейшей и труднейшей обстановке блокадного города они делали все для того, чтобы каждая статья и заметка взывала к этому священному чувству. Насколько точно в этом отношении была уловлена эмоциональная настроенность жителей города и бойцов, насколько актуальной оказалась в данный момент задача воспитания у читателей этого направляющего их действия и поступки чувства, говорят дневниковые записи страшных январских дней 1942 г. поэтессы В. Инбер: «Можно смело сказать, что Ленинград питается преимущественно ненавистью к врагу. И этим живет».⁶⁴

Такая тональность публицистики наложила свой отпечаток на развитие газетной поэзии. Если прежде главной была мысль не пустить врага в свой дом, то сейчас зазвучала особенно отчетливо другая — «отстоим, отомстим!». Этот мотив, естественно, был слышен еще и раньше, прозвучав, например, в стихотворении Е. Вечтомовой «Бей!»:

⁶³ «Ленинградская правда», 1942, 7 марта.

⁶⁴ В. Инбер. Собр. соч. в четырех томах, т. 3. М., 1965, стр. 175.

Нерушимо стоим на страже,
Вспоминаем своих друзей.
Что сказать? Ничего не скажешь.
Бей!
Бей врагов! . .

Мсти за всех, кто отважный
и меткий
Не дошел, не доплыл. . . За смерть
Не успевших прийти из разведки,
Дострелять, добежать, долететь.⁶⁵

Но теперь мотив возмездия обретает особую силу, становится доминирующим. Именно он-то и отвечал потребности в стихах, от которых, по мысли А. Суркова, «хочется или плакать, или зубами скрежетать».

Уже самое начало года проходит под знаком этого мотива. «Возмездие» — так называются публикуемые «Ленинградской правдой» отрывки из поэмы В. Лифшица. «Отомсти» — этим стихотворением открывается один из январских номеров «На страже Родины». В нем призывная интонация благодаря присутствию этого мотива получает более категорическое звучание, способное заострить до предела читательское чувство:

С детства знакомое, сердцу родное
Каждый обязан спасти. . .
Бейся, товарищ, за счастье большое,
За Родину, кровью политую, мсти!⁶⁶

В таких стихах лирическое чувство наполнено конкретным социально обоснованным требованием расплаты за содеянное, возмездия за кровь и страдания людей. Причем со всей публицистической прямоотой авторы пытаются сформулировать его как бы от своего имени, как это делает А. Решетов в стихотворении «Гони их назад на Запад», напечатанном в январе 1942 г.:

Жечь, убивать и хапать
Рвались они на Восток.
Гони их назад, на Запад,
Гремит наш удар жесток. . .

Не уползешь, проклятый,
По черствым и злым снегам
От гибели, от расплаты —
За все ты заплатишь нам.⁶⁷

Трагического накала достигает газетная поэзия к лету—осени 1942 г., к тому «зловещему» августу, когда ожидался новый штурм города. Накануне «Ленинградская правда» писала в одной из передовиц: «Враг хочет задушить наш город костлявой рукой голода. Он хочет разрушить его ежедневными обстрелами. Каждый разрушенный дом, каждая жертва обстрела зовет ленинградцев: мстите за родной город!

Русский человек! . . Мсти за свою родину! Мсти без пощады! Не знай ни жалости, ни милости к врагу! Уничтожай коричневого зверя. . .

Отзываясь на зов великой родины, сделаем ненависть к врагу руководящим началом нашей жизни, источником всех наших мыслей, двигателем всех наших поступков, законом нашей жизни, нашим святым долгом, нашим великим призванием».⁶⁸

⁶⁵ «На страже Родины», 1941, 24 ноября.

⁶⁶ Там же, 1942, 3 января.

⁶⁷ Там же, 1942, 18 января.

⁶⁸ «Ленинградская правда», 1942, 17 июля.

источником переживания, пафоса и наказа, который дает сыну мать в стихотворении В. Инбер «Бей врага!»:

Бей врага раскаленным металлом,
Обращай его в пепел и дым,
Чтобы с гордостью я восклицала:
«Это сделано сыном моим!».

Бей врага, чтобы он обессилел,
Чтобы он задохнулся в крови,
Чтоб удар твой был равен по силе
Всей моей материнской любви!

Газеты Ленинградского фронта, блокадного города лучше всякого учебника рассказывают сегодня о том суровом и трагическом времени. Фотографии замученных красноармейцев со звездами на спинах, сожженных сел и деревень, слова детей — все это вызвало к отпущению. Под воздействием увиденного и услышанного поэтическое чувство, если оно даже принадлежало непрофессиональному поэту, теснее сливается с мироощущением воюющего человека:

... Все в ней! Гнев и ярость,
И наша доблесть, мужество и честь.
Идущим с ней — неведома усталость,
В ней наша сила, с нею наша месть.
... Рази врага! Нещадно! Смертным боем!
Когда достигнешь, — штык в него вонзи,
Штыком не взять — так задуши рукою,
Не взять рукой — зубами загрызи!
Не упusti! Убей! Иль он воспрянет,
Убьет тебя, жену и дочь твою,
Пусть ненависть твоею жизнью станет,
Твоим вторым оружием в бою.⁷⁰

Такие стихи не просто «врастали» в газетную полосу, а, являясь ее эмоциональным центром, давали ей как бы новую жизнь, поскольку позволяли читателю словно бы новыми глазами взглянуть на потрясающие человеческие документы:

... Деревушка.

Руины.
Пепел.

У околицы детский труп.
Он еще не остыл. Он тепел.
Кровь сочится из нежных губ.

... Слезы стынут в глазах гвардейца.
Возмущенье растет в груди.
Враг,

от нас спастись не надейся
И пощады в бою не жди!
... Мы идем по следам убийцы,
В нашем сердце священный гнев.⁷¹

И тем сильнее были результаты поэтического вторжения в читательские сердца: вызванные им переживания имели такую общественную весомость, что неминуемо становились неотъемлемой частью нравственного опыта читателя и его нравственным подспорьем в такое трудное и сложное время.

Но чувство священной мести отнюдь не застилало глаза человеку, оно очищало его и делало еще более твердым и несгибаемым. Свидетельство тому — отрезанный от всей страны кольцом блокады, каждый день теряющий от бомбежек и голода 6—8 тысяч

⁷⁰ Там же, 1942, 18 сентября.

⁷¹ Там же, 1942, 25 августа.

человек город, который продолжал жить и сопротивляться бешеным атакам фашистов. Потому-то он и стал для поэтов символом, предвещающим смерть врагам уже одним своим существованием.⁷²

Стихи о прекраснейшем и красивейшем городе мира, с его великолепными дворцами и пригородами, городе, который день за днем методически разрушался фашистами, построенные на усиливающих их звучание ретроспективных ассоциациях, вызывали высокие патриотические эмоции:

Мальчишками мы здесь играли прежде,
Луна, как страж, стояла над дворцом.
Мы радовались сбывшейся надежде,
И шум листвы дубов нам был знаком.
О, как сверкали светлые фонтаны,
Как рвался к солнцу бронзовый Самсон!
О, поздней осени узор багряный!
И вот уж парк снегами занесен.

И нет дворцов — развалины чернеют.
Где бронзовый смеялся великан,
Там проволока, скрытые траншеи,
Там хищный зев зенитной батареи
Распахнут, словно огненный капкан.
Так бей по ним, вцепившимся в сугробы,
Карай убийц, дотла испепеля.
Так мсти, чтобы фашистам стали гробом
И русский снег, и русская земля.⁷³

Не случайно стихи, посвященные собственно городу, проникнуты особым сыновним чувством. Ибо как бы ни было тяжело на фронте, бойцы знали: еще тяжелее Ленинграду. Поэтому так проникновенны впечатления поэта от встречи с детьми, выравшимися из вражеского кольца, так яростна его клятва:

В пути на фронт встречали мы детей,
Прорвавшихся через кольцо блокады.
Они просили: «Дядя, поскорей,
Гоните немца прочь от Ленинграда».

И долго вслед глядели их глаза.
Мы шли вперед на выстрелы глухие...
Нет, никогда не отойдет назад,
Кто видел их глаза, — глаза детей сухие!

В них мы прочли всю горечь тяжких дней,
Недетские печали и мученья,
Обстрелов грохот, холод тех ночей
И страстную надежду на спасенье...

И поклялись мы клятвою солдат —
Идти вперед сквозь гром и пламя боя,
Вперед за родину, за гордый Ленинград,
За тех детей, за счастье молодое!⁷⁴

⁷² См.: А. Тарасенков. Бей врага до конца! — «На страже Родины», 1942, 4 февраля.

⁷³ Там же, 1942, 18 марта.

⁷⁴ Там же, 1942, 6 октября.

Кипевшая гневом и яростью газетная поэзия этого периода, с каждой страницей призывая к ненависти и мести, с еще большим правом заявляла о себе как о поэзии высоко гуманной, которая зовет к защите человека и человечества. Тем самым она становилась еще более активным выразителем его человеческой сущности.

6

... Близился долгожданный день. Стремилась к соединению войска Ленинградского и Волховского фронтов. Тяжелыми и кровопролитными были бои под Ленинградом. Но ярость обреченных уже не в силах была удерживать наступательный порыв ленинградских воинов. И наконец пробил радостный час, наступил «великий день». Именно так назвал свою статью Н. Тихонов, опубликованную 19 января 1943 г. — на следующий день после прорыва блокады — на страницах газеты «На страже Родины». В ней он глубоко и точно выразил мысли и чувства всех ленинградцев. Само слово «победа» стало паролем встречи двух фронтов. «Только тот, кто провел всю осаду в городе, кто работал день и ночь, преодолевая невероятные испытания, страшные лишения, огромное напряжение, кто вынес все бомбардировки, обстрелы, голод и холод, тот поймет до конца простое и величественное значение этих слов: блокада Ленинграда прорвана!».⁷⁵

И хотя эта победа еще не была концом борьбы, и хотя еще советским людям предстояло пережить много невероятных трудностей, чтобы приблизить час окончательной победы, но в душе каждого как бы наступила эмоциональная разрядка. Уже можно было уделить больше внимания внутренним повседневным человеческим делам. И какими бы «жгучими» ни бывали отдельные газетные полосы, основной тон публицистики становится более спокойным и аналитичным, направленным не только на дальнейшую мобилизацию человеческих возможностей, но и на более глубокое проникновение в будничную повседневность фронта и города. Не случайно поэтическое слово называют кардиограммой души народной: оно сразу же уловило этот перелом. Стихи поэтов, сотрудничавших в «Ленинградской правде» и газетах Ленинградского фронта и Балтийского флота, для которых характерна внутренняя обусловленность жизненными, конкретными заданиями, давали теперь выход иным человеческим качествам и эмоциям, которые раньше были как бы запрятаны глубоко внутри человеческой души.

В стихах, появлявшихся в течение 1943 г., уже ощутимо пробивалась тема возрождения.

Действительно, прожитое тяжелое время, обрушившее на человека невероятные лишения и страдания, от которых, казалось,

⁷⁵ Там же, 1943, 19 января.

сердце должно было окаменеть и стать глухим ко всем чувствам, кроме ненависти, оказывается, сделало его еще более чутким и отзывчивым, научило еще крепче ценить дружбу, любовь; поэтому и стиху на газетном листе оказались не чужды интимные ноты:

И чувствуешь тогда, как неизбежность,
Как наше право побеждать и жить,
Что рядом с гневом притаилась нежность,
Которую ничем не заглушить.⁷⁶

Но и эту сторону человеческой природы поэты стремятся связать с гражданственностью чувства:

Друг! Сегодня уж очень с поляны
Вдруг пахнуло зеленой весной.
Здесь не видно тебя, мой желанный,
Здесь не слышно тебя, мой родной.
Снова ветер стал теплым и нежным,
Снова соком березы полны, —

Значит чайка крылом белоснежным
Вновь касается пенной волны.

Охраняй, чтоб немецкие пули
Не свистали пад нашей страной,
Охраняй, чтоб, как птицы,

Мои руки при встрече с тобой.⁷⁷

Именно это очищающее чувство природы и нежности и позволило поэтессе П. Кагановой прежде всего сделать ненавязчивое эмоциональное ударение на гражданской ноте.

Вот почему стихи, полные возвышающего чувства нежности и верности, стояли на газетном листе рядом со строками о ратных делах солдата и не размягчали его душу, а, наоборот, делали ее еще более собранной. Это ощутимо, например, в стихотворении М. Дудина «Вместо письма», в особой целомудренности и чистоте выражения подобного чувства, в особой ценности его для лирического героя:

Сквозь сон я слышал голос твой:
— Я так люблю тебя, родной.
Уже который день подряд
Сидит отряд и ждет отряд.
Я здесь на дальнем берегу
Твое дыханье берегу.
На темных скалах тлеют мхи,
Приходят запросто стихи.

И со стихами мне опять
Идти на бой, ночей не спать.
Прилечь на стылую траву,
Увидеть звезды и Москву,
Опять услышать голос твой:
— Я так люблю тебя, родной.
Вздохнуть спокойно, глубоко,
Сказать: — Спасибо, мне легко!⁷⁸

Стремление уловить и в газетном стихе великую красоту подлинно человеческих отношений, не подвластных тяжести фронтового быта и мучительным последствиям блокады, позволяло прикоснуться к тому высокому и великому, что направляло действия человека во имя освобождения Родины. От такого прикосновения еще четче осмыслилась личная ответственность его перед лицом Истории с большой буквы, личная ответственность за избавление Родины от дальнейших мук. Нет, не на дорогах отступления, как показалось В. Дементьеву, восклицал С. Наровчатов: «Россия, мати! Свете мой безмерный». Вместе с бойцами поэт проходил

⁷⁶ См. в кн.: В редакцию не вернулся. М., 1970, кн. 3, стр. 158.

⁷⁷ «Красный Балтийский флот», 1943, 3 апреля.

⁷⁸ Там же, 1942, 14 ноября.

по освобожденным районам, и у него, как и у них, буквально стыло сердце от тех мук, которые пришлось принять исконно русской земле, от тех ран и морщин, что покрыли ее. Но поэт становится не просто мыслителем, а высоким судьей, он оказывается во власти глубоких размышлений над судьбой Родины и народа. В его стих врывается не только злободневность потрясающих человеческих документов вроде письма: «Дорогой сын, мы тебя просим: мсти немецким извергам, пока будет биться твое сердце в груди». Сама история, пронизывающая его страстный монолог, дает ему это высокое право:

Я проходил, скрипя зубами, мимо
Сожженных сел, казенных городов,
По горестной, по русской, по родимой,
Завещанной от дедов и отцов.
Запоминал: над деревнями пламя
И ветер, разносивший жаркий прах,
И девушек, библейскими гвоздями
Распятых на райкомовских дверях.
И был раззор. И все бесчинства метил
Паучий извивающийся знак.
И виселицы выселись. И дети
Повешенных старели на глазах.

В своей печали, древним песням равной,
Я села, словно летопись, листал,
И в каждой бабе видел Ярославну,
Во всех ручьях Непрядву узнавал.
Крови своей, своим святыням верный,
Слова старинные я повторял, скорбя:
— Россия, мати! Свете мой безмерный,
Которой местью мстить мне за тебя?⁷⁹

Кажется даже парадоксальным, что именно тяжесть впечатлений, страшные картины разрушений, причиненных бедствий давали крылья символическим обобщениям мужества и стойкости, олицетворением которых был в глазах поэта даже самый маленький истерзанный клочок ленинградской земли:

Полки немецкие катились к Ленинграду,
Стремилась танки черные вперед.
И день и ночь гремела канонада
С залитых кровью Пулковских высот.
Прикрыть глаза рукой — и предо мною
Предстанут вновь воронки на траве,
Да отблески багровые в Неве.
Все мужество, всю силу, всю отвагу
В комок собрал в то время Ленинград.
Клочок земли. Но сказано:
— Ни шагу!
Отсюда мы не сделаем назад!
Ни злобный свист смертельного снаряда,
Ни друга умирающего взгляд,
Ни темнота, ни голод, ни блокада —
Ничто не надломило Ленинград.⁸⁰

⁷⁹ «Ленинградская правда», 1943, 13 августа.

⁸⁰ «Красный Балтийский флот», 1943, 12 марта.

И то, что газетная поэзия, будучи чутким нравственным барометром этого труднейшего времени, не могла не отреагировать на, казалось бы, необычное состояние души воюющего человека, стремящегося во всем сберечь человеческую красоту, позволяет ей теперь найти самые спокойные интонации даже в тех случаях, в каких она раньше не могла говорить спокойно:

Над нами смерть, как сон, витала,
Нас окружал четыре дня
Поток разящего металла,
Циклон ревушего огня.

И даже не было в сторонке
Клочка нетронутой земли,
Кругом — воронка на воронке,
Мы только в них дышать могли.⁸¹

А. Чивилихин пытается передать состояние души человека в момент наивысшего напряжения боя, когда человек испытывает духовный подъем. Поэт считает своей гражданской обязанностью лично самому донести до читателя силу и красоту этого чувства:

Атака — это не прогулка.
Нелегко жребий твой, боец,
Когда снаряды рвутся гулко,
Свистит губительный свинец.
Но знает тот, кто шел в походы,
Что есть в борьбе за честь свою
Не только беды и невзгоды:
Есть упоение в бою.
Пора, пора! Забудь усталость!
Ты полз, теперь бегом, бегом!
Последних пять шагов осталось,
И ты встречаешься с врагом.

И не спасут его молитвы,
Он сдохнет здесь — в чужом краю.
Есть страсть войны, есть радость
битвы,
Есть упоение в бою!

Продлись, отрадное мгновенье!
Враг испытает месть твою.
Есть жажда битвы, сладость мщенья,
Есть упоение в бою.⁸²

Уже в период весеннего наступления 1943 г. на страницах газет был поэтически озвучен мотив победы. А. Прокофьевым это было сделано с его пристрастием к праздничному, яркому слову:

Что такое — шаг вперед?
Это — гоним немцев взащей,
Это значит, друг мой, наша,
Наша, черт возьми, берет!

Это — клин родной полоски,
Холм заречный, луговой,
С нашей русской березкой,
С нашей вешнею травой!⁸³

Образность стихотворения В. Шефнера несет в себе весь сгусток размышлений о пережитом и наполняет реальностью предчувствие нелегкой, но обязательной победы:

Гневом дышит лик ее суровый,
Путь ее тревожен и далек, —
На ее челе венец терновый
Из колючей проволоки лег.

Все неотвратимей, все суровой
Воинов на бой она зовет,
И черны от пороха и крови
Руки, устремленные вперед!⁸⁴

Стихи и дальше будут печатать и «Ленинградская правда», и «На страже Родины», и «Красный Балтийский флот». Но главное поэтическое слово было уже произнесено. Поэтому, когда 29 ян-

⁸¹ «Ленинградская правда», 1943, 19 февраля.

⁸² «На страже Родины», 1943, 25 апреля.

⁸³ Там же, 1943, 16 марта.

⁸⁴ «Ленинградская правда», 1943, 19 февраля.

варя 1944 г. в газетах с необыкновенной силой прозвучало слово публицистов, как это было в статьях Н. Тихонова «Город-победитель» и «Ликуй, наш город», поэтам оставалось только присоединиться к нему. Ибо они ощущали это событие так, как могли ощутить только поэты: «Величайшее событие в жизни Ленинграда: полное его освобождение от блокады. И тут у меня, профессионального писателя, не хватает слов. Я просто говорю: Ленинград свободен. И в этом все».⁸⁵

Так писательское слово, и главным образом слово поэтическое, на страницах газет времен ленинградской блокады, словно тончайший аппарат, отражало биение народного сердца, малейшие его толчки и перебои, горение и порыв, его ненависть и любовь, горечь утрат и радость победы, другими словами, — все те качества бойцов и граждан, которые позволили им выстоять в неимоверных условиях на протяжении трех подобных вечности лет, и не просто выстоять, но и победить. В этом немалая заслуга принадлежала поэтическому слову. Именно оно дало начальную жизнь на газетных страницах лирическому эпосу — «Ленинградской поэме» О. Берггольц, «Пулковскому меридиану» В. Инбер, «Невской повести» В. Саянова, «России» А. Прокофьева и другим произведениям этого плана. Справедливым оказалось предсказание одного из тех, кто вместе со своими товарищами по оружию в годы блокады по-солдатски честно нес свою поэтическую службу: «Разверните подшивки „Красного Балтийского флота“, „На страже Родины“, „Ленинградской правды“, наших многотиражных газет — это добыто трудом и кровью, это честная боевая работа».⁸⁶

⁸⁵ В. Инбер. Собр. соч. в четырех томах, т. 3, стр. 358.

⁸⁶ «Звезда», 1943, № 1, стр. 118.

**ПОЭЗИЯ НА СТРАНИЦАХ
АРМЕЙСКИХ ГАЗЕТ**

Советская литература военных лет, о которой так много писали и пишут как о невиданном дотоле этическом и эстетическом феномене, более чем когда-либо проявляла себя в военной газете, одном из самых действенных орудий, находившихся на вооружении армии, выполнявших «огромную политическую работу по сплочению красноармейских масс на борьбу с ненавистным врагом».¹ Газета на фронте давала бойцу «ту духовную пищу, которая ему нужна как воздух», укрепляла любовь воинов к Родине, усиливая ненависть к фашизму, неумолимо пропагандировала благородные освободительные цели. Она внедряла навыки героической борьбы с врагом, пропагандировала «великие традиции русского народа», занималась всем тем, что нужно для победы — «от умения воевать до поведения в бою», широко освещала боевой опыт, рассказывала о подвигах героев, об удачных боевых операциях, нещадно бичевала недостатки, собирала и обобщала опыт партийной работы, неустанно разъясняла воинам, что первая и священная задача их — добиться полной победы над врагом.²

О такой боевой газете, «отважной подруге на походе, товарище в огне ночных атак», писал в одном из своих фронтовых стихотворений Вс. Рождественский:

Газета, каждой буквою родная
Для смелого советского бойца,
Красноармейская и боевая,
Будь с нами в наступленье
до конца!
Вселяя в нас уверенность героя,
Твоя, всегда горячая, строка

Нужна нам, как обойма в шуме боя,
Как сталь красноармейского штыка.
Рожденное в боях поры суровой,
Ведь огонь прицельный по врагам,
Твое правдивое, простое слово
Крепить победу помогает нам.³

В этом отношении газеты армий, сражавшихся за Ленинград, — «Боевая красноармейская», «Удар по врагу», «Ленинский путь», «Боевая тревога», «Бей врага», «В решающий бой», «Отважный

¹ «Ленинский путь», 1942, 5 мая.

² «Красная звезда», 1943, 30 мая.

³ «Ленинский путь», 1942, 5 мая.

воин», «Знамя победы», «Вперед за Родину» и др., шли в едином строю со всей советской фронтовой печатью, изо дня в день создавая «славную летопись непревзойденного, массового героизма советских людей в боях за честь, свободу и независимость своей Родины».⁴ Армейские газеты были добрыми друзьями, мудрыми наставниками воюющего народа — они разъясняли ему политику партии и правительства, высокую освободительную миссию страны Советов. Ежедневно и ежечасно они воспитывали марксистско-ленинское мировоззрение своих читателей, показывая и формируя источники высокого морального духа советских воинов, помогая правильно истолковывать стремительно разворачивающиеся события, связывать воедино казалось бы разрозненные факты, видеть перспективы общественного развития, понимать суть процессов, протекающих на войне. В простой и доходчивой форме трактуя проблемы счастья и долга, социальной ответственности, высокой гуманистической миссии советского человека и т. д., фронтовая печать воспитывала преданность и любовь к социалистическому отечеству, обосновывала право на ненависть и месть, утверждала веру в правоту своего дела и веру в победу.

Общеизвестно, что среди необыкновенного многообразия жанров литературы, утвердившихся в газете, совершенно особую роль приобрели поэтические: «Стих получил особое преимущество. Он писался быстро, не занимал в газете много места, сразу поступал на вооружение, особенно если он был хорошим лирическим образом или представлял сатирическую картинку».⁵ Поэтическое перо в полном смысле слова «приравнялось к штыку», потому что говорило не только о внутреннем мире человека на войне, о сложных нравственных состояниях, о формировании и выражении высоких чувств патриотизма, героизма, национальной гордости и интернациональной солидарности, но и конкретно, практически помогал воинам совершенствовать свое боевое мастерство, учило, как реализовать храбрость и мужество в военной сметке, сноровке и ловкости; чувство боевого товарищества — в железной дисциплине, правилах субординации, навыках координирования усилий; священную ненависть к врагу — в четком выполнении присяги и устава; страстный патриотизм — в умении правильно обращаться с оружием и т. д.

Никогда еще, как верно отмечалось в критике, «наша поэзия не разговаривала с такой величавой открытостью и прямоотой с Вечностью, Историей, Народом...».⁶ И, пожалуй, никогда еще после Маяковского не бросалась с такой самоотверженностью в несвойственную ей утилитарность: подробно «инструктировала», как

⁴ С. И. Жуков. Фронтовая печать в годы Великой Отечественной войны. М., 1968, стр. 3.

⁵ Н. Тихонов. В дни испытаний. — В кн.: С пером и автоматом. Писатели и журналисты Ленинграда в годы блокады. Л., 1964, стр. 20.

⁶ А. Павловский. Русская советская поэзия в годы Великой Отечественной войны. Л., 1967, стр. 133.

сражаться штыком и прикладом, владеть автоматом и «лимонкой», «максимом» и минометом, как отрывать окоп и землянку, чистить оружие и пользоваться лыжами в условиях фронтовой русской зимы. Это стало единым и неделимым: воплощенная в самой сложной метафоричности или выраженная в словах «великих и простых» борьба за красоту мира и природы, за красоту человеческого духа и человеческих устремлений и — плакат, лозунг, стихотворное «наглядное пособие»! «Нет более доходчивой формы выражения гнева и радости, печали и восторга, чем форма стиха, который может заставить . . . биться солдатское сердце, крепче держать в руках винтовку, смелее идти на врага», — подчеркивал поэт-фронтовик И. Авраменко.⁷

«Высокая» поэзия разграничивалась с «прикладной» не по принципу большего или меньшего профессионализма. На страницах армейских газет соседствовали произведения тех, кого по праву считали «классиками», и тех, чье обращение к стиху — нередко в первый и последний раз — было вызвано крайней напряженностью ситуации, дошедшей до предела в минуты величайшего всенародного потрясения, обостренности мыслей и чувств. Подбирая слова беззаветной и самоотверженной любви к Родине, клятвы бороться с ненавистным врагом до единственного — победного конца, слова боли за беспределность человеческих страданий, тоски по оставленному или утраченному дому, люди, не имевшие никакого отношения к литературе, обращались к поэзии.⁸ И временами совершалось чудо — возникали подлинно поэтические произведения, до сих пор потрясающие своими художественными открытиями. И, наоборот, поэты-профессионалы, работавшие в армейских газетах, отвечая насущной потребности момента, часто сознательно шли на создание произведений, которым заведомо суждена была недолгая жизнь, — поэтического репортажа, отчета, информации, «шапки» или «окна», стихотворного «инструктажа», «агитки». Это было необходимо, потому что солдатами не рождаются, а становятся, потому что на фронт пришли бесконечно мирные люди. Они впервые взяли в руки оружие и должны были стать настоящими воинами, овладеть воинским мастерством. И поэты, сражавшиеся за Ленинград, тоже должны были помочь им воспитать в себе мужество, презрение к смерти, присутствие духа в опасности. А для этого в первую очередь надо было усвоить ряд самых элементарных приемов ратного труда, научиться владеть оружием. Когда-то Маяковский писал:

⁷ И. Авраменко. Поэты-воины. Обзор.— «Знамя победы», 1942, 13 марта.

⁸ «Теперь, когда вся страна охвачена единым порывом, единой страстью — разгромить ненавистного врага, так много людей тянется к поэтическому творчеству», — писал И. Авраменко в обзоре «Поэты-воины». Он отмечал, что около 200 стихотворений было получено редакцией газеты «Знамя победы» только с июля 1941 по март 1942 г. 50 из них напечатано («Знамя победы», 1942, 13 марта).

Фашист
 угрожает.
Кто уймет его?
Умей
 управляться
Лентой
 пулеметовой.⁹

Поэзия на страницах ленинградских армейских газет тоже не-
устанно призывала и учила воинов «управляться» любыми ви-
дами оружия вместе и каждым в отдельности:

В бою все средства хороши	Бей фашистов миной советской,
Рази врага штыком, гранатой,	Настигай их в любой поре,
В единоборстве — задуши,	Чтобы некуда было деться
Пехотной уложи лопатой. ¹⁰	Трижды проклятой немчурей! ¹¹

Речь шла и о взаимодействии различных видов оружия и военной
техники:

Мощные танки идут впереди,	Чтоб узнал фашист проклятый
Круша и ломая преграды.	Силу русского штыка,
Под их защитой бесстрашно иди	Меткость пули и гранаты,
В атаку на лютого гада! ¹²	Бей врага наверняка! ¹³

Временами традиционный лозунг-призыв (двустипшие, четверо-
стишие, даваемое, как правило, в виде «окна», без подписи автора)
входит и в более крупные произведения. Такова «Песня о ли-
монке» И. Авраменко, посвященная боевым традициям «русской
тяжелой гранаты», которой издавна «всюду громили врага», и за-
канчивающаяся также призывом:

К победным огням впереди, —
Кольцо ненавистной блокады
Гранатой прорви и пройди!¹⁴
На помощь, на зов Ленинграда —

Перекликаются отделенные друг от друга целым годом «призывы»
из газеты «Удар по врагу»:

Через сугробы в мороз и пургу
Умей пробиться вперед.
Где конный и пеший завязнет в снегу,
Там лыжник всегда пройдет!¹⁵

и стихотворение В. Шефнера «Пехота, на лыжи!», опубликован-
ное в «Знамени победы»:

Где танк не пройдет и орудье завязнет,
Где кони — ни взад, ни вперед, —

⁹ «Ленинский путь», 1941, 13 ноября.

¹⁰ «В решающий бой», 1944, 25 января.

¹¹ «Ленинский путь», 1942, 18 февраля.

¹² Там же, 1941, 3 декабря.

¹³ «Удар по врагу», 1942, 28 мая.

¹⁴ «Знамя победы», 1942, 5 марта.

¹⁵ «Удар по врагу», 1943, 18 января.

Там опытный лыжник пройдет без боязни,
К победе и славе пройдет.
Мороз нашу ярость в груди не остудит
Сердца наши гневом горят.
И первое слово за лыжником будет
В боях за родной Ленинград.¹⁶

О необходимости (а временами и о способах) совершенствования воинских профессий изо дня в день, буквально не переводя дыхания, не забывая ни об одной, писали армейские газеты не только в очерках и корреспонденциях, но и в стихах: «Снайпер»,¹⁷ «Пехотинец»,¹⁸ «Артиллеристам»,¹⁹ «Разведчику», «Песнь воздушных патрулей», «Понтонеры», «Минометчику», «Зенитчики»,²⁰ «Ночной истребитель»,²¹ «Связисты»,²² «Сестра»²³ и многие другие.

Особое внимание на протяжении всей войны уделялось «стрелковой ячейке» — окопу:

Чем глубже будет твой окоп,
Тем будешь ты сильней.
Отсюда метко пулю в лоб
Врагу всадить сумеи²⁴
Копай окоп проворно, споро,
Земля твой щит, твоя опора!²⁵

Многие стихи были посвящены «славе русского оружия», «боевой подруге бойца» — прославленной русской винтовке: «Винтовочка-тулячка» и просто «Винтовка» А. Прокофьева,²⁶ стихотворение с этим же названием Вс. Рождественского,²⁷ «Здравствуй, русская винтовка» П. Ойфы и «Песня о винтовке» А. Гитовича,²⁸ «Да здравствует наше оружие!» политрука Д. Хренкова и «Боевая подруга» старшины Д. Плохова²⁹ и т. д.

Стихотворение «Песня о винтовке» заканчивается прямым обращением к читателю-воину:

Изучи ее так,
Чтобы в громе атак
По-суворовски била она.³⁰

¹⁶ «Знамя победы», 1944, 11 января.

¹⁷ Там же, 1943, 12 февраля.

¹⁸ «Отважный воин», 1944, 16 января.

¹⁹ «В решающий бой», 1942, 18 февраля.

²⁰ «Ленинский путь», 1943, 26 июня; 1941, 16 августа; 1941, 17 ноября; 1941, 4 декабря; 1942, 11 июня.

²¹ «Боевая тревога», 1943, 16 июня.

²² «Знамя Родины», 1941, 8 августа.

²³ «Бей врага», 1943, 8 июня.

²⁴ «Знамя победы», 1942, 30 августа (в подборке: «Стрелковая ячейка — крепость обороны!»).

²⁵ «Ленинский путь», 1943, 28 марта.

²⁶ «Отважный воин», 1943, 5 июня и 3 марта.

²⁷ «Ленинский путь», 1942, 9 мая.

²⁸ «Удар по врагу», 1942, 13 марта и 19 мая.

²⁹ «Ленинский путь», 1941, 12 июля; 1942, 27 июля.

³⁰ «Удар по врагу», 1942, 19 мая.

Вс. Рождественский в шутильной сценке «Винтовку береги» воспроизводит диалог двух бойцов. Опытный снайпер, отличный солдат, учит необстрелянного товарища нехитрому мастерству чистки оружия:

Пуля, милый мой, не дура,
Не полезет через грязь.³¹

В. Шефнер в стихотворении «Мастерство» убеждает солдата в необходимости того, «чтоб каждый винт служил тебе на совесть в оружии, доверенном тебе», потому что «порой от мелкой незаметной гайки зависит жизнь и боевой успех»:

Тебе страна оружие вручила,
Умей владеть оружием своим.³²

Газета не устает подчеркивать личную ответственность каждого солдата за то, что происходит на войне:

За нас никто врага не разобьет —
Иди вперед, будь смелым, стойким, ловким.
Пусть каждый воин скажет и поймет:
Успех зависит от *моей* винтовки,
Победу принесет *мой* пулемет!³³

Опубликованная 11 июля 1941 г. в газете «Знамя Родины» стихотворная «Памятка бойцу» дает целую серию практических указаний, как лучше воевать, и заканчивается заверением: «... и после этого ты станешь умелым опытным бойцом». Через многие полосы армейских газет проходит призыв, воплощенный в самые разнообразные жанровые формы:

И в обороне, и в наступленьи
Силу и храбрость помножь на уменьи!³⁴

Очень скоро сама фронтовая поэзия начинает констатировать тот факт, что уроки не проходят даром:

Мы обстрелялись, выросли, узнали
Законы боя, музыку побед.³⁵

или

Нас солнце обдало загаром,
Мы научились войне.³⁶

Так поэзия на страницах армейских газет помогала делать большое и важное дело — ведь мужество в бою неотделимо от высокого боевого мастерства. Знание своего дела, уверенность в своих силах рождают смелость, дают возможность быстрее и лучше действовать, являются важными предпосылками подвига и победы.

³¹ «Ленинский путь», 1942, 6 марта.

³² «Знамя победы», 1942, 14 мая.

³³ «Ленинский путь», 1943, 21 марта.

³⁴ Там же, 1942, 20 сентября.

³⁵ В. С а я н о в. Лето 1942 года. — «Знамя победы», 1942, 9 июня.

³⁶ М. Д у д и н. Трудовой порыв. — Там же, 11 июня.

Кроме того, одновременно с конкретными советами и рекомендациями эти стихи (как «маститых», так и начинающих поэтов) в большей или меньшей степени отличало характерное для литературы военных лет вообще стремление к историзму. Винтовку не просто надо было «освоить» — научиться «точности удара» (Вс. Рождественский), уходу за ней и владению ею. Нужно было еще и «осмыслить» — понять и почувствовать, всем существом своим ощутить — суть принятых вместе с ней по присяге высоких героических и патриотических традиций. Так появлялось в газетных стихах о винтовке дыхание подлинной поэзии — начинала звучать тема величия русского оружия,³⁷ возникал мотив суворовских и кутузовских походов, вспоминались сражения («под Тихвином и Лозовой») гражданской войны. Проблема воинского обучения в стихах армейских газет связывалась с нравственным воспитанием солдата-гражданина. Так фронтовая поэзия даже в самом конкретно-прикладном ее выражении способствовала формированию внутреннего мира советского воина, которому суждена была великая историческая миссия освобождения мира от гитлеровской Германии.

Армейские газеты всех фронтов, протянувшихся от Черного до Баренцева моря, какими-то своими чертами, естественно, напоминали друг друга. Можно найти много общего и в стихах, с большей или меньшей регулярностью публиковавшихся на страницах самых различных армейских газет. Это же по справедливости в определенной мере относится к «Ленинскому пути» и «Отважному воину», «Знамени победы» и «Удару по врагу» и т. д. Но в то же время необычайно ярко и очевидно, буквально с хрестоматийной наглядностью выделяется особое качество, специфический присущее только газетам войск, сражавшихся за Ленинград, отличающее их от других, придающее им как бы свое лицо. Это — тема блокированного города, трагическая и величественная. Она пронизывала газетные материалы, беспримерная героическая симфония «небывалой борьбы и неповторимой судьбы» (О. Берггольц) никакими испытаниями не покоренного города. Она в особенности определяла облик этих газет, их пафос, их эмоциональную атмосферу, характер чувств и манеру проявлений. В создании и утверждении этой атмосферы определяющую роль сыграла поэзия: «профессиональная» и «непрофессиональная», прямо посвященная жизни города-героя или «вводящая» его в качестве какой-то детали, какого-то элемента художественного образа, воплощенная в жанре поэмы или баллады, лирического стихотворения или песни, стихотворной корреспонденции или очерка, поэтической «шапки» или стихотворной «врезки».

³⁷ Бессмертна в веках и священна по праву
Оружия русского гордая слава!
(«Отважный воин», 1943, 3 марта, «шапка»).

Ленинград всегда занимал совершенно особое положение в жизни советских людей. В годы войны в этом городе, неотделимом от нашей революционной истории, городе неповторимой красоты и духовной культуры сфокусировались лучшие традиции прошлого нашего народа, лучшие качества настоящего, светлая вера в будущее. Слова «Ленинград», «ленинградец» звучали как символ наивысшего героизма и мужества, непревзойденной нравственной красоты, невероятной, почти немислимой стойкости.

Поэзия армейских газет сумела отразить и все эти черты, и все этапы героической обороны города, начиная с лета 1941 г., когда в стихах, с одной стороны, все более тревожно начинала нарастать тема надвигающейся ленинградской блокады, а с другой — все сильнее утверждалась, приобретала все более уверенное звучание тема непрременной победы. В это напряженное время, когда каждый день приносил тягостные известия о наступлении врага, которое продолжалось, несмотря на героическое сопротивление, армейские газеты из номера в номер печатали полные боли и гнева строки ленинградских поэтов о невозможности отдать врагу гордость России — город Ленина, символ и колыбель Октябрьской революции, о необходимости отстаивать до последней капли крови его «каждый камень». Временами буквально в одном и том же произведении крепнет срывающийся от слез голос, обретая веру и мужество, переходя на ритм приказа и марша:

... здесь каждый выступ, каждый дом
Живой, друзья, живой!

И сразу же:

— Ни шагу назад! Позади Ленинград.
Ни шагу назад, ни шагу назад!
Не встанет на колени он
Любою злой порой —
Великий город Ленина,
Наш доблестный герой!³⁸

А газетные строки все тревожнее: «Враг у ворот Ленинграда! Удесятерим удар по фашистской сволочи! Отстоим великий Ленинград!».

Вот несколько наугад взятых номеров газеты 8-й армии — «Ленинский путь». Они почти не требуют комментария. Само содержание их глубоко символично.³⁹ Героический отпор врагу «повсеместно, где скрещены трассы свинца», организует партия:

³⁸ А. Прокофьев. Ни шагу назад! — «Ленинский путь», 1941, 27 августа.

³⁹ Это была газета знаменитого «Ораниенбаумского пятачка», армии, которая «приняла на себя удар на рассвете 22 июня 1941 г.» и с той поры «не имела ни одного дня передышки». См.: Д. Хренков. У истоков. — В кн.: С пером и автоматом, стр. 204.

Коммунист, комсомолец, героев веди!
Будь в бою и атаке всегда впереди! ⁴⁰

Этот лозунг в той или иной форме проходит через все газеты. И в стихах начинают оформляться первые — документальные — образы тех героев, за которыми следует идти, на которых следует равняться. Стихи Д. Хренкова о М. Компанийце, пастухе, колхознике, чернорабочем, затем политработнике, участнике войны с белофиннами, появляются рядом с очерком о нем, в котором приводятся выдержки из бесед комиссара с бойцами о том, что смелого пуля боится, что в атаку надо идти только с одним — победить, а умереть в атаке — так только стоя, не сгибаясь, прямо! Об этом же пишет Д. Хренков:

И месяц желтый нависал
Над лесом молодым.
Нас вел в атаку комиссар —
Сквозь лес, огонь и дым.

И пули падали к ногам,
Не смея тронуть нас,
Когда неслись мы на врага,
Чтоб выполнить приказ.⁴¹

«Коммунисты, вперед!» — и вслед за коммунистами встают комсомольцы. Политрук Г. Томашевский в стихах с характерным названием «Мы идем!» напоминает боевым товарищам о славном прошлом комсомольцев города Ленина:

Годы, объятые пламенем,
Кровью пылал горизонт...
Под революции знаменем
Шли комсомольцы на фронт

Снова оружие поднято —
Враг к нам на землю пришел.
Верным защитником Родины
Встал боевой комсомол.⁴²

.

Как бы проводя боевой смотр защитников города, подтверждает это бывший участник гражданской войны А. Прокофьев:

В походе беспримерном
Под пулеметный дождь
Первою из первых
Выходит молодежь.⁴³

И вот уже возникает ощущение нарастающего движения всех воинских рядов, поднимающейся на врага за строем строй народной армии:

Идут красноармейские колонны,
Суров и грозен их походный строй:
За Ленинград — наш город непреклонный,
За Ленинград — любимый город свой!⁴⁴

⁴⁰ Подобные хлесткие и звонкие папки-призывы, венчающие полосы, развороты и т. д., в „Ленинском пути“ сочиняли обычно Д. Хренков и Р. Бершадский.

⁴¹ Д. Хренков. Слово о комиссаре Коломийце. — «Ленинский путь», 1941, 29 августа.

⁴² Там же, 1941, 9 сентября.

⁴³ Там же, 1941, 10 сентября.

⁴⁴ А. Прокофьев. Идут красноармейские колонны. — Там же, 1941, 23 сентября.

Так на страницах ленинградской фронтовой печати утверждается тема священной войны — всенародной, Отечественной. Следующее более широкое временное и пространственное измерение, более объемный поэтический «круг охвата» создает старый поэт-правдист, соратник Ленина, Д. Бедный в своем напутствии городу-герою:

Но, пролетарский исполин,
Мы все с тобой, ты не один.
... вся страна — и стар, и млад
Встает грозой за Ленинград.⁴⁵

А тучи сгущаются все грознее, «все жарче, сильнее разгорается бой».⁴⁶ «Фашисты хотят разграбить город, в котором жил и работал великий Ленин, город, в котором творили Пушкин, Некрасов, Чайковский, где создавалась наша национальная культура...». Но «Ленинград живет и будет жить!»,⁴⁷ — пишет один из его защитников, политрук А. Бакалов. И вот уже поэзия, высветив уходящую в глубь веков ретроспективу истории, формулирует единственно закономерный и неизбежный вывод:

Родину беречь нам завещали деды,
Жизни не щадя, в атаку шли отцы.
Выпал час и нам сражаться до Победы.
— В бой! Вперед! За Родину, бойцы!⁴⁸
Фашисты беснуются дикой оравой,
Но им в Ленинграде вовек не бывать —
В боях закаленный, оваянный славой
Наш город сумеет себя отстоять.⁴⁹

Враг был остановлен именно здесь — под Ленинградом. Впервые за два года второй мировой войны был сорван стратегический план фашистской военной машины. «Эта остановка стала для них первым наиболее серьезным и ощутимым препятствием за все время военных действий в Европе».⁵⁰ Но испытания города и его защитников только начинались.

Подобная насыщенность ленинградскими материалами, когда общей задаче подчиняется все — от передовой до «окна», когда вся газета приобретает характер как бы единого произведения, многоголосного решения единой темы, будет отмечена еще дважды — в исторические периоды прорыва и снятия блокады, когда героическая и скорбная мелодия Ленинграда зазвучит всеохватывающим *crescendo*, все более и более нарастая, до слияния с громоподобными раскатами победных салютов. Но и во все остальное время героической эпопеи она будет переходить из номера в номер, воплощаясь в самые различные ипостаси, повора-

⁴⁵ «Ленинский путь», 1941, 22 сентября.

⁴⁶ Там же, 1941, 3 октября.

⁴⁷ Там же, 1941, 23 сентября.

⁴⁸ Там же, 1941, 22 сентября.

⁴⁹ Там же, 1941, 21 сентября.

⁵⁰ Очерки истории Ленинграда, т. V. Л., 1967, с. 655.

живаясь одними или другими своими сторонами, приобретая то более общий, то частный характер. Это — убеждение в несокрушимости города-фронта, города-исполина и вера в победу, острое чувство истории Ленинграда, слитой с историей всей страны, и исторического смысла подвига, которому жить в веках, всенародный характер борьбы за город Ленина и ощущение слиянности, спаянности защитников со всей страной, тема мести за неимоверные муки ленинградцев, беспредельной нежности к неповторимой красоте улиц, площадей, памятников и картины быта осажденного города, образы замечательных людей, чьи имена неразрывно связаны с Ленинградом — Ленина, Кирова, Чкалова, образы защитников Ленинграда — горожан и воинов, взрослых и детей, наконец, тема светлого будущего города, которое придет после победы.

С самых первых дней обороны Ленинграда на страницах армейских газет возникает и утверждается образ города-богатыря и его славного прошлого, появляется мотив уходящей в глубину веков исторической памяти народа. В войсках, сражающихся на подступах к Ленинграду, часто вспоминают «оттич и дедич» (А. Толстой) — русских богатырей, разгромивших немецких псов-рыцарей на льду Чудского озера. Об этом говорят стихотворения «Волховцам» А. Петрова, «Перед зарей» Н. Савкова, «Что ты пещешь, древний Волхов?» М. Батогова, «Били, бьем и будем бить!» Д. Хренкова:

Помнят доселе разгром врага
Озера Чудского берега!
Но немцы, как видно, забыли урок,
Снова идут на нас тысячей рот.⁵¹

В особом свете выступает облик основателя города — Петра I, который в трудных условиях прорубил «окно в Европу и дорогу в славу» и отстоял со своими воинами Россию, начавшую новый этап своего исторического существования. «Петровой волей сотворен» (Н. Тихонов),⁵² «к жизни вызванный волей Петровой над великою русской рекой», Ленинград дорог современникам «как наших побед торжество» (В. Саянов).⁵³ С тех пор ведется героическое летоисчисление города:

Еще в лесу галдели птичьи стаи,
Еще шумел невырубленный бор,
Но Петр решил:
— Здесь будут вбиты сваи!

⁵¹ Там же, 1941, 18 августа. Следует отметить, что тема принявших на себя первые удары, заслонивших город «ленинградских предместий», как ближайших — Пушкин, Петергоф, Шлиссельбург, так и более отдаленных — Волхов, Чудское озеро, судьба которых так или иначе связывается в эти дни с судьбой самого города, звучит и в поэзии неразрывно с темой Ленинграда.

⁵² «Ленинский путь», 1943, 27 мая.

⁵³ Там же, 1943, 24 июня.

Свой город отстояв ценою бед,
Не сдали Ленинграда ленинградцы, —
Да, в нем ключи чужих столиц хранятся —
Ключей к нему — в чужих столицах нет! ⁵⁴

Ощущение неразрывной связи современности и истории настолько велико, что порой реализуется даже в прямой параллели, соединяющей Медного Всадника и сражающегося красноармейца:

Вот Петр вознесся над гранитом,
Змею расплющил он копытом.
Так храбрый наш кавалерист

Летит дорогой боевою,
А под копытами — фашист
Сдыхает злобною змеею! ⁵⁵

Памятники Ленинграда вообще (эта история, запечатленная в граните и бронзе, неоднократно воспетая поэтами) и в годы войны продолжают оставаться предметом высокого поэтического вдохновения:

На площади каждой истории след,
Великих побед отраженье:
И славных петровых, и наших побед,
Добытых в труде и в сраженье. ⁵⁶

Многие стихотворения посвящены монументам, стоящим на площадях города на Неве: «Петр» и «Суворов» М. Дудина, ⁵⁷ стихотворные подписи Н. Глейзарова под рисунками Л. Коростышевского — «Ленин на броневике», «Суворов», «Кутузов» и др. ⁵⁸ Слава русского оружия, живущая в веках, помогает воюющему народу обрести силу и мужество в настоящем. Центральная и фронтовая печать неоднократно вспоминают знаменательные слова А. Суворова: «Храбрые воины! Приведите себе в сей день на память все наши победы и докажите, что ничего не может противиться силе оружия российского!». ⁵⁹ Во многих стихотворениях, опубликованных в эти годы в армейских газетах, сражение за город-герой осмысливается как одна из величайших битв, которые когда-либо велись в истории:

К плеяде столь прославленных имен,
Как Измаил, Полтава, Севастополь,
Прибавился теперь еще и он,
Град Ленина, о чей гранитный цоколь
Разбилась боевая мощь врага. ⁶⁰

Но у Ленинграда были и еще страницы истории — менее отдаленные во времени, но не менее героические. Это был «город

⁵⁴ В. Шефнер. Город Ленина. — «Знамя победы», 1943, 27 мая.

⁵⁵ Н. Глейзаров. Великие памятники. — Там же, 1943, 26 мая.

⁵⁶ Е. Зайцев. Ленинград. — «Боевая тревога», 1943, 27 мая.

⁵⁷ «Знамя победы», 1943, 27 мая; 1942, 9 сентября.

⁵⁸ Там же, 1943, 26 мая.

⁵⁹ «Ленинский путь», 1943, 6 января («шапка»).

⁶⁰ В. Игнатьев. «К плеяде...» — «Удар по врагу», 1944, 7 января.

наследников славных традиций», «город трех революций»,⁶¹ город, в котором деды и отцы воюющей ныне молодежи подняли «над Невой, над Смольным, над Зимним дворцом» красное знамя (о чем «сквозь течение веков пройдут былины и песни»).⁶² Матери в этом городе, провожая своих сынов на фронт, дают им наказ:

Бейся смело, как отец когда-то
В славном девятнадцатом году.⁶³

Об этом писали не только поэты. В одном из своих номеров «Боевая тревога», газета защищавшей небо Ленинграда 13-й Воздушной армии, опубликовала предсмертное письмо стрелка-радиста Леонида Курьина, чье имя было навечно занесено в списки эскадрильи. Товарищи рассказывали, что он бился, как гордый Сокол из поэмы Горького, — с пробитой в нескольких местах грудью. Спас командира, штурмана, машину. Умирая, сказал: «Крепко дрались...». В его письме говорилось: «Надо отдать свою жизнь так, чтоб за одну взять десятки вражеских. Я иду по стопам отца, который погиб в 1919-м».⁶⁴

Тема великого примера «дней, которые потрясли мир», и последующих героических сражений революционных лет проходит через многие стихотворения — «За Ленинград!» А. Прокофьева (за город, в котором «взлетели октябрьские зори»),⁶⁵ «За нами Ленинград» В. Попова (напоминающего, «как в году восемнадцатом было») ⁶⁶ и «Богатырь» Харитоновна (где звучит клятва «уничтожить врага без пощады, как отцы наши в дни Октября»),⁶⁷ «Город-воин» В. Шефнера (в котором возникает образ ленинского броневика, мчащегося в атаку на фашистов).⁶⁸ Образ Ленина, стоящего на броневике, становится в эти годы во фронтовой поэзии своеобразным символом непокоренного, уверенного в своей победе города. Он проходит через многие произведения, неоднократно появляясь, в частности, у самого В. Шефнера, например в стихотворении «Нет, враг таких не сломит!»:

Здесь Ленин, с высоты броневика,
У хмурого Финляндского вокзала,
Призвал к борьбе — и властная рука
Суровый путь к победе указала.⁶⁹

⁶¹ Вс. Рождественский. Вперед, Ленинграда сыны! — «Ленинский путь», 1942, 21 марта.

⁶² Н. Савков. Колыбель Октября. — «Удар по врагу», 1942, 8 ноября.

⁶³ Вс. Рождественский. Слово матери. — «Ленинский путь», 1942, 27 мая.

⁶⁴ Письмо приведено в очерке А. Садовского «Память героя». — «Боевая тревога», 1943, 7 октября.

⁶⁵ «Удар по врагу», 1944, 21 января.

⁶⁶ Там же, 1942, 5 июня.

⁶⁷ «Вперед за Родину», 1943, 4 июня.

⁶⁸ «Знамя победы», 1942, 22 июня.

⁶⁹ Там же, 1942, 1 ноября.

Подхватывают это и многие другие поэты. Так, в поэме Д. Сергиевича «Павел Сударев» этот образ возникает дважды — в самый разгар блокады:

И торопился к битве Всадник Медный,
И Ленин призывал с броневика
Простертою над городом рукою —
Туда, вперед, в счастливые века!⁷⁰

и затем в момент уже развернувшегося наступления:

Но день настал. Мы, развернув шелка
Знамен, идем вперед, врага сметая,
И путь указывает нам рука,
С броневика простертая над краем.⁷¹

Сама революционная история народа призывает его стрелять в фашистов так, как «била четверть века тому назад Аврора по врагу». Тема наследования патриотических и революционных традиций временами конкретизируется до «персонификации» или воплощается с помощью «вещественных реликвий». Стихотворение «Вперед за Родину, солдат!» Л. Равич создает в форме письма «старого токаря, солдата брусиловских времен» и участника революционных боев в Петрограде, воюющему «за город Ильича» внуку:

По сердцу действуй, по уставу —
В бараний рог врага скрути,
За нашу Нарвскую заставу
С лихвой германцу отплати.⁷²

А несколько позднее, когда фашисты были только что отброшены от Ленинграда и началось наступление, А. Петров пишет стихотворение «У Пскова». В большой опаленной воронке солдаты находят «мундир со свастикой фашиста и каску с медным шишаком». И седоголовый боец, глядя на позеленевшую каску, задумчиво замечает, что это, может быть, его работа: «Ведь с восемнадцатого года я помню здешние поля...». Молодой же батарец подводит итог так: «Может быть, ты уложил отца когда-то, а мне сынка пришлось добить». Как бы завершающим штрихом идеи исторического возмездия возникает в конце произведения образ родной земли, ее бескрайних просторов, на которых испокон веков враги находили себе могилу:

Заносит черную воронку
Летучим снегом февраля...
Родная псковская сторона,
России бранные поля!⁷³

⁷⁰ «В решающий бой», 1944, 26 января (глава 4).

⁷¹ В. Шефнер. Октябрьский салют. — «Знамя победы», 1942, 7 ноября.

⁷² «Вперед за Родину», 1943, 23 июля.

⁷³ «В решающий бой», 1944, 25 февраля.

И память вновь возвращает к исходной точке, когда, начиная с этих рубежей, все больше сжималось железное кольцо вокруг Ленинграда, но голос фронтового поэта взволнованно предрекал:

Не осквернить им ленинградского величья,
Творений наших дедов и отцов!
Слова забыли Невского, — пусть внемлют,
А не по нраву — пусть себе рычат! —
Тот, кто с мечом пришел на нашу землю,
Тот на Руси погибнет от меча!⁷⁴

Но, перелистывая страницы своей нелегкой истории, начиная с времен самых древнейших, не находили советские люди ничего подобного тому варварству, которое в середине XX в. обрушил на Россию фашизм. И поэзия с горечью констатировала, что было много бед у Руси, но никогда еще «не было такого лютого врага».⁷⁵

Убить, уничтожить, стереть с лица земли все живое в Ленинграде — дома, музеи, памятники, стариков, женщин, детей! Враги мечтали об этом: «В Ленинграде шпалеры мертвецов будут стоять вдоль улиц, приветствуя меня», — записал в дневнике один из них, Ганс Мейер.⁷⁶ Они торжествовали, творя неслыханные злодеяния. Вот еще запись из одного дневника, эсесовца Карла Шпаннемана из войск, оккупировавших Пушкин: «С утра расстреляли больше сотни от 12 до 16 лет. В аллее висели портреты Пушкина. На место их повесили мужиков, баб, стариков, детей. Все они — потомки Пушкина. Вешать их, расстреливать!».⁷⁷

Людей нашего времени, помнящих Отечественную войну и являющихся современниками Сонгми, прикосновение к этим пожелтевшим страницам газет потрясает, хотя они максимально сдержанны. Приводятся только немногие факты страданий ленинградцев — отдельные письма фронтовикам родных и близких, которые живут в Ленинграде, свидетельства очевидцев — защитников города, побывавших в кратком отпуске или командировке, очень редко — фото, изображающие город, «весь израненный, в снежном инее». Большой частью иллюстративный материал, посвящен изумительной, нетленной красоте Ленинграда. Но ведь на фронте знают, ценой какого нечеловеческого напряжения и невиданных жертв держится город! Во многих частях, защищающих Ленинград, воины сами ставили вопрос о сокращении им фронтового пайка и увеличении за этот счет снабжения ленинградцев. Партизаны, действующие в оккупированной части области, совершают почти невысказанное — по крохам, по крупичкам

⁷⁴ Н. Савков. Перед зарей. — «Удар по врагу», 1942, 12 апреля.

⁷⁵ М. Батогов. Что ты шепчешь, древний Волхов? — «Ленинский путь», 1943, 1 октября.

⁷⁶ Эти чудовищные слова приведены в газете «Ленинский путь», 1943, 13 января.

⁷⁷ Этот отрывок цитируется в газете «Боевая тревога», 1942, 12 декабря.

собирают продовольственный обоз и тайными тропами доставляют городу:

Эта весть берет свое начало
В том краю, где тьмой покрылся день,
Где до света зарево пылало
От сожженных немцем деревень.⁷⁸

Еще нельзя было назвать славные имена тех, кто свершил этот акт беспримерного гуманизма, — старого партизана, громившего немцев еще в 1914 г., женщины, мальчишки:

Шли они тропинками лесными,
Серебрил им волосы мороз...
В Ленинград с припасами съестными
К нам они отправили обоз.⁷⁹

Но с самого начала было известно одно — это были самые лучшие, «те, кто честен, шли со всей округи в партизан отважные полки»:

Двигутся груженные подводы
— Горячо на сердце, горячо!
Знает мир геройские походы,
Но такого — не было еще!⁸⁰

Поэты-ленинградцы, сражающиеся на фронтах, так же немногословны и сдержанны в описании страшного быта города, как и те, кто находился в Ленинграде. «Январская зима над Ленинградом... Что ни квартира — замогильный склеп», — прорывается у М. Дудина в стихотворении о героических суворовских традициях. Несколько более подробно говорит об этом И. Авраменко в стихотворении «Жене»:

Как нам порою не хватало хлеба,
Как в трубах стыла нельская вода,
Как рушились и рвали провода,
На улицах немецкие снаряды,
Как по путям трамвайным шла зима,
Как замирали темные дома
В глухом кольце тревоги и блокады.

Поэт собирается подробно вспомнить обо всем этом в будущем, встретившись с женой «в ясный полдень», после победы!⁸¹ Столь же суров и сдержан в своем повествовании о быте осажден-

⁷⁸ Б. Лихарев. Братьям нашим. — «Удар по врагу», 1942, 1 апреля.

⁷⁹ Б. Лихарев. Партизаны. — Там же, 1942, 2 апреля.

⁸⁰ Б. Лихарев. Братьям нашим. — Там же, 1942, 1 апреля.

⁸¹ Реальный комментарий к этому стихотворению, опубликованному 8 марта 1942 г. в газете «Знамя победы», дважды давала сама жизнь: почти через полтора десятилетия появилось одно из лучших послевоенных произведений о блокаде — как бы выросшая из этого стихотворения поэма И. Авраменко «Дом на Мойке», а еще несколькими годами позднее среди публикуемых материалов о литературной жизни Ленинграда этих лет мелькнуло краткое упоминание о том, что в состоянии тяжелой дистрофии из-за голода находились сам поэт И. К. Авраменко, его жена и их грудной ребенок.

ного города В. Шефнер. Глухо, как бы сквозь стиснутые зубы, звучит его голос:

Здесь даже слов торжественных не надо, —
Пойди, спроси у кладбищ Ленинграда,
Что стоил Ленинграду этот год.⁸²

Две-три афористически четкие строчки на фоне внешне бесстрастного рассказа, сгущенный до символа образ, лаконичная, но емкая деталь — вот характерный арсенал его блокадной поэтики: «смертная беседа» пушек, бьющих по Ленинграду, снег на улицах, дымящийся от крови, город, смотрящий «темными глазами пробоин» или «ослепленными фанерой окнами», серый (вместо золотого!) купол Исаакия, перебитое крыло семафора на пути, связывающем Ленинград с Большой землей, зеркало, повисшее «на высоте шестого этажа» в разрушенном доме, в которое глядит «лицо ожесточенное войны», но никогда не будет смотреть враг — все эти примеры взяты из стихотворений В. Шефнера, опубликованных в 1942—1943 гг. в газете 23-й армии «Знамя победы».⁸³ Они на редкость верно передают характерное психологическое состояние ленинградца, отражают специфику его обостренного восприятия, его целомудрие в описании страданий и ту особую доверительную общность искусства и людей, которая существовала в те дни.⁸⁴ Именно эти детали, как бы ставшие «знаками», символами трагедии города, получившие под пером поэтов особо отточенную обобщенную форму, послужившие исходным моментом для дальнейших ассоциативных ходов, повторяются и в письмах ленинградцев на фронт, опубликованных на страницах газет, и в полных нежности, гнева и боли рассказах воинов о своем родном городе. В то же время, что и упоминаемые выше стихи В. Шефнера, был издан, например, очерк сражающегося за Ленинград летчика Н. Молтенинова. Это было почти о том же. И почти теми же словами: «Очень редко удается побывать в Ленинграде. Но часто к нам доносятся раскаты артиллерийской канонады. Немцы бьют по городу. А когда проходишь по улицам — видишь опаленные глазницы окон, обвалившиеся стены... Я смотрю на груды кирпича, на круглую печь, чудом уцелевшую в углу и повисшую, как гнездо ласточки, и в сердце закипает злба...».⁸⁵

Поэтому так единодушны поэт и воин: «Ленинград мой, мы отстоим тебя! А немец, пришедший покорить тебя, сгинет как падал у стен города, в который он ни за что не войдет!».⁸⁶

⁸² «Знамя победы», 1942, 7 ноября.

⁸³ Наиболее широко известные «У семафора» и «Зеркало» были опубликованы впервые именно в этой газете 28 августа 1942 г. и 11 февраля 1943 г.

⁸⁴ См.: О. Берггольц. Говорит Ленинград. М., 1964, с. 19.

⁸⁵ «Боевая тревога», 1943, 1 мая.

⁸⁶ Там же.

Под Ленинградом сгинул супостаты.
И не уйдет от роковой расплаты
Немецкая фашистская орда.⁸⁷

Та же нежность и гнев, те же боль и вера и та же лаконичность, сдержанность — в стихотворениях Э. Тавровского «Родной город» (о любимом городе, который будет жить вечно),⁸⁸ В. Ниловой «Ленинград» (о городе «грозном и спокойном», несмотря на жестокие невзгоды),⁸⁹ Е. Зайцева «Вторая военная осень» (о Ленинграде «подтянутом, строгом», бесконечно любимом),⁹⁰ Т. Лобанова «За город Ленина» (который больше двух веков горит «как жемчуг лучезарный»)⁹¹ и А. Гольдберга «Песня» (с очень характерным для всех стихотворений о Ленинграде признанием):

Ничто не сдержит ленинградца,
Если бой идет за Ленинград.⁹²

Во фронтовой поэзии, посвященной Ленинграду, выделяется и временами переосмыслиется (как и в некоторых других произведениях военных лет) один из традиционных для литературы вообще, своего рода «вечных» образов (как условного, так и предметного ряда) — образ камня и его различных модификаций. В русской и европейской поэзии этот образ, как правило, содержит определенное эмоциональное наполнение (каменное сердце, каменная тяжесть, каменное лицо). В годы войны он, напротив, выступает в свете традиции, характерной скорее для литературы Востока, — крепок, как камень, камни у родного порога, камни родного города. Конкретно-предметный план этого образа в ленинградской поэзии имеет совершенно реальную почву — «в гранит одетая Нева», гранитные валуны Приладожья, гранитные цоколи знаменитых памятников и т. д. На этой основе возникает «мой гранитный город» в упомянутом стихотворении Э. Тавровского, и «жемчуг, горящий на граните», у Т. Лобанова. Следующий образный ряд расширяется привнесением дополнительного нравственного и патриотического содержания. Это достигается подчеркиванием величия, крепости и несокрушимости родного города, стоящего «гранитной скалой»,⁹³ «гранитной твердыней»,⁹⁴ появляющегося как «скала на пути палачей, в море крови топящих народы».⁹⁵ (Сюда же можно добавить и случаи, когда «идея»

⁸⁷ «Знамя победы», 1944, 18 января.

⁸⁸ «Удар по врагу», 1942, 14 июля.

⁸⁹ «Боевая тревога», 1943, 3 ноября.

⁹⁰ «Знамя победы», 1942, 20 ноября.

⁹¹ «В решающий бой», 1941, 22 октября.

⁹² «Удар по врагу», 1943, 5 июля. Та же мысль в стихотворении В. Комарова «Я помню Ленинград в дни огненной блокады» («Отважный воин, 1943, 17 июня).

⁹³ А. Гитович. Истребители немцев. — «В решающий бой», 1942, 30 сентября.

⁹⁴ «Ленинский путь», 1943, 27 мая («шапка»).

⁹⁵ «Удар по врагу», 1942, 3 января («ожно»).

каменного утеса не называется прямо, но явно подразумевается, как например в стихотворении Н. Тихонова «Вечный город»:

Не раз, как волны, шли враги,
Чтобы о грудь его разбиться.⁹⁶

Н. Савков в стихотворении «Колыбель Октября» пишет:

Вот он город — красивый и гордый
(в каждом камне величье дарит)
Он за нашей спиной стоит
Неприступный, суровый и твердый.
Сколько силы в себе он хранит!⁹⁷

Здесь намечается еще один новый аспект — философски-обобщенное звучание образа. Он все более обогащается за счет явного или скрытого сравнения — параллели: «жизнь природы — жизнь человека — судьбы народов». Подобная «система взаимоотражений» в наиболее прямой форме возникает в очень интересной по замыслу «Песне о камне» И. Воложенинова. Она начинается с пейзажа, с реалии — с серых камней, которых «встречаешь много в ленинградском северном краю»: «Из таких камней и сложен город сказочной невиданной красоты». А затем поэтическая логика ведет автора к людям, крепким и «твердым, как эти камни», в частности к герою стихотворения — комсомольцу Нарвской стороны.⁹⁸ На таких, как он, шли фашистские танки, танки — против людей, но люди не пропустили их, заслонили собой город, закрыли своей грудью. Они не отступили, несмотря на танки, от этих серых камней. Так замыкается кольцевая композиция «Песни» — опять реальные, конкретные серые камни, от частного — к общему, и обратно.⁹⁹ Сказочная красота города, крепость гордого серого камня, стойкость и мужество человека, взаимопроникая, усиливают друг друга, утверждая идею вечного бессмертия героев Ленинграда, как бы провидя непреходящее:

НИКТО НЕ ЗАБЫТ И НИЧТО НЕ ЗАБЫТО

на таком же суровом сером граните Пискаревского кладбища. Люди приобретают крепость и стойкость камня, а камни города словно очеловечиваются, становятся живыми, страдающими, испытывающими боль, гнев, скорбь. Так в поэзии появляются и раненые камни: гранит, пробитый осколками снаряда, «мрамор, изувеченный варварами»,¹⁰⁰ стонущие, плачущие и, наконец, даже кричащие камни.

⁹⁶ «Ленинский путь», 1943, 27 мая.

⁹⁷ «Боевая тревога», 1942, 20 мая.

⁹⁸ Ср.: М. Дудин. Мы мужеству учились у камней. Стихотворения. Л., 1970, стр. 40.

⁹⁹ «Удар по врагу», 1943, 29 октября.

¹⁰⁰ В. Головач. За Ленинград. — Там же, 1944, 16 января.

Что же должно было случиться, чтобы в строгой и сдержанной ленинградской поэзии прорвались такие, уже ничем не сдерживаемые трагические эмоции:

Земля кричит от нестерпимой муки,
Беснуется смертельная волна,
И с грохотом на детский труп безрукий
Дымящаяся рушится стена.¹⁰¹

Ответ содержится в самом приведенном отрывке — страдания детей, муки маленьких ленинградцев, которые были особенно невыносимы и для жителей осажденного города, и для воинов, его защищавших. «Детская тема» — одна из самых небольших по объему, но и из самых потрясающих тем фронтовой поэзии. Это естественно. Самое святое у человечества — это дети. Самым черным предательством по отношению к человечности всегда считалось покушение на радости детства. Когда на страницах армейских газет появились письма из города о братской могиле на Васильевском, в которой похоронены десять четырехлетних ленинградцев, убитых бомбой, попавшей в детский сад, о госпитальных палатах, где рядом с солдатами лежат изувеченные октябрята, поэты не могли молчать. Так появился образ детских глаз, потрясенных и потрясающих глаз, в которых навек застыли «недетские печали и мученья», в стихотворении Д. Сергиевича «Вперед за Родину, за город Ленинград!». Кто хоть раз видел глаза этих детей, говорит автор, не остановится перед дымом самых страшных сражений.¹⁰² Так появилось стихотворение-подпись под обошедшей многие газеты мира и навечно застывшей в Пискаревском мемориале фотографией малыша в бинтах Гени Микулинаса. Оно кончается так:

... Напрасно мальчик маму ждет!
Но взгляд его в мольбе застыл:
— Боец! Ты гадам отомстил?¹⁰³

Так появились стихотворения «За детскую кровь» П. Кагановой,¹⁰⁴ «Товарищу» Г. Томашевского¹⁰⁵ и напечатанный во многих армейских газетах «Рассказ сержанта Нилова» о снаряде, разорвавшемся «не в поле на передовой», а у решетки Летнего сада:

¹⁰¹ В. Шефнер. Подпись к плакату. — «Знамя победы», 1943, 9 декабря.

¹⁰² «Ленинский путь», 1943, январь (номер не указан). Ср. у Фадеева (Дети. — В кн.: Ленинград в дни блокады. М., 1944, стр. 50, 59): «Я видел лица детей, полные такой взрослой серьезности, видел детские глаза, исполненные такой думы и грусти, что эти лица и эти глаза могут сказать больше, чем все рассказы об ужасах голода. Пусть позор преступления против жизни, счастья и души наших детей навеки ляжет проклятием на головы убийц... За каждую слезинку (нашего ребенка) они должны заплатить и заплатят потоками своей черной крови».

¹⁰³ «Удар по врагу», 1942, 3 декабря.

¹⁰⁴ «Знамя победы», 1942, 19 сентября.

¹⁰⁵ «Ленинский путь», 1941, 23 октября.

В бою не раз пришлось мне быть,
Видал я смерти, да какие...
Но никогда мне не забыть
В крови косички золотые.

— Все помню: сад, в крови тетрадки.
Я только начал мстить за смерть
Десятилетней ленинградки! — ¹⁰⁶

говорит солдат, уже успевший уничтожить до этого полсотни врагов.

От бомб кровавая заря
Над городом стоит:
По колыбели Октября,
По детям бьет бандит! ¹⁰⁷

Четыре снаряда в минуту, врезающиеся в стены и улицы города, зверские бомбардировщики, пытка голодом и холодом — за все это могло быть только одно — месть! И месть беспощадная:

В своей обвинительной речи всем гадам
Напомнит советский свинец:
Разрыв договора, разрывы снарядов,
Разрыв материнских сердец. ¹⁰⁸

Тема ненависти и мести прошла, как известно, через всю литературу Великой Отечественной войны, воплотилась в самых разнообразных формах и жанрах. Без передышки, не зная усталости, искусство призывало «убивать убийц, ворвавшихся в наш дом» (Л. Леонов), мстить «за каждый клочок земли и неба». Эта тема — одна из самых определяющих, значительных и всеобъемлющих в армейской поэзии:

Мстить за каждый дом, за каждый камень,
Всем народом, всей землей дано:
Мстить за то, что создано веками,
А врагом за час истреблено! ¹⁰⁹

Сам образ мести не только предельно концентрирован, но и всемерно расширен. Это не просто единовременный, хотя и всеобщий акт, это стремительная, всеохватывающая, разбушевавшаяся стихия:

В силе, в ярости нашего гнева
Затаен беспощадный удар.
Поднимайся до самого неба,
Всенародного мщенья пожар! ¹¹⁰

В то же время в отличие от других тем разработка темы ненависти и мести на страницах фронтовой поэзии в известной мере

¹⁰⁶ «Удар по врагу», 1943, 13 января; «Вперед за Родину», 1943, 10 декабря, и др.

¹⁰⁷ П. Лукницкий. Привыв. — «Ленинский путь», 1942, 10 апреля.

¹⁰⁸ А. Фридман. Мы не простим! — Там же, 1942, 16 мая.

¹⁰⁹ А. Прокофьев. Мстить! — Там же, 1941, 20 июля.

¹¹⁰ А. Прокофьев. За отчизну! — «Отважный воин», 1943, 25 июля.

однотипна — это обычно развернутый, эмоциональный, четко сформулированный, энергично организованный ритмически призыв. Как правило, «это слово яростное — месть» (А. Прокофьев) акцентировано вынесением в название произведения (названия часто повторяются): «Мстить!» (стихотворения А. Прокофьева и А. Чепурова), «Отомсти!» (М. Дудина и Вс. Рождественского), «Месь» (С. Кирсанова и Зиненко), «Святая месть» Б. Белова, «Мстителю» В. Шефнера, «Мсти, товарищ!» и «Да здравствует отмщение!» А. Прокофьева и т. д. Количество произведений на эту тему обычно возрастает в зависимости от обстановки на фронте. Стихи о ненависти и мести публикуются в контексте специально озаглавленных подборок, рассказывающих о положении Ленинграда, о зверствах врага на оккупированной территории, содержащих соответствующие фотоиллюстрации, акты расследования злодеяний и т. д. Фронтная поэзия не просто утверждает, но художественно обосновывает необходимость расплаты с врагом за отчизну, за народное горе, «за муки и боль Ленинграда»: «За Родину» — так названо стихотворение М. Шолбаева, «За нашу Родину» — П. Данилова, «За все, что дорого и свято» — П. Кагановой, «За счастье сына» — В. Тикке, «Во имя жизни!» — В. Шефнера.

Покажи свою мощь молодецкую,
Расквитайся за все с немчурой.
За землю родную советскую —
Вперед, ленинградский герой!¹¹¹

Авторы подчеркивают жизненно неотложную необходимость активных действий солдат, их воинский долг, их святую обязанность по отношению к мирным людям: «Нас ждут» (стихотворения М. Дудина и А. Сычева), «Они ждут!» — М. Дудина, «Разорвем кольцо блокады!» Н. Судакова и многие другие.

Мы вернем земле простор зеленый,
Но сейчас, под ливнями свинца,
Петергофа пепел раскаленный
Пусть стучит в героические сердца!¹¹²

Именно на таком или аналогичном фоне появляются обычно «боевые кличи»: ¹¹³ «Убей!» (стихотворения М. Дудина, Ю. Зимины и А. Волкова), «Смерть убийцам!» и «Насмерть бей, пилот, врага!» Е. Зайцева, «Смерть захватчикам!» А. Решетова, «Бей врага!» Л. Шикина, «Бей, истребитель!» и «В атаку!» Г. Томашевского, «Огонь!» (стихотворения А. Прокофьева и А. Петрова), «Нет пощады врагу!» Б. Булова, «Всех догоним, всех уложим!» М. Максимова, «Добьем!» М. Судакова и т. д. Это были логически

¹¹¹ «Удар по врагу», 1944, 4 февраля («шапка»).

¹¹² А. Прокофьев. Подпись под фотографией руин Петергофа. — Там же, 1944, 22 января.

¹¹³ «Боевой клич» — именно так, кстати, называлось стихотворение А. Прокофьева, опубликованное 29 июля 1941 г. в газете «Ленинский путь».

и эмоционально подготовленные, глубоко и всесторонне обоснованные акты действенного социалистического гуманизма:

Встают неслышно из могил
Все павшие порой суровой:
Их лютый голод с ног свалил,
Убил снаряд шестидюймовый,
Навек мороз окостенил.

В густой январский снегопад
Встают они перед полками...
И дом, и сад, и каждый камень
Кричит солдату: мсти, солдат!¹¹⁴

Так фронтовая поэзия способствовала оформлению и утверждению священной ненависти, неотделимой от любви, от веры в победу, в торжество своего правого дела. Символический, почти одушевленный образ этой ненависти, вызывающий ассоциативные представления и о России в целом, гневной и карающей, и о самой крылатой богине Победы, создает Ю. Зимин в стихотворении, которое так и называется, — «Ненависть». Он обращается к ней, как к живой:

Тобою дышит город над Невою,
Великий город, город-исполн...
Настанет час, когда перед тобою,
Дрожа и воя, упадет Берлин!¹¹⁵

Тема народного гнева, мести и ненависти, тема жестоких военных испытаний с самого начала была неотделима от веры в победу. С первых «военных» номеров армейских газет на их страницах начинает сначала мелькать, а затем все более и более утверждаться само это слово — победа. Оно появляется в «Боевом кличе» А. Прокофьева, «Песне саперов» Д. Хренкова, стихотворении «Народ советский победит» Н. Личака и т. д. Постепенно к декларативно-поэтическим заверениям «отстоять Отчизну» в любых боях, к страстным заклинаниям

Пусть каждый залп и каждый выстрел
Тебя на Запад приведет,
Пусть каждый камень, каждый выступ
Тебе командует: «Вперед!»¹¹⁶

все больше присоединяется предлагаемая в самых различных формах художественная аргументация. Одно из наиболее развернутых, убедительных и плодотворных воплощений последней — рассказы о людях, героически защищающих свою землю. Исследователи поэзии военных лет правомерно не склонны преувеличивать собственно художественную ценность (впрочем, она была различной) этих, как правило, документальных, поэтических произведений, в которых большей частью указывались точные координаты места действия, некоторые из них прерывались «цитатами из докумен-

¹¹⁴ В. Петров. Огонь. — «В решающий бой», 1944, 25 января.

¹¹⁵ «Удар по врагу», 1942, 16 октября. Аналогичная персонификация возникает и в стихотворении о мести Т. Медведникова с характерным названием «Она со мной». — «Ленинский путь», 1943, 23 декабря.

¹¹⁶ «Вперед, за Родину», 1942, 11 июня.

тов, приказов командования, личных писем» и т. д.¹¹⁷ Но, воспринимаемые в контексте фронтовых газет, «рассказы о героях» особенно наглядно демонстрируют свою беззаветную службу времени, когда не было ничего «благородней и неотложней», чем «быстро откликнуться на взволновавшее всех событие... рассказать о героизме фронтовиков и горожан, воодушевить на дальнейшую борьбу»,¹¹⁸ показать красоту нравственного облика народа, поднявшегося на защиту Отечества. Такую «фиксацию живой человеческой деятельности», закрепление в стихах «реального материала фронтовой жизни» (А. Твардовский)¹¹⁹ представляют стихотворные очерки, рассказы, корреспонденции, прямо озаглавленные именами героев ленинградской обороны («Феодосий Смолячков» П. Бровки, «Комбат Салтан» М. Дудина, «Наводчик Гуценко» Л. Протопопова, «Снайпер Ратаев» А. Огудина, «Рассказ о разведчике Иване Маврине» А. Прокофьева, «Песня о Марусе Голомедовой» Вс. Рождественского, «Капитан Барсук», «Хабир Шакиров», «Рубят братья Битюковы» Н. Дилакторской, «Алексей Малько», «Кожубай Добылов» и «Доблесть Прохора Конышева» В. Шефнера, «Сержант Крючков» и «Баллада о бойце Додонове» А. Хазина, «Секретарь партбюро Машков» Д. Хренкова и др.). Другие произведения четко указывают на конкретный адрес в посвящениях, эпитафиях, примечаниях от редакции («Один» А. Бодренкова — о бойце Митюкове, продолжавшем сражаться против превосходящих сил противника после гибели всех товарищей и успевшем перед гибелью передать на КП, что он «отомстил»; «Подвиг» В. Попова — об автоматчике, гвардейце-коммунисте Лапшове, который один боролся с двадцатью немцами и одержал победу; «Подвиг героя» В. Калачева — о летчике Коробейникове, бросившем охваченный пламенем самолет на колонны немцев; «Герою» А. Петрова и «Памяти комбата» А. Василинина, посвященных памяти закрывших собой амбразуры дзотов Д. Молодцова и Н. Вершинина и т. д.). В ряде случаев стихотворные рассказы о героях соседствуют с портретами и фотографиями тех, о ком идет речь («Он грудью прикрыл командира в бою» В. Шефнера — рядом с портретом лейтенанта Запорожца, «Благословение матери» П. Кагановой — под фотографией комсомольца С. Шейхулина, «Слава» А. Прокофьева — под снимком, на котором гвардейцы А. Утюсиков и И. Данилов укрепляют красный флаг на одном из домов только что отвоеванного у врага Красного села, «Испытанный солдат» В. Шефнера иллюстрируется фотопортретом участника трех войн, ефрейтора П. Г. Кутенкова и т. д.).

«Баллада о богатыре» И. Авраменко была напечатана в газете, открывающейся сразу после заглавия «шапкой»: «Прорвись

¹¹⁷ А. Павловский. Русская советская поэзия в годы Великой Отечественной войны. Л., 1967, стр. 35—36.

¹¹⁸ Очерки истории Ленинграда, т. V, стр. 659.

¹¹⁹ В кн.: Своим оружием. М., 1961, стр. 22.

вперед, круши врагов, как офицер-гвардеец Львов!» На войне, к сожалению, случается и так, что некоторые герои остаются безмянными. Не случайно во многих странах мира один из наиболее благоговейно почитаемых памятников — Памятник Неизвестному солдату. Но, когда представлялась возможность, и страна, и поэзия тут же стремились воздать героям должное. Это было необходимо для всех:

Примером отваги для гвардии всей
Пушкой же он служит отныне —
Маляр из-под Мурома, Львов Алексей,
А Родина — знает о сыне.¹²⁰

Стихотворный рассказ Е. Зайцева «Сердца трех» был опубликован в «Боевой тревоге» к годовщине гибели экипажа отважных — И. Черных, С. Косинова, Н. Губкина. Об их подвиге рассказывалось не только в стихотворении, но и в передовой статье, в воспоминаниях друзей, свидетелей подвига. Самолет бомбил автоколонну врага и был подбит. Машина напоминала огромный летящий костер. На глазах у других экипажей, Черных в последний раз покачал пылающими крыльями, прощаясь с друзьями, и бросил самолет в гущу вражеских войск. Плен герои отвергли. Они, комсомольцы, были до конца верны присяге, Родине, Ленинграду. И они решили принять смерть:

Не даром, нет, они в боях сдружились,
Одною волей двигалась рука,
Когда в последний час они решились
Погибнуть, раздавив врага.

И вздрогнул день. И огненные крылья
Взметнулись в небо... Прокатился гром.
И свет погас... Но вспыхнул с новой силой.
Чтоб никогда не угасать потом.¹²¹

О совершенном вскоре аналогичном подвиге Фадеева, Голодняка и Огорельцева рассказал М. Дудин в стихотворении «Последний штурм»:

И снова бушевало пламя,
Горели камни и трава...
Пусть дорогими именами
Живет бессмертная молва!¹²²

Фронтная поэзия не только бережно запечатлевала имена, факты, подробности, но и постепенно шла, подымалась от документальности к поэтическому обобщению: выводила приметы реального прототипа из текста произведения и перемещая их в эпиграф, посвящение, комментарий; вообще избегая какого бы то ни было документирования («Рассказ о друге» Е. Вечтомовой,

¹²⁰ «Удар по врагу», 1944, 18 января.

¹²¹ «Боевая тревога», 1942, 16 декабря.

¹²² Там же, 1943, 16 июля.

«Баллада о сапере» В. Федоренко, «Раненый товарищ» Ю. Волкова); наконец, отказываясь от воспроизведения индивидуально-конкретных, «личностных» черт даже названного лица, прибегая к способам романтической типизации. Такой обобщенно-романтический образ героя, бросившегося на амбразуру дзота, возникает в «Балладе о герое» И. Авраменко (где герой безымянен) и «Подвиге» Л. Равича (где названа фамилия Д. Молодцова). Герои во многом сходны по характеристикам, напоминают друг друга и сами кульминационные моменты произведения — момент свершения подвига, неотделимый от ощущения вдохновенного и стремительного полета. У Авраменко:

Раскинувши руки, подобно крылам,
Он грудью своей амбразуру закрыл.¹²³

У Равича:

Все видели — граната полетела,
Все слышали — врагов звериный вой,
Все помнили — стремительное тело,
Увенчанное гордой головой.
И, всю в снегу, запомнили фигуру —
Как будто крылья выросли в броске,
Тот человек упал на амбразуру,
И сразу стихло пламя вдалеке.¹²⁴

Наконец, и сам контекст армейской газеты придавал документальной конкретности историческую перспективу и характер обобщения, а некоторой романтической отвлеченности — реальную жизненную основу. И в том, и в другом случае возникала дополнительная эстетическая и эмоциональная емкость, компенсируя эскизность и способствуя полноте, если не отображения, то восприятия. Поэтические рассказы о героях, создавая образ «человека на войне», подчеркивали в нем стойкость, раскрывали связь мужества с идейными убеждениями. Смысл подвига — в мгновенном выявлении того, что накапливается годами. Ю. Фучик говорил, что герой — это человек, который в решительный момент делает то, что надо делать в интересах человечества. Именно это высшее проявление человечности признают фронтовые поэты определяющим качеством своих героев.

На страницах фронтовой поэзии создавались образы не только воинов, но и жителей Ленинграда. Своеобразным связующим звеном фронта и тыла, как и везде, были письма, «уничтожающие грань между передовой линией огня и сибирским колхозом», делающие «бойца, шагающего по дороге сражений, и рабочего, стоящего у доменной печи, воинами одного фронта, имя которому — воля к победе», поднимающие «на Священную войну».¹²⁵

Стапок с винтовкой, пулей и снарядом
Скреплен великой дружбой навсегда.¹²⁶

¹²³ «Удар по врагу», 1942, 9 февраля.

¹²⁴ «Вперед, за Родину», 1943, 1 октября.

¹²⁵ «Боевая тревога», 1942, 30 декабря.

¹²⁶ Е. Заичев. Герою труда. — Там же, 1943, 30 апреля.

Особую роль, естественно, играли письма в Ленинград и из Ленинграда. Они печатались на страницах газет в подлинниках, «воспроизводились» в стихах. Один из самых характерных мотивов фронтовой поэзии — письмо к любимой или от нее: М. Максимов «Письмо» (девушка сообщает воину, что она стала санитаркой),¹²⁷ Д. Плохов «Письмо девушки» (солдату пришло известие, что любимая тоже ушла сражаться),¹²⁸ А. Сычев «Подруге» (солдат воюет, а его любимая в тылу делает снаряды),¹²⁹ Ю. Зимин «Письмо жене» («Спи. А утром вновь по Ленинграду, городу прозрачных невских вод, ты пойдешь вытаскивать снаряды к моему станку, на мой завод»)¹³⁰ Е. Матвеева «Другу» («И когда задание дневное выполняю, милый, вдвое я, это значит, что сегодня вдвое о тебе грустит любовь моя»)¹³¹ Безотносительно к обстановке эти проникнутые лиризмом произведения звучали бы по-хорошему патристически — и только. Контекст же дополнял их самой высокой, почти невысказанной героикой. Н. Тихонов, характеризуя обстановку блокадной зимы, писал: «Как будто ледяной ад сковал жизнь и не будет рассвета. Ночь, и в ней острые, красные огоньки — поиски уцелевших. Ищут те, которых завтра будут так же искать товарищи под развалинами, дымящимися красной, тяжелой пылью. . . Но . . . люди, населявшие Ленинград, превратились в одну семью, в один небывалый коллектив. Их воля была непреклонна».¹³² Письма на фронт писали члены этого коллектива, женщины, чья жизнь была таким же «ежедневным подвигом», как жизнь воина и солдата.¹³³

Традиционным для военного быта страны стало равнение на фронт. Высшим баллом крупного хозяйственного успеха было сравнение его с выигранным сражением. Высшим критерием оценки человека тыла звучали слова: работает так, будто дерется с врагом. Но в войсках, сражающихся за Ленинград, был принят обратный счет: «Каждый воин Красной Армии должен учиться стойкости и мужеству у ленинградцев! — писали солдаты 8-й армии. — Мы увидели тебя Ленинград, в снежных сугробах, увидели зияющие раны. . . Но мы никогда не видели и не увидим твоих людей лишенными мужества».¹³⁴

Люди Ленинграда трудились так, будто не знали усталости, забывали о лишениях и невзгодах. Старый ленинградский рабочий с Нарвской заставы Н. Чайников, помнивший первые рабочие де-

¹²⁷ «В решающий бой», 1941, 27 ноября.

¹²⁸ «Ленинский путь», 1941, 27 октября.

¹²⁹ «Знамя победы», 1943, 31 марта.

¹³⁰ «Удар по врагу», 1942, 12 октября.

¹³¹ «Знамя победы», 1944, 5 января.

¹³² Н. Тихонов. В дни Ленинградской осады. — В кн.: Своим оружием, стр. 51.

¹³³ Это подчеркивали в своих стихах А. Прокофьев (Ленинградке. — «Удар по врагу», 1942, 8 марта), Н. Дилакторская (Отважно сердце ленинградки. — Там же, 1943, 8 марта) и др.

¹³⁴ «Ленинский путь», 1942, 4 августа.

монстрации и баррикады путиловцев, отряды красногвардейцев в 1917 г., помнивший как с грохотом прошел мимо Нарвских ворот первый путиловский трактор и тяжелый, грозный Кировский танк, писал на фронт: «Пока злобный немец топчет ленинградскую землю, ленинградцы не успокоятся. Полная гнева трудится застава. . . Мы с вами, товарищи!»¹³⁵ Не случайно и на страницах армейских газет, и в поэзии Большой земли появился в эти годы гордый образ ленинградского труженика — ленинградского рабочего человека. «Крепче камня и прочнее стали ленинградский петерский народ»,¹³⁶ — писал В. И. Лебедев-Кумач. Об этом же свидетельствовал в своих стихах поэт-воин В. Зайцев: ленинградские герои труда не знают покоя так же, как не знают летчики, пока не уничтожат врага.¹³⁷

Взгляни любому в светлое лицо,
Взгляни в глаза и в душу вникни чутко,
И ты поймешь, чем жил он, чем дышал,
Когда в цеху работал сутки
И на вторые снова заступал.¹³⁸

В. Шефнер в стихотворении «Нет, враг таких не сломит» создает образ «сынов неутомимого труда» — рабочих Выборгской стороны. М. Глейзаров в стихотворении «Стои, ленинградец, на посту» сравнивает Ленинград и ленинградца, город и человека, в обоих вида «закалки ленинской черты, неисчерпаемую волю».¹³⁹ Обращаясь от имени ленинградской заводской молодежи к фронтовикам, В. Борецкий писал: «Мы все, как бойцы, как воины».¹⁴⁰

Создавая образы героических защитников Ленинграда — горожан и солдат — фронтовая поэзия раскрывала высокий духовный порыв советских людей, истоки и красоту их патриотизма, в свою очередь помогая им стать еще мужественнее, яснее видеть грядущее, верно хранить память тех, кто дорогой ценой добыл победу, тех, «кто подвигом могучим увенчал безумье битвы, кто не дрогнул перед смертью, как в лесах дремучих Данко, осветив горящим сердцем путь к победе. . .»¹⁴¹ Портреты людей переднего края и города-фронта взаимодействовали, усиливая, дополняя и обогащая друг друга, создавая типическое сочетание лучших черт русского национального характера и характера советского человека.

И. Эренбург хорошо сказал, что советская литература в войну поставляла своему народу «душевные боеприпасы». Одним из главных выражений этого была ее глубокая и необыкновенно ор-

¹³⁵ «Вперед за Родину», 1943, 10 января.

¹³⁶ «Удар по врагу», 1944, 7 января.

¹³⁷ «Босвая тревога», 1943, 30 апреля.

¹³⁸ Там же, 1943, 20 января.

¹³⁹ «Знамя победы», 1942, 2 февраля.

¹⁴⁰ Это название стихотворения, опубликованного 15 июня 1943 г. в «Ленинском пути».

¹⁴¹ А. Чепуров. Слава. — «Ленинский путь», 1944, 23 февраля.

ганическая оптимистичность. Непререкаемую веру в победу, несмотря на все испытания, фронтовая поэзия реализовала, как уже отмечалось выше, различными способами. Одним из самых ярких художественных доказательств грядущей победы примерно с середины войны становится умение приблизить в поэзии будущее, как бы посмотрев из него на настоящее, а настоящее в свою очередь увидеть в прошедшем, о котором «где-нибудь, когда-нибудь мы будем вспоминать. . .».

Как будущих строений котлованы
За городом траншеи пролегли, —

замечает В. Шефнер в стихотворении «Город Ленина».¹⁴² Он же, создавая стихотворение с уже ставшим традиционным названием — «Ленинградка», обновляет его за счет оригинального и в то же время очень характерного по своей сути сюжетного решения. Героиня произведения — архитектор, она создает проекты новых зданий на месте разрушенных, она делает это уже сейчас, во время вражеских налетов.

Авторы стихотворений о Ф. Смолячкове и Д. Молодцове предвидят время, когда «припомним мы жестокую блокаду, бои тяжелые в морозы и пургу» и когда именами героев будут названы улицы и площади города, который они отстояли, а мальчишки будущего будут спрашивать, как туда «проехать или, может быть, пройти». Во имя этого «гудят белорусские пуцци, заставы шумят Ленинграда, упорно, с боями на Запад идут Смолячкова друзья».¹⁴³ Примерно с этого же времени все больше утверждается во фронтовой поэзии и мотив дороги, ведущей на Запад. Она еще очень далека, эта дорога:

От рощи к холму, с перелеска до лога,
Далеко бежит фронтовая дорога.

Но, когда «бои отгремят, засверкает победа, по новым дорогам солдаты пойдут», они никогда не забудут эту — фронтовую дорогу, «ведущую к победе».¹⁴⁴

Через многие стихотворения проходит мечта рассказать когда-нибудь детям «в мирный, ясный вечер, когда горит закат над тихою Невой», о суровых сражениях, «когда к родному Ленинграду закрыли грудью мы пути врагу», и уверенность в том, что это сбудется:

Мы вспомним все, что только вспомнить сможем,
Пока над тихою Невой горит закат,
И станет нам тогда еще дороже
Наш город, наш любимый Ленинград.¹⁴⁵

¹⁴² «Знамя победы», 1943, 27 мая.

¹⁴³ «Удар по врагу», 1943, 25 августа.

¹⁴⁴ А. Прокофьев. Фронтовая дорога. — «Ленинский путь», 1943, 2 сентября.

¹⁴⁵ В. Беляев. Другу. — «Знамя победы», 1943, 18 сентября. Об этом же — в стихотворениях П. Ойфы «Жизнь за Родину». Н. Савкова «Нева расскажет» и др.

Одно из таких стихотворений было написано вскоре после того, как героическое сражение у стен Ленинграда завершилось полной победой — снятием блокады. Только что отгремели залпы победных салютов, только что отзвучали знаменательные слова «Солдаты Ленинграда, защитники великого города! Ваш подвиг останется в веках. Внуки и правнуки ваши с гордостью будут вспоминать о том, как вы самоотверженно боролись за честь своей Родины, как вы остановили немцев под Ленинградом в 1941 г., как стойко и мужественно обороняли город в 1942 и 1943 гг., как разгромили немцев в 1944 г.»¹⁴⁶ Войска, отстоявшие Ленинград, развертывали наступление, закончившееся в Германии. Это стихотворение (несмотря на некоторую несамостоятельность) хочется привести полностью:

Будет время, товарищ,
 Минует лихая година,
 Отгремит, отбушует
 Война над родной стороной.
 Ты с победой вернешься,
 Обнимешь подростого сына,
 Заживешь с дорогой,
 Как и ты постаревшей, женой.
 Все бывает, товарищ,
 В нашей жизни кипучей,
 Где ты будешь — не знаю,
 Сегодняшний друг и солдат.
 Но, быть может, когда-то
 Приведет тебя случай
 В мирном поезде ехать
 Дорогой «Москва—Ленинград».
 Ты проснешься под утро
 В притихшем и теплом вагоне,
 Поглядишь за окно,
 В предрассветную, мгlistую
 рань...
 И прочтешь на вокзальном
 Нарядном и светлом перроне
 Одно краткое слово,
 Знакомое слово — Любань.

Ты в волненьи закуришь
 И вспомнишь душою солдата
 Все, что здесь пережито
 Тем трудным и радостным днем,
 Как шагал ты, сжимая
 Горячую сталь автомата,
 По лесам, по болотам,
 Под вражеским злобным огнем.
 Как ревело под городом
 Злое жестокое пламя,
 Как мы шли, не считая
 Убитых врагов по пути,
 Как несли полковое,
 В боях побывавшее знамя,
 Как сражались, чтоб первыми
 В город горящий войти.
 Заблестят за окном
 В легкой дымке огни Ленинграда,
 И ты скажешь себе,
 Как и мы повторить бы смогли,
 Что была тебе в жизни
 Дана и судьба и награда —
 Постоять за кусок
 Ленинградской священной
 земли.¹⁴⁷

Это время пришло. Как самую священную память хранит человечество пожелтевшие подшивки армейских газет и другие документы героических дней. Хранит, «как летопись боя, как хронику чувств», дошедших к нам из «пылающего адреса войны».¹⁴⁸

Фронтная поэзия, как и сама фронтная печать, была боевым другом солдата на войне, помогала ему преодолевать трудности, мгновенно откликалась на все события в стране и на данном участке фронта. В ней отразились в той или иной степени все те

¹⁴⁶ «Удар по врагу», 1944, 15 января.

¹⁴⁷ М. Максимов. Любань. — «В решающий бой», 1944, 5 февраля.

¹⁴⁸ (Строки из известного стихотворения И. Уткина, перепечатанного 14 февраля 1943 г. в газете «Бей врага».)

процессы, которые характеризовали развитие литературы военных лет в целом. Ее создавали поэты разных поколений, характеров и масштабов дарований. На страницах упомянутых выше армейских газет время от времени перепечатывались стихотворения Д. Бедного и М. Светлова, А. Жарова и А. Безыменского, С. Михалкова и С. Щипачева, И. Уткина и М. Голодного, А. Суркова и К. Симонова, песни В. Лебедева-Кумача. В то же время поэтическое лицо армейских газет войск, дислоцировавшихся под Ленинградом, совершенно очевидно определяли постоянно сотрудничавшие в них ленинградские поэты как «имеющие имя», так и менее известные: «Ленинского пути» — Вс. Рождественский, А. Прокофьев, В. Саянов, Б. Лихарев; «Знамени победы» — В. Шефнер, М. Дудин, И. Авраменко, В. Саянов, А. Прокофьев; «Удара по врагу» — А. Прокофьев, Н. Дилакторская, И. Авраменко; «Боевой тревоги» — М. Дудин, Л. Попова, Е. Зайцев; «Отважного воина» — А. Прокофьев; «В решительный бой» — Б. Лихарев, А. Гитович, Н. Глейзаров; «Вперед, за Родину» — М. Дудин, Л. Равич, и т. д. Многие известные их произведения здесь публиковались впервые, сопровождаясь иногда примечаниями от редакции: «Это стихотворение автор написал специально для нашей газеты. Публикуется впервые». Так было со стихотворениями «Ленинграду» В. Саянова в «Знамени победы», «Фронтной дорогой» и «Россией» (наброском к будущей поэме) А. Прокофьева, «Соловьями» и «Стихами о шалаше» М. Дудина в «Знамени победы», «Бессмертием» и «Он — наш» В. Инбер в «Бей врага».

Литературу Великой Отечественной войны создавали не только известные, но и молодые, начинающие литераторы — те, без которых сейчас уже трудно представить себе современную поэзию и которые в те времена писали стихи в перерывах между боями — С. Орлов, А. Чепуров, А. Межиров. «Когда они станут писать свои книги, им не надо будет тратить время на изучение материалов, — отмечала газета «Ленинский путь», характеризуя им подобных. — Они будут описывать то, что видели и пережили сами».¹⁴⁹ На страницах армейских газет запечатлелись биографии гвардии лейтенанта С. Орлова, политрука Н. Новоселова, красноармейцев В. Шефнера и И. Авраменко, красноармейца (затем лейтенанта) А. Чепурова и т. д.

Армейские газеты невозможно представить себе без поистине огромной армии «непрофессиональных» поэтов. Это, например: капитан М. Максимов, старшие лейтенанты (затем капитаны) В. Зотов и В. Беляев, лейтенанты Н. Личак и А. Шариков, младшие лейтенанты А. Сычев и Э. Тавровский, старшины Д. Плохов и В. Фуфаев, ст. сержант Д. Сергиевич, сержант Е. Матвеева, гвардии мл. сержант Н. Савков, красноармейцы П. Каганова, В. Техонцев, А. Левин, В. Тикке, интенданты В. Стеркин и

¹⁴⁹ «Ленинский путь», 1942, 14 декабря.

Л. Рахмилевич, политруки Ю. Зимин и Г. Томашевский, врач И. Волженинов и многие другие. «В короткие промежутки между боями, примостившись в углу землянки, фронтовые поэты-бойцы урывками писали стихи и песни». Это были песни любви к матери Родине, «открывшей путь к свободной и счастливой жизни», и песни ненависти, «беспредельной ненависти к фашистскому зверью, палачам и убийцам». Поэты-воины героически сражались и сочиняли стихи «о героях, о родной роще, о непоколебимой уверенности в победе над озверелым фашизмом». Они не были настоящими поэтами, по каждый день приносил стихи поэтов-солдат. «Они хотели сражаться не только штыком и пулей, но и грозным оружием слова». Их стихи «страдали какими-то недостатками и погрешностями, но в них отражалось благородство духа воинов, их горячие сердца, их возвышенные стремления».¹⁵⁰ В них, как и в «большой поэзии», отразилось поистине неисчерпаемое богатство души сражающегося народа, которое вечно будет вызывать восхищение и преклонение идущих вослед.

¹⁵⁰ Об этом писали в своих обзорах фронтовой поэзии, напечатанных в газетах «Отважный воин», «Ленинский путь» и «Вперед, за Родину» литераторы-фронтовики А. Дементьев, Л. Равич.

САТИРА НА ВОЙНЕ

В монографии Н. Соколовой «Кукрыниксы» (1962) так характеризуется сатира военных лет: «Карикатура обогнала литературную сатиру, которая в те годы выступала скорее в подсобной роли, сопровождая плакаты и карикатуры. Карикатура же, опираясь на опыт русской и западноевропейской прогрессивной графики, необыкновенно поднялась в своем общественном и художественном значении».¹

Искусство карикатуры в годы Великой Отечественной войны действительно «необыкновенно» расцвело. Что же касается утверждения «карикатура обогнала литературную сатиру», то это положение нуждается в уточнении.

Конечно, если учитывать «чисто» и собственно сатирико-юмористические жанры (фельетон, басня, частушка, раешник, эпиграмма) — как они представлены на страницах фронтовой печати в ее многочисленных отделах и рубриках типа «Прямой наводкой», «Скатить и пропесочить», «Полундра» и др. — или поэтические маски вроде Васи Теркина, Гриши Танкина, Ивана Зениткина, Пети Горчичкина, Ивана Бойцова, Фомы Смыслова, тогда суждение критика может показаться оправданным. Однако сатира развивалась, кроме того, в публицистике Алексея Толстого и Леонида Леонова.

В гневной и негодующей публицистике А. Толстого зарождались многие из тех сатирических образов, которые затем широко распространялись по стране, будь то изустное хождение в тылу и на фронте или изобразительное и словесное воплощение у мастеров различных жанров.

Так, например, уже статья, напечатанная 15 июля 1941 г. в «Правде» и озаглавленная «Блицкриг, или блицкрах», передавала в оригинальной публицистической форме с использованием народной этимологии идею неминуемого крушения гитлеровского нашествия. Здесь наводившее оцепенение и ужас на всю Европу фашистское изобретение («блицкриг») резко снижалось, осмыслялось комически.

¹ Н. Соколова. Кукрыниксы. М., 1962, стр. 271—272.

Через два дня А. Толстой публикует статью «Кто такой Гитлер и чего он добивается», в которой слово «фюрер» переводит не только на русский язык, но и на язык политической сатиры — «вождь пещерных людей». ² Здесь же писатель создает образ, который впоследствии пройдет через плакаты и карикатуры уже в графическом исполнении: «Фашистские полчища ломают и сломают свой хребет о стальную мощь Красной Армии» (стр. 93).

Фашизм в виде хищного зверя — широко распространенный у карикатуристов и плакатистов образ — тоже был впервые разработан литературной сатирой, и прежде всего А. Толстым. Однако в отличие от большинства мастеров кисти писатель пошел дальше, утверждая, что фашизм не просто дикий зверь, но гораздо хуже. Ибо это моторизованное и механизированное чудовище.

Салтыков-Щедрин в свое время гневно обличал милитаристский дух пруссачества, пошлость расчетливого и аккуратного немецкого мещанства. Теперь перед взором советских людей предстало уже не осатанелое в погоне за профитом бюргерство, а, по словам А. Толстого, «полчища механизированных человекозверей» (стр. 135). По мысли советского писателя, этих «двуногих чудовищ» (стр. 142) трудно сравнивать с варварами, ибо «варвары не виноваты в том, что еще не поднялись на ступень цивилизации» (стр. 184). Точно так же уподобление фашистов диким зверям оскорбительно для природы. Они — «сбесившиеся гориллы», «падшая сволочь», а сам Гитлер — «тухлый дьявол».

Во всех этих крайних степенях эмоционально-образной характеристики отнюдь не терялись строгость и объективность аналитической мысли, так же как популярные во фронтовой сатире выражения «скоты», «подлецы», «звери», «гады», «фюрер-людоед» и т. п. не являлись лишь естественной в этом жанре гиперболизацией, но были весьма точно уловленным определением существа той доктрины, которая обусловила поведение фашистского воинства на Востоке.

В дневнике Ф. Гальдера приведена запись выступления Гитлера накануне вероломного вторжения в нашу страну. «Уничтожающий приговор большевизму, — говорил первый наци, — не означает социального преступления... Речь идет о борьбе на уничтожение... Мы ведем войну не для того, чтобы законсервировать своего противника... На Востоке сама жестокость — благо для будущего». ³

Писания фашистских литераторов одушевлялись одной только злобой и именно по этой причине из-под их пера могли выходить лишь пасквили, так же далекие от сатиры, как ложь от правды.

² А. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 14. М., 1950, стр. 90 (в дальнейшем ссылка на это издание даются в тексте).

³ Ф. Гальдер. Военный дневник, т. 2. М., 1969, стр. 430—431.

Наше же обличительное искусство родилось как выражение гуманизма и великодушия русского человека, защищавшего человечество от механизированных фашистских орд.

В публицистике Леонида Леонова военных лет раскрыты нравственно-психологические истоки, которые питали сатирическое искусство той поры. Писатель выявляет и подчеркивает то, что, по его мнению, определяло духовно-эмоциональный настрой сражающегося народа. Неоднократно называются такие качества души народной, как «пламя гнева» и «ярость». (В этой связи хочется напомнить о понятии «ярость благородная» из пользовавшейся в 1941—1945 гг. широкой популярностью песни «Священная война»).

Очерк «Твой брат Володя Куриленко» (1942), статьи «Неизвестному американскому другу» (1942), «Поступь гнева» (1943), «Ярость» (1943), «Слава России» (1943) и другие как бы синтезировали, вобрали в себя раздумья художника о том главном, без чего немислимо дающее отпор врагу искусство. Л. Леонов объединяет в единое целое чувство гнева и ярость, пишет о ненависти, которую «можно плавить сталь».⁴ Вместе с тем писатель, призывая к священной мести, предупреждает: «Не горячись, бей с холодком: холодная ярость метче».⁵

Итак, ярость — одно из состояний души борющегося народа. Ярость, которая придает ему силы и которая бывает пострашнее «железных тигров и долгоносых фердинандов», и «мерная, величавая, молчаливая поступь Великого Гнева...».⁶ При этом Л. Леонов, отмечая особенность русских — сдержанность и неспешность решений, так характеризует ту национальную черту, которая наложила отпечаток и на сатирическую литературу: «Народ мой и в запальчивости не переходит границ разума и не теряет сердца».⁷ Вот почему столь часты в исполненной яростного клоктанья публицистике писателя такие формулы, как «молчаливая усмешка», «немое презренье», «молчаливый гнев».

Своеобразие и величие сатиры эпохи Великой Отечественной войны состояло в том, что она питалась, по словам А. Толстого, «светлой ненавистью» (стр. 102). А. Толстому и Л. Леонову принадлежит заслуга формулирования социально-исторических и нравственно-философских основ обличительного искусства в годы войны.

Как известно, сатира Маяковского не обращалась к национально-историческим, к национально-патриотическим мотивам. Поэт революции — и в этом крупнейшее завоевание его эстетики — слил воедино сатирическое и героическое, иронию и пафос. Эти принципы найдут творческое преломление в произведениях наи-

⁴ Л. Леонов. В годы войны и после. М., 1968, стр. 282.

⁵ Там же, стр. 296.

⁶ Л. Леонов. Статьи военных лет. М., 1946, стр. 53.

⁷ Там же, стр. 95.

более значительных сатириков 20-х — 30-х годов, будут развиты фронтовой сатирой. Однако только этого оказалось теперь мало.

Не случайно А. Толстой и Л. Леонов в самые первые дни войны выступают со статьями и очерками, на страницах которых идея исторической преемственности и несокрушимости русской нации (прокламированная еще в 30-е годы) получает всестороннее обоснование. Здесь имели место не только ссылки на летописные источники, напоминания о великих ратных подвигах наших далеких предков («красные щиты Игоря в половецких степях, и станы русских на Калке, и установленные под хоругвями Дмитрия мужицкие копя на Куликовом поле, и кровью залитый лед Чудского озера» — А. Толстой, стр. 160).

Обращение к седой древности, к тем временам, когда, по словам Л. Леонова, «созревало наше национальное самосознание»,⁸ когда жили «суровые и непреклонные пращурсы наши, оборонявшие родную землю в годы былых лихолетий»,⁹ укрепляло веру в светлую и гордую судьбу народа. А это значило, что и искусство (в том числе и сатира) в пору, когда «беда ломится в ворота нации»,¹⁰ обретает столь живительные для него историческую перспективу и исторический оптимизм.

«Ты не один в этой огневой буре, русский человек, — писал Л. Леонов, протягивая золотую нить патриотических традиций. — С вершин истории смотрят на тебя песенный паш Ермак, и мудрый Минин, и русский лев Александр Суворов, и славный, Пушкиным воспетый мастеровой Петр Первый, и Пересвет с Ослябей, что первыми пали в Куликовском бою».¹¹

Надо заметить, что горделивыми историческими аналогиями, ссылками на древнегерманскую культуру фашистская пропаганда была набита, как гнилой пень трухой. Но это отнюдь не означало, что нацистским идолопоклонникам древнегерманского бога войны Вотана хоть сколько-нибудь стала близка культурная и историческая память своего народа. Фашистам, по словам А. Толстого, «всякая историческая и культурная преемственность ненавистна и враждебна» (стр. 87), ибо «фашизм — космополитичен в худшем смысле этого понятия» (стр. 159).

Русский же народ выступает не только хранителем национального наследства, но и приумножает национально-патриотические традиции в новых социальных условиях. В статье «К подвигам, к славе!», написанной в трудную пору лета 1942 г. по случаю учреждения военных орденов Суворова, Кутузова, Александра Невского, есть такие строки: «В эту войну наш взор часто обращается к истории нашего народа — события, как будто забытые за давностью лет, выплывают из тумана веков, и отсвет героической борьбы наших дней падает на них, и многое из того,

⁸ Л. Леонов. Статьи военных лет, стр. 3.

⁹ Л. Леонов. В годы войны и после, стр. 265.

¹⁰ Л. Леонов. Статьи военных лет, стр. 81.

¹¹ Л. Леонов. В годы войны и после, стр. 296.

что казалось неясным или малозначительным, становится и ясным и значительным, и мы еще отчетливей начинаем видеть прямой, мужественный путь русского народа к свободе, к всенародному счастью на своей суверенной земле» (стр. 217).

В результате «фашистского мирового нахальства» (стр. 287) и «крайнего высокомерия» Гитлера родилась немецкая форма войны — «блицкриг». Но именно на Востоке Красная Армия впервые стала не просто отступать перед временно превосходящими ее силами, а, как писал А. Толстой, «пятиться». Это была «форма русской войны, заложенная в самой психологии русских, в нашей истории, в социальном строе, богатствах, пространствах» (стр. 271—272).

Устойчивое внимание Алексея Толстого и Леонида Леонова к той далекой поре, когда складывалась русская государственность и русский характер, обусловлено тем, что их интересовали не только социально-политические, но и нравственно-психологические предпосылки сатиры нового типа. С присущей большому художнику зоркостью А. Толстой подметил, что в народе нашем сразу же после разгрома фашистов под Москвой к незадачливым воякам пристала кличка: «фрицы». Следовательно, не немцы, как было раньше, а просто фрицы. Это был важный рубеж в эволюции народного мироощущения, имевший огромные последствия для всего нашего сатирического искусства.

А. Толстой сделал, в частности, такие выводы из результатов битвы под Москвой: «Русский человек крепче, храбрее, умнее и хитрее немца. Навязывается вопрос: а почему он раньше об этом не догадывался? Чего раньше-то скромничал перед немцами? В том-то вся наша психология — одно из сокровищ русской души — скромность в большом деле, даже какая-то тихость, похожая извне на равнодушие, склонность к недооценке самого себя. И при этом в глубоких тайниках живет: «А ну, ребяташки, поднатужимся, — все сможем». И отсюда, из этой невысказанной веры, что мы-то в конце-то концов все сможем, — легкое дыхание русского человека, его беспечность, юмор и то, что он — веселый человек» (стр. 272—273).

Итак, краски нашей сатиры военной поры обусловлены как устойчивыми национальными традициями, так и тем высочайшим нравственным напряжением, которое довелось пережить советскому народу, его крепнущей силой сопротивления врагу. И, хотя Ленинград был отрезан от страны, сатира в условиях блокады прошла все основные этапы, характерные в целом для нашего искусства тех лет.

1

Одним из первых изданий сатирического плана стал «Новый толковый антифашистский словарь. Выпуск первый (остальные в резерве)». Подписан к печати 12 августа 1941 г. Авторы этого

комического словаря (Б. Соловьев, Г. Сорокин, А. Флит) выступили в жанре, контуры которого обозначились еще во времена Фонвизина и Новикова, но особенно ярко раскрылись в годы гражданской войны у Маяковского. Вот несколько примеров толкований слов.

«*Веревка* — ценное сырье для петли. Как говорит современная народная мудрость: «С государства по нитке, Гитлеру — веревка».

«*История* — можно в нее попасть, но можно в нее и влипнуть. Это необходимо помнить фашистским налетчикам».

«*Оккупация* — см. Грабеж».

«*Расовая теория* — см. Бред».

«*Смех* — отменен в фашистской Германии с приходом Гитлера».

«*Чудское озеро* — русский древний каток, на котором, поскользнувшись, немцы сломали себе шею».

«Новый толковый антифашистский словарь» привлекал новизной и свежестью идейно-тематических решений. Здесь наряду с такими привычными для политической сатиры объектами, как Гитлер, его приспешники и сателлиты, не просто были включены наравне с другими, но, можно сказать, задавали тон темы национально-патриотического свойства. Героическое в «Словаре» переплеталось с сатирическим, при этом положительные примеры черпались из славной истории русского народа (Александр Невский, Суворов, Кутузов, Денис Давыдов).

Завершало «Новый толковый антифашистский словарь» обращение «От составителей»: «В отличие от других изданий подобного рода в нашем толковом словаре объяснения слов являются окончательными и пересмотру не подлежат».¹²

Ленинградская сатира эпохи Великой Отечественной войны складывалась из двух основных направлений — изобразительного и литературного, которые взаимно дополняли и обогащали друг друга. Были выпущены сотни листов «Окон ТАСС», продолживших традиции знаменитых плакатов «Окон РОСТА». Успешно работали художники В. Гальба, В. Селиванов, В. Слыщенко, Б. Лео, Н. Игнатъев, М. Ваксер, В. Григорьев, П. Горбунов, С. Панкратов, П. Магнушевский, Т. Ксенофонтов. Тексты писали поэты Б. Тимофеев, О. Берггольц, А. Прокофьев, В. Саянов, В. Инбер, А. Флит, В. Невский и др.

Первый лист «Окна ТАСС» появился на улицах Ленинграда через день после начала войны: огромный кулак пригвождал к земле бесноватого фюрера. Авторы призывали: «Гитлера бей!». Следующий плакат был уже не сатирического, а героического характера: боец в краснорезном шлеме и с винтовкой наперевес, как бы сошедший с известных ростинских листов, утверждал величие и несокрушимость духа борющегося народа.

¹² Б. Соловьев, Г. Сорокин, А. Флит. Новый толковый антифашистский словарь. Выпуск первый (остальные в резерве). М.—Л., 1941. стр. 5, 7, 12—14, 17, 19.

В дальнейшем принцип, найденный в первых выпусках «Окон ТАСС», — чередование листов сатирического и героического планов или в случае использования многокадровой композиции совмещение этих начал в пределах одного листа, — найдет еще более выразительное воплощение. Особенно впечатляющими становились те работы, в которых изобразительное решение подкреплялось поэтическим текстом.

Вот, например, серия сатирических листов В. Гальбы «Гитлер и его подручные» (текст Александра Прокофьева). Звериная сущность фашизма воплощается в образах главарей и прислужников «нового порядка», как бы воскрешающих чудовищный мир гротескных видений Гойи. Но здесь отсутствует безнадежно звенящая трагическая нота, столь заметная у автора «Капричос». Изобразительное решение переведено в плоскость кровавого трагифарса с неминуемым возмездием в недалеком финале. Гитлер предстает в облике рвущегося с цепи пса тигровой расцветки. Хищник когтит воздух, устремляясь в прыжке за очередной добычей. Груда костей не оставляет сомнений насчет перспектив для каждого, кто осмелится войти в зону досягаемости острых клыков. Поэт А. Прокофьев так комментирует рисунок:

Гитлер — главный пес из своры,
Его настигнет кара скоро,
Ему не выть, не подвывать,
Ему петли не миновать.

Гиммлер тоже не менее злоеющее воплощение фашистского режима. На сей раз, правда, уже нет места тигровому колориту. Главный палач — смесь гиены и шакала с хвостом, изогнутым в виде виселицы и чернеющей на ней петлей. В передних лапах этого монстра — плетка и пистолет. Дальше следуют Риббентроп и Геббельс, похоже на дворовых шавок, но с весьма ядовитыми языками. Венчает этот злоеющий фашистский паноптикум разжиревший пес Лаваль. В одной его лапе кость, другая вздернута в фашистском приветствии. Фалды сиреневого фрака загнулись в угодливом завитке, изображая собачью преданность.

Как видим, В. Гальба, постигая иерархию гитлеровского зла, умеет соотнести силу сатирического удара с предметом обличения. Здесь в отличие от плакатов первых месяцев войны сделана попытка не просто заклеить врага, но и раскрыть психологию персонажа. Постепенно меняется форма комического: от гневного и яростного осуждения к брезгливой насмешке. Этому соответствует и характер сатирических стихов. Если в первых куплетах господствует сарказм, то в последующем превалируют элементы шаржа, грубовато-презрительной солдатской шутки.

Такая заваль, как Лаваль,
На свете сыщется едва ль.
Когда других сведем к ответу,
Притянем и собаку эту.

В несколько отличной манере работал другой мастер карикатуры и плаката Борис Лео. Если В. Гальба предпочитал анималистские сюжеты, выразительно и доходчиво показывая «оскотинивание» врага, то для манеры Б. Лео свойственно иное использование непосредственно социально-политической символики. В этом отношении показательна серия из двух листов. На первом («Прорвались...») фигура Гитлера стилизована под фашистскую свастику. Фюрер с пистолетом в одной и бомбой в другой руке прорывается через кордон. Завершающий лист того же плаката («Нарвались...») сделан не менее эффектно: огромный советский снаряд угодил в самую сердцевину свастики.

В сходной манере создано и большинство листов М. Ваксера (погиб в 1942 г.), использовавшего предельно скупую и емкую форму ростинских плакатов В. Маяковского.

Художников В. Селиванова, В. Слыщенко, Н. Игнатьева, В. Григорьева, П. Горбунова наравне с сатирическими сюжетами глубоко интересовали и темы собственно героического плана. В тяжелейших условиях блокированного города, при свете копилки, зачастую коченеющими пальцами создавали они произведения, которые и ныне волнуют зрителя. Эти художники обращались к темам национальной истории, воскрешая патриотические традиции славного прошлого в героическом настоящем.¹³

Таков, например, плакат, изображающий русского воина в шлеме и с мечом. Карающий меч обрушивается на перепуганного пасмерть Гитлера. Картина гигантской битвы как бы синтезирована в двух полярных образах. Символика плаката основана на припоминании событий древнерусской истории, когда всеобщее сражение предвляла схватка отдельных воинов. В соответствии с духом старинной поэтики противоречие доводится до предельной резкости, столкновение света и мрака определяет палитру этой вещи. Красная фигура — боеца, черная — Гитлера. Только два резко контрастных цвета, как это и характерно для древнерусского искусства.

На плакате В. Селиванова Суворов не просто напутствует, но и ведет наши войска в бой. Текст А. Флита хорошо согласуется с направленностью рисунка:

¹³ «И об одном герое я обязан сказать особо. Стереотиперы типографии имени Володарского умирали один за другим. Мастер Бартедьев ... понял, что пришла и его очередь. Он оставил записку сменщику: „Пошел умирать“, добрался до дому, достал заранее приготовленную чистую рубаху, переоделся и лег. Измученному, голодному человеку оставались до смерти, вероятно, немногие часы. Но к нему пришли из типографии такие же опухшие люди, в которых теплилось, может быть, на несколько искорок жизни больше. Они сказали: „Твой сменщик не пришел и не придет. Стереотип отливать некому“. Они надели на него ватник и под руки повели в типографию. Он сделал свою последнюю отливку и умер уже тогда, когда раздавался шум ротационных машин. Здесь же в типографии» (Л. Никольский. Слово о друзьях-полиграфистах. — В кн.: С пером и автоматом. Писатели и журналисты Ленинграда в годы блокады. Л., 1964, стр. 337).

Пусть дух Суворова отвагой
Полки на подвиг осенит!

В период Великой Отечественной войны станковая живопись тоже широко обращалась к темам русской истории. Достаточно вспомнить знаменитый триптих П. Корина (1942—1943), в центре которого величественный образ Александра Невского, осененного боевым знаменем Спас-Ярое око, а также картину М. Авилова «Поединок на Куликовом поле (Пересвет с Челубеем)» (1943).

Художники не просто воскрешали далекое прошлое, они показывали, как патриотические традиции обогащаются революционной эпохой. Отсюда интерес к теме гражданской войны, особенно к тем памятным временам, когда молодая Красная Армия громил немцев под Нарвой и Псковом, изгоняла из пределов Украины (серия листов П. Горбунова, текст В. Саянова). Обращение к истории (отдаленной и более близкой) углубляло сатиру, сообщало ей непрерываемость нравственного суда, что и делало ее поистине народным искусством, т. е. неизмеримо увеличивало силу и действенность сатирического удара:

Убей врага во имя права
Всей жизни милой и простой,
Убей врага во имя славы
Тысячелетней и святой!

(Текст А. Прокофьева к плакату
В. Селиванова «Убей врага!»).

Силу нашего народа демонстрировала сатира и на внутренние темы. В самые суровые месяцы блокады не прекращалась борьба с теми, кто вольно или невольно становился пособником врага (трусы, болтуны, шкурники, паникеры). Ударные строчки подписей под такого рода плакатами запоминались, помогали очищать наши ряды от малейших проявлений беспечности, небрежения, расхлябанности, поддерживали строжайший революционный порядок в городе.

Чтоб фашисту
Болтун не помог,
Рот болтуна
Запирай
На замок!
Разоблачай крикуна-паникера
Знай: паникер —
Фашисту опора.

За 900 дней жизни и борьбы фронтового города было создано несколько сотен листов «Окон ТАСС» самого разнообразного содержания. Если попытаться систематизировать их по целевому и тематическому признакам, то типология основных разновидностей плаката будет примерно следующей: 1) сатирический; 2) героический; 3) сатирико-героический (таких большинство); 4) агитационно-призывный, просветительский.

В начальные год-полтора Отечественной войны господствовали первые три типа плакатов. Примерно с весны — лета 1942 г. все чаще появляются работы просветительского характера (как развести огород, как бороться с сельскохозяйственными вредителями, как обеспечить себя на зиму овощами), а с конца 1943 г. (когда начинают главенствовать темы мирного труда и восстановления народного хозяйства) уже не сатирический, а именно дидактический плакат задает тон.

Намеченные выше жанровые особенности присущи также «Боевому карандашу» (художники И. Астапов, Н. Муратов, В. Курдов, В. Гальба, Ю. Петров, В. Тамби, Н. Быльев, Н. Кочергин, Н. Тырса, И. Ец, И. Холодов, Г. Верейский, В. Серов, В. Николаев, П. Горбунов, В. Кобелев, Л. Елькович; поэты Б. Тимофеев — самый активный автор, Н. Тихонов, В. Саянов, С. Спаский, Н. Дилакторская).

«Боевой карандаш» (в годы Отечественной войны вышло 103 номера) — это своеобразная сатирико-героическая летопись сражающегося Ленинграда, явление единственное и неповторимое. По сравнению с «Окнами ТАСС» размеры листа «Карандаша» значительно меньше: в среднем в полтора-два раза. Броское искусство плакатиста сочеталось с манерой, свойственной книжной графике и эстампу. Авторы «Боевого карандаша», как правило, не рассчитывали на мгновенное воздействие, часто прибегая к многофигурной композиции, к многокадровому раскрытию темы. Они были по сравнению с коллегами из «Окон ТАСС» более «повествовательны», неторопливы в развитии сюжета в духе традиций русского лубка.

В отличие от «Окон ТАСС» «Боевой карандаш» ведет свое начало с 1940 г. «Зародившись в недрах графической секции Ленинградского союза советских художников еще в дни войны с белофиннами (тогда вышло шесть номеров), „Боевой карандаш“ вновь возродился к жизни с первых дней Отечественной войны...». ¹⁴

Первые выпуски «Боевого карандаша» периода войны с белофиннами уже многое предвляли в его будущем облике. Здесь и ярко реализованные попытки обращения к национально-патриотическим традициям, и четко раскрытое стремление чередовать плакаты собственно сатирического плана («Новогодняя елка у белофинского волка» — № 1, художники О. Верейский, В. Гальба, В. Курдов, Н. Муратов, Т. Певзнер, Е. Ружанский, Б. Семенов, В. Тамбц, И. Шабанов) с листами героического характера (таков плакат № 2 художников Г. Шевякова и И. Харкевича, изображающий трех командиров Красной Армии в позе былинных богатырей).

Первый лист возрожденного «Боевого карандаша» «Фашизм — враг человечества, смерть фашизму» создавался 23—24 июня кол-

¹⁴ Г. Верейский. Боевой карандаш. — «Литература и искусство», 1943, 23 октября.

лективом художников, составивших впоследствии ядро этого издания (Ю. Петров, Н. Муратов, В. Курдов, В. Гальба). Уже первый номер свидетельствовал о том, что авторы «Боевого карандаша», синтезируя традиции книжной графики, народного лубка и «Окон Роста», нащупали свою тропу в искусстве обличения смехом. Перед нами сатирический лист, в центре которого образ советского воина, повергающего фашистскую гадину. По краям листа четыре карикатуры, развивающие и дополняющие основную идею плаката: 1) фашизм — это уничтожение культуры; 2) фашизм — это тюрьма; 3) фашизм — это голод; 4) фашизм — это война.

В дальнейшем «форма плаката с циклом рисунков на одном листе, в которых проведено то сопоставление различных фактов, то последовательное повествование об одном событии»,¹⁵ станет отличительной особенностью изобразительного решения публицистической задачи у авторов «Боевого карандаша». В этом отношении характерен второй номер «Мы им напомним» (художники И. Астапов, Ю. Петров). То, что делалось художниками «Окон ТАСС» на разных листах лаконично и крупно, сатирики «Боевого карандаша» совмещают в серию рисунков с более тщательной проработкой фона и расположением ряда кадров на одном листе: на первом рисунке показано Ледовое побоище и разгром ливонского ордена Александром Невским, на втором — разбитые пруссаки вручали русским ключи от Берлина. Третий и четвертый рисунки передавали отвагу нашего народа в эпоху гражданской и Отечественной войн.

Таким образом, достигалась бóльшая концентрация содержания и вместе с тем зрительное восприятие фокусировалось не на отдельном эпизоде, а на последовательном развертывании публицистической мысли. Следовательно, идея неразрывности национально-патриотических и революционных традиций глубже западала в сознание зрителя, а тема ущербности врага, исторической неизбежности возмездия, которое ждет любого завоевателя на русской земле, получала законченное воплощение.

Не было ни одной сколько-нибудь значительной темы, которую не отразили бы авторы «Боевого карандаша». Тут разбойничья суть спесивого фашистского воинства и лакейство гитлеровских сателлитов, подвиги на фронте и в осажденном городе, партизанское движение и восстановление городского хозяйства, выступления против болтунов, разгильдяев, паникеров и подготовка санитарных дружин, разоблачения геббельсовской брехни и весенне-полевые работы на огородах.

Сатирическая графика пережила в годы войны заметную художественную эволюцию. В первые месяцы преобладали формы условно-символические, декларативно-назывные с преимущественным использованием открытого, прямого обличения. Постепенно им на смену приходит иная манера раскрытия темы, обращение

¹⁵ Там же.

к косвенной, иронической насмешке и юмору с использованием всей гаммы оттенков комического.

В этом отношении интересен отлично сделанный плакат Н. Тырсы «Урожай» (№ 15 «Боевого карандаша»), отчетливо наметивший переход от первого этапа ко второму. Все поле листа разбито на три части. На первом рисунке — колосющаяся нива, на втором — горделиво вышагивающий строй фашистов и на третьем — частокол касок, уныло болтающихся на прикладах немецких винтовок. Текст Н. Тихонова подводит итог авантюры:

За советскую пшеницей
На колхозный мирный дол
Урожаем поживиться
Гитлер полчища повел.

Пусть же целый мир дивится,
Сам злодей глядит дрожа:
Вот для Гитлера пшеница,
Вот фашистский урожай.

В дальнейшем остроумно обыгрывались бытовые ситуации, широко использовался комизм, заложенный в образном строе половиц и поговорок. Таковы, например, сатирические плакаты Н. Муратова, текст Б. Тимофеева «Боевое меню врагу к каждому дню» (№ 15); «История одной физкультуры, написанная с натуры. О том, как солдат со свастикой занимался гимнастикой» (№ 25). Когда по приказу фюрера под метлу вычищали все резервы, появился плакат В. Гальбы «Сверхтотальная мобилизация в Германии» (№ 102). Здесь явно неарийского стандарта немец спрашивал с тоской в голосе у врача призывного пункта:

— Доктор, неужели меня возьмут в армию?

— Э, милейший, горбатого Восточный фронт исправит...».

После зимы 1941/42 г. все чаще звучит уже не только гневная, но презрительная насмешка над незадачливыми претендентами на мировое господство. Сатирический плакат В. Курдова «Сели» (№ 40), исполненный в предельно лаконичной и экспрессивной манере, особенно запомнился. Два фрица повисли на огромных впах: «Ганс! я тебе говорил, что в России нет удобных посадочных площадок!!!».

Художники отмечали статичность сатирического образа фрица. Он лишен всякого намека на просветление. Впрочем, в ходе войны как отдельный фашист, так и все гитлеровское воинство заметно эволюционировало: от солдата наглого и надменного первых месяцев войны к «тотальному» фрицу завершающего этапа сражений. И здесь вполне был уместен соленый, подчас грубоватый солдатский юмор.

В этой связи можно сослаться на сатирический плакат И. Астапова и В. Курдова «Напоролся!» (№ 79), текст Б. Тимофеева:

1. Собрался фриц к нам напролом,
Но вдруг попал в сумятицу:

2. Недавно щеголял орлом —
Теперь же раком пятится...

Той же цели служило обращение художников к известным поэтическим строкам, но комически переосмысленным, т. е. использование сатирического перепева (плакат Н. Муратова «Мой костер» — № 89, в котором удачно обыграны строки известного романса). Пожалуй, образцовым примером сатирического перепева следует считать работу И. Астапова и В. Курдова «Сегодня — ты, а завтра — я!» (№ 80), текст Б. Тимофеева:

1. Куда-то в щель забился дуче...
А Гитлер смотрит туча-тучей,
2. Тревогу мрачную тая:
«Сегодня — ты, а завтра — я!..».

В конце войны снова начинают мощно звучать мотивы национально-исторических и патриотических традиций, но уже в несколько иной тональности. Тема неотвратимого исторического возмездия, которая раньше питалась никогда не умиравшей в народе верой, теперь обретает новые очертания. «Так было, так есть». В этом отношении примечателен сатирический плакат В. Гальбы «Встреча предка с потомком» (№ 86), текст Б. Тимофеева:

На льду Чудском тевтонский рыцарь, Побитого увидев фрица, Ему сказал: «Ты, как и я, Шел, видно, в русские края...	Теперь, — добавил он уныло, — Тебя конец такой же ждет: Не трать же понапрасну силы — И ты, как я, пойдешь под лед».

2

Авантюризм, жестокость, преступность гитлеризма как идеологии и военной системы были зримо и образно показаны мастерами сатирического плаката. Эти же отличительные признаки фашизма нуждались в развернутом критическом анализе, который в большей мере присущ словесному искусству. Решающее слово принадлежало здесь, конечно, публицистике — гневной, разящей, проникающей до корней социально-исторических явлений. На втором месте находилась стихотворная сатира, поскольку сатирическая проза в годы Отечественной войны не получила широкого развития.

Однако если публицистика и собственно лирическая поэзия военной поры стали предметом серьезного изучения (И. Кузьмичев, А. Павловский), то поэтическая сатира еще ждет своего исследователя. Правда, когда знакомишься с многочисленной и весьма неровной по уровню мастерства продукцией отделов сатиры и юмора фронтовых газет, видишь, что многое не случайно не пережило своего времени. Может быть, поэтому имел известное право поэт Б. Лихарев написать горькие строки:

Мой отыщется след
Там, где шли мы в походы,
И в подшивках газет
За блокадные годы...
В наши мирные дни
Нет их в книжном издании...
И стихов этих строй,

Как военное братство:
Лишь на первый-второй
Им дано рассчитаться...
Те стихи, как могли,
До конца отслужили, —
Спят в архивной пыли,
Словно в братской могиле.¹⁶

Но чем более отдаляется от нас то грозное и страшное время, тем чаще не простое любопытство, а никогда не затухающее чувство признательности и тревожная историческая память заставляют возвращаться к давно пережитому.

В газетах «На страже Родины», органе Ленинградского фронта, и «Красный Балтийский флот» регулярно публиковались сатирические материалы в отделах «Прямой наводкой» и «Полундра». На страницах периодических изданий, выходивших в различных армиях Ленфронта («Знамя победы», 23-я армия; «Боевая Красноармейская», 55-я армия; «Вперед за Родину», 67-я армия; «Удар по врагу», «Пехотинец», «Атака» и др.), а также в органе Народного ополчения «На защиту Ленинграда» (июль—октябрь 1941 г.), тоже всегда находилось место острой и меткой солдатской шутке. Особенно весомы заслуги отдела «Веселая землянка» (газеты «Боевая красноармейская» и «Вперед за Родину»), который вел известный ленинградский поэт-сатирик Владимир Иванов, выступавший под псевдонимом Боец Иван Муха.

Хотя Ленинград находился в кольце блокады, у наших бойцов в почете были острое слово и неременная спутница уверенного и спокойного мужества — бодрая улыбка.

Видимо, прав был Вл. И. Немирович-Данченко, который охарактеризовал «гений нашего народа» как «соединение громадного героизма с невероятной простотой и юмором, не оставляющим русского человека чуть ли не за три секунды до смерти. Слияние этого есть гений нации».¹⁷

Если на первых порах доминировало сатирическое изображение конкретного события, то с зимы 1941/42 г. в центре внимания становится поступок, злодеяние фрица, т. е. образ врага в различных комических видах и формах. Битва под Москвой не только первая крупная победа нашего оружия. Она повлекла за собой гораздо большее — сдвиг в мирозерцании народном. Как бы раскрылись шлюзы, и на страницы прессы хлынули потоки сатиры и юмора.

Вместе с тем комическим персонажам фрицев и гансов должен был противостоять собирательный образ героического русского солдата. Вот почему отделы сатиры и юмора на всех фронтах примерно с весны—лета 1942 г. дополняются постоянными образами-

¹⁶ Б. Лихарев. Откровенное слово. — В кн.: Победа. Поэты о подвиге Ленинграда в Великой Отечественной войне. Л., 1970, стр. 256—257.

¹⁷ Вл. И. Немирович-Данченко. Театральное наследие, т. 1. Статьи, речи, беседы, письма. М., 1952, стр. 237.

масками героев типа Ивана Гвоздева, Гриши Танкина, Пети Горчичкина, Ивана Бойцова. Это характерно, в частности, и для газеты «На страже Родины». До мая 1942 г. здесь регулярно появлялся отдел «Прямой наводкой» (или «Фронтовой юмор»). Главенствовали такие жанры, как частушка, солдатская пословица, сатирические мелочи, т. е. формы, не претендовавшие на сколько-нибудь значительные достижения в создании комического образа. Вот, например, довольно типичная для отдела миниатюра:

«— Один парень у нас овладел немецким языком.

— Подумаешь, удивил! Один наш разведчик овладел сразу четырьмя немецкими „языками“ и сам доставил их в штаб».¹⁸

Помещались на страницах газеты и «Поговорки нашей части» за подписью Фома и Ерема. Авторы стремились либо наполнить новым содержанием крупицы народной мудрости, либо по их подобию составляли свои рифмованные афоризмы:

«Наш миномет фрицев везде найдет».

«Хороша „Маша“ наша: как пальнет — из фрицев каша!».

«Хороша и „Катюша“: ударит по врагу — из врага рагу!».¹⁹

Поскольку для первых месяцев войны наряду с критическим освещением того или иного события во вражеском стане характерно было тяготение сатириков к созданию отвлеченно-символического персонажа, постольку басня тоже часто публиковалась в отделе «Прямой наводкой» (басни М. Пустынина «Ворона и лисица», 1941, № 264; А. Флита «Фюрер и календарь», 1941, № 272; «Лев и котенок», 1941, № 287; «Осел и лавина», 1941, № 299 и др.).

Примыкает к басенному жанру и такой своеобразный вид сатирического творчества, как перепев. В поисках действенного и вполне доступного широкому читателю агитационно-воспитательного средства поэты стали использовать фабульные схемы и ритмико-интонационный рисунок популярных литературных произведений, наполняя их новым смыслом. В результате прямых сопоставлений, а порою более или менее отдаленных ассоциаций ярче выявлялось подлинное содержание нынешнего объекта сатиры, его комические стороны. При этом, конечно, в отличие от пародии, ни автор литературного образца, ни пафос его произведения не становились предметом осмеяния.

Одну из первых попыток в этом роде предпринял Н. Колесников в стихотворении «Коробушка» («На страже Родины», 1941, 23 октября), где не очень профессионально обыгрывались известные строки Н. А. Некрасова из «Коробейников». В дальнейшем

¹⁸ «На страже Родины», 1942, 11 апреля. Надо заметить, что «На страже Родины» — единственная фронтовая газета, редакция которой ни на метр не сдвинулась с места на протяжении всей Великой Отечественной войны. Но от этого не было легче, в этом и состояла специфика работы в труднейших условиях блокированного города-фронта.

¹⁹ Там же, 1942, 23 августа.

М. Дудин и А. Флит неоднократно прибегали к пародийному перепеву и создавали на его основе остросатирические произведения. Таковы, например, «Новогодний экран» и «Фриц в мешке». Здесь авторы едко и зло заклеили фашистских упырей, используя в злободневной комической аранжировке стихи А. С. Пушкина «Зимний вечер» и «Вурдалак».

Сюжетная канва и ладовый строй «Зимнего вечера» пришлись особенно по душе поэтам «На страже Родины». Сатирическое обозрение А. Флита «Ставка бандита бита», напечатанное две недели спустя после названных выше стихотворений, завершилось в знакомом ключе:

Фюрер матом «в бога» кроет,
Всех начальников косяк,
Морда вспухла, сердце ноет...
То как зверь бандит завост,
То заплачет, как дитя.²⁰

Частушки, пословицы и поговорки, басни, сатирические перепевы, эпиграммы — весь этот арсенал острот с успехом применялся в отделе «Прямой наводкой». Однако со временем стала ощущаться недостаточность использования только такого типа жанров. Сатирико-героический настрой нашей обличительной музыки подсказывал авторскому коллективу направление поисков и в иных жанрово-тематических направлениях. Тогда-то параллельно с материалами отдела «Прямой наводкой» с 1 мая 1942 г. (как знаменательно это совпадение не только с весной по календарю, но и порой первого значительного перелома в ходе войны) возрождается образ Васи Теркина, впервые созданный в газете «На страже Родины» еще в зимнюю кампанию 1939—1940 гг.

Вместе с раскатами всенного грома и как предвестие скорого прорыва блокады под аккомпанемент артиллерийских ударов выходил на страницы любимой газеты ленинградских фронтовиков бесстрашный, неунывающий герой, мастерски владевший как личным оружием, так и разящим искусством смеха. В рекомендательном обращении от его имени читаем:

Ну, друзья, я здесь как дома.
Здравствуй, славная семья!
С Васей Теркиным знакомы?
Вася Теркин — это я!
Воевал в тридцать девятом,
Помнят многие меня,

Как разил врагов заклятых
Силой меткого огня.
Биографией недлинной
Я горжусь, друзья, в строю
Раньше «хлопал» белофинов,
А теперь я фрицев бью.²¹

После этого краткого вступления шло сатирико-комическое повествование под заглавием «Как Вася Теркин фрицев обедом накормил». Все последующие публикации о Васе Теркине имели единообразные заголовки, которые не только определяли тему, но и с помощью неизменного «как» сосредоточивали внимание

²⁰ Там же, 1943, 19 января.

²¹ Там же, 1942, 1 мая.

рость, герой выявляет изобретательность, остроумие, веселый нрав.

Вася Теркин и его создатели учат ненавидеть врагов, карают их насмешкой, беспощадно издеваются. Герой менее всего довольствуется резкими, а подчас и грубыми словечками, что так было типично для сатиры первых месяцев войны. Противник не только обличается словесно, а посрамляется на практике. Причем совершается это хитроумно, весело, с юмором, казалось бы, без всяких усилий.

Спесивость, механистическое мышление, жестокость фрица Теркин не только высмеивает, но и карает в бою (и сурово карает). Враг, который еще окружал великий город, чванливо почитал себя победителем, оказывался в схватках с Теркиным неизменно повергнутым. Таким образом, герой учил поведению в различных, порой самых неожиданных фронтовых ситуациях. Однако итог бесконечных приключений с Теркиным был куда веселее, ибо юмор Теркина выражал спокойную уверенность сильного и правого в своем деле человека, несокрушимый оптимизм советского бойца.

Лубочно-фельетонный жанр, полусказочный образ героя-богатыря допускал и гиперболизацию, и нарушение привычного правдоподобия. Ибо, опираясь только на черты бытового и повседневного, невозможно создать образ-маску, который заставлял бы работать воображение. Однако даже известная фантастичность поступков объяснялась скорее необычностью фронтовых условий, нежели только особой природой героя и жанра.

В бесконечных историях о Васе Теркине словесное воплощение той или иной сатирико-героической темы неизменно сопровождалось изобразительным решением. Поэты (М. Дудин, А. Флит, А. Прокофьев, В. Иванов и др.) и художники (Б. Лео и др.), как это было у создателей «Окон ТАСС» и «Боевого карандаша», совместно разрабатывали определенные тематические задания. В этом слове рисунка и слова содержался немалый ударный заряд циклов о Васе Теркине, этим в значительной степени объяснялась их популярность в солдатской массе.

Авторы Васи Теркина воплотили в его образе фольклорные, отчасти лубочные, издавна бытовавшие в народе представления о русском солдате и вместе с тем лучшие черты воина социалистической эпохи. Традиционные свойства русского солдата — смелость, находчивость, веселый нрав, простота, общительность — помножены на качества советского бойца. Это не просто балагур и шутник, потешающий в свободную минуту, а прежде всего гордая и свободолюбивая личность, унаследовавшая от народа черты его бесстрашия, творческого отношения к нелегкому труду-подвигу и неизменную удачливость.

Вася Теркин был особенно близок защитникам великого города на Неве. Стихи и рисунки на эту тему продолжали появляться в газете «На страже Родины» и после того, как главы

из поэмы Александра Твардовского «Василий Теркин» стали печататься (декабрь 1942 г.). Редакция, видимо, учитывая именно это обстоятельство, дважды прекращала публикацию цикла. После многочисленных просьб и писем приходилось возобновлять полюбившуюся серию.²³

Давно сложилось мнение, согласно которому между Василием Теркиным из известной поэмы и его газетным предшественником легла непроходимая пропасть. Между прочим, не только исследователи, но и сам Твардовский внес в это противопоставление определенную лепту. Думается, что эта точка зрения нуждается в уточнении.

Воспитательное значение газетного Васи Теркина было огромным, но кратковременным, как у хорошего плаката. Отсюда различие принципов типизации и индивидуализации, использованных при создании сходных по глубинным истокам натур обоих героев. Авторы газетного Теркина заменили анализ индивидуальной психологии более или менее развернутой демонстрацией уже сложившихся, стабилизировавшихся социальных свойств персонажа. Несмотря на недостаточную полнокровность и объемность, на известную аллегоричность и локальность, а может быть, благодаря именно этим качествам, газетный Теркин, как показывает опыт «На страже Родины», воздействовал с редкой ударной силой, оказываясь действеннее, нежели герои, чьи образы создавались по всем правилам художественной индивидуализации. Правда, его влияние ограничивалось меньшим сроком, но зато отличалось большей интенсивностью.

Вот почему необходимо учитывать «правила игры», принятые автором, при оценке или сравнении публицистического произведения с произведением чисто художественного плана. Иначе трудно допустить ошибку при выяснении достоинств одного жанра по сравнению с другим.

Конечно, образу Васи Теркина была свойственна иллюстративность. Однако при разборе этих иллюстративных (не по качеству, а по жанровому признаку произведений, ибо они, так же как и подписи под плакатами, лишь сопровождали графическое изображение) необходимо учитывать специфику этого вида стихотворной работы. Дело в том, что в искусстве изобразительно-словесного монтажа складывается особое соотношение между рисунком и текстом. Изобразительное решение, как правило, изначально, оно определяет и словесное сопровождение, неизбежно ограничивая полет фантазии поэта. Здесь на первый план должны выступать не оригинальные, неповторимые индивидуальные качества стихотворца, а его умение в пятый, десятый, сотый раз поведать о деяниях полюбившегося типического героя,

²³ В 1943 г. Ленинградское отделение Воениздата выпустило сборник «Вася Теркин на Ленинградском фронте», вобравший в себя лучшие произведения серии.

все черты которого (таковы строгие правила лубка) определены заранее.

Вместе с тем появлялись произведения, отмеченные спешкой газетной работы, слабые по форме и шаблонные по содержанию. Порой простота стиха оборачивалась простоватостью. Сам Теркин иногда выступал в ситуациях, когда сильный, коварный, жестокий враг выглядел манекенным противником, который чересчур легко давал себя провести за нос.

Однако не эти очевидные промахи определили лицо новаторской в целом рубрики. Собственно говоря, это была даже не рубрика, а своеобразный сатирико-публицистический жанр, вобравший в себя лучшие традиции русского лубка и стихотворного фельетона. От лубка — доходчивая, лукаво-непритязательная форма стиха и комически-озорных картинок, от фельетона — острота, оперативность и действенность обличений. По этому же типу создавались циклы сатирических стихотворений о собратях Васи Теркина на других фронтах Великой Отечественной войны.

3

Значительной аналитической и типизирующей силой отмечен жанр сатирических обзоров, возникший на второй год войны вслед за возрожденным Васей Теркиным. Основными разновидностями жанра были общеполитическое и международное обозрение и, условно говоря, обозрение нравов. Уже судя по этому, авторы такого рода стихотворных произведений (А. Прокофьев, М. Дудин, А. Флит) стремились решать большие социально-политические проблемы. Конечно, они не поднимались до высот философии истории, пронизывающей публицистику А. Толстого и Л. Леонова, но не только злободневное политическое задание руководило их пером.

Если в стихах о Теркине главенствовал юмор, шутка (нередко злая и язвительная), то обозрению ближе по духу памфлетные краски. Здесь, как это и положено произведению, сходному с памфлетом, где подвергается осмеянию вся политическая и военная система, сарказм преобладает над комизмом.

Отклики сатириков на важнейшие кампании облекались в форму частушки и пословицы, фельетона и эпиграммы. Однако на обстоятельный, развернутый анализ события в историческом или социально-психологическом разрезе могли претендовать лишь авторы более крупных жанров. Именно такая роль и отводилась обозрению.

На страницах «Ленинградской правды» Александр Решетов предпринял попытку раскрыть механику тупой фашистской фанатичности. Поэт, используя широко распространенный в сатире прием сравнения, обнажает несостоятельность хвастливых прог-

В газете «На страже Родины» средствами сатирического гротеска создаются портреты не только заправил гитлеровского рейха (А. Прокофьев «Фрицы в лицах», 1942, 26 июля), но и охваченного шовинистическим угаром, некогда жадно внимавшего геббельсовским реляциям о победах, а ныне мрачно молчащего большинства, по мере того как в спешке бесчисленных «передислокаций» и «эластичной обороны» война с грозной неумолимостью придвигалась к границам Германии (М. Дудин, А. Флит «Берлинская лихорадка», 1943, 31 января; М. Дудин «Волчий вой», 1943, 4 июля; А. Резапкин «Тотальные фрицы», 1943, 28 октября). Теперь все чаще начинает звучать мотив возмездия, неминуемой расплаты и в то же время призыв к священной мести:

Скажем сволочи мы прусской:
— Получайте, раз пришли,
Два аршина нашей, русской,
Гневом вздыбленной земли!²⁷

Открыто мажорный настрой и мотив «гневом вздыбленной земли» определяет многое в тональности сатирических обозрений. Вместе с тем и фашистский генералитет, и рядовые исполнители воли фюрера теряют у авторов обозрений былые, несколько схематические очертания грубой, звериной силы. Появляются такие штрихи, которые проясняют сегодняшнее социально-психологическое состояние врага. Отсюда внимание к перемене настроений у противника как на фронте, так и в тылу.

Былая спесь и наглость под сопровождение хрипло выдавливаемых «Рус, сдаюсь!» ливают не только у рядового Ганса и Фрица, но и у тех, кто вершит их судьбами. Теперь не проблема «языка» занимает сатириков, а показ того, как целые дивизии сдаются в плен (М. Дудин, А. Флит «Как немецкий генерал в плен с дивизией попал», 1942, 2 декабря; «Как немецкий генерал без уставов отступал...», 1943, 28 февраля).

Еще разительнее то разложение, которое захватило гитлеровский тыл. Рухнули не одни лишь претензии на особую «цивилизаторскую» миссию и связанные с этим надежды на барыши. Страшнее всего для незадачливых «гегемонов» то, что поставлена на карту сама идея «тысячелетнего рейха». Вот почему «воет Ганс, рыдает Грета» (1943, 11 февраля), а Берты и Марты

И в Берлине, и в Штутгарте
По-звериному ревут.²⁸

К середине 1943 г. завершился процесс становления основных видов сатирического творчества военной поры от частушки и лубка до памфлета. Художники постепенно отходили от абстрактно-аллегорических олицетворений фашистского зла, овладевая искус-

²⁷ Там же, 1942, 13 ноября.

²⁸ Там же, 1943, 4 июля.

ством сатирического образа во всей гамме комического и трагического, смешного и печального.

Дух самокритики в нашем народе не замирал даже в тяжкие месяцы войны. А поэтому-то сатира все чаще обращала свой взор не только в сторону врага, но и подвергала осмеянию наши собственные недостатки. Наиболее выразительное подтверждение — пьеса А. Корнейчука «Фронт».

В условиях блокированного Ленинграда такие поэты, как Н. Тихонов, А. Прокофьев, В. Саянов, М. Дудин — лирики по своей строчечной сути, — тоже становились в большей или меньшей мере сатириками. Однако были поэты, у которых и в предвоенные годы широко раскрылось комическое дарование и которые в грозный час сделали главным своим оружием сатиру. Речь идет о Борисе Тимофееве, Александре Флите и Владимире Иванове.

Вклад Б. Тимофеева в создание подписей под плакатами «Окон ТАСС» и «Боевого карандаша» особенно весом и значителен. Подавляющее большинство текстов «Боевого карандаша» принадлежало перу Б. Тимофеева. Нередко это были законченные сатирические миниатюры в форме двухстрочного диалога или четырех-восьмистрочного стихотворения. Броские, лаконичные, они точно попадали в цель, и враг, уже пригвожденный кистью художника, получал дополнительный шрапнельный заряд меткого поэтического слова.

Александр Флит — автор множества подписей под плакатами «Окон ТАСС». В отличие от Б. Тимофеева А. Флит тяготел не к лаконичной миниатюре, а к развернутому сюжетному стихотворению. Вместе с тем поэт успешно работал и в таких жанрах, как частушка, басня, эпиграмма.²⁹

Особенно популярным на Ленинградском фронте было сатирическое творчество Владимира Иванова. Бойца Ивана Муху знали и любили в годы войны защитники Ленинграда. Любопытно, например, что в приказе о награждении поэта он фигурировал именно как Иван Муха, боец.

О том, какой популярностью пользовалось веселое и острое слово поэта, свидетельствует такой факт. В газете «Вперед за Родину» (1945, 15 февраля), составленной сплошь из официальных документов, был помещен и единственный неофициальный материал — стихотворение Бойца Ивана Мухи. И так было почти всегда. При любой «тесноте» на площади газетного листа все-таки находилось место для фронтовой сатиры.

Владимир Иванов прошел нелегкий путь с воинами Ленинградского фронта от рубежей блокированного города до сумрач-

²⁹ А. Флит. Пулеметная очередь. М.—Л., 1941; А. Флит (текст), Б. Лео (рисунки). В лоб! Сатира на фронте. Л.—М., 1941; А. Флит. Гансы и Фрицы. Басни. Л., 1942; А. Флит. Шрапнель. Л., 1943; А. Флит, М. Дудин. Битые козыри. Фельетоны. Л., 1943.

ных казематов Восточно-Прусского плацдарма. Все эти годы читателей «Боевой красноармейской» и «Вперед за Родину» согревала «Веселая землянка», разнообразный материал в которой подчас принадлежал перу одного человека.

13 января 1944 г. войска Ленинградского фронта перешли в наступление. В этот же день по специальному заданию командования в газете «Вперед за Родину» (орган 67-й армии) появилось стихотворение поэта «Сон Фрица» со знаменательным словом: «Началось!». Фашисту снится сон о решающем наступлении русских:

Чует гад, что сон-то в руку,
А приклад — бандиту в лоб.

Несколько месяцев спустя сатирик как бы подвел итоги победного маршу наших войск в веселой и остроумной «Лесенке»:

Поведаем в кратенькой песенке,
Как немец шагает по лесенке.
Сначала бывает «подкова»,
На смену «подкове» сурово
«Мешок» неуклонно идет.

Затем — «Мышеловки» черед.
А после — «Котел» неперемный
С ужасною крышкой толстенькой.
Когда ж эта пройдена лесенка,
То спета и фрицева песенка.³⁰

В годы войны В. Иванов выпустил ряд сборников, на страницах которых были представлены все виды и жанры стихотворной сатиры: фельетон, частушка, басня, сказка, загадка, поговорка, эпиграмма и др.³¹ Отличительной особенностью таланта поэта был не только щедрый и лукавый юмор. Ярко раскрылась его склонность к изречениям в предельно лаконичной и сатирически заостренной форме. Не случайно в сборнике «Бей гада» многие стихотворения либо открывались, либо завершались агитационно-призывными строками, набранными особым шрифтом, а отдельные афористически отточенные строфы печатались на газетной полосе как лозунги:

Не жалея свинца, товарищ,
Бей фашиста-сатану!
На Неве его ударишь —
Отзовется на Дону!³²

Образ Карлушки («Карлушку — на мушку!») — это своеобразное художественное открытие В. Иванова. В череде обмороженных, заросших щетиной, обвязанных ворованными бабьими платками покорителей Европы не затерялся и образ, созданный ленинградским поэтом. Это не наглый и спесивый, а уже крепко битый на Востоке, часто «тотальный» фашист, в глазах которого вместо победно-голодного блеска — запоздалое прозрение, смертельная усталость.

³⁰ «Вперед за Родину», 1944, 21 октября.

³¹ В. Иванов. 1) Бей гада! Л., 1942; 2) Про бойца и три вещицы, от которых дохнут фрицы. Современная сказка. Л., 1943; 3) (Боец Иван Муха). Карлушку — на мушку! Фронтальная сатира. Л., 1944; 4) Добьем! Фронтальная сатира. Л., 1944.

³² В. Иванов. Бей гада! стр. 32.

Гитлеровская доктрина оказалась блефом, таким же как и подбитые дощечками соломенные эрзац-валенки, которые напяливали на себя тысячи Карлушек. Все оказалось блефом, кроме неизбежности расплаты и суровой реальности пенькового возмездия. Вот почему сборник «Карлушку — на мушку!» завершила нехитрая загадка с помещенной в конце отгадкой:

Не вдовица Фрица
И не его сестрица,
А чувств своих не прячет
И по Фрицу плачет.

(Веревка).³³

Салтыкову-Щедрину принадлежит мысль о том, что жалка и малодейственна та сатира, которая не оснащена юмором, в основе которой одно лишь внешнее словесное обличительство. Боец Иван Муха отлично владел приемами комического. Тут и метафорическое, остроироническое сближение черт и поступков людей и животных, и бытовая окраска явлений из «высоких» сфер, и смешение различных стилевых рядов: научного, литературно-газетного, разговорного, и выявление автоматизма, механистичности в действиях отрицательных персонажей.

О богатстве возможностей сатирика и широте его юмора свидетельствуют произведения, посвященные недостаткам в своей среде. Здесь нет той презрительной насмешки, которой поэт встречает врага. Однако действенность выступлений от этого не умалется.

Неуютно чувствовал себя «герой» стихотворения «про трусливую разведку», который сильно горазд лишь на то, чтобы

У огня в землянке сидя,
Никаких ракет не видя,
Взять бы пленного, кабы...
Без борьбы и без стрельбы!³⁴

О бойце Степе — неряхе и растрепе поведал поэт в «Разговоре начистоту и как раз про чистоту». Другое стихотворение, тоже стилизованное под известные фронтинские вещи Маяковского, было озаглавлено так: «О том, как Влас противогаз повсюду ищет битый час». В стихотворении «У дядюшки Якова товару всякого...» иронический перифраз некрасовского произведения использован против скопидама-интенданта.

Все эти стихотворения выдержаны в юмористическом ключе, ибо посвящены в целом неплохим людям, но с определенными слабостями.

Иное дело стихотворение «О подлых трусах-паникерах, котрым страшен каждый шорох». Здесь уже бьющая наотмашь сатира, наследующая принципы «Окон РОСТА» от заглавия до способа раскрытия темы.

³³ В. Иванов. Карлушку — на мушку! стр. 60.

³⁴ В. Иванов. Бей гада! стр. 25.

На завершающем этапе войны (особенно в 1944—1945 гг.) проявилось тяготение сатириков и юмористов к документальности. Так, например, в «Окнах ТАСС» наряду с графическим исполнением плакатов широко используется метод фотомонтажа. Писатели и поэты все охотнее основывают свои произведения на дневниках, письмах, фотографиях и других документальных свидетельствах, позволяющих точнее и глубже очертить внутренний мир врага.

Достаточно сравнить отвлеченно-схематический типаж гитлеровского офицера фон Помидора из стихотворения А. Флита 1941 г. или образ незадачливого вояки из «Дневника арийца» (1942) В. Иванова с художественными воплощениями этих же поэтов 1943—1944 гг., как разница станет весьма заметной. Конкретно-индивидуальная характерность сатирического персонажа раскрывается теперь несравненно рельефнее. Здесь решающее значение принадлежало наряду с художественным опытом, накопленным за годы войны, прежде всего умело публицистически использованным документальным материалам. Именно об этом свидетельствуют многие стихотворения из сборников В. Иванова «Карлушку — на мушку!» (1944) и «Добьем!» (1944). Особенно интересны «Январские фрицы 1944 года» — оригинальный сатирический репортаж, в котором важную роль играет не добросовестное описательство, а остро типизирующая мысль, тонко подмеченный факт, неповторимая деталь. Столь же показательны и такие стихотворные зарисовки, как «Два портрета» и «Отрывки из дневника битого пруссака». Поэт рассказал о смятенно-подавленном состоянии фрицев на основе комического прочтения подлинных их документов (фотографии, дневники).

* * *

Искусство обличения смехом периода Великой Отечественной войны с особой силой подтвердило правоту щедринского тезиса о том, что «единственно плодотворная почва для сатиры есть почва народная». В своем развитии сатира того времени прошла три основных этапа, и каждый из них свидетельствовал о ее дальнейшем сближении с задачами и целями общенародного дела.

Если в первые месяцы войны господствовала обнаженно-публицистическая манера, отвлеченно-схематические способы изображения врага, то уже в начале 1942 г. сатира становится несравненно более действенной и разящей. Не отказываясь от крайних степеней выражения негодования и презрения (сарказм, гротеск, гипербола), она обогащается элементами психологического анализа, в ее структуру все смелее и органичнее входит героическое начало, олицетворенное в образах смелых, находчивых, неунывающих советских воинов.

Следующий этап совпал с переломом в ходе войны, с необходимостью углубленного социально-политического рассмотрения фа-

пистского фронта и тыла, выяснения коренных причин близящегося поражения гитлеризма и неотвратимости справедливого возмездия. Этими обстоятельствами вызвано обращение сатириков к таким жанрам, как памфлет и обозрение, позволяющим создавать обобщенные картины развала «тысячелетнего рейха».

Наконец, на завершающем этапе войны в 1944—1945 гг. в сатире, хотя и доминирует мотив расплаты, все сильнее пробиваются ликующие тона, открыто мажорные краски. У стен обреченной Германии стояли советские чудо-богатыри — вестники могучего, но великодушного народа. «Мы расплачиваемся с ней вполгнева, — писал в ту пору Л. Леонов, — иначе один лишь ветер ночной плакал бы теперь на ее голых отменях».³⁵

Сатира Великой Отечественной войны — новый, качественно иной по сравнению с предшествовавшими периодами этап развития искусства обличения смехом. Глубочайший оптимизм, несокрушимая вера в победу — вот что питало и окрашивало даже в самые трудные времена нашу сатиру. А обращение к истории, к национальным истокам патриотизма придавало ей особую мощь.

Другая важная особенность сатиры тех лет (плакат, карикатура, листовка) заключалась в том, что она нередко становилась активной боевой силой, выступая в сражении без каких-либо опосредствующих звеньев. В воспоминаниях известного карикатуриста В. Гальбы приведен достаточно характерный случай (а сколько их было во фронтовых условиях!).

«В 1942 году по приглашению командования одной дивизии я отправился на фронт... Там я нарисовал несколько огромных карикатур (3×4 метра) на Гитлера, Геринга, Геббельса, вложив в рисунки всю свою ненависть к этим подонкам.

Их выгодно поместили на переднем крае. Фашисты начали медленно стрелять по ним из орудий и минометов, но осколки причиняли мало вреда плакатам, нарисованным на марле. Тогда разъяренные фашисты поползли, чтобы сорвать рисунки, и наши снайперы точными выстрелами уничтожили одиннадцать гитлеровцев. Это тот случай, когда выражение „смех убивает“ надо понимать в буквальном смысле.»³⁶

Пусть сатира военной поры не достигла в целом высот, которые завоеваны лирикой тех лет. Но и она была исторгнута из глубины души народной и в лучших своих образцах как тогда, так и ныне, остается в боевом строю. Творческое возрождение ее социально-политических и нравственно-эстетических принципов — залог освобождения современной массовой сатирико-юмористической литературы от таких распространенных пороков, как тематическое малокровие и языково-стилистическое худосочие.

³⁵ Л. Леонов. В годы войны и после, стр. 305.

³⁶ Подвиг века. Л., 1969, стр. 187.

ПИСАТЕЛЬ У МИКРОФОНА

О войне жители западных районов страны узнали как непосредственные очевидцы: утром 22 июня первые бомбы упали на советские города. Большинство же граждан услышало тревожную весть из радиопередач. Начиная со второй половины того памятного воскресного дня, радио стало жить новой, напряженной военной жизнью. То, что казалось вчера значительным и важным, теперь не находило своего места в эфире. Менялись планы, утвержденные заранее программы, весь стиль радиопередач.

Изменения, которые претерпела наша печать, ставшая трибуной для многих и многих писателей, поэтов, драматургов, непосредственно коснулись и редакций радиовещаний. О сути этого явления, определившего характер литературы военных лет, Илья Эренбург писал: «Редакции газет во время войны все чаще стали обращаться к писателю. . . газеты отводят место не только статьям, памфлетам, призывам писателей, но даже стихам, рассказам, повестям, драмам. Это значит, что писатель может сказать то, чего не могут сказать другие. Это значит, что писатель умеет говорить так, как не умеют говорить другие».¹

Писатель мог сказать так, как никто иной. В этом была одна из главных причин небывалого притока литературных сил в печать и на радио.² Но была и другая причина.

Писатели стремились к тому, чтобы их слово участвовало в повседневной борьбе своего народа. Естественно, что в новых условиях и ленинградское радио уже в последние июньские дни привлекло к работе писателей и поэтов, многие из которых раньше нечасто переступали порог хорошо известного ленинградцам высокого здания по улице Пролеткульта. Однако ни в июне, ни в последующие летние месяцы никто, разумеется, не мог предположить, какая роль выпадет на долю ленинградского радио в годы войны.

¹ Новый мир, 1943, № 9, стр. 112.

² В архиве ленинградского радио имеется список «писателей, поэтов и журналистов, корреспондентов радиокомитета в период блокады». Приведено 67 имен, не считая штатных сотрудников радио. Среди них указаны и погибшие в дни войны Ю. Инге, А. Лебедев, Г. Суворов, О. Цеховицер.

Роль эта была особая, ее определили сами события. сама судьба огромного города, оказавшегося в тисках блокады.

В течение войны очень разными были и условия литературной работы на радио и сама литературная продукция. Различными были на разных этапах войны и блокады писательские задачи. Поэтому материалы тех лет необходимо рассматривать с учетом конкретных условий, в которых они создавались.

Ленинградские писатели и журналисты своей повседневной работой помогали выстоять, одолеть блокаду. Такова была их главная цель. И в этом смысле собственно художественные задачи подчас отходили на второй план. Однако случалось и так, что непосредственный эмоциональный отклик на события становился крупным литературным явлением. Так произошло прежде всего со стихами и поэмами Ольги Берггольц, которая с начала войны стала работать на ленинградском радио.

Основные литературные передачи шли на радио по трем редакциям — детской, литературно-драматической и музыкальной. Однако, по свидетельству Н. А. Ходзы,³ с сентября 1941 по март 1942 г. такое деление было условным.

Уже эта справка говорит о том, что в сентябре (ближе к октябрю) начался новый, самый трудный этап работы радио, обусловленный наиболее голодным периодом блокады. Речь по существу идет о долгой зиме 1941/42 г. (холода пришли уже в октябре).

Организация художественного вещания этих месяцев связана прежде всего с именами Я. Бабушкина,⁴ В. Гурвича, Г. Макогоненко, Н. Ходзы. Именно эти журналисты возглавили переход редакционной работы на военный лад, по их инициативе были созданы новые формы передач, они привлекли к систематическому сотрудничеству многих писателей и поэтов. В самих редакциях, помимо О. Берггольц, были поэты В. Волженин, Н. Верховский (оба погибли от голода), журналист А. Половников. Одни из сотрудников радио⁵ работали в нем всю войну (Н. Ходза, О. Берггольц), другие ушли на фронт, погибли или позже уехали в тыл (А. Половников). Но все они немало сделали для того, чтобы ленинградское радио, направляемое городской партийной организацией, выполнило свою боевую задачу.

В работе ленинградского радио военных лет условно можно выделить несколько периодов. Первый охватывает июль—август 1941 г., второй — сентябрь 1941 — март 1942 г., третий — апрель

³ Здесь и в дальнейшем использована беседа автора с Н. А. Ходзой (27 июля 1971 г.), возглавлявшим детскую редакцию, а с июля 1942 г. — литературно-драматическую.

⁴ Я. Бабушкин возглавлял литературно-драматический отдел до марта 1942 г. Затем был до весны 1943 г. художественным руководителем леп-радио. Весной 1943 г. мобилизован в армию и погиб.

⁵ Писатели, как правило, не являлись штатными сотрудниками. Они были прислапы на радио писательским союзом и работали в редакциях на равных правах со всеми остальными.

1942 — январь 1944 г., четвертый — февраль 1944 — май 1945 г. Это периодизация не бесспорна, особенно в отношении третьего периода: в апреле 1942 г. было неизмеримо труднее, чем в последующие месяцы, да и каждый месяц был непохож на другой. В январе 1943 г., после прорыва блокады, положение в городе улучшилось, хотя враг по-прежнему стоял у ворот. Не был единым и второй период: сентябрь—октябрь 1941 г. — пора переходная, несмотря на критическую военную ситуацию сентября. Ноябрь стал рубежом — жестокие морозы, первые жертвы голода. В ноябре даже радиокомитет перешел на казарменное положение.

Несмотря на условность, подобная периодизация имеет свои основания. Второй и третий периоды целиком охватывают месяцы ленинградской блокады (сентябрь 1941—январь 1944 г.). Именно эти два периода представляют особый интерес для истории литературы. Все-таки в эти дни в Ленинграде, в условиях, доселе невиданных, рождалась не просто литература войны, но еще и литература блокадная, созданная буквально под орудийный гром снарядов, рвавшихся на улицах голодного города. Однако сначала обратимся вновь к лету 1941 г.

1

Перечитывая сегодня тексты первых военных передач, видишь в них прежде всего призывы, лозунги, стихи о нашей скорой победе. Это было естественно, это было искренне. Нужно было пройти через осознание горьких потерь лета, чтобы голос писателей зазвучал тверже, трезвее, весомей.

Видные представители ленинградской интеллигенции говорили о готовности к борьбе с фашизмом. 22 июня по радио выступал академик А. Байков, 23 — скульптор Г. Манизер. В этот же день были переданы стихи А. Прокофьева («Поход») и заметка писателя В. Ставского «Кронштадт на страже». 24 июля артист Н. К. Черкасов, исполнитель роли Александра Невского в одноименном фильме, говорил: «Бесславные потомки немецких псоврыцарей забыли урок на льду Чудского озера. Кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет. На том стояла и стоять будет Земля Русская, Земля Советская».

Первое большое писательское выступление состоялось 27 июня. Выступал Б. Лавренев. Он напомнил слушателям о двух Германиях: «Мы знаем и глубоко уважаем и любим подлинную Германию, Германию Гёте, Шиллера, Германию Гумбольдта и Коха». Писатель клеймил фашизм, запятнавший себя преступлениями. Обращаясь к славным страницам истории России, Б. Лавренев закончил свою речь словами: «Мы не остановимся до тех пор, пока самое слово „фашизм“ не исчезнет из человеческого словаря, пока

не будет растоптан вдребезги этот злейший и жесточайший враг человечества». ⁶

В самом начале нового этапа своей работы ленинградское радио добилось несомненных успехов. Среди его достижений — создание своеобразного радиожурнала, впервые прозвучавшего 1 июля 1941 г. «Товарищи радиослушатели! С сегодняшнего дня мы начинаем ежедневно выпускать передачи, которые мы назвали „Радиохроника“. В выпуски нашей „Радиохроники“ будут входить статьи, рассказы, песни, стихотворения, фельетоны. Нужно бить заклятого врага не только оружием Красной Армии, но и словом, так, чтобы вся мерзость, вся подлость и все коварство фашизма были беспощадно обнажены».

«Радиохроника» — по существу общественно-политический и художественный журнал. В его «радиоблокноте» передавались новейшая информация с фронта, новости культурной жизни, звучали голоса защитников города. Прямо в студии писатели читали только что написанные очерки и стихи. И тут же к микрофону подходили актеры — они знакомили ленинградских слушателей с лучшими статьями советских публицистов. Мужественные, призывные, гневные статьи Ильи Эренбурга и Алексея Толстого гремели над ленинградскими улицами.

Разумеется, не все номера этого журнала представляются сегодня одинаково удачными. Через десятилетия многое видней. Но тогда эти почти 500 номеров были ежедневным журналистским подвигом. Лишь в отдельные дни декабря — января случались небольшие перерывы. Но до лета 1943 «Радиохроника» выходила достаточно регулярно, уступив затем место «Литературному еженедельнику». Практически все ленинградские писатели и ведущие журналисты приняли в ней участие. Радиожурнал выходил вечером, в одни и те же часы, он как бы подводил итоги прожитого нелегкого дня. Его открывали очерк или статья, фельетон, затем шли стихи в исполнении авторов, почти всегда — песня. Каждую «Хронику» завершал сатирический отдел. Это было не обычная передача, не очередной литмонтаж. Перелистывая хронику, видишь, как от первых номеров, поначалу разрозненных, иногда со случайными материалами радиожурнал становился неотъемлемой частью быта военного города.

Литературная работа на радио имела огромное пропагандистское значение. Как отмечал в своей записке в Союз писателей один из тогдашних руководителей радио: «Характер работы здесь ближе всего к газете: острая злободневность, сжатость, высокая оперативность, быстрый отклик на события». ⁷ В этой же записке,

⁶ Здесь и в дальнейшем, кроме специально оговоренных, все ссылки даются на Ленинградский государственный архив литературы и искусства, ф. 7278, оп. 2. Ранее (до октября 1969 г.) эти материалы (под тем же номером фонда) находились в Государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства (ГАОРСС).

⁷ Архив Музея обороны Ленинграда, д. 480. В этом Архиве всего три

относящейся к концу осени 1941 г., говорилось: «Литературными материалами радиовещания широко пользовались и пользуются: 1) оборонный сектор СП, 2) агитбригады ДКА, 3) агитбригады театра КБФ и центр. ансамбля ВМФ, 4) Театр ЛАНО, 5) издательство „Искусство“ (выпустило несколько сборников), 6) газеты и литер. журналы (значительная часть после радио опубликована там)... В итоге материалами радио охватывается аудитория... во много сотен тысяч человек».⁸

Конечно, и летом 1941 «Радиохроника» не вобрала в себя всю писательскую работу. Выступали писатели и на политвещании, и в детском радиожурнале «Юный патриот» (только в июле — августе вышло около 20 его номеров). Но все же больше всего литературных материалов содержала именно «Хроника».

Первый номер «Радиохроники» открывался статьей Михаила Козакова, затем передавались записки И. Кратта и выступление поэта Е. Рывиной «Вставайте, советские люди!...». «Хронику» заключали памфлет И. Меттера и стихотворный фельетон В. Волженина «Цари». Исполнялась также песня «Грудью встань за советскую землю» на слова Л. Ошанина. Материалы шли как бы в подбор, один за другим. Дикторский текст незаметно переходил в статью. Без всякого объявления включалась песня. Стихотворный лозунг был «мостиком» от слов диктора к следующей за ним сатирической сценке.

Номер третий вышел 3 июля, он начинался с отклика-передовой на выступление И. В. Сталина, который, характеризуя обстановку, говорил, что речь идет о том, быть или не быть нашему государству свободным. Затем исполнялись стихи — отклики на эту речь, очерк О. Берггольц «Комендант» и новая «Песня Максима» (позднее новые тексты писались и на другие известные мотивы, например 26 июля был передан военный вариант песенки Кости — «Тучи над городом встали»). Поэты А. Гитович и В. Лифшиц сделали героя фильма «Выборгская сторона» нашим современником, который не только вспоминает о прошлом, но верит в нашу скорую победу над фашизмом. Может быть, Максиму это казалось делом очень близкого будущего. Во всяком случае текст «Песни Максима» дает известное представление не только о характере материалов «Хроники», но и о настроениях первых военных дней:

Десять винтовок на весь батальон,
В каждой винтовке — последний патрон.
В рваных шинелях, дырявых лаптях
Били мы немцев на разных путях.
Всю Украину он грабил и жег,
Так что за нами остался должок.
Час подошел, наступила война,
Время, друзья, расплатиться сполна.

Вот эта улица, вот этот дом,
В городе нашем, навеки родном.
Улицей этой врагу не пройти,
В дом этот светлый врагу не войти.
Пушки и танки фашистов громят,
Летчики наши на Запад летят.
Черного Гитлера подлая власть
Крутится, вертится, хочет упасть.

дела, относящиеся к работе радио в дни войны, весь остальной фонд в ЛГАЛИ.

⁸ Там же.

Едва замолкла музыка, диктор произнес: «Улицей этой врагу не пройти, — поет Максим. В дом этот светлый врагу не войти, — поет Максим. Об одной такой улице, об одном таком доме — ленинградском доме — сейчас мы расскажем Вам». Затем передавался очерк «Комендант». С «легкой руки» радио незатейливая песня стала широко известна, она входила в репертуар фронтовых агитбригад, дала толчок к созданию новых импровизаций на знакомые темы.

В последующих летних номерах «Хроники» основные авторы те же — О. Берггольд, В. Волженин, Н. Верховский, А. Мариенгоф, И. Меттер, Е. Рывина. Передавались очерки М. Слонимского, Н. Чуковского и Б. Лавренева. Некоторые номера «Хроник» носили тематический характер. Передача от 16 июля («Радиохроника», № 14) начиналась словами «Слушай, Краснознаменный Балтийский флот» и сигналом «Внимание!». Специальный выпуск для Балтфлота передавался и в августе. Постепенно выявилось жанровое многообразие произведений радиожурнала. Так, в номере девятом вслед за сообщением о подвиге летчика Гастелло была дана поэма А. Мариенгофа «Капитан Гастелло», едва ли не первый поэтический отклик на подвиг героя. В этом же номере — частушки Н. Тихонова «Они хотят земли да Урала».

Развитие сатирических жанров — весьма симптоматичное в эти месяцы — отразилось и на содержании «Хроник». В сатирическом отделе выступали почти все авторы. Пожалуй, наиболее выразительными были сказки и сценки Е. Шварца: «Союзники», «Сон министра», «Дипломатическая конференция» и особенно «Похождения фашистского черта». История о том, как фашисты заключили договор с чертом по имени Фриц («самый хитрый черт»), была написана хлестко и изящно. Остроумно и убедительно объяснил автор сказки, почему, вернувшись с Восточного фронта, черт отказался от договора. В сказке «Сон министра» говорилось о мечтах высокопоставленного расиста вывести породистых германцев на специальных заводах. В «разговоре» спящего министра со старой ганноверской лошадью переданы важные для Е. Шварца мысли, которые в разных вариациях прошли через все его творчество.

«— Что ты этим хочешь сказать? — спросил министр шепотом. Кони, это кони, а люди, это люди, — ответила старая, мудрая ганноверская лошадь. — И как ты ни старайся — время не повернет обратно, и человек не станет зверем». Разве не об этом же написал позднее Е. Шварц и в своем «Драконе», и в других «больших» пьесах-сказках?

Немало изобретательности, остроумия проявил И. Меттер. Его памфлеты и сценки («Людоед-вегетарианец», «Искусство статистики», «Дивизия генерала Буно») в одних случаях посвящались разоблачению гитлеровских заправил, в других — имели в виду конкретные события. Так, газетное сообщение о том, что в Берлине собрались послы гитлеровской Германии в некоторых европейских государствах, фактически ею захваченных, дало фельетонисту

повод для сценки «География по-немецки», в которой приводилась «стенограмма заседания фашистского географического общества «Долой Христофора Колумба».

Шесть военных месяцев продолжалась неутомимая работа В. Волженина. Начиная со своего первого фельетона «Цари», посвященного претендентам на русский престол, поэт ежедневно откликался на самые животрепещущие события. Героями его сатирических стихов и басен чаще всего становились вруны из департамента Геббельса и союзники Гитлера. Немало сатирических произведений на эти темы было написано для радио Б. Тимофеевым («На севере диком», «Четыре генерала»), В. Ивановым («Румынский галоп», «Подарок итальянскому королю», «Румынские Мальбруки»), В. Зуккау-Невским. Сатирические сценки писал для радио и М. Зоценко («Скандал в благородном семействе, или Двурушник Муссолини»), который, кстати говоря, был автором едва ли не первой антифашистской пьесы лета 1941 г. «Под липами Берлина». На слова Е. Рывиной исполнялись обычно сатирические куплеты.

Нередко сатирики обращались к известным произведениям классики (не обязательно сатирическим) и делали, так сказать, современный вариант. Например, «На севере диком» — это переосмысленная, поданная совершенно в ином ключе гейне-лермонтовская «Сосна». Б. Тимофеев написал о финском и итальянском фашистах — Рюти и Муссолини, отдаленных друг от друга, но родственных и по своим убеждениям, и по неизбежному финалу («На севере диком, в глухом перепутье, с тупым выраженьем лица стоит одиноко продавшийся Рюти и ждет отовсюду свинца. И спится ему, что в Ливийской пустыне...» и т. д.). «Четыре генерала» было объявлено как подражание Беранже.

«Под Крылова» были написаны басни О. Берггольц на известные всем сюжеты — «Гуси», «Собачья дружба», «Горшок и котел». В каждом случае стоял эпиграф — строки Крылова. Басня «Горшок и котел» имела эпиграф «Горшок с котлом большую дружбу свел» и была посвящена взаимоотношениям «союзников» — немцев и финнов.

Вполне определенное направление и у стихотворных фельетонов О. Берггольц. Они также разоблачали фашистских заправил и их сателлитов. Фельетоны («Про Марью Иванну, про Ници-Ници и про то, что Геббельсу снится», «Итальянская бухгалтерия», «Отцу и сыну», «Худо немцу!») были рассчитаны на разовое исполнение, и Берггольц их не печатала. Они не проходят по разряду «изящной словесности», они грубоваты. Но тогда «инвектива», обращенная к захватчику, жаждущему русского хлеба и сала, «всем как есть отпустим Вам отбивные по задам», не могла никого шокировать. Сейчас видны уязвимость, так сказать, «технические просчеты» некоторых фельетонов, а в ту пору почти любая насмешка над врагом помогала бороться с упадочническими настроениями, паникой, вселяла в людей уверенность.

Найдя интересную форму радиопередач, редакция не сразу нашла для них соответствующее содержание. Июль — август характеризовались поисками, они отразили некоторые особенности литературы первого военного лета в целом. Очерки носили в основном информационный, подчас декларативный характер, такими же были многие стихи и даже рассказы. В сатирических сценах И. Меттера, фельетонах О. Берггольц, стихах и частушках В. Волженина порой не чувствовалось гнева, ненависти к фашизму. В «выступлениях тети Даши», написанных О. Берггольц, этих стихотворных агитках июля — августа, никак не узнать той «Дарьи Власьевны, соседки по квартире», которой были посвящены стихи блокадной осени. «Тетя Даша» (артистка О. Казико) советовала радиослушателям сдавать ценности в фонд обороны, становиться донорами: «Я ведь шуток не люблю, женщина я хитрая. Разорвусь, а насолю этой жабе Гитлеру» («Радиохроника», № 36, 11 августа). Кстати, эти же стихи были помещены и в «Окнах ТАСС» установленных на Невском проспекте. На одном из рисунков была изображена тетя Даша, сдающая свой самовар. По радио строки, сопровождающие этот рисунок, также читала О. Казико.

А еще мои поклоны
Фонду нашей обороны.
Если чай придется пить,
Будем пить из чайника.
Надо Гитлера побить,

Это чрезвычайнее.
Обернись мое кольцо,
Круглое да быстрое
Под рукой родных бойцов
Смертоносным выстрелом.

В дни, когда звучали эти слова, бои шли на лужском рубеже, и можно сказать, что, хотя по всему городу были установлены громкоговорители, намного расширившие аудиторию радио, пожалуй, сводки информбюро тех дней бывали выразительней некоторых стихов и зарисовок. В сводках слышалась горечь утрат. И все же при всех недостатках эти фельетоны и эти стихотворные очерки делали свое огромное дело. Среди авторов сатирического раздела был А. Мариенгоф. Главным его жанром стал стихотворный очерк. По существу очерком была и поэма «Капитан Гастелло» и такие, большие по размерам, стихотворения, как «Рабочий Сигачев», «Боец Исмаилов», «Батарея младшего лейтенанта Чаплина», «Сеня», «Александр Самохин». Написанные как непосредственный отклик на подвиг конкретных людей, эти вещи не стали значительными художественными явлениями. Но потребность в них тогда была чрезвычайно велика. Подвигу нужна была гласность.

Люди слышали в стихах имена героев. Они не задумывались тогда о том, какая это поэзия. Сам факт становился значительным. Он подчеркивал необычность того, что эти люди совершали. Это понял А. Мариенгоф. И он писал о машинисте, который, рискуя жизнью, обжигаясь, лез в паровую топку, чтобы скорей отправить состав к фронту, писал о первых летчиках — героях ленинград-

ского неба, о пленном разведчике, не выдавшем врагу важных сведений. А. Мариенгоф восклицал:

История!

Ты сегодня стоишь рядом,

Рядом с нами;

Касаясь плечом,

Ты вдохновляешь нас на балладу,

Ты говоришь нам, писать о ком.

Это чувство было знакомо и Н. Тихонову, написавшему «Балладу о лейтенанте танкисте Юхниче» («Радиохроника», № 7), и А. Прокофьеву, автору «Баллады о красноармейце Демине» («Радиохроника», № 25), и Б. Лихареву, написавшему о летчице Трубицыне («Радиохроника», № 53).

Этот же очерковый характер носили и немногочисленные рассказы, передававшиеся по ленинградскому радио, в частности рассказы В. Каверина «Из дневника», «Трое», а также рассказ И. Кратта «Партизаны». Авторов прежде всего интересовала сама ситуация, описание подвига, а не характеры людей. Несколько иначе обстояло дело в рассказе В. Каверина «Прощальный салют» — истории подвига и гибели молодых бойцов. В этом произведении перед читателем проходят мысли одного из героев, есть попытка обрисовать его внутренний мир, недавнее прошлое. Особенно поэтично через восприятие юноши Саши Пегова дан ленинградский пейзаж.

Большинство рассказов остро публицистично, авторские мысли выражены прямо, может быть не всегда свежо. В. Каверин писал о немцах в своем рассказе: «За ними были разрушенные города, тысячи трупов, склоненные знамена. За ними была ограбленная и сожженная Европа. Перед ними в маленькой деревенской мельнице были четыре юноши в красноармейской форме». Публицистический характер носил и рассказ В. Кетлинской «Ненависть» (передача от 17 августа).

«Радиохроника» стала лишь одной из регулярных передач радио. И, как мы видим, она не могла оставаться передачей «чисто литературной». Это была пропаганда, агитация, каждый материал «Радиохроники» оценивался прежде всего с этой точки зрения. И так же оценивались программы политвещания, детской и музыкальной редакций. Главным было, что они дают фронту, делу победы, как помогают воодушевить людей.

Ежедневно шли по городской сети и в эфир материалы вещания политического — несколько раз в день передавались «Последние известия», регулярно составлялись программы для молодежи. Оказалось, что и здесь есть место для работы писателя. Осенью 1941 г. начала выходить «Красноармейская газета по радио». По городской сети ее могли слушать во многих частях, находившихся в Колпино и ближайших пригородах Ленинграда. Газету делали в основном журналисты, репортеры. Но для нее также

специально писали очерки о боевом опыте бойцов, о снайперском движении и т. д. писатели В. Саянов и Е. Федоров. Некоторые тассовские информации тех дней подписаны В. Кавериним, Л. Рахмановым, а в передачах для молодежи мы встречаем многих авторов «Радиохроники».

Уже в летние месяцы писатели выступали нередко рядом с бойцами, командирами, рабочими. Такая массовость выступлений определила и характер литературы на радио. Она искала прямых контактов со слушателями. Прежде всего нужен был сегодняшний, непосредственный отклик на события.

Но работа писательская не ограничилась этим. Некоторые брались за еще одно нелегкое дело, которое под силу было не всем, — писали воззвания и обращения к немецким и финским солдатам. Эти материалы передавались немецкой и финской редакцией и шли в эфир на волнах, в диапазонах которых работали немецкие и финские фронтовые станции. Наряду с работниками редакций Э. Фуксом, Ф. Фуксом, Н. Верховским, В. Римским-Корсаковым, А. Эйкия, А. Лехтиненом такие воззвания писали А. Прокофьев, И. Луковский, Н. Тихонов, О. Берггольц, В. Саянов. Иногда они читали свои обращения сами, чаще сразу давался перевод. Трудность этой работы состояла в том, что она требовала от публициста переключения с обычного резкого стиля на более спокойный. Тут нужна была эмоциональная сдержанность, ведь приходилось говорить с теми солдатами, которые пришли к нам с войной. В. Вишневский, например, ни разу не выступал с такими речами. Он понимал, конечно, необходимость этих передач, но говорить в два адреса не мог.

В июле—августе радио искало свою интонацию в разговоре со слушателем. И чем труднее становилось положение города, чем яснее вырисовывался масштаб событий и надвигающейся беды, тем этот тон становился все более доверительным. Некоторая легковесность произведений, написанных и прочитанных в летние месяцы, исчезала. Уже августовские стихи А. Прокофьева «До победы» отразили эти перемены. После того как 20 августа руководители обороны города обратились к ленинградцам с прямыми словами о нависшей над Ленинградом смертельной угрозе, говорить с его защитниками по-прежнему было нельзя:

Будем биться, будем драться,
Помнить все о главном,
Будем драться, ленинградцы,
До победы славной.
Всем придется побороться
С ненавистным станом,

Пересохнут все колодцы,
Все дороги встанут.
Все дома грозу обрушат,
Все деревни лягут,
Все мы будем возле пушек,
Все под красным флагом.

В августе О. Берггольц сама начала читать свои стихи, ставшие началом той поэзии, которая высоко подняла все ее творчество. «Вставал рассвет балтийский, ясный, когда воззвали рупора! — Над нами грозная опасность. Бери оружие, Ленинград!».

И первое выступление, в котором чувствовалось подлинное дыхание войны, в котором речь становилась не только боевым оперативным откликом, но и доверительным разговором, состоялось 30 августа в 53-м выпуске «Радиохроники», на другой день после того, как враг перерезал последнюю дорогу, связывающую Ленинград со страной. Берггольц взволнованно говорила: «Ленинградец, сегодня семидесятый день Великой Отечественной войны. Стрелки часов движутся к десяти, в городе уже почти темно, все стремительнее бегут последние трамваи, и ты, ленинградец, ускоряешь шаги, торопясь к дому. Улицы пустеют и замирают, военная ночь вступает в свои права. . . Помнишь ли ты, ленинградец, что ты на фронте, что ты воин? Ты воин, ленинградец, кто бы ты ни был — рабочий, или служащий, или домохозяйка. Ты на фронте, ленинградец, где бы ты ни был — в цехе, в конторе или в своей квартире, потому что ты в Ленинграде. . . Так спроси же себя, ленинградец, что сделал ты для фронта сегодня, спроси для того, чтоб завтра сделать еще больше. . .».

Форма прямого разговора — вот тот ключ, который обрело ленинградское радио. Это был ключ к сердцам горожан, защищавших свой город вместе со своими писателями и журналистами. Все у них было «по праву разделенного страдания». Отсюда достижения самой О. Берггольц, о которой критика писала: «И разве не достойно удивления хотя бы уже одно то, что голос великого солдата, каким был в ту пору Ленинград, принадлежал женщине, совсем молодой тогда поэтессе, столь мужественно взявшей на себя такую нелегкую, такую, казалось бы, сугубо „мужскую“ роль воина-певца».⁹ Из этих слов должно быть ясно, почему в статье о ленинградском радио столько места будет уделено одному из многих ее, казалось бы, рядовых работников.¹⁰ Нужно, однако, сказать и о том, что Берггольц писала свои стихи и речи, работая рядом с товарищами. Без них она бы не сделала и малой части того, что ей удалось. Нужна была взаимная помощь, поддержка. Чем ближе к зиме, тем все больше сливались вместе быт и работа в ленинградском радиокомитете.

2

Что же это были за условия, в которых работало ленинградское радио в сентябре 1941—марте 1942 г.? Они, естественно, отразили общее положение города в эти месяцы, которое характеризуется словом «блокада» и которое теперь общезвестно. Тем не менее для нас важны и документально зафиксированные свидетельства о радиокомитете тех дней. В очерках А. Фадеева, прилетевшего

⁹ А. Павловский. Стих и сердце. Л., 1962, стр. 34.

¹⁰ В своей работе, посвященной публицистике войны (Музы в походной шинели. Л., 1971), П. Глинкин, перечислив множество имен писателей-публицистов, почему-то обошел молчанием О. Берггольц, автора многочисленных радиовыступлений, очерков и статей военных лет.

в Ленинград в конце апреля 1942 г., приводятся слова одного из сотрудников редакции: «В сентябре замкнулось кольцо блокады. Ну и черт с ним, замкнулось — так разомкнется! Никто из нас не верил, что это может быть длительным. Нас тогда сильно бомбили с воздуха и начала обстреливать артиллерия. Ну и черт с ним! На то война! Еще можно было зайти поужинать в „Асторию“, и там, черт побери, еще играл джаз! Потом все это внезапно кончилось, и пришлось потуже затягивать пояса. Но в конце концов все мы были здоровые люди, работы хоть отбавляй. Никто о желудке не думал. Стало меньше хлеба, нет мяса, есть только каша, каши становится все меньше — ну что же поделаешь, на то война. И вдруг на глазах стали выбывать люди, один работник за другим. Мне сейчас трудно назвать тот день, когда я сам почувствовал впервые, что у меня закружилась голова и что я не могу свободно подняться с этажа на этаж».¹¹

Это было, видимо, в ноябре. Это в ноябре была установлена минимальная хлебная норма. Это 19 ноября руководство радиокомитета ставило перед вышестоящими инстанциями вопрос об установке в некоторых помещениях железных печек — «временок». Срывом радиовещания грозили и перебои в электроснабжении. Даже при минимальном времени вещания в январе его несколько дней не было именно по этой причине.

Работники радио с невероятным трудом передвигали ноги, а работа у них была не кабинетная. Люди умирали на глазах. 29 декабря 1941 г. председатель радиокомитета В. Ходоренко писал начальнику Главресторана: «В столовой при ленинградском радиокомитете, обслуживающей 400 работников, с 17 декабря нет вторых блюд. В результате, питаюсь одним супом, работники радиовещания, ведущие с первого дня войны напряженную круглосуточную работу, не имеющие выходного дня, начинают выбывать из строя». Нужно было знать, какой это был суп и что означало в те дни «выбывать из строя». Но те, кто еще держался в строю, продолжал работать. «Главное было в том, — говорила О. Берггольц А. Фадееву, — чтобы заставить себя забыть о голоде и работать, работать и поддерживать в твоём товарище этот постоянный огонь работы».¹² Вот так и жили коммуной, работали на самом верхнем этаже постоянно обстреливаемого здания, которое и называлось теперь объектом и было им по существу, — потому что не случайно снаряды плотно ложились вокруг него, — так и жили в этом «блиндаже под крышей» те, кто не давал умолкнуть голосу Ленинграда.

Здесь, как в бреду, все было смещено:
здесь умирали, стряпали и ели,
а те, кто мог еще

вставать с постелей,

¹¹ А. Фадеев. Ленинград в дни блокады. — Соч. в пяти томах, т. 3. М., 1960, стр. 227.

¹² Там же.

пораньше утром,
растемнив окно,
в кружок усевшись, перьями скрипели.
Отсюда передачи шли за город —
стихи, и сводки,
и о хлебе весть.
Здесь жили дикторы и репортеры,
поэт, артистки... всех не перечесать...¹³

Тогда же, в сентябрьские дни, уже в конце месяца, когда бомбежки и обстрелы не прекращались ни на день, по радио выступала Анна Ахматова. Текст ее выступления приведен в книге О. Берггольд «Говорит Ленинград». Однако напомнить о нем здесь необходимо. А. Ахматова говорила, прежде всего обращаясь к ленинградским женщинам, говорила как женщина, мать, гражданка своего прекрасного города. В этом городе прошла ее жизнь, здесь родились ее первые стихи: «Ленинград стал для моих стихов их дыханием и цветом». Ахматова сказала своим слушателям о своем Ленинграде, сказала так, как не мог сказать о нем другой. В этом-то и был смысл лучших писательских выступлений. И вместе с тем она произнесла: «...я, как и все ленинградцы». Как и все ленинградцы, Ахматова верила в стойкость защитников города: «Наши потомки отдадут должное каждой матери эпохи Отечественной войны, но с особой силой взоры их прикует ленинградская женщина... Город, взрастивший таких женщин, не может быть побежден...».¹⁴

Аудитория ленинградского радио с сентября стала шире, чем когда-либо раньше. По указанию ЦК партии начались ежедневные прямые передачи на Москву, а значит, и на всю страну, и даже за ее пределы. А поэтому, кроме «Радиохроник», появились еще и передачи «Говорит Ленинград!». В них попадали и лучшие материалы «Хроник», и специально подготовленные писательские выступления. Чаще других в передачах на страну выступали В. Вишневский, О. Берггольд, В. Кетлинская, Н. Тихонов. Такими были речь А. Ахматовой и ставшее уже историческим выступление Д. Шостаковича 16 сентября. «Два часа назад, — сказал он, — я закончил две первые части симфонического произведения». Композитор сообщил об этом, чтобы вся страна, весь мир знал — в Ленинграде не прекращается нормальная жизнь. В своем выступлении Дмитрий Шостакович говорил о напряженной работе над Седьмой симфонией. Это было фактически в дни еще продолжавшегося штурма города. По свидетельству О. Берггольд, когда композитор ехал на машине в радиокomitee, началась воздушная тревога. Но выступление состоялось, и, как обычно, передача началась словами: «Слушай нас, родная страна! Говорит город Ленина. Говорит Ленинград». Вот в какой атмосфере сказал композитор о своем любимом иску-

¹³ О. Берггольд. Соч. в двух томах, т. 1. М., 1958, стр. 74.

¹⁴ О. Берггольд. Говорит Ленинград. М., 1964, стр. 16.

стве: «Будем же защищать нашу музыку... Музыка, которая нам дорога, созданию которой мы отдаем все лучшее, что у нас есть, должна так же расти и совершенствоваться, как это было всегда... И чем лучше, чем качественнее будет наше искусство, тем больше будет у нас уверенность, что его никогда и никто не разрушит».

Д. Шостакович говорил со страной, понимая свой долг художника. В это понятие входила и его работа, и само выступление: «Я говорю с вами из Ленинграда в то время, как у самых ворот его идут жестокие бои с врагом, рвущимся в город, и до площадей доносятся орудийные раскаты... Я говорю с фронта». И вот в этих условиях Д. Шостакович, как и О. Берггольц, как и А. Ахматова, как Н. Тихонов, говорил: «Заверяю Вас от имени всех ленинградцев, что мы непобедимы». Это была страстная публицистика, композитор не просто информировал о своей работе. От этого выступления начинается долгий путь через зиму 1941/42 г. к августу, когда в Большом зале Ленинградской филармонии исполнялась Седьмая (Ленинградская) симфония Д. Д. Шостаковича. И оба эти выступления были подготовлены работниками ленинградского радио. В первом случае композитору предоставили трибуну, во втором — спасли, воссоздали оркестр ленинградского радиокомитета.

Теперь уже каждому понятно, что Седьмая симфония — замечательное творение искусства, теперь ясно, сколь ценна для нас каждая рукопись А. Ахматовой. В ту пору один из руководителей радиокомитета проявил известную дальновидность, начертав на тексте выступления Н. Тихонова 7 ноября резолюцию: «Сохраните это, сие весьма интересно для истории». Выступая по радио 22 сентября, писатель несколько торжественно, патетично и в то же время мужественно говорил о подвиге Ленинграда. Тихонов-публицист сохранил в этой речи интонацию своих баллад, в ней угадывается и его лучшая военная поэма. Напряженность достигается не ораторскими приемами, здесь нет призыва, характерного для Вишневского, разговорной интонации, присущей Берггольц, нет бытовых подробностей, стремления к обыденности в рассуждении о важном, как это бывало у Кетлинской. «Голос Ленинграда звучит твердо и ясно. Сквозь темноту осенней ночи, покрывая гром орудий вокруг города, над ночью и битвой слышен громкий голос: „Говорит Ленинград“. Весь мир слушает этот голос, говорящий: „Всем, всем, всем! Ленинград бьет фашистские полчища! Ленинград всегда настороже! Его не возьмешь врасплох!“ Всеми миру говорит Ленинград: „Я был, есть и буду советским Ленинградом. И нет такой силы, что могла бы сломить меня“». Но и в выступлениях Н. Тихонова на смену патетике приходит несколько «сниженная» интонация. Трибун уступает место человеку, как бы рассуждающему вслух. В выступлениях 7 ноября есть оба плана. Обращаясь от имени защитников города к Москве и Ростову, Ханко и Мурманску, Тихонов говорил:

«У нас воюют и женщины, самые тихие и старые, школьники, самые резвые и юные. Старушка, перешивающая для бойца теплые вещи, — воюет!». В выступлении своем писатель поднимал вопрос о месте интеллигенции в дни войны. Он допускал мысль о непосредственном участии писателя и художника в боях с врагом: «Писатели и поэты, артисты и инженеры, врачи, художники, скульпторы Ленинграда, мы боремся вместе со всеми бойцами, потому что сами бойцы. Когда настанет момент нам всем оставить оружие своей профессии и взять винтовки, мы возьмем их и будем сражать врага до последней капли крови, до последнего вздоха». В ноябре 1941 г. Н. Тихонов, очевидно, был близок к тому, чтобы, как Ю. Крымов, А. Гайдар, Б. Лапин и З. Хапревин, сменить, может быть на время, перо на винтовку.

Выступление Н. Тихонова показывает, с какой предельной откровенностью говорили писатели со своими слушателями и читателями. Напомним строки из стихов Берггольц: «И, если завтра будут баррикады, мы не покинем наших баррикад!».¹⁵ Столь же предельно откровенно выступала В. Кетлинская. В дни отступлений иначе говорить было нельзя, нужно было сказать собеседнику о своей жизни, своих делах. 19 октября Кетлинская напомнила о предвоенной жизни. Вот смотрите, как бы подчеркивала она, я вся перед Вами, говорю Вам прямо и о себе, и о нас. «Я жила счастливо и беспечно — теперь я это знаю, хотя тогда мне казалось, что в жизни много трудностей и забот. У меня была горячая, интересная, увлекательная работа... У меня были хорошие, любимые друзья... Я учила своего маленького сынишку первым неуверенным шагам». Установив тон дружеской беседы, В. Кетлинская думала о своем слушателе, — наверное, и он растил детей, дружил, работал, жил мирной жизнью. К нему, к этому собеседнику, земляку обращала она свои слова по прошествии 17 недель войны: «В эти дни поздней осени часто репродукторы приносят тяжелые, горькие вести, от которых больно и ненавистно сжимается сердце... Хороших вестей еще нет. Пока нет. Будем ждать — нет! — будем бороться, чтобы победа пришла». О трудном быте, о выдержке ленинградских женщин, о повседневном человеческом подвиге говорила В. Кетлинская. По радио передавали ее очерки и статьи. В январе 1942 г. одна из них называлась «О мужестве и достоинстве».

Писатели помогали жить и бороться сегодня, и они вглядывались в будущее. Они пытались увидеть завтрашний день и оценить себя, сегодняшних, с тех далеких вершин. 12 ноября Сергей Спасский сказал: «Трудно представить, как мы будем вспоминать эти дни. О чем мы станем рассказывать? Вероятно, о затемненных улицах, о том, как приходилось нам вечерами осторожно идти сквозь холодный черный воздух, среди невидимых зданий.

¹⁵ О. Берггольц. Соч. в двух томах, т. 1, стр. 10.

И при этом мы были довольны, что и в таких слепых переходах мы правильно находим знакомый путь. Разумеется, мы вспомним о снарядах, поразивших знакомые дома, о сигналах тревоги и отбоя и о том, как со знанием дела мы обсуждали голоса зениток и свист фугасных бомб. И все это будет казаться и странным и удивительным для тех, кто не живет в Ленинграде сейчас».

Удивительно, как в ноябре 1941 г. говорил Спасский о будущем дне, о неизбежной победе, о том, какой предстанет военная пора из еще далекого мирного времени. В эти же зимние месяцы писатель И. Груздев подготовил выступление о характере литературной работы в блокадном городе. И. Груздев по-своему думал о завтрашнем дне литературы. И уже в этом спокойствии и рассудительности была необычайная уверенность в силе человеческого духа: «Я начну с наших писательских будней. Мы сейчас лишены необходимых условий нашей работы. У нас нет света, нет тепла, мы голодны... Но настоящий писательский труд, действительно творческий труд, прежде всего непрерывен и неизбежен, независимо от тех или иных неудобств и лишений. Если он не реализуется сейчас за письменным столом, потому что нет керосина и стыннут руки, то он неизбежно происходит в душе, в мозгу, в творческой мысли писателя. И уж, конечно, особенно значителен этот труд сейчас, в нашем трагическом и героическом городе, в осажденном Ленинграде...».

И. Груздев говорил «о счастье жить в Ленинграде», о том, что писатель должен понимать ту удачу, которая поставила его «не на задворки истории, а на фронте истории». Обращаясь к коллеге-писателю, Груздев подчеркивал: «И если у тебя есть уши, которые слышат, и глаза, которые видят, подумай о том, что вот ты, именно ты, можешь запечатлеть то, что ты видишь и слышишь, и ни один человек в мире не может тебя заменить. Пока ты живешь в Ленинграде, подумай, что каждый день этого города неповторим, не в календарном, шаблонном смысле, а в том смысле, что за семь месяцев каждый день менялся исторический облик нашего города, и кому же, как не тебе, писателю, жадно и страстно вглядываться в этот стремительный лёт истории?».

Уверенность — вот то главное чувство, которое выносил ленинградец из выступлений своих писателей. Уверенность, что вопреки всему Ленинград победит. Этой уверенностью проникнуты были все передачи ленинградского радио в самые трудные для города дни. Характерна в этом смысле «Радиохроника» № 156. И в этом номере были стихи, очерки, сатира. Но была и такая концовка: «Номер 156 Радиохроники окончен. Дорогие товарищи слушатели! Сегодняшний вечер — необычный вечер. Через полтора часа закончится 1941 год. День за днем отражались события этого года в нашей ежедневной передаче — в Радиохронике, которая начала выходить в первые дни Отечественной войны. Мы не станем вновь рассказывать об этих событиях, но

редакция не может не отметить сегодняшний вечер. От всей души поздравляет она вас, товарищи слушатели. . .».

В этом спокойствии, почти будничности тона слышалось большое доверие авторов передачи к тем, кто ее слушал. Таков был дух большинства радиопередач осени и зимы 1941 г.

* * *

В предисловии к своей книге «Говорит Ленинград» О. Берггольц писала: «Я думаю, что никогда не будут люди слушать стихи так, как слушали стихи ленинградских поэтов в ту зиму голодные, опухшие, еле живые ленинградцы».¹⁶ А. Павловский в монографии, посвященной самой О. Берггольц, приводит собственные впечатления той поры: «И вот однажды, когда пульс города не бился уже несколько дней, в черных тарелках радио слышалось легкое шуршание. . . Сквозь шуршание и треск, собираясь с силами и вновь обессилевая, пробивался к людям чей-то слабый женский голос. И все услышали: голос говорил стихами! . . . Город, казалось умиравший в ледяном параличе, отверз уста свои, чтобы прошептать стихи!».¹⁷

Стихи отвечали потребностям людей в искусстве, напоминая о том, что, кроме этой невероятной жизни, есть, должна быть, будет другая, они заменяли чтение книг, заменяли театр, кино, отвлекали, наконец, от неотвязных дум о куске хлеба и, главное, они помогали людям чувствовать себя людьми, для которых прекрасное не потеряло своего значения даже рядом со всем тем, что окружало их теперь. Это была та самая сила духа, которая позволяла ленинградцам выстоять. А Фадеев вспоминал свое впечатление от литературного вечера, проходившего в подвале одного из зданий Кировского завода во время артиллерийского обстрела. Н. Тихонов читал свою поэму «Киров с нами». «Когда Тихонов читал эти строки, по мужественным лицам кировских рабочих, мужчин и женщин, покатались слезы. Прокофьев и я тоже не выдержали. Тихонов был взволнован. По окончании чтения автору устроили овацию, его вызывали несчетное число раз».¹⁸

Не было поэта в Ленинграде и на Ленинградском фронте, который бы не писал о мужестве ленинградцев, и нелегко назвать поэта, чьи стихи не передавали бы по радио. Тут были Анна Ахматова, Всеволод Азаров, Илья Авраменко, Николай Браун, Ольга Берггольц, Владимир Волженин, Всеволод Рождественский, Александр Гитович, Михаил Дудин, Вера Инбер, Борис Лихарев, Владимир Лифшиц, Петр Ойфа, Александр Прокофьев, Людмила Попова, Александр Решетов, Елена Рывина, Николай Тихонов,

¹⁶ О. Берггольц. Говорит Ленинград, стр. 19—20.

¹⁷ А. Павловский. Стих и сердце, стр. 5.

¹⁸ А. Фадеев. Ленинград в дни блокады, стр. 256.

Зинаида Шишова, поэты-фронтовики и поэты города-солдата. Редакция получала много стихотворений, присланных поэтами, она внимательно просматривала фронтовые газеты. Едва писатель приезжал в Ленинград — с фронта ли, с большой ли земли, — он сразу попадал на радио. Это становилось всеобщим правилом. 27 августа В. Инбер записала в своем дневнике: «Ответственный секретарь здешнего Союза писателей Кетлинская обрадовалась мне и тотчас стала звонить на радио. Я пошла туда прямо из Союза и договорилась, что буду выступать на следующий день».¹⁹ В. Инбер приехала из Москвы. Поэт В. Лифшиц в сентябре прорывался в город в составе батальона через вражеское окружение. 17 октября он рассказывал об этом прорыве, о своих встречах с партизанами, а затем прочитал стихи, в которых выражено кредо советских литераторов — участников войны.

Оboзы врага полыхают в огне —
 Не дрогнет рука твоя, мститель!
 Я встретил тебя. Позавидует мне,
 Должно быть, любой сочинитель...
 Но нет, не копилкой сюжетов и тем,
 Несущих дешевую славу,

И даже не нашим знакомством, а тем
 Гордиться могу я по праву,
 Что вместе с тобою в бою побывал,
 Что рядом шагал, не по следу,
 Что вместе с тобою в бою добывал
 Тяжелую нашу победу.

27 ноября 1941 г. в «Радиохронике» было прочитано стихотворение «Красноармейца М. Дудина с полуострова Ханко». Лишь неделю спустя поэт вместе с последними частями покинул прославленный полуостров. А в апреле в одной из информационных радиокomiteта появилось следующее сообщение: «19 апреля члены правления Союза писателей побывали на фронте. Писатели-фронтовики выступили перед ленинградскими товарищами с творческим самоотчетом. После своего выступления талантливый молодой поэт Михаил Дудин был принят в члены Союза советских писателей».

Уже с лета в самых разных жанрах предстал перед слушателями и читателями Николай Тихонов. Он регулярно выступал по радио, писал для него стихи, частушки, песни, очерки. В № 11 «Радиохроники» было передано сразу два его стихотворения: «Полководец» (о Ворошилове) и «Первые трп» (о летчиках-героях). 25 июля в «Радиохронике» был исполнен «Марш ополченцев» со словами Н. Тихонова на музыку В. Сорокина. В стихах этой песни очевидны истоки будущей поэмы «Киров с нами».

Снова светит нам солнца геройского лик,
 Дней ли Пулкова дальний костер,
 Снова ленинский видится нам броневи́к,
 Над которым он руку простер.
 Снова Киров идет, проверяя посты,
 Ополченцев обходит ряды.

¹⁹ В. Инбер. Избр. произв. в трех томах, т. 3. М., 1958, стр. 252.

Последние строки прямо перекликаются с поэмой («В железных ночах Ленинграда по городу Киров идет. . .»), где та же тема развита и выражена глубже. Так оперативная, повседневная работа для радио сказывалась на дальнейшем творчестве художника.

С осени 1941 г. все чаще стали передавать по радио стихи, песни, частушки Александра Прокофьева. В некоторых выступлениях поэта прозаический текст перемежался стихами. В стихах этого поэта всегда ощущалась фольклорная основа его творчества. Стихи были энергичны, страстны, острое словцо, афоризм подчеркивали, что их автор — человек из народа, простой, несколько грубоватый, с широким размахом и щедрой душой. «Вся родина встала заслоном, нам биться с врагом до конца, сегодня твоя оборона проходит сквозь наши сердца», — писал поэт в дни битвы за Москву. Вечером 13 декабря «Радиохроника» начала свой выпуск сообщением о письме поэта Александра Прокофьева, адресованном слушателям. Характерная прокофьевская интонация, его тяготение к шутке, поговорке сказались уже в первых строках письма, посвященного успехам наших войск под Москвой. «Гитлер отдал приказ о взятии Москвы любой ценой, но, как говорит русская пословица, „хлебасть бы молоко, да рыло коротко“, — Гитлер просчитался». Письмо заканчивалось стихами: «Мы выдержим, мы выстоим, — дойдем до лучших дней, мы всех фашистов выставим в загробный мир теней. . .».

Радио передавало стихи А. Прокофьева и в декабре, и в январе. Его стихи всегда несли в себе заряд оптимизма, уверенности в нашей победе. Не только в словах, в самом настрое стиха, его песенности, упругости чувствовалась непреклонная воля. «Сильнейшею верою верю тому, что свет наших звезд не затмит никому» — в декабре сорок первого это звучало и призывом, и клятвой.

А рядом с этим боевым призывом всегда находилось место шутке, сарказму. Пока мог держать перо в руках, продолжал работать В. Волженин. Особенно удавались ему сатирические стихи, написанные на конкретном материале. Их основой был документ, выдержка из которого стаповилась как бы эпиграфом к его фельетонам. В письме из Германии некая фрау Флюр написала мужу, что «при таких потерях жить нельзя». В. Волженин так начал свой ответ этой фрау: «Вы совершенно правы, любезнейшая фрау! Вы абсолютно правы, потери велики. Вам это не по праву, чувствительная фрау? Сражение не забава, война не пустяки». Практически не было номера «Радиохроники», в котором не появлялись бы произведения В. Волженина. В декабре ему стало совсем плохо, его пытались спасти, вывезли на Большую землю. Но было уже поздно. В начале лета 1942 г. В. Кетлинская в одном из выступлений по радио вспоминала о погибшем поэте: «Я знала старого поэта-юмориста, человека больного и несильного. Он работал для радио, писал стихи, фельетоны, песни.

Писал дома, в Лесном. И ежедневно к трем часам он вышагивал много километров от Лесного в центр города и приносил свою очередную радиопередачу. Иногда он шел под обстрелом, снаряды свистели над головой. Но всегда вовремя появлялся в радиокомитете, получал новое задание и в ранних зимних сумерках выходил в обратный путь, чтобы к утру выполнить работу. . . Однажды, попав под сильный артиллерийский обстрел, он мне сказал: „Знаете, я вдруг подумал, что, если бы об этом рассказать в Ташкенте или в Омске, там бы сказали: да это герой! А ведь у нас все так делают!“».

Этот разговор двух литераторов характеризует, конечно, не одного поэта, всю поэзию, всю литературу блокадного Ленинграда.

Говоря так, мы, разумеется, должны видеть и ее реальные достижения и недостатки. Писательское слово порой утрачивало свой эмоциональный заряд, оборачивалось риторикой. Чаще всего это случалось с лозунговыми стихами.

Стих-лозунг, как правило, обретал силу тогда, когда в нем выражались личность поэта, его интонация. Так звучали, например, наряду со стихами Н. Тихонова, А. Прокофьева, В. Саянова передававшиеся по радио стихи М. Светлова, который был в эти месяцы на Ленинградском фронте. И его «Клятва» («Здесь мы на Родину завоевали право, здесь в Октябре ударил первый гром, здесь преданность, здесь мужество и слава живут, как в общепитии одном»), и «Ночь под Ленинградом», и забытое стихотворение «Ленинград». Стихотворение «Ленинград» прозвучало в «Радиохронике» № 53. Возможно, поэт считал эти свои стихи несовершенными, но и в них запечатлелось время, и в них есть знакомые светловские интонации. Строки М. Светлова о ненависти, которая «по жилам как электричество течет», характерны именно для его поэзии. Они хорошо передают мировосприятие ленинградцев в первую военную осень. Очевидно, что эти стихи, сохранившиеся в архивах радио и на страницах фронтовой печати, могут расширить наше представление о работе поэта в 1941 г.

Не было дня, чтобы не читались по ленинградскому радио стихи. Они стали и стихами, и лозунгом, и информацией, и очерком. Такие стихи писали и поэты, и журналисты, и критики. В. Мануйлов был известен как литературовед, исследователь творчества Лермонтова. А. Тарасенков выступал обычно как критик, знаток поэзии. В. Мануйлов продолжал свои исследования, А. Тарасенков был фронтовым журналистом, теперь оба не только написали стихи, но и обратились с ними к читателю, слушателю. Такова была потребность времени.

Блокадный Ленинград нельзя представить себе без стихов. И тех, что читали в землянках близ Пулковки. И тех, что появлялись на страницах фронтовой печати. И тех, что звучали по ленинградскому радио. Поэзия же на радио связана была прежде всего с именем Ольги Берггольд.

Об Ольге Берггольц, о ее творчестве военных лет уже написано много. О радиоречах Берггольц вспоминают старые блокадники, эти речи и стихи цитируют в своих книгах участники обороны города. Сама О. Берггольц писала: «Работа в ленинградском радиокомитете во время блокады дала мне безмерно много и оставила неизгладимый след в моей жизни».²⁰

Что же это была за работа, каков ее реальный объем, как оценивали ее люди, видевшие и слышавшие тогда Берггольц? Вера Кетлинская вспоминает: «В осажденном Ленинграде, под свист снарядов и грохот бомб, голос Ольги Берггольц прозвучал с проникновенной силой — слово шло прямо от сердца к сердцу. Ольга Берггольц говорила жестокую правду о нечеловеческих страданиях ленинградцев, но говорила ее для того, чтобы закалить сердца воинской решимостью, чтобы выстоять на последнем рубеже и все преодолеть ради победы. Она жила вместе с людьми и для людей — сограждан и соратников. Все 900 дней героической обороны Ольга Берггольц была на военно-литературном посту в Доме радио...».²¹ Александр Фадеев в своих ленинградских очерках сказал о Берггольц: «Она писала до войны. Она писала лирические стихи и рассказы для детей. Видно было, что она человек с дарованием, но голос у нее был тихий, неоформленный. И вдруг ее голос зазвенел по радио на весь блокированный город, зазвенел окрепший, мужественный, полный лирической силы и неотразимый, как свинец. У нее умер муж, ноги ее опухли от голода, а она продолжала ежедневно писать и выступать».²²

Прежде чем говорить о военно-литературной работе Берггольц, нужно представить ее объем. Он в несколько раз превышает то, что сама поэтесса включала в свои книги. Речь идет не о расширении «военной книги» Берггольц — в нее действительно вошло все лучшее, — а лишь о том, чтобы представить реальную картину. Что же написано О. Берггольц (а писала она в основном для радио) в 1941—1945 гг.? Во-первых, следует учесть те произведения, которые вошли затем в ее книги. Во-вторых, отметить, что большая часть выступлений и стихов (включая басни и стихотворные фельетоны) автором в дальнейшем не была напечатана. В-третьих, напомнить, что у Берггольц были еще корреспонденции и очерки (только в декабре 1941 г. транслировались три ее больших очерка о партизанах), которые она писала, как и другие сотрудники радио. Эти произведения не публиковались. О. Берггольц была организатором и редактором многих выступлений (в том числе Ахматовой, Шостаковича), которые имели огромный общественный резонанс. Если добавить к этому

²⁰ О. Берггольц. Говорит Ленинград, стр. 29.

²¹ В. Кетлинская. Ольга Берггольц. — В кн.: О. Берггольц. Дневные звезды. М., 1960, Роман-газета, № 15 (219).

²² А. Фадеев. Ленинград в дни блокады, стр. 227—228.

поездки с писательскими группами на фронт, выступления перед ленинградцами на литературных вечерах, наконец, то, что писала она каждый день и практически в передачах каждого дня (включая, например, редакцию контрпропаганды) шли ее материалы, мы получим представление о масштабе и интенсивности работы Ольги Берггольц в годы войны.

Она не просто писала и очерки, и стихи; в ее выступлениях органически связаны стихи и проза, прозаический текст не только предваряет поэзию, он написан в том же ключе «небывалой сердечной беседы людей одной судьбы» (О. Берггольц). И если еще в ее августовских речах есть взволнованная патетика, то затем тон доверительного разговора становится преобладающим. Не только к «Соседке по квартире», Дарье Власьевне, к каждому ленинградцу в отдельности обращалась Берггольц: «Сядем, побеседуем вдвоем. Знаешь, будем говорить о мире, о желанном мире, о своем». Полная безыскусственность, искренность, открытость этих стихов определяла их форму. Ничего внешнего, бющего на эффект, никаких ухищрений. Все — и ритмика, и рифмы — обычно, даже обыденно («небо» — «хлеба», «немного» — «тревога»). Все в этих стихах конкретно, и все они о главном. Ни грана фальши не только в словах, в самой интонации. «Такое пишется тогда, когда между поэтом и жизнью ничего нет между, никаких оглядок, никаких мелочных беспокойств о свежести рифм, образов — тут уверенность в правоте каждого слова, а слово полноценно...»²³ Поэтический образ рожден не литературными реминисценциями, пусть даже и подходящими к случаю, а самой действительностью. Победа для Берггольц не разноцветье флагов, не богиня древних греков, а сдернутые с окон черные шторы, для нее это — «свежий хлеб ломать руками, темно-золотистый и ржаной». Только так, только об этом и можно было говорить, сев рядом со своим собеседником: «День придет, над нашей головой пролетит последняя тревога и последний прозвучит отбой». Такие стихи трудно было читать с трибуны на митинге. Там нужны были иные интонации. И они нашлись у ленинградских поэтов.

Голос Ленинграда был голосом полифоническим, ему нужна была и высокая патетичность: «Мы выкуем фронту обновы, мы вражье кольцо разорвем, недаром завод наш суровый мы Кировским гордо зовем».²⁴ Наверное, в декабре сорок первого эти стихи Тихонова особенно близко воспринимали бойцы Ленинградского фронта, моряки Балтики и рабочие, которые держались, не покинули своих мест в цехах. Выше говорилось, какова была реакция аудитории на эти стихи, которые и по замыслу своему не были «стихом-беседой». Другое у Берггольц. Тысячи и тысячи людей,

²³ Из письма О. Хузе к О. Берггольц. См.: А. Рубашкин. Десять писем. — «Звезда», 1970, № 5.

²⁴ Н. Тихонов. Избр. произв. в двух томах, т. 1. М., 1955, стр. 527.

оторванные от мира в своих холодных темных квартирах, без телефона, без газет, почти без писем²⁵ (они доходили не все и не сразу) ждали этого радиоразговора как единственной последней поддержки. Сколь ни тяжело было в заводских цехах или на передовой — ничто не могло сравниться с оторванностью от людей, от мира ослабевшего, замерзающего человека. Сквозь «этот черный говорящий круг» Берггольц входила в дома ленинградцев, говоря каждому из них в отдельности: «Сколько силы нам, соседка, надо, сколько ненависти и любви... Столько, что минутами в смятенье ты сама себя не узнаешь: — Вынесу ли? Хватит ли терпенья? — Вынесешь. Дотерпишь. Доживешь».

Тексты передач ленинградского радио не привлекали внимания исследователей творчества Берггольц. Между тем, во-первых, среди неопубликованного есть взлеты подлинной поэзии и, во-вторых, оказывается, что практически все тексты ныне известных стихов получили новые редакции. Вот одно из забытых стихотворений осени 1941 г. (в отрывке):

Покуда небо сумрачное меркнет,
Земляк и друг, — прислушайся, поверь,
Клянусь тебе, клянусь, что мы бессмертны,
Надменно презирающие смерть.
Мы защищаем город наш любимый,
Все испытанья поровну деля,
Клянусь тебе, что мы непобедимы,
За нами паша русская земля!
Она могучая, она у нас большая,
Припомни-ка простор ее сплошной.
Клянусь тебе, мы подвиг совершаем
Во имя всей земли своей родной.
Мы, ленинградцы, ныне держим знамя,
Мы родины передовой отряд.
Весь шар земной сейчас следит за нами,
Пароль и отзыв мира — Ленинград.
Клянусь тебе, мы страшно будем биться,
Мы город наш, как знамя, отстоим.
И даже смерть отступит, устрашится
И рухнет наземь остовом своим.

Даже в стихах-откликах на события бывали у Берггольц такие запоминавшиеся образы, как этот, завершающий стихотворение. Впрочем, смерть, рухнувшая «наземь остовом своим», была для автора не только поэтическим образом, но и его убеждением в победе ленинградцев над смертью. Слабость же некоторых стихотворений связана с их расплывчатостью, отсутствием в них личного начала, а порой и тем, что Берггольц иногда бралась за далекий от нее материал. Такова ее песня о подводной лодке («Подводная лодка уходит в поход, в чужие моря и заливы.

²⁵ Так, у П. Лукницкого: «Письма в Ленинград приходят с полутора-двухмесячным опозданием или не приходят совсем... Центральная „Правда“ не доставляется уже шесть дней» (Ленинград действует... Фронт-овой дневник. Кн. 1. М., 1971, стр. 393, запись от 12 декабря 1941 г.).

Ее провожают Кронштадт и Кроншлот и встречи желают счастливой»). Порой появлялась риторичность, призыв терял свою убедительность, энергию, становился вялым, несмотря на заключенные в нем верные слова («Они запевают, отвагой объаты, о том, что сердца говорят — вовеки не ступит нога супостата на камни твои, Ленинград»). Таких стихов Берггольд написала довольно много, и удивляться этому не приходится. Удивительно другое — как удалось ей создать в невероятно трудных условиях (может быть, и «благодаря» им) значительные произведения военного времени. Впрочем, спешка, конечно, накладывала свой отпечаток на все ее вещи, и в дальнейшем над стихом приходилось работать.

Практически все тексты ныне известных стихов О. Берггольд получили новые редакции. Изменены отдельные строфы, строки, некоторые строфы опущены. У самого автора нет этих вариантов, между тем они поучительны во многих отношениях. Они показывают, насколько оперативно писала тогда Берггольд, насколько эти варианты уже отразили авторский замысел. Вместе с тем сопоставление их с более поздним текстом раскрывает творческие поиски поэта, его путь к лучшим редакциям. В стихотворении «Я говорю с тобой под свист снарядов» (написано в августе, передавалось лишь 20 сентября, случай довольно редкий, обычно стихи Берггольд шли гораздо быстрее) сейчас 7 строф, было 10. Три строфы снято, одна переписана заново, в пяти имеются изменения. Иногда это небольшая правка, порой же она более значительна, продиктована желанием уточнить смысл. Берггольд сохраняет дух времени, которое отразили ее стихи. Вот вариант строф (1-я, 5-я, 7-я) в стихотворении «Я говорю с тобой под гул снарядов».

Радиотекст

Я говорю с тобою под гул снарядов,
Угрюмым заревом озарена,
Я говорю с тобой из Ленинграда,
Возлюбленная Русская страна.
И женщины с бойцами встанут
рядом,
И дети нам патроны подадут.
Нет, лучше смерть, чем рабство
Ленинграда,
Нет, ленинградцы город не сдадут!
Мы будем драться с яростною силой,
Мы одолеем бешеных зверей
Так я клянусь перед тобой, Россия,
От имени сестер и матерей.

Печатный текст

Я говорю с тобой под свист
снарядов
Угрюмым заревом озарена,
Я говорю с тобой из Ленинграда,
Страна моя, печальная страна.
И женщины с бойцами встанут
рядом,
И дети нам патроны поднесут.
И надо всеми нами зацветут
Старинные знамена Петрограда.
Мы будем драться с беззаветной
силой,
Мы одолеем бешеных зверей,
Мы победим, клянусь тебе, Россия,
От имени российских матерей.

Уточнения в строфах заметно улучшили стихотворение. Так, в 5-й строфе вместо фактического повтора подчеркнута мысль о революционной преемственности поколений. Более энергичными стали 5-я и 7-я строфы. Обычно сокращения тех или иных

строф закономерны. Однако и среди сокращенных были интересные отдельные строчки, например: «у нас на строгих, опаленных лицах не страх, а месть и ненависть горят». В широко известном стихотворении «Сестре» («Машенька, сестра моя москвичка!»), помимо изменений в тексте, выстроены такие строчки (после слов «школа, елка, пионеротряд»):

Как вышагивали утром ранним,
Как отважно барабан трещал,
Так, что даже старый барабанщик
Перевертывался и вставал.

Эти воспоминания о пионерских годах, видимо, мешали диамичности стихотворения как целого, но сами по себе интересны для исследователей творчества О. Берггольц. Главное же, изучая эти материалы, видишь, как соседствовали они со сводкой информбюро, выступлениями бойцов, передачей с борта крейсера — и тогда стих начинает звучать в контексте своего времени. Это хорошо чувствовала сама Берггольц, она понимала, что ее речи и стихи жили во времени и служили ему: «Я счастлива, что и мне выпала честь принять участие в этой неповторимой, непрерывной, честнейшей беседе воинов и тружеников Ленинграда, что очень многие мои стихи были написаны для радио, для Большой земли, „на эфир“, для моих сограждан».²⁶

Из стихов и поэм Берггольц человек будущего может узнать все реалии той страшной зимы. Эта поэзия не только правдива, она конкретна: «Я говорю с тобой под свист снарядов», «Теперь в него стреляют, прямо в город», «Моя подруга шла с детьми домой, они несли с реки в бутылках воду», «Бедный ленинградский ломтик хлеба, он почти не весит на руке», «Под артобстрелом ты идешь с кошелюшкой в руке», «Завернутое в одеяло тело на Охтинское кладбище везут», «Как беден стол, как меркнут свечи». Да, все это есть, и все же вряд ли можно сказать, что Берггольц была певцом блокадного быта. Этим она бы слушателя — такого слушателя, который знал ее голос, ждал его, — не завоевала. Конечно, детали были важны, точны. Они убеждали — все так, все точно, все это о нас. Но еще важнее для слушателя оказалось, что все это было и о себе, слушатель понимал — с ним говорит такой же ленинградец, прошедший через все блокадные муки. Главной причиной успеха ее поэзии было то, что она говорила на равных. Именно говорила. Во многих стихах ее — подчеркнутое размышление «вслух». У многих в ту пору читать не хватало сил, да и почти было невозможно: «В глуши слепых обледенелых зданий» лучину берегли. Отсюда — это «я говорю с тобой», «я должна, мне надо говорить с тобой, сестра по гневу и печали». Эта «сестра по гневу и печали» знала не только голос Берггольц, она знала (из ее же стихов), что та выросла за Невской заста-

²⁶ О. Берггольц. Говорит Ленинград, стр. 28.

вой, что у нее в Москве сестра, что «далеко на Каме тревожится, тоскует мать», что с августа по ленинградскому радио выступает женщина, познавшая горечь потерь. «Какие ж я могла найти слова — я тоже ленинградская вдова». Это говорил человек, не просто все понимающий, но все сам переживший. Свою блокадную поэзию, свои радиопередачи Берггольц выстрадала, и потому они — больше, чем факт литературы. Берггольц чувствовала это уже в феврале 1942 г., когда писала про «эту тьму, и голос мой, и холод, и баррикаду около ворот». Так оно и было — не только стихи, веха жизни блокадного города.

Такой вехой стало выступление Ольги Берггольц 22 февраля в № 195 «Радиохроники». Для передачи, посвященной годовщине Красной Армии, она написала свой «Февральский дневник», которому суждена была большая литературная судьба. Мы знаем, что поэмы писались для радио и летом, и осенью, но это были скорее всего стихотворные очерки-отклики. Здесь же — не только пронзительно-достоверные строки о зимнем блокадном Ленинграде, но и нечто большее. Позднее Берггольц напишет: «С новой силой стало мне ясно, что мы не имеем права „писать зря“, что читателю далеко не безразлично — пережил поэт сам то, о чем он пишет, или просто описал, или только притворился, что пережил».²⁷ В этих словах ключ к пониманию того, почему поэма, написанная для одной радиопередачи, стала значительным явлением — и общественным, и литературным. Она была подготовлена и ее прежними выступлениями, и стихами осени, когда «я» и «мы» слились у нее вместе. Вот почему так естественно прозвучало рядом с горькими словами о блокадных тяготах предвестие будущей победы:

Двойною жизнью мы сейчас живем:
В кольце, во мраке, в голоде, в печали
Мы дышим завтрашним, свободным, щедрым днем, —
Мы этот день уже завосвали.²⁸

Да, «мы дышим», «нас вместе называют Ленинград», «мы стояли на высоких крышах» — все это было оплачено той жизнью, которую вела тогда Берггольц и о которой она сказала в поэме: «Дыша одним дыханьем с Ленинградом, я не героизмовала, а жила».²⁹ Берггольц считала поэму своим высшим достижением военной поры. Возможно, что авторская оценка не окончательна. Во всяком случае она стала важной вехой ее творчества, и в частности подготовила лиро-эпическую поэму «Твой путь» (1945) с ее философским осмыслением событий и высокой трагедийностью.

Критики справедливо писали о «радиовлчании», которым объясняются некоторые черты поэзии Берггольц.³⁰ Стоит заме-

²⁷ «Литература и искусство», 1944, 23 февраля.

²⁸ О. Берггольц. Соч. в двух томах, т. 1, стр. 30.

²⁹ Там же, стр. 32.

³⁰ См.: Н. Банк. Ольга Берггольц. Л., 1962.

титель, что это влияние было взаимным. Берггольц своими выступлениями влияла на художественное вещание в целом. Рядом с ее речами всякого рода литературные поделки выявляли свою несостоятельность. Даже тон информационных материалов в «Радио-хронике» изменился, стал менее официальным, учитывал душевное и физическое состояние слушателей. Просто нельзя было допустить, чтобы нарушился с ними контакт. О таком контакте свидетельствовали письма слушателей.

Поэзия Ольги Берггольц получила немедленный и единодушный отклик слушателя и читателя. В личном архиве поэтессы сохранились сотни писем, в большинстве своем присланных на радио. Писали так: «Ленинград. Городская радиостанция. Передать лично поэту, читавшей стихи навстречу Новому году». «Ленинград. Радио. Ольге Берггольц». «Ленинград, улица Пролеткульта, 2, Дом радио, Ольге Федоровне Берггольц, поэту города Ленина». Большинство писем — солдатские треугольнички без марок, конверты, сделанные из старого календаря или тетрадной обложки. Среди корреспондентов О. Берггольц, высоко оценивших ее работу, видные деятели культуры (Д. Шостакович, В. Вишневский, А. Таиров, Т. Щепкина-Куперник) и рядовые читатели и слушатели. Вот один из характерных откликов, написанный в полночь 29 декабря 1941 г. командиром роты связи стрелкового полка Е. Губа, который всего лишь на сутки прибыл в Ленинград с одного из южных участков Ленинградского фронта: «Хочу выразить благодарность (за радость, — А. Р.), полученную при слушании читаемых Вами стихов по радио 29.12.41 около 22 ч. „Письмо на Каму...“. Жаль, что на передовых линиях в минуты затишья мы не можем слушать радио. Эти два стиха сильно взволновали меня. Только не пишите сентиментальных, с пафосом стихов, больше реальных, от души». В этом письме благодарный слушатель отметил, пожалуй, самое главное в поэзии Берггольц — ее сердечность и искренность, простоту, ее «реальность» — все то, что так высоко подняло все творчество «поэта города Ленина».

* * *

В. Вишневский был публицистом ораторского склада. Это проявлялось в его радиоречах. По свидетельству одного из редакторов радиокомитета, написанное было лишь канвой, основой выступления, однако В. Вишневский не мог не импровизировать, он загорался и говорил то, что приходило к нему сейчас, в эти минуты разговора с невидимой аудиторией. «Я очень хорошо помню, — вспоминает А. Половников, — выступление В. Вишневского в „Радиохронике“ 22 октября 1941 г. с речью „Слушай, родная Москва!“. Речь эту писатель, как было положено, представил в радиокомитет в „письменном виде“. Но, выступая, он увлекся. Я был редактором этой радиопередачи, текст Вс. Вишневского лежал передо мной, и мне удалось, правда, наскоро, каранда-

шом, — тут же, между машинописных строк, вписать все ... новое...».³¹

Вишневский не мог говорить иначе. Даже перед микрофоном он «жестикулировал, движением помогал речи, и каждая его интонация становилась убедительной, окрыленной волевым посылом. Вишневский говорил, обращаясь не к микрофону, а к людям, которых он видел в эти минуты, видел их запавшие щеки, их живые глаза».³² Речи произносились так, что, казалось, нет расстояния между говорившим и слушающим. «К девяти часам вечера еду на радио... Эти беседы с ленинградцами — одна из высших моих радостей, — записал Вишневский в своем военном дневнике».³³

Вишневский не работал на радио, он служил в ПУБАЛТе, руководил там писательской группой. Но приходил он на радио не как гость, потому что в эти минуты он представлял здесь свой Балтийский флот, свой Ленинград. Очень важно свидетельство Ольги Берггольд об этих речах: «Ленинградец, живший в городе в дни блокады, никогда не забудет страстных выступлений по радио Всеволода Вишневского. Именно радио, стихия которого — звук, голос, тембр, целиком допосило до всех его неповторимую интонацию балтийского матроса времён „Авроры“, взятия „Зимнего“, гражданской войны, ту интонацию, ту манеру, которая сама по себе была уже живой связью с революционной историей Питера-Ленинграда».³⁴

Как призыв звучали слова этих речей, в них действительно ощущаешь «волевого посыл», призыв к немедленному действию. «Вы слышите нас сейчас отсюда, из осажденного Ленинграда, с Балтики. Мы обращаемся к своим друзьям, товарищам, к тем, с кем прожили всю жизнь. Мы говорим, мы просим, мы сигналим: все для фронта! Мы ждем от вас, от каждого — работы на совесть и по чести. Не подведите!». В таком ключе говорил Вишневский во многих своих речах. Но вот примечательно: выступая в «Радиохронике», даже В. Вишневский несколько отходил порой от своей манеры трибуна. Зимой сорок второго и негромкий голос был хорошо слышен. 22 января Вишневский говорил: «Дорогие друзья... Позвольте мне сегодня побеседовать с Вами, побеседовать о Вас. Ленинградские граждане, позвольте оглянуться, накоротко припомнить почти полугодовую и еще не законченную жизнь осады Ленинграда, беспримерную в летописи этой войны, а значит, всех войн... Дорогие друзья... Прилетающие и приезжающие из Москвы товарищи — военные и писатели — рассказывали мне о том исключительном уважении, восхищении, которое вызвала по всему СССР оборона города Ленина. Вы, граждане,

³¹ А. Половников. Говорит Ленинград!.. — Лит. наследство, т. 78, кн. 1. М., 1966, стр. 426.

³² Ю. Алянский. Театр в квадрате обстрела. Л., 1967, стр. 44—45.

³³ В. Вишневский. Соч. в пяти томах, т. 3. М., 1956, стр. 298.

³⁴ О. Берггольд. Говорит Ленинград, стр. 13.

своим трудом, стойкостью, своим житейским подвигом заслужили это отношение».³⁵ Конечно, и в этой своей речи Вишневский-оратор дает знать о себе. Но и здесь прежде всего чувствуешь слитность оратора с его огромной аудиторией: «Взять нас блокадой, измором? Не выйдет. Выстоим. Пусть кто хочет посмотрит на Ленинград и в глаза ленинградцев на шестом месяце блокады, в люто-студенные январские дни. В глазах упорство... Город пройдет к победе и сквозь все выпавшие на его долю сверхмерные испытания 1941/42 года. Пройдет, не потеряв своей красоты, силы и величия».³⁶

По своей природе В. Вишневский был общественником, он всегда стремился расширить контакты с читателем и слушателем. В январе 1942 г., едва поднявшись после болезни (дистрофия, весь декабрь в госпитале), он вновь много выступает. «Я иду в одну, другую, третью аудитории, рассказывая о войне, о положении на фронтах, о ленинградских новостях и бодрю людей. Это самые радостные, самые хорошие, самые горькие встречи в моей жизни»,³⁷ — записывает он в дневнике. А чуть раньше, в письме к жене (от 6 января), писал: «Я бодр... Мои радиоречи охватывают всю аудиторию, миллионы. Отклики... На днях для Москвы буду говорить».³⁸ О том, насколько ценил эту свою работу писатель, свидетельствуют его речи, написанные для радио в декабре, когда он сам выступать не имел сил.

Радиоречи Всеволода Вишневского стали заметным явлением публицистики военных лет.³⁹ Эти речи-очерки (так называл их автор) имели некоторые общие черты, характеризующие публицистику писателя в целом. Во-первых, они были проникнуты духом историзма. За исключением Алексея Толстого и Леонида Леонова, никто не обращался так часто в своих статьях к прошлому России. Рассказывая слушателям об уроках истории В. Вишневский живо, естественно, открыто. Так, в своем первом военном выступлении, переходя от одного факта к другому, он мог сказать: «идем

³⁵ Около ста речей произнес В. Вишневский по радио во время блокады. Большинство из них, включая приведенную выше в отрывках, не печаталось. В собрание сочинений вошло лишь девять речей. Первое выступление по радио во время войны относится к 22 июня (в Москве). 24 июня это выступление («Уроки истории») напечатано в «Красной звезде». Ленинградское радио повторило его 27 июня.

³⁶ В дневнике ленинградской школьницы Майи Бубновой 23 января 1942 г. сделана следующая запись: «Вчера Всеволод Вишневский по радио выступал. Прямо молодец парень, в моем духе. Всегда вовремя выступит и скажет, скажет прямо, ясно, хорошо, по-ленинградски, по-большевистски» (Ленинградцы в дни блокады. Л., 1947, стр. 229).

³⁷ В. Вишневский. Соч. в пяти томах, т. 3, стр. 307.

³⁸ Там же, т. 6, доп., стр. 526.

³⁹ В. Вишневский готовил себя к этой деятельности. Еще накануне войны он записал в своем дневнике впечатления о передаче с праздничного первомайского (1941) парада: «Весь парад — на передаче. У микрофона группа писателей. К сожалению, тексты стандартны. Поднял вопрос о подготовке живых передач, пробах — на случай войны» (там же, т. 6, стр. 328).

дальше», «продолжим обзор, друзья». Этот обзор завоевательных войн, которые вели немцы, был нужен писателю для того, чтобы убедить слушателя: столь же плачевно закончится и новое германское вторжение.

Это не было академической лекцией, все подчинялось одной, главной мысли. Писатель звал народ на борьбу. Разве только исторической справкой было напоминание о боях на Украине 1918 г.: «Не было ни единой тихой деревни, тихой заводи, тихого леса. Все поднялось на оккупантов». Вдумаемся в эти строки. Они произнесены в первый день войны человеком, который понимал всю опасность гитлеровского вторжения. В этом смысле Вишневский-публицист оценивал тогда обстановку глубже многих писателей. Его речи помогали людям отрешиться от известного благодушия предвоенной поры. Сама же форма непосредственного обращения к слушателю давала возможность перейти естественно к открытому призыву как логическому выводу из всего сказанного: «Что ж, вызов прият! Идут жестокие бои. . . Напомним немецким фашистам — пока они еще живы, — как и где их бил русский народ». Вишневский делал своих слушателей соучастниками той сложной мысленной работы, которую он совершал на их глазах. В этом смысле нужно понимать О. Берггольц, которая считала, что «слушать его было наслаждение и труд».

Казалось, В. Вишневский создан для радио. В его речах чувствуется живая, разговорная интонация, в них всегда есть ораторский прием, повторение важной мысли и еще и еще раз, но всегда по-новому, так, чтобы она дошла до каждого слушателя. Эту особенность речей писателя хорошо поняли работники радио. Не случайно речь Вишневского, произнесенная им 14 сентября на общегородском митинге молодежи Ленинграда, не только транслировалась на страну, но была — явление для тех дней весьма редкое — записана на пленку и выпущена грампластинкой. Речь печаталась затем в «Комсомольской правде» (17 сентября) под заголовком «Комсомольцам Ленинграда». Но, пожалуй, название, которое давал ей писатель как радиоречи, точнее выражает саму манеру Вишневского-публициста: «Мы можем победить, должны победить и победим!».

В. Вишневский хорошо чувствовал аудиторию, с которой говорил, не изменяя главному, он пытался придать своей речи дополнительные оттенки. Поэтому его выступления, обращенные, например, к морякам Балтики или ленинградской молодежи, имели свои особенности. Писатель нередко выступал в специальных передачах «Говорит Ленинград!» не только на страну, но и за границу. И здесь мы видим другую речь В. Вишневского. Он более сдержан, он обращается не столько к эмоциям своих слушателей, сколько к их разуму. Он понимает значительность самого факта, что Ленинград — говорит. «Я сообщаю Вам это сейчас из Ленинграда. . .», «Я бы хотел, чтобы Вы глубоко поняли свойства

русского народа»; «Сегодня советские люди беседуют по радио со своими друзьями в Европе и Америке. К этой беседе будут, конечно, прислушиваться и в Германии. Что ж, пусть и там послушают».

Да, перед нами другой Вишневский — оратор, политик и даже дипломат. Он сдерживает себя, не дает прорваться тому напряжению, которое открыто звучит в других его речах. Это молодежи Ленинграда он говорил: «Фашизм хочет сломать твою судьбу, товарищ, он хочет растоптать твое тело, растоптать твою душу, сломать твою культуру, твои традиции, твою любовь». Это к столице в октябре сорок первого обращал он свои слова: «Москва, твоя воля и сила сейчас решает многое. Брат твой — Ленинград — сделает свое дело».

Но речи Вишневского вовсе не состояли из одних призывов, обращений, они содержательны, в них личный опыт автора сочетается с опытом русской истории, наблюдательностью писателя, влюбленностью русского человека в свою землю. 7 ноября 1941 г. по радио говорил публицист-художник, дающий факту свое, особое звучание: «Город-фронт живет, в нем бьется по-прежнему сердце революции. По-русски, по-ленински спокойный, уверенный... Репродукторы передают очерк Льва Толстого „Севастополь зимой 1854 года“. Толпа стоит, как зачарованная. Это рассказ о сегодняшних днях! Толстовский „четвертый бастион“ — это сегодняшний Ленинград. Все-все у Толстого абсолютно точно, верно, как у нас сегодня. Спокойный русский героизм, скромный, чистый. И затемненный трамвай № 9 идет на передний край обороны, идет на „четвертый бастион“».

Речи В. Вишневского, как и выступления Ольги Берггольц, уже тогда были не только фактором литературы, публицистики. Они стали фактом самой истории, без них трудно представить саму жизнь Ленинграда осадной поры. Вишневский говорил: «Быть агитатором, пропагандистом, оратором — необходимо! Эта работа писателя полноценна и правомерна. Как личное выступление, так и выступления по радио».⁴⁰ Такую «полноценную и правомерную» работу вели писатели Ленинграда. Они понимали: слово писателя звучит по-особому.

* * *

Вишневский в своем выступлении отметил возросший во время войны интерес к истории и к произведениям русских классиков. Выбранный им пример — восприятие «Севастопольских рассказов» ленинградцами — весьма примечателен. Действительно, именно Л. Н. Толстой привлекал к себе читателей 1941 г., как писатель глубоко современный. Шла Вторая Отечественная война, а о той, первой, не было книги лучше толстовской. Случа-

⁴⁰ В. Вишневский. Соч. в пяти томах, т. 6, доп., стр. 664.

лось, что почти каждый день вспоминали в радиопередачах имя великого писателя в той или иной связи. 13 декабря, например, в «Радиохронике» передавали рассказ М. Жестева «Старик», в котором звучал текст «Войны и мира». 14 декабря об инсценировке этого романа говорили Б. Эйхенбаум и режиссер М. Чежегов, 23 декабря, в 150 номере «Радиохропики» был зачитан акт государственной комиссии о разрушениях в Ясной Поляне. Профессор Г. Гуковский комментировал «факты, бесспорные в своей правдивости».

Толстой помогал своим романом, и своими рассказами, и своим пониманием силы сопротивления народа. Упомянутый рассказ М. Жестева «Старик» очень прост, в нем изложена история деревни Заборье, захваченной врагом. Немцы выгнали всех жителей из их домов, и оказалось, население целой деревни может уместиться под одной крышей овощехранилища. Вот здесь-то и читает старый колхозник «Войну и мир», читает о том, как сражались наши предки, как сожгли Москву, в которую пришел враг. Под воздействием этих страниц Толстого брата Кобызевы поджигают деревню. Деревня горит, а герой рассказа «вновь подсел к столу и читал вслух про войну и мир и что писал о том сам Толстой». Далее в рассказе цитируется роман, однако с некоторой «модернизацией». «Благо тому народу (читал старик, — А. Р.), который в минуту испытания, не спрашивая, как по правилам поступали другие в подобных случаях, с простотой и легкостью поднимает первую попавшуюся дубину и гвоздит ею до тех пор, пока...». Дальше в книге было написано: «пока в душе его чувство оскорбления и мести не заменяется презрением и жалостью». Но старик приподнялся и грозно сжал кулак: « — Пока не уничтожим. До последнего, пока не уничтожим!».

Несмотря на некоторую наивность рассказа Жестева, отсутствие психологического раскрытия темы искусства, в нем публицистически утверждалось его воздействие на человека. Пусть и не в такой прямой форме Толстой, Пушкин, Гоголь своими книгами помогали людям бороться. Вот почему их произведения читались по ленинградскому радио даже при том голодном лимите времени на вещание, который был в зимние месяцы 1941/42 г. Правда, по свидетельству Н. А. Ходзы и Г. П. Макогоненко, при отборе материала приходилось тщательно смотреть, не упоминаются ли где-либо всевозможные яства. Такие «вкусные» места приходилось пропускать.

Звучал Толстой, и почти так же часто упоминалось имя Пушкина. Ахматова называла в своем выступлении Ленинград городом Петра, Ленина, Пушкина, Достоевского и Блока. В декабре Б. Мейлах напомнил о разрушениях в Пушкинском заповеднике и привел слова поэта, которые вряд ли нужно комментировать: «Вострепещи, Тирани! Уж близок час паденья! Ты в каждом ратнике узришь богатыря. Их цель иль победить, иль пасть в пылу сраженья...». И в том же декабре среди многих статей

Эренбурга, передававшихся в эти дни ленинградским радио, завершая «Радио хронику», диктор прочел фельетон «Живые тени». Эренбург привел факт: в Париже немцы сносят памятники Вольтеру и Жан-Жаку Руссо. От этого факта шел публицист к такому развиту своей мысли: «В Москве на Тверском бульваре стоит Александр Сергеевич Пушкин, и зима серебрит его юную голову. Защитники Москвы охраняют не только сон живых москвичей. Они охраняют и статую великого поэта. И в напряженной тишине, между двумя атаками, московские переулки обходят крылатые слова „Что в мой жестокий век восславил я свободу“. Свобода, тебя не снести!».

Когда в январе сорок второго года работники радио обсуждали план так и не появившейся коллективной книги «Говорит Ленинград», они предлагали включить в нее стихи В. Маяковского, звучавшие по радио в блокаду. Если выдержать этот принцип, то в такую книгу должны войти и рассказы Л. Н. Толстого, и стихи А. С. Пушкина, и даже отрывки из «Илиады» Гомера, которая напоминала героическим ленинградцам о легендарной осаде Трои. В такую книгу, конечно, вошли бы лучшие произведения советской литературы, включая «Педагогическую поэму» А. Макаренко (в январе в течение нескольких дней подряд ее читал артист А. Янковский в радиопередачах, которые так и пазывались «Чтения с продолжением») и «Письмо к другу» К. Симонова («Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины»), и «Землянку» А. Суркова.

Классика же перестала быть просто великими книгами, она приблизилась по времени, доказывала свое величие своей необходимостью именно сегодня. И Толстой, и Пушкин, и Гомер — все это вместе создавало запас душевной прочности. Не в том смысле, что люди услышав те или иные строки, начинали активнее действовать, а в том, что они видели высокий пример и чувствовали себя преемниками и наследниками великих традиций. Об этих традициях говорил в своих речах Всеволод Вишневский, о них писал Алексей Толстой в статьях, которые включались в номера «Радио хроник». А. Фадеев в своем выступлении 1 мая 1942 г. приводил стихи К. Батюшкова, написанные в 1813 г., о долге художника, о том, что он не может «петь любовь и радость, беспечность, счастье и покой» «перед врагов сомкнутым строем». Ю. Толубеев читал отрывок из романа Л. Толстого, где говорилось о князе Андрее Болконском, уходящем на войну, навстречу смерти, и ленинградец, который знал, что такое «до смерти четыре шага», еще глубже чувствовал, что его народ будет сражаться с врагом, как он сражался на Бородинском поле и на бастионах Севастополя.

* * *

Радио блокадной зимы было необходимо каждому ленинградцу. Это стало особенно ясно в январе, когда случались дни, что оно молчало. Вот записи П. Лукницкого из его дневника,

очевидно одного из самых подробных и достоверных свидетельств участника событий: «7 января. 5 часов утра. Электричества нет. Воды нет. Радио безголосо. Во всей квартире мороз... 7 часов 30 минут. Чуть слышно заговорило радио».⁴¹ «15 января... Радио нигде не работает. Никаких новостей не знаем».⁴² «Ночь на 20 января... Впервые за много дней заговорило радио. Правда, не громко, а таким чуть слышным шепотом, что разобрать слова можно было только в полной тишине, прижав ухо к громкоговорителю».⁴³ Уже по этому повседневному интересу, этой потребности слышать радио видно, как нуждались в нем люди. О молчащем радио даже писали стихи. 27 января П. Лукницкий записал в дневник свое стихотворение, едва ли не впервые за многие месяцы. И оно было об этом: «А репродуктор молчит, как будто шар земной заглодел настолько, что и эфир весь вымерз вокруг него». О молчащем репродукторе несколько возвышенно написала В. Инбер: «От раковин отхлынул океан».

Эти свидетельства могут создать впечатление, что радио умолкло чуть ли на весь январь. На самом деле все обстояло иначе. Лишь в течение нескольких дней весь город оставался без радио. Отдельные районы и даже кварталы и дома по разным причинам (отсутствие энергии, обрыв сети) отключались на более длительные сроки. Вот почему работники радиокomiteта иногда повторяли те или иные передачи по нескольку раз. Но верно и другое: были периоды, когда радио активно организовывало материал, а случалось, что оно главным образом пользовалось готовыми газетными статьями. Самое страшное — молчать. Это понимали в Доме радио. И поэтому даже в январе, пусть с большими перебоями, негромко и не везде радио говорило. Оно не умерло. Обессиленное — шептало слова надежды.

О тех же январских числах сорок второго, когда радио замолчало, О. Берггольц вспоминает: «...в тот вечер, третий вечер почти полного безмолвия в Ленинграде (10 января 1942 г. — А. Р.) в радиокomiteт начали приходить люди... с одним тревожным вопросом: почему замолчало радио? Скоро ли оно заговорит опять?.. — Нет уж... Знаете, — сказал один старик с палочкой в руке, пришедший откуда-то с Васильевского острова, — если что-нибудь еще надо... в смысле стойкости... пожалуйста... еще... и даже с прибавкой можно ждать, но радио пусть говорит. Без него страшно! Без него лежишь, как в могиле. Совсем как в могиле».⁴⁴

В январских номерах «Радиохроник» мало своих, ленинградских материалов, многие фельетоны, очерки, стихи взяты из центральных газет (очерки К. Симонова, стихи М. Алигер и А. Суркова, фельетоны И. Эренбурга). Конечно, тут чувствуется строгий

⁴¹ П. Лукницкий. Ленинград действует... Кн. 1, стр. 409.

⁴² Там же, стр. 421.

⁴³ Там же, стр. 427.

⁴⁴ О. Берггольц. Говорит Ленинград, стр. 21.

отбор, однако очевидно, что каждый свой материал давался с большим трудом. По свидетельству П. Лукницкого, с начала марта Военный Совет фронта решил подключить радиокомитет к энергосистеме. Такое исключение из общего правила делалось только для важнейших военных объектов. Свет и тепло вдохнули жизнь в ослабевших людей. Полнокровней, содержательней становятся номера «Радиохроник» и другие передачи. Рядом с ленинградскими рассказами Н. Тихонова (по мере печатания в «Правде» они передавались по радио) появляются материалы новых авторов — памфлеты Ю. Нагибина, стихи О. Колычева, зарисовки Е. Федорова. В конце марта специальная передача была посвящена партизанам. Им посвятили стихи А. Решетов и О. Берггольц, а очерки принадлежали перу писателя-драматурга А. Каплера, побывавшего в партизанском крае.

В марте каждый день сотни ленинградцев, находившихся в крайней степени истощения, вывозились через дорогу жизни. Оставшиеся, те, у кого хватало сил, по призыву общественных организаций, начали уборку города. 10 и 11 марта радио передало два очерка О. Динзе «На улицах Ленинграда» и «Преодоление испытаний», которые показывают, что город начал медленно входить в новый этап своей блокадной жизни. И хотя не только в марте, но и в апреле, и в мае люди продолжали умирать от истощения, те, кто пережил зиму, считали, что главное уже позади. Трудные испытания зимы вместе со всеми выдержала ленинградская литература, ленинградское радио.

3

В апреле 1942 г. ленинградцам казалось: главные трудности пережиты. Никто даже представить себе не мог, что впереди двадцать месяцев блокады, тысячи погибших от артиллерийских обстрелов граждан, сотни разрушенных домов. И все же ощущение, что самая тяжелая пора уже за плечами, было верным. С апреля 1942 по январь 1944 г. погибли тысячи людей, но не сотни тысяч, как в первую блокадную зиму. Значительно улучшилось продовольственное снабжение города, пошли трамваи, зазвонили телефоны, почта приносила газеты, выходили новые книги, в филармонии начались концерты. Конечно, и трамваи пошли не везде, и света не хватало, но ленинградцы уже общались между собой, все дальше уходя от той жизни, которую вели зимой.

Изменилось теперь и значение радио. Оно уже не могло заменить все источники информации, все виды искусства, оно теперь не играло прежней, совершенно исключительной роли.⁴⁵ Иными

⁴⁵ Тем не менее ленинградское радио продолжало оказывать огромное влияние на всю жизнь города. Это понимал враг, который все еще пытался вывести радиочентр из строя. П. Лукницкий 28 сентября записал в своем дневнике: «Мне, пожалуй, понятен смысл обстрела 25 сентября (1943, — А. Р.) моего квартала: в этот день был взят Смоленск; немцы, очевидно, хотели уничтожить ту радиостанцию, которая могла возвестить об этой

стали и сами радиопередачи. Например, с апреля начались творческие отчеты писателей у микрофона. С такими отчетами в апреле—июле выступили Б. Лихарев, А. Прокофьев, В. Саянов, А. Гитович, Н. Тихонов, Н. Браун. Фактически целый номер «Радиохроники» посвящался одному писателю. Подобного рода отчеты были просто невозможны зимой. В те дни они прозвучали бы неуместной похвалой кому-то одному, когда бедствовали все вместе. Сейчас обстановка начала изменяться, и об искусстве можно было говорить, как о таковом. Вторая особенность рассматриваемого периода — воспоминания о минувшей зиме. К тяжелейшему периоду блокады возвращались буквально все литераторы. Это была не только дань памяти, смысл напоминания всегда был таков: да, нам еще нелегко, враг по-прежнему у ворот, каждый день мы, т. е. каждый из нас в отдельности, можем погибнуть, но мы вынесли такое, что теперь обязательно вынесем все и победим.

В начале апреля, когда зима еще отступала, в «Радиохронике» были прочитаны стихи Л. Успенского, известного прозаика, который, если и писал стихи, обычно не публиковал их. И вдруг — стихотворение «Память»: «Когда-нибудь про наш малейший миг, про время то, что нам в удел досталось, про нашу жизнь, про бодрость, про усталость напишут люди много мудрых книг». Думая о потомках, которые многое узнают о сегодняшних днях, писатель говорил: «Не им постигнуть то, что сам ты знаешь, как ты, мой современник, умираешь, как дышишь ты, что видишь, чем живешь». По своему настроению это еще «зимние» стихи, в них перекичка с мыслями И. Груздева, текст выступления которого (в отрывке) приводился выше. Но в те же апрельские дни В. Кетлинская довольно точно охарактеризовала время в своем выступлении: «Мы еще в кольце блокады, но мы уже победили, хотя много боев предстоит впереди». И в этой своей речи, и во многих последующих писательница прямо говорила о пережитом, о горе, коснувшемся каждой ленинградской семьи: «Мы хоронили наших товарищей, наших матерей, наших близких, мы хоронили своих дорогих мертвецов в братских могилах, без обрядов и речей, и мы не плакали, ни одной слезы не скатывалось с наших глаз». (То же, примерно, у Берггольц: «Правду говорят, что слезы вымерзли у ленинградцев»). Оглядывалась назад и Ольга Берггольц, и в ее речах это было «больше, чем воспоминанья». «Да, смерть глядела этой зимой в самые наши зрачки... Но она не смогла загнипотизировать нас. Мы, гордые люди, люди, любящие жизнь, не уступали смерти без боя». Так сказала О. Берггольц в июне 1942 г. В конце декабря она повторила, что «воспоминание наше так жгуче болит, что к нему даже тяжело прикасаться». В этой речи промелькнула мысль, что не надо вспоминать сумрачных подробностей тех дней. И все-таки сама

нашей победе; они, конечно, знают, эта радиостанция расположена где-то неподалеку» (П. Л у к н и ц к и й. Ленинград действует... Кн. 3, стр. 140).

Берггольд нарушила свой же добровольный запрет: «Наш быт, конечно, очень суров и беден, полон походных лишений и забот. Но разве можно сравнить его с бытом декабря прошлого года? В декабре прошлого года на улицах наших замерло всякое движение, исчез в городе свет, иссякла вода, да... многое чего исчезло и многое чего появилось тогда на наших улицах». Берггольд говорила в канун сорок третьего года о теперешней жизни Ленинграда, о его двух театрах и нескольких кинотеатрах, электрическом свете в целых 3 тысячах квартир и, конечно, о том, что «сейчас поет и говорит радио».

Воспоминания о прошлом помогали бороться сегодня, но литература на радио, разумеется, не ограничивалась в эти 20 месяцев творческими отчетами поэтов и публицистическими речами. Больше стало очерков о героях фронта, о ленинградцах, значительное время в радиовещании заняли рассказы. В 1942, и особенно в 1943 г., радио передавало рассказы Н. Тихонова, В. Кетлинской, Л. Славина, И. Кратта, К. Ванина, А. Розена, А. Зонина, В. Дружинина, П. Лукницкого и др. Писатели стремились от зарисовок первых впечатлений идти дальше — к исследованию человеческих характеров, раскрытию истоков мужества. Круг авторов расширялся. Все чаще на радио приходили критики. Теперь они были и очеркистами, и публицистами (В. Мануйлов, Р. Мессер, В. Орлов).

Фактически, в течение первого военного года литературно-драматическая редакция на радио оправдывала лишь первую часть своего названия. Но уже летом 1942, после опубликования в «Правде» пьесы К. Симонова «Русские люди», а затем и «Фронта» А. Корнейчука, на радио началась их репетиция.⁴⁶ Так возникли первые на ленинградском радио военного времени радиоспектакли. Больше того, актеры, работавшие над ними, вскоре организовали театр, который сохранился и после победы (театр им. Комиссаржевской). Осенью 1943 г. на радио были осуществлены еще две интересные постановки — одна по пьесе А. Н. Островского «Кузьма Захарьевич Минин-Сухорук», другая — радиоспектакль «Александр Васильевич Суворов». В обоих случаях историческая тема звучала вполне современно.

В довоенную пору на ленинградском радио были передачи «Театр у микрофона». Эти передачи снова велись весной 1942, но большой размах получили с начала 1943 г., после возвращения из эвакуации Большого драматического театра им. М. Горького. Правда, уже в апреле 1942 г. готовились первые небольшие инсценировки, все чаще звучала классическая музыка, с творческими отчетами выступали актеры. Постепенно в силу начал входить литературный монтаж. По существу таким монтажом была и сама

⁴⁶ Подробнее об искусстве блокадного Ленинграда см.: Ю. А л я н с к и й. Театр в квадрате обстрела. Л., 1967, а также: А. К о р о л ь к е в и ч. А музы не молчали. Л., 1965.

«Радиохрошика». Но теперь эти монтажи становятся тематическими, их объединяют не только рамки одного журнала. Так, 5 апреля 1942 г. «Радиохрошику» № 215 посвятили 700-летию Ледового побоища. Это была цельная передача, которую открыл Всеволод Вишневский. Он говорил о русской истории, о значении Балтики для России, о потомках героев Ледового побоища. Затем выступал А. Тарасенков — он написал стихотворение о том, как разыскал в одной из башен Вышгорода старинный шлем: «...лежал он, символ славы нашей, глава неписанных поэм». Стихотворение А. Тарасенкова, как и рассказ А. Зонина (он также читал его сам), развивали тему статьи В. Вишневского. Весь литмонтаж оказался глубоко продуманным, начиная с подбора авторов, которые вместе работали в Политуправлении Балтфлота (ПУБАЛТ). Редакция учитывала близость творческих интересов авторов. Это относилось, в частности, и к В. Азарову, прочитавшему свои стихи, и к Г. Мирошниченко — он был автором очерка «Вороний камень». Итог всей передачи подвел А. Яшин: «Немцам старый бой знаком — грянет не такой еще скоро будет на Чудском новое побоище».

В военные годы отмечались далеко не все исторические и литературные даты. Только писатель, книги которого оказывались созвучными этим дням, заслуживал внимания воюющего народа. 6 июня, как всегда, ленинградцы вспоминали о Пушкине в день его рождения. Это было как бы радиозаседание с председательствующим И. Груздевым, который читал стихи поэта и говорил о недалеком времени, когда будут освобождены пушкинские места. «Люблю, военная столица, твоей твердыни дым и гром», — эти пушкинские строки напомнил в своем выступлении В. Саянов. «Страшись, о рать иноплеменных! России двинулись сыны», — читал секретарь Пушкинского райкома ВКП(б) Бабайкин. Боец Климачев цитировал и Пушкина, и В. Маяковского («Разговаривай с фашистами языком пожаров, словами пуль, островами штыков»).

Пушкину было посвящено заседание. В. Маяковскому — тоже, отнюдь не в круглую дату, — в апреле 1943 г., литературный монтаж. Сделано это было потому, что, как говорил Я. Бабушкин, «его стихи звучали совершенно по-особому в блокадном городе». А несколько раньше, 11 января, специальная передача была посвящена 60-летию А. Толстого. Ленинград помнил исторические романы, которые были написаны на берегах Невы, и статьи, которые передавались по ленинградскому радио в октябре 1941 г.

Как и осенью 1941, в 1942 и 1943 гг. Ленинград говорил со страной прежде всего голосами своих писателей. Еще в дни битвы под Москвой одна из передач начиналась словами: «Во всех концах нашей страны люди внимательно слушают каждое слово, которое Ленинград передает в эфир. Об этом мы узнаем из писем, которые, минуя все преграды, приходят в наш город... „Если бы знали, — пишут нам в этих письмах, — как жадно мы ловим

каждую весточку о Ленинграде... Мы с замиранием сердца слушаем вас по радио... Как вы живете, как же вы там живете?», — спрашивают нас в каждом письме». И ленинградское радио отвечало: «... Вы спрашиваете — как мы живем? Мы живем одной мыслью, одним стремлением — беспощадно уничтожить врага у ворот Ленинграда. Мы засыпаем и просыпаемся с этим чувством. Это чувство безмерно усилилось с тех пор как опасность фашистского пленения нависла также и над Москвой. Для нас слились теперь в одно оборона Москвы и оборона Ленинграда».

Так же следил Ленинград в сентябре 1942 г. за битвой на Волге. Берггольц тогда говорила: «Никто из нас не думает сейчас о своих „блокадных“ трудностях. Мы живем так, как будто нет расстояния между Ленинградом и Сталинградом...».

Напоминая о передачах Ленинграда на страну, нужно сказать о следующем: во-первых, с начала войны у граждан не было личных радиоприемников, и, во-вторых, ленинградский радиоцентр с большим трудом принимал Москву. Тем большее значение имела работа городской трансляционной сети.

В 1942—1944 гг. за двадцать с лишним месяцев (последний артиллерийский обстрел города велся еще 22 января 1944 г., в дни нашего наступления) обстановка в Ленинграде и на фронте менялась. Город сдержал вражеский штурм в августе 1942 г., пережил несколько неудавшихся попыток прорвать блокаду, знал периоды особенно ожесточенных налетов летом и осенью 1943 г. И все это так или иначе отразилось на ленинградской литературе и в передачах радио, которые прерывались сообщениями об очередном артиллерийском обстреле. (Одно из выступлений Берггольц так и называлось «Артиллерийский обстрел продолжается»).

Литература этих лет — это литература предельной откровенности и правды, однако она лишена всякой натуралистичности. В очерках и статьях, не избегая говорить о самых страшных вещах (вспомним, например, рассказ О. Берггольц о десятилетнем мальчишке, оставшемся сиротой, без обеих рук и ноги), писатели вместе с тем не делали этот материал главным в своих произведениях. В своих очерках и выступлениях все они говорили о том, как выстоять, выжить и победить вопреки обстоятельствам. И здесь ключом к людским сердцам становилась откровенность. Не могло быть и речи о каком-то «бодрячестве», каких-то нарочито громких словах. «Я солгала бы, если бы сказала, что мне сейчас нестрашно. Я солгала бы, если бы сказала, что мне сейчас безразлично», — говорила Берггольц. И ленинградец, где-то в другом конце города тоже попавший под артиллерийский обстрел, понимал — то, что говорит Берггольц, она сама пережила и переживает. И ее размышления о будущем суде над военными преступниками, еще обстреливающими город, воспринимались как уверенность в близком освобождении.

Обо всем ли говорила и писала литература Ленинграда тех лет? Пожалуй, были такие детали блокадного быта, которых она

не касалась, особенно в передачах на страну. Тут все же приходилось учитывать, что эти передачи могли слышать и немцы, хотя в целом о положении в городе враг знал. Характерна, например, редакторская правка во втором «Письме на Каму» Ольги Берггольц. Она написала: «Мы готовились к самой последней борьбе», а прочла по радио: «Мы готовились к баррикадной борьбе». Вместо «это гимн ленинградцам, опухшим, упрямым, родным», Берггольц пришлось сказать: «это гимн ленинградцам, исхудавшим, упрямым, родным». Однако в целом в писательских выступлениях картина ленинградской жизни была достоверна.

Получали ленинградцы представление и о жизни страны. Каждый, кто прилетал через кольцо с Большой земли, приносил с собой дружеские приветы. Накануне майских праздников 1942 г. в Москве несколько дней была Берггольц. Вернувшись, она в своем выступлении прочитала письмо М. Шолохова ленинградцам, в котором, в частности, говорилось: «Мы жадно ждем тот час, когда кольцо блокады будет разорвано и великая страна прижмет к груди исстрадавшихся героических сынов и дочерей овейного славы Ленинграда».

Многие статьи Ильи Эренбурга, печатавшиеся в «Красной звезде», передавало ленинградское радио, но особенным успехом у ленинградцев пользовались статьи писателя, посвященные защитникам города. Свыше десяти статей были написаны Эренбургом специально для окружной газеты «На страже Родины» и фронтовых газет. Эти статьи с предисловием Н. Тихонова вышли в 1943 г. в Ленинграде отдельной книжкой. Характер выступлений писателя был таков, что, казалось, они предназначены для радио. Эренбург обращался к ленинградцам, называя хорошо знакомые здесь имена. Статья «Сердце Ленинграда» (январь 1943 г.) воспринималась в городе как поздравление каждому жителю и бойцу фронта: «С Новым годом, доблестные гвардейцы, командиры и бойцы гвардии генерал-майора Краснова! О ваших делах знает Россия. О них знают враги, и о них знают друзья». По просьбе бойцов одной из фронтовых газет Эренбург прислал статью. И в ней он называл многих героев по именам, восхищался их подвигом. Но, как всегда у Эренбурга, и здесь было обобщение, было то, что важно услышать не только бойцу этой армии или этой дивизии. Статью читали по радио: «У нас много самолетов, много орудий, много автоматов. У нас в сердце много горя, много лютой тоски, много ненависти. За жизнь мы воюем, за счастье Ленинграда, за победу России!». Спустя три недели вновь радио передало статью Эренбурга, обращенную к городу Ленина: «Вчера вечером мы услышали радостную весть. Мы не знали, что сказать, мы потеряли слова от счастья. Мы столько ждали этого дня. И вот прозвучали слова: „В последний час“... Красная Армия рассекала петлю. Путь свободен». Ленинградская тема была постоянной в публицистике Эренбурга. И ленинградское радио в ту пору высоко это оценило. В марте, через два месяца после прорыва бло-

кады, передавалось письмо писателя друзьям-балтийцам. Он называл имена героев, раскрывал сущность их подвига: «Забудется презренное имя бесноватого Гитлера. Но вечно будут жить имена героев, положивших свою жизнь за Родину. Поэты мирного века прославят подвиг Ивана Суханова, который прикрыл своей грудью вражеский взлет и пропустил вперед русскую победу».

Начало 1943 г. было на ленинградском радио временем, когда оно обрело прежнюю притягательную силу. Конечно, к нему прислушивались в августе 1942 г., когда была сорвана попытка немецкого штурма, и осенью, когда решалась судьба Сталинграда, и 19 ноября — в этот день Сталинград пошел в наступление. Но 15, 16, 17, 18 января ленинградцы буквально не отходили от репродукторов. В эти январские дни 1943 г. В. Инбер записывала в своем дневнике: «Каждый точно заряжен электричеством ожидания... А вдруг сегодня „Последний час“ будет про нас?». ⁴⁷ И вот этот час настал. «Первое мое движение тоже было на радио», — записывала в дневник В. Инбер. Таким был порыв многих ленинградцев. О. Берггольц, неизменный свидетель и участник тех событий, писала об удивительных ощущениях той ночи на 19 января: «И в воспоминания об этой светлой ночи обязательно вплетается радио, которое пело и говорило первый раз до самой зари, и весь мир слышал, как говорит Ленинград». ⁴⁸ Сразу же после сообщения о прорыве блокады началась полуимпровизированная передача. Как ни готовились к этому часу, как ни ждали его, он все-таки потряс людей. В ту ночь выступали по радио рабочие, бойцы, писатели. В ту ночь плакали и пели, незнакомые обнимались на улицах. По радио лилась музыка Чайковского и Скрябина. Это был, по словам Берггольц, «сплошной ликующий поток». Работники радиокomiteта были счастливы, что люди пришли к ним в эту ночь. То была награда прежде всего за поддержку, которую оказало радио всем ленинградцам в первую блокадную зиму. Этим вовсе не умаляется сделанное на радио в дальнейшем, однако таких страниц, какие есть в истории ленинградского радио, не знает никакое другое радиовещание.

В праздничные для Ленинграда дни прорыва блокады, как всегда, первым был поэтический отклик. По радио читали стихи, напечатанные в газетах и написанные тут же, в радиокomiteте. Одна из передач так и называлась «Стихи, написанные 18 января». Это были стихи О. Берггольц, В. Зуккау-Невского, П. Ойфы, Е. Вечтомовой, В. Мануйлова, Б. Лихарева, Д. Леваневского. Но куда больше, чем обычно, оказалось на этот раз не стихов, а корреспонденций — с фронта и из самого города. Одну из них П. Лукницкий назвал «Как это началось». То был вопрос, волновавший всех ленинградцев. Именно об этом рассказывали и П. Лукницкий, и В. Саянов. В. Саянов писал об освобождении

⁴⁷ В. Инбер. Почти три года. М., 1946, стр. 373—374.

⁴⁸ О. Берггольц. Говорит Ленинград, стр. 27.

Шлоссельбурга, М. Фролов запечатлел незабываемую ленинградскую ночь. Но, может быть, самым волнующим оказался записанный вскоре на пленку репортаж с Финляндского вокзала. Он был следствием январского прорыва: 7 февраля 1943 г. в 10 час. 9 мин. первый поезд пришел с Большой земли. Репортаж об этом вели ленинградские радиожурналисты.

Январь 1943 г. ленинградцы восприняли как большой праздник. Однако жизнь, быт города изменились незначительно. Продолжались изнурительные артиллерийские обстрелы. В. Инбер записала в дневнике: «Нет, не кончились еще ленинградские трудности. А этот прорыв блокады... Он ведь тоже не окончательный». С весны 1942 г. фактически были воссозданы редакции радио. И политвещание, и детская редакция, и музыкальная готовили все больше передач. Что же касается тональности литературных радиопередач, то она отразила общую обстановку на фронтах, которая почти до конца 1942 г. оставалась крайне напряженной. Летом 1942 г. больше сдержанности, серьезности во всех литературных материалах, чем год назад, меньше легковесных прогнозов. Даже стихотворный очерк сейчас глубже, поэтичнее. Таково стихотворение В. Лифшица «Василий Никулин» («Радиохроника», № 262, 8 августа), такова «Ненависть» А. Гитовича: «Товарищ, боец, ни на миг не забудь, судьбу защищая свою: у нас остается единственный путь — победа в смертельном бою». В трудные месяцы 1942 г. во многих очерках и рассказах говорилось о том, как бойцы погибали все до одного, но выполняли приказ. Во всех материалах этой поры чувствовалось напряжение битвы на юге. 3 ноября передавались стихи М. Дудина. Он писал: «Спаси меня! к тебе взывает родная русская земля». 14 ноября в его поэме «Волга» прямо говорилось о Сталинградской битве. О том, что жизнь Ленинграда, как, впрочем, и всей страны, тогда зависела от исхода этого сражения, хорошо сказала О. Берггольц в стихах, написанных по просьбе радиослушателей. Она читала их 24 ноября: «Мы засыпали с думой о тебе, мы на заре включали репродуктор, чтобы услышать о твоей судьбе... о том, что было страшно этим летом, еще расскажут. Песня ждет певца. У нас в осаде за чертой кольца все озарялось сталинградским светом».

Передачи 1943 г., после прорыва блокады и разгрома под Сталинградом армии Паулюса, не только характеризуются разнообразием форм, изменением общей их окраски, но и появлением таких литературных монтажей, которые были просто невозможны летом и осенью 1942 г. Так, 19 октября 1943 г. состоялась передача «Фронтая лирика». Целая передача лирических стихов указывала на то, что наступил новый этап в развитии литературы военных лет. Обусловлен он был ходом самой войны. Этим же объясняется многообразие литературных форм. О них все-таки было трудно думать, когда решалась судьба страны. Теперь же, когда после Сталинграда и Курска исход войны был предreshен, «лобовых атак» поэзии и публицистики становилось недостаточно.

Литература на радио искала новые формы воздействия на слушателя. В феврале 1943 г. были прочитаны отрывки из романа В. Кетлинской «Мужество», в июле состоялась радиопьеса по повести В. Короленко «Слепой музыкант», в декабре были инсценированы рассказы В. Кожевникова «Март-апрель». Наибольшее развитие в 1943 и в самом начале 1944 г. получил литературный моптаж.

Литературное вещание во второй половине 1942, и особенно в 1943 г., добилось большого размаха. В 1943 г. по заказу редакции радио были написаны произведения 51 писателем, 37 поэтов и прозаиков выступили у микрофона. Кроме уже названных выше, в работе литературного вещания участвовали Е. Федоров, А. Кучеров, К. Ванин, А. Авдеенко, Л. Хаустов, Б. Бродянский, Е. Кагерли и др. Помимо оригинальных очерков, рассказов, повестей, писатели вместе с редакторами готовили радиоинсценировки. Еще больше, чем в начале войны, передавалось произведений русских классиков. Прозвучал цикл лирических стихов поэтов XIX и XX вв. и специальные передачи о Пушкине, Лермонтове, Некрасове. Литературоведы В. Орлов, Л. Гинзбург, Р. Мессер участвовали в подготовке этих материалов.

И все же, как ни велик был объем литературных передач, как ни значительно все сделанное во второй половине 1942 и 1943 г., оно не может сравниться по своему значению с работой радио в самый трудный период блокады — с осени 1941 до весны 1942 г. Ведь в 1943 г. ленинградец и сам мог читать книги, ходить в кино, слушать музыку. Ему приносили по утрам газеты, в городе выходили журналы. Даже в театр можно было попасть — и в Городской, и в БДТ, и в Музкомедию. Зимой же 1941/42 г. литература существовала практически только на радио. Лишь сопоставляя условия жизни города в разные периоды блокады, можно оценить по справедливости писательскую работу в 1941/42 г. в осажденном Ленинграде.

Особо следует сказать о январе 1944 г. и передачах этой поры. Именно в январе пришел день, когда артиллерийский гул слышался совсем не так, как во время почти ежедневных артиллерийских обстрелов. Встречаясь на улице, люди понимающе улыбались друг другу, знали — сбывается мечта о полном разгроме врага у стен города. Это настроение ленинградцев и все события тех дней запечатлело радио. Вновь говорила Берггольц: «И все свершилось, все настало, и правдой сделалось все то, что бредом гордости казалось». Поэтесса читала стихи и, как обычно, обращаясь к другу-ленинградцу, беседовала с ним: «В Ленинграде тихо. Это так удивительно, так хорошо, что минутами не верится даже. . . А когда подумаешь, что это не та коварная тишина, которая устанавливалась между обстрелами и не радовала, а томила, так хочется смеяться и плакать от радости. . .».

Выступала Вера Инбер: «Впервые в приказе по войскам есть обращение к гражданскому населению города. Эта честь выпала

на долю Ленинграда». И она же говорила о первом салюте, первом мирном залпе освобожденного города: «Кто видел сияние всех этих человеческих глаз, тот уже никогда не забудет этого. Такое можно пережить только раз в жизни».

Передачи второй половины января 1944 г. очень разнообразны по форме. Здесь и отдельные писательские выступления, и корреспонденции, и очерки, и литературные монтажи. С 18 по 28 января было создано семь литературных монтажей: «На Запад» (18 января), «За Ленинград, за город русской славы» (20 января), «Новые стихи советских поэтов» (23 января), «Освобождение города» (25 января), специальные передачи о Новгороде (26 января), «Праздник Ленинграда» (28 января) и, наконец, «Салют пад Невой» (28 января).

В радиопередаче «Салют над Невой» участвовали поэты и журналисты, которые до этого не один раз говорили о победном дне, ждали его, как и весь город. Снова читал стихи А. Прокофьев, выступали М. Дудин и Б. Тимофеев. «Говорит свободный Ленинград» — называлось стихотворение И. Авраменко:

Сломлены узлы сопротивления,
Взорвано осадное кольцо.
Мы идем — и ветер наступленья,
Бодрый ветер дует нам в лицо.

Рядом с именем города Ленина в эти дни прозвучали имена городов, связанных с ним всей историей: Пушкин, Павловск, Гатчина. Все это звучало как стихи: военные корреспонденты сообщали о продвижении нашей армии. И эти заметки, и очерки были уместны рядом со стихами.

Так писали и так рассказывали миру о ленинградском подвиге литераторы, и рассказ этот давал верное представление о борьбе Ленинграда. Когда вскоре после снятия блокады к нам приехал крупный датский писатель Мартин Андерсен-Нексе, он отдал должное Ленинграду и его литературе военного времени. В письме писателя, переданном по радио, говорилось: «Дорогие друзья! Я прибыл в Ленинград с представлением о большом городе, который сильно разрушен врагом. Однако, побывав в Ленинграде, я испытал чувство огромного подъема. Я вижу, что население тепло одето, все много и организовано работают, каждый исполняет свой долг... Все это — без малейших следов героической позы. А ведь этому населению — самым храбрым людям в мире — пришлось перенести то, что, мне кажется, не под силу ни одному городу: выдержать тяжелейшую осаду в течение двух с лишним лет, а затем перейти в наступление и послать ко всем чертям гигантские армии, осаждавшие город. Передо мной встают дома, простреленные снарядами или целиком превращенные в руины. Но я нигде не вижу никакой растерянности или уныния».

Благодаря сердечному изображению ленинградскими писателями жизни своего города мы за рубежом знали много о Ленин-

граде во время блокады. И могли сравнительно точно представить титаническую борьбу его населения.

Привет героическим писателям Ленинграда — участникам его обороны! Товарищеский привет всем писателям Советского Союза, ведущим самоотверженную работу на фронте и в тылу!».

Это была справедливая оценка работы ленинградского отряда советской литературы. Значительная часть этой работы была связана с ленинградским радио.

* * *

И современники, и историки будущего изумятся силе ленинградского духа. Еще больше изумления вызовет тот факт, что в этих беспримерных условиях голодного обстреливаемого города, окруженного со всех сторон врагом, существовала литература.

Литература на радио в годы блокады, и особенно в первую военную зиму, представляется фактом огромного исторического значения.⁴⁹ Она показывает, что восприятие искусства, литературы не ослабевает даже в условиях исключительных, если эти формы искусства учитывают всю сложность обстановки, в которой находится человек, если они реально помогают его жизни и борьбе в самых трагических обстоятельствах. Такое искусство, служа насущным потребностям данной минуты, может сохранить свое высокое эстетическое значение для будущего.

⁴⁹ 3650 литературных радиопередач было передано по ленинградскому радио за 1418 дней войны.

ПИСЬМА С БАЛТИКИ

Я возвращаюсь к этим страницам через тридцать лет... Они были мною написаны, их прослушали фронтовые товарищи в 1942 г. в блокадном Ленинграде. Мне помогли замечания и советы друзей.

Почему назвал я тогда, еще во время войны, свои страницы письмами? Потому что для фронтовиков и для близких им людей в тылу эти весточки означали в годы войны неизмеримо много. Я и сегодня помню, как читали мы письма, полученные от жен, друг другу, читали в знак полного доверия и желания поделиться самым дорогим.

Письма, которые из деревни Черная на Урале слала в Ленинград мне жена, я хранил в большом кисете, ярко раскрашенном трафаретом, изображавшим эмблемы флота. Кисет со скромными, почти символическими подарками я, как и мои товарищи, получил к Октябрьской годовщине 1941 г. Мы очень ценили признаки такого внимания, тем более что подарки в осажденный Ленинград шли через линию фронта, под огнем. Помню, как растрогали меня доставшиеся мне под новый 1942 г. перчатки из грубой шерсти с одним только пальцем для спускового крючка. В палец этот вложена была свернутая в крошечный комочек записка от незнакомой девушки — колхозницы с Вологодчины. Она завернула в записку темное семячко подсолнуха и написала:

«Боец, береги это семячко! Пока оно будет с тобой, ты останешься жив!». И я берег его, так как был, подобно многим в войну, чуточку суверен.

Так вот, в свой кисет я прятал письма жены, с которыми не расставался. Кисет распухал, я таскал его в кармане брюк, пока было возможно...

Письма поддерживали связь с близкими, жили своей особой судьбой, продолжавшейся часто тогда, когда написавшего их не было уже в живых.

Стремясь записать то, что я знал и что рассказали мне мои товарищи по Оперативной группе писателей при Политуправлении Краснознаменного Балтийского флота, я и назвал эти записки: «Письма с Балтики».

Работа над «Письмами с Балтики» была мне поручена Оперативной группой писателей ПУБАЛТА.

Надо сказать, что, помимо стихотворений, корреспонденций, индивидуальных работ, входивших в общий план группы, утверждавшийся ее руководителем Вс. Вишневским, были у нас задания, за которые отвечал весь коллектив. К их числу относилась подготовка сборников «Боевая краснофлотская поэзия» (осень 1941—весна 1942 г.), «Балтийцы в боях», выпущенного в 1942 г. Ленинградским отделением издательства «Художественная литература» по рекомендации ПУБАЛТА, постановка написанной тремя участниками Оперативной группы ПУ КБФ — Вс. Вишневским, А. Кроном и мной — к двадцатипятилетию Октября героической комедии «Раскинулось море широко».

Наш коллективный труд, обусловленный фронтовой обстановкой, спланировал группу моряков-писателей.

В обязанности оперативной группы входило и собирание для отдельного издания произведений погибших товарищей. Так, в годы войны в Москве вышли подготовленные группой сборники произведений Юрия Инге и Алексея Лебедева.

«Письма с Балтики», порученные мне, в какой-то мере тоже являлись нашим коллективным отчетом. Вот почему до опубликования эти очерки пристрасно обсуждались Вс. Вишневским, А. Зониным, А. Кроном, А. Тарасенковым и другими моими товарищами. Я вспоминаю имена и думаю о том, что большинства моих фронтовых друзей — И. Е. Амурского, В. В. Вишневого, его жены — художницы С. К. Вишневецкой, А. И. Зонина, А. К. Тарасенкова, Н. К. Чуковского, А. Я. Яшина, входивших в разное время в Оперативную группу писателей ПУ КБФ, — уже нет в живых.

Всеволод Вишневский, хорошо понимавший значение зафиксированного материала, сказал тогда, когда я прочитал группе «Письма с Балтики»: «Странно слушать о себе, о своей работе в историческом плане». И действительно, тогда все это было нашим текущим трудом. И все же, не преувеличивая значимости написанного, мы понимали свою ответственность перед читателем. Ведь писали мы о событиях и о людях, жизнь которых была частью борьбы и жизни осажденного города.

Сегодня, перечитывая давние записи, я считаю своим долгом сохранить их основной материал, их точность. Современный читатель простит мои записки за некоторую наивность и прямолинейность. Этим мы жили, так мы чувствовали.

Время проверило писательскую работу. Она измеряется не только томами романов, пьесами, сборниками стихов, среди которых мы с благодарностью вспоминаем «Блокадные дневники» и «У стен Ленинграда» Вс. Вишневого, роман «Дом и корабль» и пьесы «Офицер флота» и «Второе дыхание» А. Крона, роман Н. Чуковского «Балтийское небо», «В море погасли огни» П. Капицы, прозу и драматургию А. Штейна, летопись Ораниенбаум-

ской «малой земли» Л. Успенского, документальную прозу В. Рудного, Н. Михайловского, И. Амурского, Г. Мирошниченко, книги стихов Н. Брауна, А. Яшина, А. Зонина.

Публикуя «Письма с Балтики», я внес в ряде мест необходимые дополнения, основанные на фактическом материале, ставшем нам известным позднее. «Письма с Балтики» охватывают преимущественно первые два года Великой Отечественной войны и участия в ней Оперативной группы писателей-моряков.

1

В предвоенные годы в Ленинграде работало много видных и только входивших в жизнь литераторов, чье творчество в значительной степени, а иногда и целиком было связано с морем. Всеволод Вишневский, Леонид Соболев, Борис Лавренев, Сергей Колбасьев, Александр Зонин, Сергей Абрамович-Блек, Владимир Кнехт-Петровский. Я мог бы включить в этот ряд и своих товарищей поэтов Алексея Лебедева, Юрия Инге, Бориса Соловьева, прозаиков Николая Чуковского, Петра Капицу, драматургов Иоганна Зельцера, Алексея Зиновьева, Александра Штейна, чье творчество, посвященное морской теме, развивалось уже непосредственно перед войной.

Мы общались в ту пору в редакции выходившего в Ленинграде журнала «Краснофлотец». Там можно было встретить высокого, немного иронически, в то же время добросердечно глядящего через толстые стекла очков Бориса Андреевича Лавренева и русоволосого крепыша в курсантской форме, с палахом, с отчетливой картавостью читавшего свои стихи Алексея Лебедева. И попыхивавшего прокуренной английской трубкой, в морской форме, ходившего даже летом для флотского шика в элегантных черных перчатках автора романа «Невидимый адмирал» Абрамовича-Блека. И многих, многих других. . .

Вторым центром морского притяжения было Военно-морское издательство, выросшее из редакционно-издательского отдела ПУБАЛТА. Оно размещалось недалеко от площади Труда, на набережной Красного флота, 38. Ленинград, город вековых морских традиций, высших военно-морских училищ, давших стране многих талантливых командиров, славных флотоводцев, наконец, Ленинград — брат Кронштадта, гранитной цитадели Краснознаменного Балтийского флота, самим своим существом будоражил воображение, давал толчок к созданию новых произведений во славу Флота.

Кораблик Адмиралтейства плыл над нами, взнесенный золотым шпилем. Флаги времен Чесмы, Гангута, выполненные с предельным тщанием модели старых русских кораблей, носивших имена мифических героев древности, названных в честь минувших сражений, морские приборы, лоснившиеся тусклым блеском торпеды,

черные рогатые шары мин — все это волновало меня своей тайной в Морском музее.

К тому времени истории жизни людей, создавших славу русскому флоту, достойных адмиралов выходили уже из пелены забвения. Флот готовился к новой большой войне, и ему нужны были героические примеры. Вот почему в один, кажется мне, весенний день многие из нас, старых «морских волков» и молодых «салажат», были собраны в кабинете начальника Военно-морского издательства Сергея Федоровича Найды для деловой беседы.

Речь шла о создании ряда книг, посвященных героическому прошлому русского военно-морского флота, его руководителям, его революционным кораблям. В Ленинграде на улице Халтурина испокон лет существует Центральный военно-морской архив, в нем и сегодня хранится свод документов многовековой героической истории дореволюционного и Советского Военно-Морского Флота.

Нам предлагалось войти, окунуться в этот удивительный мир, где сдержанные сухие донесения вдруг оживают и становятся исповедью человеческих судеб, где история кораблей прослежена от закладки и до последнего вздоха погружения на глубину моря, где беспощадные выкрики царских прокуроров ничто в сравнении с мужеством, моральной силой, записанных па измятых клочках бумаги предсмертных слов их жертв, чистых душой, смелых революционных матросов. Моряк-декабрист на Сенатской площади, и невысокого роста адмирал, хладнокровно стоящий под огнем на севастопольском бастионе, и высоколобый синеглазый лейтенант царского флота, поднявший во главе матросов красный флаг восстания на крейсере — все они оживали в залах архива: стоило развязать тесьму, приоткрыть папки, чтобы услышать гневные и страстные их голоса.

Вот какую увлекательную работу, связанную с розысками, а иногда и интереснейшими открытиями, предложило нам тогда Военно-морское издательство.

Почему я выбрал для себя историю моряков «Очакова», сподвижников лейтенанта Шмидта?

Может быть, потому, что еще в Одессе юношеское любопытство свело меня с коротавшими свой век после царской каторги, после борьбы в годы гражданской войны старыми матросами, участниками восстания на крейсере «Очаков», знавшими Шмидта лично.

А может быть, потому, что мне посоветовал остановиться на истории «Очакова» недавно появившийся в Ленинграде, увлеченно занимавшийся морской историей Александр Ильич Зонин?

Зонин был человеком сложным, противоречивым.

Багрицкий в стихах, обращенных к комсомольцу-поэту Николаю Дементьеву, писал: «Десять лет разницы — это пустяки». Действительно, когда оглядываешься па пережитое и сравниваешь с хождением по курсу более молодых товарищей, кажется, что задуманное тобой органически становится и их жизнью.

Так и с Зониным: в последние годы нашего знакомства и дружбы мне было легко не разделять наших морских путей, хотя между нами по возрасту действительно существовала двенадцатилетняя разница. Первоначально с Александром Ильичом мы сошлись в привязанности к Черному морю, к югу.

Элегантно одетый, с орденом Красного Знамени на пиджаке, Зонин казался мне в те годы значительно старше своего истинного возраста. Ему было тридцать семь лет, но уже в девятнадцать он освобождал Одессу от белых и интервентов, а потом были бои под Полоцком, Ровно...

Комиссар полка, редактор фронтовых газет, делегат X съезда партии... Вместе с другими делегатами съезда, рядом с молодым Фадеевым он по льду Финского залива шел на Кронштадт. Оттуда били орудия главного калибра кораблей, захваченных белогвардейской нечистью, стреляли мятежные форты. Коммунисты тонули в кипящих воронках, пробитых снарядами во льду. Кровь на белых ледяных полях быстро чернела. Цепи красноармейцев с криками «ура» приближались к острову. За участие в штурме Кронштадта свой первый орден Зонин получил из рук Ворошилова.

Потом он работал в Москве в ПУРе, затем — редактором «Туркестанской правды», был членом Среднеазиатского бюро ЦК РКП(б). Там он познакомился с Борисом Лаврениным, писавшим в этой газете стихотворные фельетоны.

Такова была первая жизнь Александра Зонина. Я называю этот этап жизнью, ибо для многих того, что испытал и сделал для революции этот молодой человек, могло бы хватить с избытком до конца дней.

Потом он стал бойцом литературных битв, одним из ведущих критиков РАПП. К этому периоду относится его дружба с Александром Фадеевым, Юрием Либединским, Валерией Герасимовой.

Когда мы познакомились с Зониным, РАПП уже прекратила свое существование. Многие пересмотрев и передумав, Александр Ильич Зонин обратился к тому, что стало для него предметом труда и вдохновения на долгие годы. Он занялся историей военноморского флота.

Обратившись к жизни замечательного русского флотоводца адмирала Нахимова, писатель увлекся новыми морскими героями, наследниками морской славы.

Зонин был увлекающейся натурой. Влюбляясь в героя, пристально изучая обстоятельства, сформировавшие его характер, Александр Ильич вовлекал в свой круг интересов других. Так родилось в грозном декабре 1939 г. в каюте эскадренного миноносца «Ленин» замечательное произведение о зонинском герое — «Смерть Нахимова»,¹ написанное курсантом-фрунзенцем Алексеем Лебедевым под влиянием бесед со своим старшим другом.

¹ А. Лебедев. Лирика моря. Л., 1940, стр. 42.

чением сего отбыть для прохождения службы в Политуправление Краснознаменного Балтийского флота в Кронштадт».

Все было внове: приземистый, попыхивающий черной трубой буксир, Ленинградская набережная, широкие прямые улицы легендарного флотского островного города, памятник адмиралу Макарову, возвышающийся на Якорной площади возле огромного, видного издалека собора. И бронзовый Петр, глядящий на новые грозные корабли родного его сердцу русского флота. И переключка горнов, и время, отбиваемое рындами, и все то, что стало дорого мне с того дня уже на всю жизнь.

Сперва я был назначен в политотдел Кронштадтского Учебного отряда, позднее стажером в многотиражку неправдоподобно огромного, как мне тогда показалось, линкора «Марат».

Пронзительные сигналы «ревуна», частые боевые тревоги...

В каюте нашей редакции всегда толпился народ, краснофлотцы, военкоры...

Помню, с каким нетерпением ждали мы с Алексеем Зиновьевым огонь главного калибра. В Отечественную войну подобных «впечатлений» нам хватило с избытком! А сейчас мы записывали рассказы краснофлотцев и командиров о боевых буднях. Писали маленькие очерки, короткие стихи в свою многотиражную газету.

Мои товарищи служили корреспондентами на других кораблях и соединениях. Встречаясь в ПУБАЛТе, мы, как заправские «морские волки», делились с Юрой Инге пережитым...

Часовые в огромных тулупах проверяли пропуска.

Сильный мороз резал лицо, леденил дыхание. Полы шинели звенели, словно они были сделаны из металла. Мы расходились на корабли.

Вспоминая первую пору нашей флотской жизни, я повторяю про себя строчки Инге, сказанные от чистого сердца за всех нас:

Года пролетят,
мы состаримся с ними,
Но слава балтийцев,
она — на века.
И счастлив я тем,
что прочтут мое имя
Средь выцветших строк
боевого листка!²

2

Дорогой друг! Как давно мы не виделись с тобой. Я прочел в газете твои суровые скупые стихи, написанные в южных степях под Сталинградом, и вспомнил о наших встречах, бессонных ночах, проведенных в спорах, о дальних, чудесных наших дорогах.

² Ю. Инге. Золотой век. Стихи. Л., 1957, стр. 162.

взводом передовых мужественных бойцов, находящихся на линии огня: «Они не отстали от стремительного победного движения. Их оружие не заржавело. На линию огня вывел «красных партизан Александр Фадеев, собирает с Тихого Дона большевиков-казаков Шолохов, и вывел в бой балтийских революционных матросов Всеволод Вишневский».

Островский с большой внутренней правотой и убежденной силой высказал требования, которые наш народ справедливо предъявляет писателям: «Воспитание мужества, отваги, беззаветная преданность революции, ненависть к врагам — наши законы». ... «Враг встретит у нас лишь одно: смерть и уничтожение... В вооруженной борьбе молодой боец Советской страны знает лишь одну цель, одно стремление — уничтожить врага. Любовь к Родине, помноженная на ненависть к врагу, — только такая любовь принесет нам победу».

И в Отечественную войну, как в гражданскую, как в дни боев на Хасане, Халхин-Голе, в Финляндии, в Испании, писатели вновь пришли на линию огня.

3

Узкие, средневековые улочки Таллина, устойчивая каменная кладка косоугольных домов и церквей, голубые, красные, глянцевиые праздничные автобусы, легко взбирающиеся в гору, широкая площадь, над которой курится утренний белый дымок и взлетают сизые ручные голуби.

У киоска очередь за свежими газетами «Коммунист» и «Советская Эстония». Вот эстонская девочка с красным галстуком на светлой блузке. Много солнца, много цветов. Это — город в первые дни войны, в июньском небе гудение самолетов, на часовых у правительственных зданий зеленые металлические каски.

Рауа, 35. Редакция «Красного Балтийского флота».

Журналист Петр Звонков, неутомимый в своих поисках боевого интересного материала, смелый, слегка насмешливый поэт Юрий Инге, совсем молодой, задорный поэт-краснофлотец Василий Скрылев, Марк Гейзель — сотрудник сатирического отдела боевой балтийской «Полундры».

О «Полундре» хорошо впоследствии написал Николай Браун, также создавший немало хлестких сатирических стихов, облетевших Балтику:

Когда грозой окутав дали,
В родные воды вторгся враг,
«Полундра!» — моряки сказали
На всех балтийских кораблях!
Тогда «Полундра!» мы сказали.
Вперед, работники пера!

И в миг врага на мушку взяли
Сатиры нашей мастера.
И все отряды слово дружно
Перековали мы на штык,
И даже лирики оружие
На сатирический язык.

Когда началась Отечественная война, мне было двадцать восемь лет. После того как я побывал зимой 1940/41 г. в Крон-

штадте, на кораблях, я не чувствовал себя в обстановке фронтовой редакции абсолютным новичком.

И все же в те первые дни войны всем нам, флотским литераторам, пришлось столкнуться с особой обстановкой и требованиями. Помню, как в Политуправлении флота начальник отдела пропаганды и агитации полковой комиссар Добролюбов взглянул на меня красными от бессонницы глазами. Он спросил: «Немецкий язык знаешь?». Я ответил утвердительно. Тогда он приказал: «Пиши листовку для немецких матросов с призывом сдаваться в плен!».

Признаюсь, что даже для меня, воспитанного, как и все мое поколение, в духе пролетарского интернационализма, это предложение было неожиданным. Но приказ есть приказ. Я написал текст листовки.

Я не знаю дальнейшую ее судьбу. Но если она даже дошла до немцев, вряд ли эта листовка достигла тогда своей прямой цели. Позднее, в осажденном Ленинграде, я писал такие листовки для Политуправления Ленфронта с более успешным результатом. Но тогда!

Зато силу нашего сатирического оружия мы проверили на деле.

Плакаты рисовал художник-краснофлотец Лев Самойлов. Живой, остроумный, он был не только прекрасным рисовальщиком, но и выдумщиком тем. Плакаты создавались в течение всей таллинской обороны.

У меня сохранился плакат с моей подписью, изображающий пойманного фашистского лазутчика, моряки ведут его за длинный змеиный язык. Наборщики в эстонской типографии, где печатались плакаты «Бьем», в спешке не успели раскрасить волосы краснофлотцев. На рисунке эти молодые ребята кажутся седыми.

У сатирического отдела «Полундра» была хорошая боевая традиция. Да, она шла от Маяковского. А потом ее продолжили другие. Несомненна заслуга художника Самойлова, придумавшего «Полундру» вместе с редактором газеты «Красный Балтийский флот» Львом Осиповым, избравшим для себя псевдоним «Лев морской». В Таллине газету редактировал полковой комиссар Г. Бороздкин, также понимавший значение сатирического жанра.

Освоенное нами тогда оружие было отточено опытом таких бойцов, как Вс. Вишневский, В. И. Лебедев-Кумач, Л. Соболев.

Оружие сатиры служило безотказно флоту всю войну.

Помимо учета того, что сделали в области сатиры, хлесткого памфлета Василий Иванович Лебедев-Кумач и Леонид Соболев во время боев с белофиннами и что продолжал в своей работе публициста во время Отечественной войны Всеволод Вишневский, коллектив сотрудников «Полундры» газеты «Красный Балтийский флот» учился и на примере сатириков гражданской войны Владимира Маяковского, Демьяна Бедного.

Мы вспоминали, как была вездесуща на флоте зимою 1939/40 г. тройца богатырей — Вишнеvский, Лебедев-Кумач, Соболев. Их так и называли — «балтийская полундра»! Они выступали, работали сообща и вместе с ними шло какое-то железное здоровье, бодрость, боевой задор, воодушевлявший краснофлотцев.

Отечественная война призвала и нас овладеть этим мобильным оружием.

... Комната дежурного по редакции. Сегодня ночью дежурит Инге. Звонят телефоны — корреспонденты передают короткие заметки непосредственно из района боев. После двух часов ночи звонки стихают.

Самойлов предлагает тему для нового плаката. Инге шагает по комнате, придумывая текст. В нем вспоминается разгром псоврыцарей на Чудском озере, потопление немецкого флота на Балтике в первую мировую войну, крах немецких интервентов на Украине в годы гражданской войны. Такая же участь ждет и полчища Гитлера.

Художник рисует на ватмане тевтонцев в рогатых касках, проваливающихся вместе с конями под лед, взрывающиеся немецкие дредноуты.

... Когда эстонец-наборщик принес свежий оттиск красочного злого плаката, он сказал автору стихов: «Товарищ Инге! Если бы вы попались Гитлеру в руки, он повесил бы вас только вот за это!».

Тексты поэтов, карикатуры со страниц «Красного Балтийского флота» уж без подписи, как свое, законное, мгновенно перекочевывали в десятки боевых листов.

Здесь в работе злых, веселых авторов «Полундры» особенно сказались боевые традиции Окон РОСТА Владимира Маяковского. Это переключка двух поколений, двух войн, ответ на призыв поэта революции, который в предисловии к своей книге «Фронтальная сатира» записал: «Это не столько чтение, сколько пособие для времен, когда опять придется крикнуть:

Голой рукой
нас не возьмешь!
Товарищи,
все за оружие!
Красная Армия —
красный еж —
железная сила содружия».³

От «Полундры» в июне — августе 1941 г. родились и пошли на Балтийский флот красочные плакаты «Бьем», подписанные Н. Браунм, Ю. Инге, В. Скрылевым, М. Гейзелем, О. Цехновицером, Вс. Азаровым.

На фортах, в ленинских каютах кораблей, в приветливых землянках, на аэродромах долго мы встречали еще потом эти

³ В. Маяковский. Полн. собр. соч., т. XII. М., 1959, стр. 209.

хлесткие, злые плакаты. Часть их была издана и на эстонском языке. И когда немецкие автоматчики, бешено поливая дорогу свинцом, убивая женщин, детей, зрывались в эстонские селения, со стен пылающих зданий их клеймили яркие рисунки, издавались антифашистские строки.

В этом письме мне хочется рассказать тебе о товарище, связавшем свою жизнь крепко-накрепко с Краснознаменным Балтийским флотом, о нашем друге Юрии Инге.

В ранних стихах Инге была восторженная любовь к морю, его людям. Инге выражал ее тогда празднично, абстрактно: «Эх, матросы, — клеши на сто двадцать, эх, матросы, — ленты да наган». Но это не было простое юношеское увлечение, ведь оно шло от биографии, от морского пригорода Ленинграда — Стрельны, где 14 декабря 1905 г. родился Инге, от того, что дед его был лоцманом, а отец служил в порту.

В Инге жила тяга к дорогам, к тому, о чем думал Маяковский, когда писал, что «поэзия — вся — езда в неизвестное». Инге бывал в Мурманске и Сухуме, в Хибинах и на Ткварчелстрое, но больше всего он любил наш Ленинград, Балтику.

Северное море, героика будней военных моряков обогатили внутренний мир поэзии Юрия Инге, стали за последние годы основной темой его творчества.

Большевистский поэт-агитатор, он гордился своим участием в низовой краснофлотской печати. В дни боев с белофиннами его добросовестная, четкая работа во фронтовой газете была само собой разумеющимся делом, логически вытекающим из его творческой целеустремленности. Ему выпала честь участвовать в десантных операциях и боевых походах. Сборник стихов «Город на Балтике», посвященный героям флота, стал значительной книгой Инге.

И вот последние стихи, написанные уже в дни Отечественной войны, строки, которые будут жить еще долго.

Над всей газетной полосой зовет бойцов на подвиг стихотворный лозунг. Стихи набраны рядом с оперативной сводкой. Свою новую книгу Инге хотел назвать «Действующий флот».

Кровью набухающее море
Кажется суровым и седым,
Вдовьих слез, насилия и горя
Никогда врагу мы не простим.⁴

Поэт видел разрушенный дом, искаженные смертью черты жертв гитлеровских бандитов. А портрет улыбающейся молодой женщины еще висел на стене разбомбленной комнаты:

И всем, кто видел скрюченное тело,
Казалось вдруг, что женщина тепла,
Что карточка от ужаса темнела,
И мертвая смеялась и жила.

⁴ Боевая краснофлотская поэзия, вып. VIII. Л., 1941, стр. 6.

Каждым своим боевым антифашистским стихотворением вторял Инге вместе со всем советским народом нашу нерушимую клятву:

Мы гордые люди, мы связаны клятвой,
Стране и вождям присягаем своим,
Мы кинули клич, величавый и краткий,
Мы бьемся за правду, и мы победим!

28 августа 1941 г. в 18 час. 35 мин., участвуя в боевой операции балтийских кораблей по прорыву из Таллина в Кронштадт, Инге погиб.

Но стихи его продолжают звучать со страниц балтийских газет. Мы не заключаем в черную рамку его фамилии, ведь стихи живут, а не в этом ли жизнь и создавшего их человека!

4

В героическом переходе нашего флота из Таллина в Кронштадт участвовал и ленинградский поэт Николай Браун. Он тонул, но нашел в себе силы для того, чтобы выплыть и спасти других.

На маленькой шхуне, где было много раненых, детей, женщин, Браун неожиданно вспомнил одну из профессий своей юности. Он организовал санитарный пункт, чтобы облегчить людям страдания. Он нашел в себе такие внутренние возможности, о которых раньше, пожалуй, и не подозревал.

Николай Браун уже тогда виделся мне представителем старшего поколения ленинградских поэтов. Выросший в учительской семье, в селе Тульской области, он приехал в начале двадцатых годов в Ленинград. Здесь в 1926 г. вышла первая книга его стихов «Мир и мастер». Я и поныне помню строки из нее, услышанные мною впервые в Одессе в 1929 г. на вечере ленинградского журнала «Звезда» в авторском чтении.

Над слухом человеческим,
Над площадью земли
Плывут мои словесные,
Плывут мои певучие,
Цветные корабли.⁵

Кто мог знать, что пройдут годы и война соединит нас на других кораблях Краснознаменного Балтийского флота, побратает в блокадном Ленинграде.

В Таллине мы работали с Брауном в разное время.

В Таллинском переходе я не участвовал. В июле 1941 г. редакция «Красного Балтийского флота» была переведена в Ленинград. Помню, как мы с Инге, вооруженные винтовками, ехали на полutorке к Нарве. Где-то вблизи был выброшен с самолетов переодетый в милицейскую форму десант гитлеровцев. Мы видели, как вылавливали этих лазутчиков.

⁵ Н. Браун. Новый круг. Л., 1928, стр. 7.

А потом, приехав в солнечный, прекрасный и тогда еще относительно спокойный Ленинград, мы пришли домой к Инге на Пушкинскую (моя семья была уже эвакуирована), поставили в угол винтовки. И Юра держал высоко в руках маленького сына Сережку.⁶

Вскоре редакции приказано было возвратиться на главную базу флота. Но меня послали в Кронштадт организовывать новую многотиражную газету кронштадтских фортов. Как завидовал я своему другу Юрию Инге и уехавшему вместе с ним в Таллин Николаю Брауну! Позднее Браун вернулся. А Инге нет.

В последние дни обороны Таллина Браун писал:

Ударим так, как наши деды,
Припомним славный русский флот,
Все, все для фронта, для победы,
И враг могилу здесь найдет.

Эти стихи были напечатаны в газете рядом с обращением Военного Совета, рядом с боевыми корреспонденциями Вс. Вишневого, Н. Михайловского, А. Тарасенкова.

От этой клятвы поэта за себя и за других выросли все тогдашние боевые стихи Брауна. Гневная, живая некрасовская интонация предвоенных стихотворений Брауна оживает здесь с особой силой:

Нет, черной своре не придется
Топтать народную любовь!
Как наше сердце гневно бьется,
Как дышит ненавистью кровь!

И сразу вспоминаются строки Некрасова: «То сердце не научится любить, которое устало ненавидеть».

Песни Николая Брауна были очень близки к песням народа. В особенности хороши идущие от народного сказа: «Шли балтийцы, наступали» и песня «О трех соколах». Прослушаешь раз — и тотчас запоминаешь накрепко уже и надолго.

Вылетая — попрощались,
На прощанье обнялись,
Храбро биться обещались.
Крепкой дружбой поклялись.

Клятву соколы сдержали,
Клятву верную свою,
И навстречу ясной дали
В боевом пошли строю.⁷

Или вот скорбная песня о балтийце-мстителе:

Горе черное умчится,
Но запомнят, как в боях
За товарища балтийцы
Отомстили в тех краях,
В дорогих своих краях.⁸

⁶ С. Г. Инге-Вечтомов, кандидат биологических наук, в 1972 г. за цикл работ «Исследование структуры и функции гена в системе генотипа» удостоен премии Ленинского комсомола.

⁷ Н. Браун. Военная весна. Л., 1943, стр. 48.

⁸ Боевая краснофлотская поэзия, вып. XIII. Л., 1942, стр. 5.

Радостно поэту, когда песню его поднимают тысячи голосов, когда, призывая, идет она впереди отрядов морской пехоты, звучит над кораблями.

5

Я хочу рассказать тебе о том, как самоотверженно и вдохновенно работал и работает на Балтике Всеволод Вишневский. Может быть, для нас это самый яркий образец того, каким должен быть писатель народа в дни войны, ломки, тяжчайших испытаний, когда судьба твоя, твоих детей, внуков, правнуков колеблется, когда от твоего личного мужества, умения противостоять кровавой изуверской тирании решается вопрос — быть ли всем нам свободными или навеки надеть ярмо раба.

Это не воспоминания и не дневник. Это попытка занести на бумагу некоторые штрихи неповторимой жизни, благородного мужества, горя утрат, радости побед.

Когда Вишневский выступает, внимание слушателей приковано к каждому его слову. Он вдохновляет и приказывает, в речп сочетаются трогательная забота и суровое мужество бойца.

... Десант моряков. Лучше из лучших, комсомольцы, храбрые ребята, доказывающие в этой операции, что они достойны вступить в ряды партии, стояли на берегу. Вишневский заговорил с ними просто, без тени аффектации. Он рассказывал о героическом примере отцов этих молодых моряков, воскрешал образы людей, погибших в боях, чья слава шумит над ковылями Украины, встает над Волгой, рассекает волны перед Толбухиным маяком.

И когда писатель глухим, сдержанным от волнения голосом проговорил: «От отцов, старших братьев-балтийцев передаю эстафету вам, молодежи», — взгляд его упал на самого юного, ясноглазого моряка, с пулеметными лентами, перекрещенными па груди. И он сказал: «Всех обнять вас, сынки, не могу, одного обниму за всех», — и крепко прижал к груди балтийца.

Я, наверно, нескладно тебе об этом рассказываю. Но у всех нас в ту ночь было такое чувство, словно мы прикоснулись к самому дорогому, что мы привыкли называть общим и неточным словом — душа.

Мы видели Вишневого в Таллине.

На линкорах, крейсерах, аэродромах — встречи со старыми, испытанными друзьями. Статьи, очерки в «Красном Балтийском флоте», «Советской Эстонии», острые оперативные корреспонденции для «Правды», листовки, тексты воззваний на русском, эстонском, немецком языках.

Первый боевой очерк Вишневого в «Красной звезде» — 23 июня 1941 г. — назван как лозунг: «Немцев били, бьем и будем бить».

Оживают величавые образы русской истории, семивековой победоносной борьбы нашего народа с немецкими захватчиками.

«Поклянемся же перед Красным Знаменем нашим, перед своей совестью, перед историей: пойдем в бой и мы, насмерть раздавим гадину — фашизм».

Уже стали редкими июльские, августовские номера газет. Сами названия статей говорят о том, где находился человек, писавший их, свидетелем каких подвигов он был. «Моряки на эстонском фронте», с пометкой внизу: «Район фронта, ночь на 14 июля 1941 г.», «Ожесточенные бои за Таллин». И подвал в «Советской Эстонии» — оттиск верстки, набранной в тот день, когда ценой крови, благодаря перевесу в технике, в живой силе, фашистам удалось подойти к стенам старого Таллина.

Не статью читаешь, живой голос трибуна звучит победно со страницы: «Вот уходит в бой еще один морской отряд... посмотришь, и отзовется душа, стукнет сердце: сынки дорогие, сейчас жизнь, судьба спрашивает, глядя испытующе тебе в глаза: ну, а ты какой породы? Сумей дать ответ, товарищ!».

Если бы собрать все балтийские очерки Вишневского один к одному, получилась бы боевая, полная нежной любви к Родине, жгучей ненависти к врагу книга огромной взрывной силы.

Помимо мастерски написанных боевых очерков здесь публиковались занявшие несколько полос «Советской Эстонии» работы: большой проникновенный поэтический очерк «Что видел и знает старый Таллин»; интереснейшая работа «Германия стонет» (письма, найденные у пленных, и беседы с пленными) и ее антитеза «Голос москвичей и ленинградцев» (письма, полученные балтийцами от их семей).

Так работал Вишневский в самые напряженные, грозные для Ленинграда, флота, всей нашей Родины дни.

Я был в Кронштадте в дни последнего периода обороны Таллина. Эти строки пишутся по заметкам моих близких товарищей, по стирающимся уже теперь скудным, карандашным записям, газетам, из огромного тиража которых уцелели сегодня один-два номера.

Август 1941 г. Таллин в кровавом и черном дыму пожаров. Корабли с рейда били по наступающим фашистским колоннам. Вишневский успевал быть всюду.

У меня в руках листок с пометкой: «19 августа, 19 часов» — доклад в батальоне моряков, которым предстояло до последнего защищать передовую линию подступов к Ленинграду. Вишневский перед докладом волновался. Тезисы: изучать местность, уязвимые места свои и противника. Засады. Доски с гвоздями, волчьи ямы. Связь отработать. Бдительность. И два раза подчеркнутое — единство, упорство.

Синие сумерки светились в высоких окнах гимнастического зала, где происходил митинг. Здесь были юноши, были люди старших призывных возрастов. Они слушали напряженно.

Ночью, возвратясь с доклада, Вишневский записал в своем дневнике: «До невероятности остро этот сбор напомнил мне сборы

наших отрядов в 1917—1919 гг. Было почти совсем темно, когда кончилось собрание. Стекла задрожали от краснофлотского „ура“».

«Энергия масс, неиссякаемые глубинные источники народного духа, выносливость, организация, учет нового опыта и труд должны дать нам победу в этой небывалой, исключительной войне. Мы хотим этой победы денно и нощно, мы трудимся для нее».

«Перспектива рабства — о чем кричит народам Гитлер — вызывает в наших людях злобу, отвращение и решимость биться упорно, до конца».

Через час после митинга батальон моряков выступил на фронт. И горячие, убеждающие слова шли вместе с бойцами в атаку.

Таллинские коммунисты, комсомольцы — те, кому дорога грядущая судьба народа, братская его привязанность к социалистическому отечеству, — долго будут вспоминать и в страшном подполье, и в недалекие уже дни освобождения от ига фашистских захватчиков (эти строки писались в 1942 г., — *Вс. А.*) вдохновенное выступление русского писателя, полное глубокого уважения к братскому эстонскому народу. С благодарностью и надолго запомнились и очерки о 700-летию Таллина, и материалы о первом эстонце — Герое Советского Союза Арнольде Мери, и впечатления о таллинских боях.

Тяжело ворочаются валы ротационной машины. Лист к листу складываются свежие номера «Красного Балтийского флота», «Советской Эстонии». В них приказ правительства, Военного Совета драться до последнего; на первой полосе статья Вишневского «Балтфлот действует», проникновенные стихи Николая Брауна и Юрия Инге, антифашистский фельетон Марка Гейзеля.

В походной типографии газеты зенитчиков правил последние строки верстки Анатолий Тарасенков. Впоследствии в стихотворении «Из военного дневника» он записал:

... немецкие войска
Все яростнее рвутся в Таллин, к морю.
Рази их, сталь балтийского штыка,
И пусть не дрогнет под огнем рука —
Записывай, газетчик и историк.

... Он будет жарок, наш весенний бой.
Идя на запад, в громе грозной стали,
В дыму, в огне мы свидимся с тобой,
Мой флотский дом, мой древний город Таллин!

Писатель идет на передовую, рассказывает молодым, как нужно окапываться, вместе с комиссарами Балтики формирует ударные отряды. Точно так же участвовал в обороне Таллина профессор Ленинградского университета, чудесный товарищ Орест Цехновицер. Так работали героически погибшие корреспондент «Комсомольской правды» Яков Гринберг и ленинградские писатели Филипп Князев, Евгений Соболевский, Андрей Селифонов.

Вой, удушливый запах рвущихся мин. Вперед уходят все новые и новые отряды.

Когда людская волна частично спадает, под непрекращающимся орудийным ревом, скрежетом, человек берет в руки карандаш, разбухшую от записей клеенчатую тетрадку и в строчках запечатлевает все: и бросок матросских отрядов, и мучительный стон раненых, и отвагу балтийского комиссара, и синий клочок неба.

... В Кронштадте Вишневский записал: «История поставит прорыв Балтийского флота в одном ряду с альпийским походом Суворова, десантами и рейдами времен Октября, гражданской войны».

Флот героически вырвался из окружения.

Была осень 1941 г., грозная пора решающей битвы за Ленинград.

Ночь. Утихли зенитки, луна, белая, демаскирующая город, выплыла из-за черных, разодранных боем облаков. Радио — оно только что передавало отчетливый убыстренный стук метронома — снова заговорило страстно, человечески горячо. Выступавший волновался. Его слушали, затаив дыхание, друзья, ему не могли помешать грохотом своих орудий враги.

«Родной Ленинград! Сколько тебе отдано сил и любви... Помните вы девятнадцатый год! Бои шли у окраин, на подступах к Путиловскому и Ижорскому заводам. Город покрылся баррикадами, заграждениями — умрем, но Питера не сдадим!

Это была воля народа... Отступить запрещено: позади великий город, родоначальник всей нашей революции».

Слушали путиловцы, слушали ижорцы, слушала Балтика, и так властно и убежденно было это слово, что даже вой новой волны фашистских бомбардировщиков не оборвал его.

Речь заканчивалась под новым шквалом огня.

Черные рупоры на опустевших улицах, репродукторы в бомбоубежищах разносили: «За свое счастье, за народ, за наши семьи, за все, за все, что нам мило, дорого, за наше советское, русское. Этого, жизни своей, семьи своей, дома родного — мы не отдадим!».

6

Много лет спустя, когда события, описываемые в этих письмах, стали предметом диссертаций, солидных исследований историков, я отыскал в хранящемся в Центральном военно-морском архиве «Личном деле» В. В. Вишневского любопытный документ.

«Было бы хорошо, — писал в 1939 г. Всеволод Вишневский заместителю народного комиссара Военно-Морского Флота СССР армейскому комиссару 2-го ранга И. В. Рогову, — если бы флот заранее учел свои морские литературные кадры и заранее наметил путь их использования.

С радостью вижу я и другие морские писатели, что ныне дело флота двинулось быстрыми шагами вперед. Этому делу мы готовы

помочь всеми силами. Вопросы литературной работы в мирное и военное время весьма важны. Необходимы практические шаги для плодотворной связи писателей с военным флотом СССР».

То, чем Вишневский занимался в мирное время, стало предметом его особых забот с первых дней Великой Отечественной войны.

Когда-то он, пришедший юношей служить на Балтику после окончания гражданской войны, краснофлотец Илья Амурский, штурман Леонид Соболев организовали в Кронштадте литературную группу военморов «Алые вымпела».

Теперь военная судьба вновь свела бригадного комиссара Вишневского и батальонного комиссара Амурского на Балтике.

Амурский служил в редакции газеты «Красный Балтийский флот», особое внимание уделял он в своей работе фронтового журналиста кораблям эскадры.

На линейных кораблях «Марат» и «Октябрьская революция» редакторами многотиражных газет служили старший политрук Иоганн Зельцер, также участник литературного движения на Балтике в 20-е годы, и старший политрук Александр Штейн.

Вишневский тяжело переживал гибель многих литераторов и военных журналистов во время таллинского перехода.

Николай Михайловский, корреспондент «Правды», Анатолий Тарасенков, с которым Вишневский долгие годы работал в журнале — трибуне военных литераторов — «Знамя», чудом не погибли во время перехода из Таллина в Кронштадт. Они тонули и спаслись.

Вишневский знал: хорошо держался во время Таллинского перехода и полковой комиссар, автор повести «Юнармия» Григорий Мирошниченко. Он помогал гасить панику во время налетов вражеской авиации, взрывов мин.

Мужественно, как и подобало ему, вел себя писатель-краснознаемец, участник подавления кронштадтского мятежа, Александр Зонин. Зонин был первым из моих товарищей, кого я встретил в Кронштадте после перехода. Он рассказывал, как на Гогланде, куда пришел перед Кронштадтом их поврежденный транспорт, сутками сотни людей находились под ударами авиации врага. Трагические картины перехода отпечатались в его сознании так ярко, что он не мог ни о чем другом говорить.

«Не сочинять корреспонденции, — повторял Александр Ильич. — Стрелять надо! Только стрелять!».

Вскоре он уехал на Южный берег, на Ораниенбаумский «пяточок», где истрепанные во время отхода из Прибалтики части 8-й армии, те, кого враг называл «черной смертью», бригады морской пехоты делали все, чтобы не дать фашистам возможности сбросить нас с этого необычайно важного для судьбы Кронштадта и всего Ленинграда стратегического участка.

Там же выполняли свою нелегкую работу фронтовых газетчиков на Ораниенбаумском «пяточке» Лев Успенский, москов-

ский поэт Александр Яшин. В соединении торпедных катеров редактором газеты был ленинградский критик Ефим Добин.

Вот выдержка из хранящегося в Центральном военно-морском архиве «Личного дела» писателя-коммуниста Петра Капицы.

В подписанной начальником политотдела кронштадтского ОВРа аттестации на 1942 г. мы читаем:

«Несмотря на то, что т. Капица являлся командиром запаса, на военно-морской службе находился только с начала военных действий, с работой редактора газеты „Балтиец“ справляется хорошо.

Принимал непосредственное участие в операции по высадке десанта в Новый Петергоф в октябре 1941 года, в сухопутной обороне Военно-морской базы „Ручьи“, как политрук высаженной с корабля роты в августе 1941 года. В боевых действиях показал себя смелым, спокойным политработником».

Аттестации, подобные этой, есть и в других «Личных делах» писателей-балтийцев, свидетельствуя о норме поведения, а не об исключении.

В Кронштадте в то время редакторами, литературными сотрудниками многотиражных газет кораблей эскадры, ОВРа, Учебного отряда, Подплава, Кронштадтского укрепленного сектора работали московский поэт и переводчик Семен Липкин, драматург Александр Крон, прозаик Илья Амурский, ленинградские прозаики Петр Капица, Леонид Соловьев, Иоганн Зельцер, Александр Штейн и я.

По заданию главного Политуправления ВМФ в Кронштадте находился Борис Вадецкий. Отлично работал на далеком полуострове Ханко Владимир Рудный. Там же был и поэт-красноармеец Михаил Дудин. На островах Моонзундского архипелага с бригадой Театра КБФ находился поэт Соломон Фогельсон. Давно не было известий от работавшего в редакции краснофлотской газеты на острове Даго Всеволода Вальде.

В Кронштадте в ту пору находился и поэт, штурман подводной лодки «Л-2» Алексей Лебедев.

В авиационных частях КБФ работали Алексей Зиновьев, Николай Чуковский, Еремей Лаганский, Анатолий Кучеров, Юлий Рест, Сергей Варшавский.

Многотиражная краснофлотская печать. Газеты «Победа», «Ленинец», «Балтиец», «Огневой щит», «Боевая Балтийская» — живое слово агитатора.

У редакции газеты подводников было два сотрудника: наборщик, он же комендор-зенитчик, краснофлотец Николай Кирпичников и ответственный редактор, он же секретарь, он же выпускающий, — драматург Александр Крон.

Газета делалась очень интересно. Крон, который до войны никогда не считал себя писателем-универсалом, вдруг почувствовал какие-то нереализованные творческие возможности. Материал иногда сам подсказывал ему форму, в какой он должен быть

выражен. Так родились на страницах «Дозора» антифашистские фельетоны на внутренних рифмах. В них постоянно участвовал старый балтиец под шутливым прозвищем «Дед Водяной». Жанр раешника оказался очень живучим. Вскоре появились свои «Водяные» и в других многотиражных газетах.

Интересным разделом в газете были рассказы подводников о себе. Лодка возвращалась с удачно проведенной боевой операции. Ей пришлось много часов пролежать на дне, и металлическое ее тело вздрагивало от фашистских глубинных бомб, рвавшихся рядом. Она миновала минные поля, вошла во вражескую базу, потопила торпедой фашистский транспорт. Как это было, как действовал командир, как действовал комиссар, как управлялись со своими сложными аппаратами электрики, торпедисты? Для того чтобы войти в этот удивительный сокровенный мир, в котором минута может стать равной жизни, писатель должен был заслужить полное доверие своих героев. Пусть герой просто, без прикрас расскажет об обыденном. О страшном миге, когда тяжесть моря висит над лодкой и меркнет свет, и дышать уже нечем, пусть расскажет о радости лета, соленых брызг, солнца, бьющего в лицо, о счастье возвращения после удачного похода. Крон заслужил это доверие. Люди знали, что очерки его они прочтут не краснея, в них не будет лжи и фальши. Вот почему у него так много друзей на Подплаве, вот почему подводники, возвращаясь с похода, шли к нему, рассказывали о пережитом.

На наших военных кораблях нет ни одного человека, у которого не было бы своего места по боевому расписанию. И писатели Вишневский, Амурский, Мирошниченко, Зонин, Зельцер, Крон, Капица, Штейн приходили на корабли не как историографы героических подвигов балтийцев, а как полноправные участники четкого, слаженного боевого коллектива.

Александр Пунченко с первых дней Отечественной войны пошел на Балтику. Во время таллинского перехода небольшой корабль, которым он командовал, подвергся яростному двойному нападению фашистских пиратов. Артиллерия била с берега, на корабль пикировали фашистские самолеты.

Вскоре фашисты убедились, что обстрелом с берега и неточной авиационной бомбежкой не погубить балтийских моряков. Теперь они решили выслать наперерез нашим кораблям торпедные катера. Меткий огонь артиллеристов заставил катера повернуть обратно. День и ночь, снова день. Находясь на волосок от гибели, смелые моряки подали руку помощи своим братьям. Они спасли женщин, детей, раненых с подорванных гитлеровцами транспортов, вытянули их из холодной, цепкой балтийской воды.

Когда показался гордый силуэт знакомого многим поколениям русских моряков маяка, стоящего у входа в родную военную гавань, сердца забились непередаваемой радостью.

И писатель давал отчет о трехдневном непрерывном бое кораб-

ля с катерами, с береговыми батареями фашистской авиации не просто как очевидец, а как участник операции. Но его уже тянуло к бумаге, к столу. Он обязан был рассказать о пережитом.

Чтобы написать правду о своем герое, надо дружить с ним до конца, до последней папиросы, выкуренной вдвоем, если надо — до последних поделенных пуль в обойме.

Так самоотверженно и честно работал награжденный медалью «За боевые заслуги» удивительно молодой — а ведь ему уже было 55 лет! — писатель Еремей Лаганский. Он подчинил себя целиком военной теме. В финскую войну с отрядом моряков шел он на штурм Койвисто. В Отечественную войну Лаганский работал в авиации, в морской пехоте. О героях своих он не мог говорить без волнения. Лаганский не успел полностью осуществить свои замыслы, но и то, что создано им в дни войны, достойно признательности и уважения.

Так дружили со своими героями П. Капица, Н. Чуковский, Л. Успенский. Позднее фронтовые записки сослужили им великую службу, дали бесценный материал для капитальных книг.

На переднем крае обороны вместе с бойцами морской пехоты лежал писатель-краснознаменец Александр Зонин. Автор романов об адмиралах Нахимове и Макарове, он жадно потянулся к сегодняшней жизни флота. Зонин стремился стать историографом Балтики, его занимали не только судьбы людей, но и сцементированная в одно целое жизнь корабля, и более того — эскадры.

И в морскую пехоту пошел он с тем, чтобы почувствовать, как даже оторванный от корабля молодой моряк бережет, лелеет, воспитывает в себе черты характера балтийского матроса. В «Боевой Балтийской» Зонин с увлечением писал о том, как мужают на глазах его юные бойцы.

Летом 1942 г. Александр Зонин участвовал в боевом походе подводной лодки «Л-3» под командованием капитана 2-го ранга Петра Грищенко. В этом походе отважные балтийские подводники потопили четыре фашистских транспорта и один миноносец. И в волнующий миг торпедной атаки, и в грозные часы безмолвного ожидания на дне, когда рядом рвались глубинные бомбы врага, писатель был на посту вместе со своими героями.

Поколения сходятся. Худощавый, высокий, чуть сутулый, поэт Александр Яшин на том же участке, где прежде работал Зонин, со сверстниками своими прошел огневое крещение. Он видел горе и кровь, видел сожженные гитлеровцами деревни. В нескольких метрах от наших позиций, за речкой были фашисты.

Отца его немецкая пуля убила в 1919 г., когда сыну не было двух лет. Родина Яшина — наш русский Север, деревня, затерянная в дремучем лесу, быстрое течение реки, протяжная, чуть грустная песня.

Яшин — представитель поколения, которое выросло между двумя войнами, многие в нем еще детьми запомнили нашествие

германских оккупационных армий, вышвырнутых с нашей земли в 1918 г. У многих с детских лет свой беспощадный счет. Так складывалась и биография Яшина.

Десять лет работы в комсомоле. В июле 1941 г. Яшин стал членом большевистской партии. Писать он начал рано, но первой своей настоящей работой считает изданную в 1938 г. книжку лирических стихов «Северянка».

На войне кончилась его юность. Пришла долгожданная жестокая проверка. Ему поручили редактировать газету «Залп балтийцев». Вот отрывок одной из первых корреспонденций Яшина для своей газеты: «Мы стояли посреди поля, на перекрестке дорог. Фашисты шли на нас в полный рост. Моряки спешно устанавливали пулеметы. Вот расстояние между нами сократилось до пяти-сот метров. „Огонь“! Хладнокровная „психическая“ оборона — а нас было совсем немного — ошеломила врага. Фашистов как не бывало, они залегли во ржи, стали окапываться».

Яшину хотелось быть везде: в обороне, в бою, в разведке. Это хорошая неуспокоенность, это напористость молодого советского писателя. В новой его поэме безошибочно можно угадать переключку с тем, что впервые скупо записалось во фронтовой корреспонденции:

Не позабыть мне первых схваток,
Рывков вперед, дорог в крови,
Ночей под кровом плащ-палаток,
Как первой не забыть любви.
Все шло не так, как представлялось,
Как прочиталось,
Все не так.
Все было ново: дождь, усталость,
Разрывы мин и рев атак.

Я убедился, встав под дула,
Хлебнув и гула, и огня,
Что сердце не захолонуло,
Кровь не свернулась у меня.
С тобой удачи и победа,
Поёшь и ходишь, как во сне.
Кто эти чувства не изведаль,
Тот, видно, не был на войне.⁹

Читал он стихи негромко, у него были слабые легкие.

И когда Яшин ночью, под огнем переползал из землянки в землянку, собирая материал для газеты, бойцы часто просили его почитать стихи. Он читал только что написанные свои боевые строки, читал наизусть Пушкина, Лермонтова, Маяковского. В эти часы он понял, может быть в первый раз по-настоящему, как нужна на фронте поэзия, какое это разящее оружие.

В стихотворениях Яшина о войне — настоящая искренность, большая правда. Иногда ему хотелось, как прежде, в юношеских своих стихах, с головою уйти в луговой простор, в природу, которую он знает и любит. В грозные тяжелые месяцы к поэту пришла тема зрелости, возмужания человека в бою. Этой темой он жил, копил для нее самые весомые слова.

Так, каждый на своем посту, находили балтийские писатели тему жизни, учились воевать, учились дружить со своими героями.

⁹ А. Я ш и н. Земля богатырей. Л., 1945, стр. 26—27.

Разверни страницы «Красного Балтийского флота», «Ленинградской правды», «Смены», наших многотиражных газет. Это добыто трудом и кровью, это честная боевая работа. Старый флотский военкор, работник «Правды», автор повести об Анатолии Железнякове Илья Амурский пришел в начале войны на один из лучших кораблей Балтики — крейсер «Максим Горький». Когда-то писатель служил на линкоре «Марат». Ему теперь сказали: «Вы будете редактировать газету корабля». Он ответил утвердительно, но добавил: «Я писатель, и в час боя хочу все видеть». В дни атак фашистской авиации он стоял на посту, на зенитном мостике, оказывая помощь раненым, выполнял свой воинский долг, воспитывал бойцов. Образы молодых балтийцев увлекли его. В морской пехоте и на линкоре, на краснофлотском бронепоезде и на крейсере знакомился с ними писатель. Поэтому основной книгой Амурского стал сборник о героической юности Балтики.

Так же, как Амурский, на зенитном мостике другого корабля стоял по боевому расписанию комиссар, писатель, драматург Иоганн Зельцер.

Пикировщики сбрасывали на «Марата» бомбы. Невысокий коренастый человек с орденом Красной Звезды на кителе, писатель-балтиец участвовал в бою. Он видел, как подбитый зенитками корабля огромный воюющий самолет врага, дымясь, врезался в воду. Налетели новые. Прямо на мостик летели черные бомбы.

Это были сентябрьские звездные массовые налеты немецкой авиации на Кронштадт в 1941 г.

В братской могиле, рядом со своими героями-моряками, уснул одесский рабочий, черноморец, на всю жизнь подружившийся в северном Ленинграде с суровой Балтикой, веселый товарищ наш Иоганн Зельцер, автор «Искателей счастья», «Моряков».

Вот строки из последнего отосланного им семье письма: «Выйдешь ночью на палубу, смотришь, смотришь без конца, как полыхают наши села, дачные места. Смотришь и запоминаешь. За все немцы получают сполна, кровью рассчитаются. Уже несколько дней, как мы бьем из нашей тяжелой артиллерии. Положение наше серьезное, но мы знаем всю суровую правду и будем биться до конца».

7

Я хочу рассказать тебе о товарище, чье имя упоминалось мною в письмах к тебе неоднократно, о штурмане-поэте Алексее Лебедеве.

Перед войной в Ленинграде, как ты знаешь, одна за другой вышли две его поэтические книжки — «Кронштадт» и «Лирика моря». Тогда Алексей Лебедев заканчивал Высшее военно-морское училище имени Фрунзе.

Алексей Алексеевич Лебедев родился 1 августа 1912 г. в городе Суздале, его детство связано со старыми русскими городами Суздалем, Костромой, Ивановом. Мать поэта, Людмила Владимировна Лебедева, которую Алексей преданно и нежно любил, была учительницей. От нее сын воспринял горячую заинтересованность и любовь к литературе.

Еще до поступления в училище имени Фрунзе Лебедев прошел трудную школу жизни. После окончания девятилетки он работал недолго подручным слесаря-водопроводчика. Потом уехал из города текстильщиков Иваново на Север, служил матросом на судах Севрыбтреста. Лебедев был призван на флот. До поступления в училище два года служил радистом.

Ты любишь, подобно мне, стихи Лебедева за их преданность романтике морского труда, лиризм, точность поэтических описаний. Можно любить море с берега, любоваться его красотой, суровой силой. Лебедев постигал морскую тему с мостика преодолевающего шторм корабля, в тесноте краснофлотского кубрика. Его ощущения суровы и резки, краски поэтической палитры неповторимы. Может быть, это единственный пока в нашей литературе поэт, чувствовавший себя в первую очередь военным моряком, а уже потом певцом моря. И в то же время в его творчестве в литературных суждениях не было ни капли дилетантизма. Он привык выполнять любую работу — будь это уточнение курса корабля, штурманская прокладка или сонет — на совесть.

Недаром позднее в одном из писем, опубликованных после гибели Алексея, мы читали:

«Сейчас я работаю над циклом стихов о морских сражениях — „Наварин“, „Синоп“ и „Гангут“... Это — по линии творчества, линии, в данном случае второстепенной. А основное — это учеба серьезная и в большом количестве. Здесь отставать никак нельзя, не то время, чтоб отставать. А, кроме того, есть одна хорошая фраза: „Поэт — это такой человек, который все делает хорошо“. Не помню, кто сказал, но, по-моему, это правильно!».¹⁰

Он писал:

Превыше мелочных забот,
Над горестями небольшими
Встает померкнувшее имя,
В котором жизнь и сердце, — Флот!¹¹

Он восторженно говорил:

Уже гудят-поют под ветром вагты,
И о форштевень режется струя.
Идут на море флота лейтенанты,
Советского Союза сыновья.¹²

¹⁰ «Страж Балтики», 1967, 24 сентября. Из письма Д. Г. Прокофьеву — 29 марта 1939.

¹¹ А. Лебедев. Избранные стихи. Л., 1956, стр. 94.

¹² Там же, стр. 98.

Эти идущие от души строки стали символом, девизом жизни многих поколений советских молодых людей, посвятивших себя морской службе. И так же дорога была им лирика его сонета:

Пусть стану прахом, пеплом и песком
Я, звавшийся когда-то моряком,
Не уцелевший в памяти ничьей.
Но облик той, чье пламенное имя
Вело меня дорогами морскими,
Навек в стекле стиха закаменей.¹³

Я помню Лебедева, читавшего нам эти стихи, любившего перемежать речь английскими словами, поставившего к своей последней книге эпитафию из Киплинга: «Он назвал свои стихи „Лирикой моря“».

У Алексея было несколько хорошо прокуренных трубок, одну, особенно любимую, ему подарил в день выпуска из училища Борис Лавренев. Лавренев был сам из племени таких морских бродяг, племени неистребимого, пока на земле не иссякнут океаны и моря, пока их будут бороздить на своих кораблях отважные люди.

Кажется, это было в начале августа 1941 г., когда, приехав по делам редакции своей маленькой газеты из Кронштадта в Ленинград, я навестил на набережной Кутузова Бориса Андреевича. Домашние сказали, что он... на крыше. Был жаркий день, в небе баражировали самолеты.

Я поднялся сквозь открытое окно чердака на раскаленную крышу. Прямо на меня, в сверкавшем начищенной медью шлеме шел Дон Кихот. В руке у Лавренева был декоративный щит, в другой руке — каминные щипцы. Он сказал: «Меня назначили начальником домовой противоздушной обороны. Но, так как нам пока не выдали специальное снаряжение, я вынужден был воспользоваться подаренными мне к юбилею шлемом и щитом».

Лавренев расспрашивал о Кронштадте, просил, если я увижу Алексея, сердечно кланяться. Я выполнил тогда его поручение...

А вот перед тем как Лебедев ушел в свой боевой поход на «Л-2», куда он назначен был штурманом, встретиться с ним не удалось. Слишком горячие были тогда в Кронштадте дни. Да и не мог, разумеется, я знать о том, что лодка Лебедева в ноябре 1941 г. направляется в боевой поход.

Александр Крон, редактировавший тогда газету подводников, был последним из наших товарищей, видевших Лебедева.

«В этот вечер, — вспоминает Крон, — он читал много стихов. Запомнился цикл стихов о Колумбе, стихи о Сен-Сире, в которых наряду с отличным чувством истории нашли отражение личные переживания, связанные с годами, проведенными в военном училище...

Я спросил Лебедева, думал ли он когда-нибудь сделать поэзию своей основной профессией. Алексей Алексеевич не сразу ответил на вопрос. Затем сказал твердо: „Нет. Я — штурман. Это

¹³ Там же, стр. 155.

дело моей жизни. В тот день, когда я перестану быть моряком, я перестану писать стихи».¹⁴

Записная книжка со стихами легла во внутренний карман кителя. Крон хотел предложить Алексею оставить книжку до возвращения из похода, но воздержался. Стихи вместе с тем, кто их создал, покоятся на дне Балтийского моря.

13 ноября 1966 г., четверть века спустя после героической гибели Лебедева, газета дважды Краснознаменного Балтийского флота посвятила своему поэту страницу. В числе других материалов там были опубликованы письмо сына к Людмиле Владимировне и донесение о гибели корабля. Вот они.

«29 октября 1941 года. Дорогая и милая моя мама! Когда ты получишь это письмо, я буду далеко в море. . . Не смущайся, если даже до половины декабря не будешь иметь обо мне известий. Не закрываю глаза на то, что поход будет серьезным и не лишен опасностей, но надеюсь, что все будет в порядке. Дней пять-шесть налетов не было, а сейчас гады опять летают и бомбят. Вглядываюсь в город, особо прекрасный в своей трагической красоте. Сейчас, в милую осеннюю пору, особенно чувствуешь, как хороша жизнь, как кратковременна она, как бессмысленно уничтожение на войне всего лучшего, что вырастило и сделало человечество, и вместе с тем выход только один: драться, драться и драться, только огнем, только сталью, только тремя жизнями за жизнь можно сломить орды этой дегенеративной и безумной сволочи, идущей на нас. На этом стою. Не говорю „прощай“, светлая моя мама, сто раз целую милые твои руки, серебряные волосы, глаза и губы.

Ничто еще не потеряно, если надежда не покидает сердце и руки держат оружие.

И теперь вот, накануне самого серьезного из походов, сделанных мною, я не раскаиваюсь в том, что выбрал себе военно-морскую профессию, она отвечала моему характеру.

Твердо верю, что мы победим.

Твой Алексей».¹⁵

Донесение о гибели подводной лодки «Л-2» в районе острова Кери 14 ноября 1941 г.:

«Подводная лодка Л-2 из Кронштадта вышла в 18 часов 00 минут 12 ноября совместно с подводной лодкой М-98.

Лодки шли в составе конвоя, следовавшего на Ханко для эвакуации гарнизона. При форсировании минного заграждения противника Л-2, сразу же после гибели ТШ [тральщика] „Верп“, дважды подорвалась на mine и через час после второго взрыва затонула. Спасено три человека. Погиб поэт-маринист Лебедев».¹⁶

¹⁴ «Звезда», 1966, № 6, стр. 172—174.

¹⁵ «Страж Балтики», 1966, 13 ноября.

¹⁶ Там же.

Несколько лет тому назад, после войны, я получил письмо от друга юности Алексея Лебедева — Марии Львовны Федер. Лебедев на протяжении ряда лет делился с нею самым дорогим, сохранились десятки его писем с включавшимися в них стихами, последнее письмо датировано 14 октября 1941 г.

М. Л. Федер вместе с матерью Лебедева подготовила после его гибели и опубликовала ряд стихотворений поэта.

Привожу здесь с разрешения М. Л. Федер выдержку из одного письма Л. В. Лебедевой и последнее письмо Алексея.

«Извещение о смерти Алика было получено в военкомате 13 января... Перед этим я получила еще письмо и сказала, что это Алик прощается со мной — такой любви и нежности было оно полно — он сам сознавал всю серьезность последнего сражения и любящей рукой, сознавая, что приносит мне нестерпимую боль, подготавливал в письме меня к возможно печальному концу. Сердцем я почувствовала, что больше его не увижу... Следующим было извещение о смерти...». Сохранились стихи, переданные Алексеем Лебедевым незадолго до выхода в море его жене Вере Ефимовне Петровой.

... Не плачь, мы жили жизнью смелой,
Умели храбро умирать,
Ты на штабной бумаге белой
Об этом сможешь прочитать.¹⁷

Эти стихи, опубликованные уже после гибели Лебедева, проникнуты благородным мужеством. Они имеются и в одном из писем к М. Л. Федер, датированном августом 1941 г., в несколько иной редакции. Известные строки поэта «Переживи внезапный холод» переписаны в письме отдельно (обычно их печатают вместе со стихотворением «Тебе»).

В этом стихотворении имеется дополнительная строфа, позднее, возможно, Лебедевым отброшенная:

А дальше врозь пути кривые,
Мы говорим «прощай» стране.
В компасы смотрят рулевые
И ты горюешь обо мне.

И вот письмо: «Я не писал Вам очень долго, что объясняется некоторыми служебными обстоятельствами, связанными с моим пребыванием вдали от точек связи, но тем не менее я жив, очень хочу знать о том, где Вы, и убежден, что из всех трудных обстоятельств мы все же выйдем, правда, ценой очень и очень больших лишений.

Я не знаю, в Москве ли Вы, и пишу „на бога“, как говорят у нас на флоте. Жизнь изобилует треволнениями или, точнее сказать, их столь много, что кусочек покоя волнует несравненно больше, чем что-либо могущее привести „ад патре“... Один без-

¹⁷ А. Лебедев. Избранные стихи, стр. 175.

условно счастливый момент был для меня тогда, когда я во сне увидел Вас... Пробужденный артиллерийской тревогой и выбежавший на мостик, я долго старался найти в ночном ветре, полном запаха моря, кисловатого порохового дыма и водорослей, то неуловимое, тонкое и нежное, вечное, приснившееся мне...

... Недавно я был в Ленинграде, красота его и строгость сейчас выглядят особо подчеркнута. Может быть, трагизм разрушений так подчеркивает эту дивную четкость линий ампира и ратреллиевское барокко, стремящуюся ввысь к беспощадной синеве октября, от земли, давно покрытой ржавым кленовым золотом и первым снегом.

... Как много еще нужно пережить нам, но даже подолгу я не сомневаюсь в том, что Victory будет, во всяком случае более мрачного конца я не увижу по соображениям чести.

Бороться, бороться — это все, что мы делаем, все, что от нас требуется. Но я никогда не сомневался, что даже обломки и щебень рушащейся планеты не смогли бы засыпать в моем сердце родник чистого чувства к Вам, моей далекой Мари.

В минуту, когда я перечитываю Ваши письма, клянусь, я более счастлив, нежели скряга, пересыпающий драгоценные камни в самом заветном из своих ларцов.

Будьте счастливы. Всегда Ваш Алексей Лебедев».

Теперь это только хрупкие, пожелтевшие от времени, листки... Они не в силах воскресить того, кто заполнял их своим стремительным почерком, с латинским t, напоминавшим мачту.

Но они обладают магической силой, возвращающей в то далекое трагическое время!

8

Если мы встретимся с тобой, я расскажу тебе о днях блокады. Не удивляйся моим длинным письмам. Те, которые мы посылали через полевую почту, были несравненно короче. А эти, записанные частично тогда, в 1942-м, отправляются к тебе сейчас с особой оказией. Может быть, ее следовало бы назвать машиной времени.

В блокаду были не только разрушение, голод, смерть, но и доверие, любовь, нежность, даже смех. Все было. Без этого мы бы не могли выстоять.

Опыт писательской морской Оперативной группы, созданной по инициативе Всеволода Вишневского осенью 1941 г. в Кронштадте, не был одиночным. По такому же принципу при Политуправлении Ленинградского фронта была сформирована руководимая Николаем Семеновичем Тихоновым группа армейских писателей.

Свой творческий коллектив существовал и у находившейся в доме писателей имени Маяковского ленинградской писатель-

ской организации, объединявшей так называемых гражданских писателей. Эпитет «гражданские» здесь взят условно, ведь и те, и другие, и третьи были защитниками города, бойцами Ленинградского фронта. Но я пишу о том, что знаю точнее, — об опыте моряков.

Вишневский, собравший нас в хмурый октябрьский день в Кронштадте, был специальным корреспондентом «Правды», тесно связанным с Военным Советом КБФ. Конечно, он знал фронтную обстановку лучше нашего, знал и то, что на случай фашистского штурма, на самый крайний случай, в Кронштадте заминированы важнейшие военные объекты. Драться до последнего, а если придется, взорвать себя вместе с врагом.

А на совещании, куда мы пришли из своих политотделов и редакций маленьких газет, речь шла об оперативной текущей работе. Вишневский рассуждал трезво: после понесенных коллективом морских писателей больших потерь возникла железная необходимость действовать централизованно. Ленинград, Балтика должны говорить со всей страной.

Военный Совет и Политуправление КБФ согласились с доводами Вишневского. Здесь имели большое значение его убежденность и незыблемый авторитет. Правда, по ряду причин в группу были включены не все товарищи, чьи имена называл Вишневский. Были на трудных участках люди, которых нечем было заменить.

Много сил положил Всеволод Витальевич, чтобы включить в оперативную группу Лебедева.

В воспоминаниях бывшего командующего КБФ адмирала В. Ф. Трибуца «Подводники Балтики атакуют» об этом сказано: «Не могу назвать себя знатоком или даже любителем поэзии. Но произведения Алексея Лебедева меня волновали, и я подумал, нельзя ли как-нибудь побережь поэта? И все-таки я понял, что оскорблю молодого лейтенанта, если не подпишу приказ о его назначении штурманом подводного минзага».¹⁸

Договорились, что, когда Алексей Лебедев возвратится из похода, он все-таки, оставаясь подводником, перейдет в группу. Ты знаешь, почему это не произошло.

... У меня сохранился в полустершейся копии написанный Вишневским отчет, относящийся к кронштадтскому периоду работы нашей группы.

«Начальнику Политуправления КБФ
дивизионному комиссару т. Лебедеву

Начальнику отдела ПУ КБФ
бригадному комиссару т. Добролюбову

Группа писателей в составе 7 человек собралась 8 октября с. г. в Политуправлении (улица Зосимова, дом 46). В ближайшие дни,

¹⁸ В. Ф. Трибуц. Подводники Балтики атакуют. Л., 1963, стр. 135.

не позже 15 октября, в группу должны дополнительно прибывать тов. Михайловский (из Ленинграда) и Рудный (с Ханко).

Задачи группы всем членам ее ясны. План работы группы на ближайший период — октябрь—ноябрь».

И далее, для Вишневого, Амурского, Крона, Тарасенкова, Мирошниченко, Зонина, Брауна — одним словом, всех нас вместе и по отдельности, был составлен подробнейший план индивидуальных и коллективных выступлений в центральных и ленинградских газетах, по радио. В план входили очерковые сборники, брошюры, лекции, листовки.

И самое удивительное, что, несмотря на величайшие трудности, большинство намеченных в плане работ было выполнено. Выходили даже небольшие книжки в Москве, куда и переслать рукопись из осажденного Ленинграда было не просто.

Мы сотрудничали в «Красном Балтийском флоте», газете Ленинградского округа «На страже Родины», «Ленинградской правде», «Смене». Печатались на страницах «Правды», «Известий», «Комсомольской правды», «Красной звезды», «Красного флота».

Иногда наши близкие со страниц центральных газет узнавали о том, что мы живы. Поэты писали и прозу, прозаики, драматурги — порою стихи, все жанры состояли у нас на вооружении.

Каждый из нас был связан с определенными соединениями, бывал на передовой, в частях. Весь Ленинград и его передовые посты — Кронштадт, Ораниенбаумский плацдарм — были передовой линией фронта.

Но тебя, вероятно, интересует и то, попросту, как мы жили.

В конце октября группа вместе с Политуправлением перебазировалась из Кронштадта в Ленинград.

Балтийские корабли, рассредоточенные на Неве, обороняли город.

И точно так же, как каждый ствол зенитки, автомат, было на счету и каждое писательское перо. Я не помню в своей жизни периода, более плодотворного от самого сознания, что твое слово нужно людям, бьет в цель.

... Нас разместили в угрюмом многоэтажном доме на набережной Красного флота, 38. Рядом стояли корабли, невдалеке — заводы, флотский экипаж. Площадь Труда, Дворец труда, мост лейтенанта Шмидта подвергались постоянным обстрелам.

Мы жили в большой, холодной комнате, у стен стояли койки, застланные по-солдатски, вперемежку с письменными столами.

Сперва паровое отопление чуть дышало, вскоре трубы полопались, и мы вопли в ледниковый период. Помню, как на радиаторах пытались мы подогреть воздержатые комки сыра, сделанного из казеина, предназначавшегося для изготовления пуговиц. Ужасный запах не мешал нам есть этот «сыр».

... С шуршанием сворачивались черные бумажные шторы затемнения. Пепельно-серый день вступал в комнату.

Мы пили в командирской столовой чай с блокадной порцией хлеба, выдававшейся на весь день. Одни съедали сразу, другие — по частям.

А потом принимались за работу. По тревогам уходили в убежище, потом вновь принимались за дело, с прерванной строки. Сколько раз спускались и поднимались. Часто. Вышибало взрывом стекла, мы заделывали дыры фанерой.

Чернила замерзали синими кристаллами.

Работать было хорошо. Я не лгу — это правда, хорошо было разогреть чернила над старинным камином, в котором, потрескивая, горел неведомо как забредший в нашу комнату мольберт. Хорошо было пить хранимый Кроном как строжайший «НЗ» черный кофе, читать товарищам свои новые стихи, слушать их рассказы. Мы делились самыми заветными мыслями о своей работе, о семьях.

Одни из нас уходили на корабли, другие уезжали в авиационные части.

Когда кто-либо собирался в редакцию газеты или в радиокomitee, другие передавали с ним свои работы. Ведь каждое такое путешествие сопряжено было не только с опасностью попасть под обстрел. Не хватало просто физических сил. Шли по сугробам, мимо казавшихся вымершими домов, обледенелых разбитых трамваев.

Я предпочитал узкую Красную улицу, там не так завывал ветер, как на бульваре Профсоюзов. Почему-то считалось также, что эта улица во время обстрелов относительно безопасна.

Шли с кем-либо из товарищей сперва легко, потом держась друг за друга. В противогозде лежали листки рукописей. С трудом доходили до Адмиралтейства, где размещалась полевая почта. Корреспонденцию долго не разбирали. Не хватало сил. Мы спрашивали письма на все фамилии участников группы.

О, маленькие треугольники, самодельные конверты со штампом: «Просмотрено военной цензурой!» Как дороги они были каждому из нас!

От Адмиралтейства до Главного штаба шли быстро, здесь можно было зайти по делу, а заодно и передохнуть в редакции газеты «На страже Родины».

Иногда, когда я прохожу теперь по улице Зодчего России к «Ленинградской правде» или же по Малой Садовой к радиокomitee, вдруг каким-то вторым зрением мысленно представляю эти улицы и себя на них в блокаду.

Мы приходили в радиокomitee. Мигали огоньки в полутемном подвале. Потом вместе с диктором и редактором, в ватниках, с темными от дистрофии лицами, поднимались с трудом на четвертый этаж в студию. Передача велась не только на Ленинград, но и на всю страну.

Вишневский усаживался, раскладывал мелко написанные листки.

«Говорит город Ленина! Говорит Краснознаменный Балтийский флот!».

Вишневский уже не глядел в написанное, негромко, как будто один на один с близким другом, он говорил с тысячами.

Тряхнуло здание. Начался обстрел района. Но передача шла, речь звала к бою, к сопротивлению, нас слушал фронт, слушала страна. Слова-снаряды были сильнее снарядов, посылаемых смертью, негромкая речь шла по волнам эфира под грохот осадной артиллерии.

И еще были маршруты в редакцию «Красного Балтийского флота», в корреспондентский пункт «Известий» и — самый далекий — на Херсонскую улицу, в ленинградское отделение «Правды».

Остававшиеся в тот день в помещении группы с волнением ждали возвращения товарищей. Как доберутся, только бы под обстрел не попали! Приходили с письмами, с замерзшими свертками газет, с фронтовыми новостями.

Вишневский ввел правило: в конце дня, когда мы возвращались после выполнения задания, он делал нам, по данным, полученным в штабе, в Политуправлении, доклад об обстановке на фронтах. По очереди рассказывали мы о том, что видели в частях, в городе. Читали письма от близких. Мы поздравили Толю Тарасенкова с рождением сына. Хорошо было узнать о рождении там, где столько уносила смерть.

Ничто не сближало нас так, как эти вечера. Дом казался кораблем, идущим в шторм. Мы сидели на койках, прижавшись друг к другу, беседовали, читали стихи любимых поэтов, шутили... Тарасенков любил декламировать четверостишия Омара Хайама.

Только одна тема была под строжайшим запретом — еда! Вариации из поваренной книги Молоховец были Вишневским категорически запрещены.

В нашей группе, даже в самое отчаянное время, господствовал дух бодрости, высокого человеческого достоинства, братства.

Мы думали и о будущем литературы. Не абстрактно, нас занимали молодые талантливые люди, которых мы встречали в военной среде.

Когда окончится война, сколько будет накопленных тем, выношенных под огнем образов. И у каждого были свои задумки, свои мечты. А пока мы были верны оперативному требованию Маяковского: «Меня печатать прошу летучим дождем брошюр».

Прозаические очерковые брошюры, маленькие книжки «Боевая краснофлотская поэзия», куда включались произведения профессиональных поэтов и начинающих авторов-фронтовиков. Их выпускал отдел культурно-массовой работы ПУБАЛТА, которым руководил опытный политработник полковой комиссар Михаил Терентьевич Мельник.

Мы приносили рукописи в Военмориздат. Машинистка пальцем, одеревенелым от холода, выстукивала длинные строчки прозы и коротенькие — стихов. Редактор, живший на одной тарелке супа и 200 граммах хлеба, внимательно читал рукопись, спорил об идее, заложенной в ней, и придирчиво проверял эпитеты.

Люди шатались от голода, но они знали, что брошюры нужны фронту, как хлеб и как пуля.

Четкий шрифт, яркая, с выдумкой обложка. Скромная надпись в углу. Эта книжка вышла в свет зимою 1941/42 г. в Ленинграде!

Почти все типографии города встали из-за отсутствия тока, кто-то из товарищей пошутил ласково и беззлобно: «Мне кажется, что мы пишем в догутенберговскую эпоху». Но и тогда, неожиданно, парторг ленинградского Военмориздата, технический редактор Макушевич, приносил нам, как голубя за пазухой, теплую горсточку только что отпечатанных наших книг.

Маленькие, в шестнадцатую долю листа, брошюры о ненависти к врагу, шестнадцатистраничный сборник стихотворений о Кронштадте, напечатанный зимой 1941/42 г. здесь, в блокадном кольце, и писатели, и читатели сберегут с особой любовью.

Мы многое пережили, осознали совершенно по-новому. Я увидел, как рождается поэзия из огня и пепла, крови и ненависти. Юношами повторяли мы прежде слова Тиля Уленшпигеля: «Пепел Клааса стучит в моем сердце». Тот, кто видел уничтоженные деревни, мученическую улыбку краснофлотца, сожженного на костре, по-иному произносит эти слова.

Комиссар морской бригады передал мне письмо и первые стихи одного из бойцов: «Товарищ комиссар! Я ленинградец, — рабочий, призванный 22 июня во флот. 1 октября в Ленинграде убило мою родную сестру, нет предела моей ненависти к врагу. Я хочу мстить, чем только могу. Я понял, что можно мстить не только штыком, но и пером».

Сотни стихотворений приходили во флотскую печать, публиковались в многотиражных газетах, боевых листках.

Штурман-подводник Николай Снегирев, старшина 1-й статьи Александр Фидровский, гвардеец летчик Каберов были тогда молодыми поэтами, выращенными Балтикой. Многие их стихи читаются как фронтовой дневник.

В одном из авиационных балтийских полков я познакомился со старшим лейтенантом Игорем Каберовым. В тот день он сбил над Ленинградом седьмой самолет «Мессершмидт-109». Каберов родился в 1917 г. Маленького роста, подтянутый, с орденами Ленина и Красного Знамени на груди, он был любимцем полка, душой всякого коллективного боевого дела.

Я нередко наблюдал его в повседневной жизни полка. Вот Игорь спорит со своим товарищем о типах самолетов, собрав тесный кружок друзей, запекает, мастерски подыгрывая себе на ба-

яне. Урвав время, усаживается в землянке, в стороне, начинает что-то записывать. Свою творческую работу он начал с коротких стихотворных подписей под рисунками в редактируемом им боевом листке.

Мне запомнилось большое стихотворение Каберова «Мечь». Он читал мне эти стихи. . . Радостно было наблюдать серьезность, с которой Каберов относился к своей работе. Точный план, отдельные поэтические заготовки в записной книжке, с которой Каберов не расстаётся, выгодно отличали его от многих «начинающих».

Запоминались описания воздушного боя; поэт рассказывает об измученной, захваченной фашистами родной земле, увиденной им с высоты, о русских городах, сожженных врагом:

Вот Петергоф, его дворцы, фонтаны,
Где возвышался бронзовый Самсон.
В садах зеленых, в золоте багряном
Сегодня он разрушен и сожжен.

Каберов-поэт, Каберов-летчик — неотделимы. Его сердце опалено ненавистью к врагу. Он мстил в бою за народ, и в этом огромная, убеждающая сила искренней его поэзии.

Я говорил уже о «машине времени», свободно перемещающей нас из нового времени в другое.

Герой Советского Союза Игорь Александрович Каберов уцелел на войне. Николай Чуковский, так же, как и я, друживший с Каберовым, придал многие его привлекательные черты одному из героев романа «Балтийское небо» Кабанкову. В романе, наверное с разрешения Игоря, даже приводятся стихи, которые писал Каберов-Кабанков. Герой романа гибнет в жестокой схватке с врагом. . .

Недавно Игорь Каберов, живущий сейчас со своей семьей в Новгороде, написал книгу воспоминаний о войне на Балтике. Один из героев его книги, любимый летчиками писатель-корреспондент Николай Корнеевич Чуковский.

Часто мы читаем в статьях два слова — литература и жизнь. В том, о чем рассказано выше, эти понятия настолько слитны, что между ними следует поставить знак равенства.

9

Нас водила молодость
В сабельный поход. . .
Нас бросала молодость
На кронштадтский лед.

Эти неумирающие слова Эдуарда Багрицкого могли бы стать девизом и нашего содружества писателей-моряков.

Старшие — Вишневский, Амурский, Зонин — сыновья времени, о котором писал Багрицкий.

А те, кто возмужал между двумя войнами, шли по кронштадтскому льду, следом за товарищами.

Для того чтобы подытожить мои недостаточно полные воспоминания о рождении писательской Оперативной группы (я мог рассказать, естественно, о тех, с кем соприкасался теснее), о горьких утратах и мужестве, я хочу познакомить вас с кратким текстом Вс. Вишневского, которым он предварил подписанный в сентябре 1942 г. к печати наш коллективный сборник, выпущенный в существовавшем в блокадном Ленинграде отделении издательства «Художественная литература», — «Балтийцы в боях». Старый ленинградский издатель Павел Федорович Герасимов, едва державшийся на ногах, принимал наш труд. Предисловие Вс. Вишневского, впоследствии не перепечатывавшееся, содержит в себе, как мне кажется, основное, что характеризует время и наше участие в общем деле, продолжавшем созданное славными предшественниками.

«Балтийский флот был родоначальником русской морской художественной литературы. Здесь родились старейшие матросские песни, здесь родились морские легенды, здесь родилась морская русская проза — и книги Бестужева-Марлинского, и первые строки „Фрегата «Паллада»“ Гончарова, и „Досуги“ Даля, и морские темы Загоскина, и блестящие произведения Станюковича, и в 1904—1905 гг. первые записи „матроса Затертого“ — нашего Силыча, Новикова-Прибоя. Балтийский флот таил в своих недрах много творческих сил, и на эту сторону, на эти качества морской среды обратил особое внимание В. И. Ленин, выступая на I Всероссийском съезде моряков военного флота в декабре 1917 г.

... Достаточно сказать, например, что в 1920 г. военные моряки Балтики дали пять литературно-общественных журналов.

За работой начинающих тогда свой литературный труд моряков внимательно следил А. М. Горький, не раз встречавшийся с ними в Петрограде.

Морская литература упорно прокладывает себе дорогу, решает ряд задач, стремясь осветить советскому народу быт, нравы, подвиги, душу краснофлотцев, командиров, политработников, поставленных волей народа на защиту морских рубежей и берегов Родины.

Великая Отечественная война 1941—1942 гг. не приостановила работы морских писателей. Они стали по расписанию на свои посты и выполняют свое дело. В печати можно видеть ряд писательских работ, освещающих боевую жизнь флота.

Настоящий сборник представляет собой попытку соединить некоторые из таких работ. Они являются пока лишь „зарисовками с натуры“ и не претендуют на большее. Углубление темы, анализ и обобщение придут в процессе дальнейшей борьбы и писательской работы.

Флот ведет доблестную, напряженную борьбу. Совершены и ежедневно совершаются многие подвиги.

Горячее желание осветить их — хотя бы и в первоначальном, штриховом рисунке — и дало толчок к составлению этого сборника.

Вс. Вишневский.

Ленинград.

15 июля 1942 года».

Разумеется, Вишневский был прав. Шел второй год войны. Впереди была еще долгая борьба, неизбежны потери. Но уже в блокадную зиму и весну моряками-писателями был завоеван некоторый опыт. Об этом мне и хотелось тебе рассказать в письмах-воспоминаниях.

Молодые бойцы в сражениях мужают. На войне и к поэту скорее приходит духовная зрелость.

Об этом думал я в ясный день блокадного лета 1942 г., когда, выбрав свободный час, отправился на книжный развал на Невском. В блокаду книги читались жадно. Чаще всего видел я у товарищей «Войну и мир» Толстого и «Красное и черное» Стендаля. Их тираж был отпечатан перед самой войной и застрял в городе. Читались и стихи. На книжном развале случайно, среди сборников стихов я обнаружил брошюру «Поэты войны».

«Поэты войны» — отдельный оттиск доклада о молодых французских лириках, погибших в окопах империалистической войны. Этот доклад был прочитан в 1917 г. в Петрограде французским писателем Раулем Лабри. К скорбным выводам приходил автор.

Он говорил о первом поэте, павшем за Францию, Жане Аляре Меюсе, авторе сборника «Сны любви, сны славы», убитом при Пьермоне 22 августа 1914 г. Этот юноша на торжественном выпуске Сен-Сирской военной школы заставил всех своих товарищей поклясться, что они пойдут в бой в белых перчатках, с красным султаном на кивере.

Вслед за ним пали Шарль Пеги, Луи Жандро.

Я перечитал доклад, перечитал цитируемые стихи. Как разнятся по идее, по существу «век нынешний и век минувший!» Но в одном с Лабри нельзя не согласиться: «Военная служба — это полный расцвет души. Это любовь к долгу, к его величию».

И хотя смешна и наивна клятва французского юноши Меюса, но ода его «Завтра» не перестает быть прекрасной. Вот слово его, обращенное к врагам:

Вы отняли у нас исконные владенья,
Из сердца нашего ее не вырвать нам —
Святую ненависть и жажду отомщенья,
Храните ваш рубеж! Мы завтра будем там!

Я опять вспоминаю о моих товарищах — Лебедеве, Инге. Они не мечтали о белых перчатках и алых султанах. Мир их был огромен, мир созидания, творческого труда.

Перед последним его походом я не успел повидаться с Лебедевым. Прочитав в «Красном Балтийском флоте» чудесные ро-

мантические стихи «Ночь на Неве», обрадовался вдохновенному слову товарища... Тень Петра шествует по осажденному Ленинграду:

Идет за Нарвские ворота,
Камзол от ветра вновь крылат,
Стучит дубинкой в плиты дота
И в дикий камень баррикад.

... И голос оглашает город,
Гремит над камнем мостовых:
Генералиссимус Суворов,
Я горд за правнуков твоих.¹⁹

Для штурмана-поэта Алексея Лебедева это была уже вторая война.

Десятки фашистских транспортов, танкеры, миноносцы с войсками, горючим, вооружением утопили летом 1942 г. балтийские подводники. Это было возмездием за страшные страдания, принесенные фашистами нашему народу. Возмездие за Ленинград и за лучшего поэта Балтики.

Ряды сплочены, звонкая песня не оборвана. Война показала нам, на что мы способны.

Написать хорошо о человеке — это награда и для писателя, и для героя. Написать о войне, отдавшем свою жизнь за народ, это значит поставить ему памятник. Вот почему каждый из нас чувствовал, как много еще в его работе недоделано, как много труда впереди.

Нашей литературой в годы войны было накоплено богатство мыслей, образов, тем. Этим жили и наши товарищи, писатели армии, писатели Ленинграда.

... Мне доводилось не раз бывать в морских городах, где начиналась наша военная юность.

Осенью 1944 г. мы возвратились в Таллин.

Нам рассказали тогда: в архиве гестапо был обнаружен комплект плакатов флотской сатиры «Бьем». На карточках с собранной гитлеровской агентурой информацией об авторах был и заочно вынесенный приговор.

Но Самойлов, Вишневский, Николай Браун, автор этих строк были живы. А плакаты, помогавшие флоту бить врага, теперь стали музейными экспонатами. Не так давно Архив Октябрьской революции и социалистического строительства Эстонской ССР запросил их у нас для пересъемки.

... В таком городе, как Таллин, думается, вспоминается по-особому.

Вот парк Кадрiorг, памятник морякам погибшего русского корабля «Русалка». Здесь стояли в августе 1941 г. в последней обороне моряки. С ними были в те часы наши товарищи — Вишневский, Цехновицер, Князев, Михайловский, Тарасенков.

А немного поодаль могила балтийского героя-разведчика Евгения Никонова, заживо сожженного фашистами. Возле могилы яшень. Обугленные гвозди вбиты в его ствол. Это на них, верно,

¹⁹ Боевая краснофлотская поэзия, вып. VII. Л., 1941. стр. 7—8.

держалась проволока, которой был привязан к дереву моряк. Это произошло в другом месте, у озера Харку. Теперь прах моряка и даже дерево перенесены в Кадриорг.

Черные ветви сухого ясеня, словно руки, вскинутые к небу. И только от одной из ветвей, словно из сердца, вырывается яркая, темно-зеленая листва. Значит, есть жизнь, бегут из земли соки по этому стволу, испытывавшему такую муку.

Чайки садятся на круглые прибрежные валуны. Посидят и с пронзительным криком устремляются вновь к морю.

К месту погребения Героя приходят молодые балтийцы. Глядят на камень, на дерево, на живые цветы.

Море кажется плоским, белесым. Где-то отмечено памятным знаком место, где погиб ледокол «Вольдемарас», на котором был Инге.

У островка Кери другой знак — место гибели лодки Алексея Лебедева.

Несколько лет тому назад в республике вышла любовно переведенная и проиллюстрированная книга стихов ленинградских поэтов, отдавших жизнь за освобождение Советской Эстонии, — Алексея Лебедева и Юрия Инге, Василия Скрылева и Георгия Суворова. Книгу назвали хорошо — «Стихи возвращаются в Таллин».

И еще в одном городе, по-особому нам дорогом, улицы напоминают о друзьях. Это улицы краснзнаменного города-крепости Кронштадта, носящие имена Всеволода Вишневского, Юрия Инге, Алексея Лебедева.

Когда ты приедешь теперь в Ленинград, мы отправимся в город флотской молодости на стремительном «Метеоре».

Помнишь вашу Ленинградскую пристань, улицу Ленина, Советскую? От них невдалеке улицы, носящие имена тех, кого мы так хорошо знали.

* * *

Чем закончить мне письма, датированные 1942—1972 гг.?

Я вспоминаю слова человека, глядевшего далеко вперед, которому наша литература и тот коллектив, который он воспитал и сплотил в блокадные годы, обязаны многим.

В «Дневниках военных лет» Всеволода Вишневского есть запись: «Я хочу, чтобы группа была спаянной и дружной... За службой никогда не должна пропадать человеческая писательская душа... Революция имеет смысл только как дело человечности, простоты, ясности и дружбы».

Эту свою мечту, выверенную боевым жизненным опытом, Всеволод Вишневский передал и нам.

**БЛОКАДНЫЕ ДНЕВНИКИ
ПИСАТЕЛЕЙ****1**

Дневник как литературное произведение, предполагающее публикацию, — жанр, обращенный в будущее. Временная дистанция между его написанием и выходом в свет — в некотором роде условие его восприятия. Отдаленность времени оказывается нередко фактором, увеличивающим историческую и литературную ценность записей, так как дает возможность разглядеть многие бытовые, психологические и прочие детали, неприметные для современников, ощутить реальность забытого времени в его несомненной достоверности, иногда позволяет воспринять случайность формы отдельных заметок как некую утраченную норму.

С первых дней Великой Отечественной войны многие писатели стали вести регулярные записи о переживаемых событиях, относясь к своему делу как к общественно значимому, как к своеобразному отчету перед будущим, перед историей. Настойчивость и упорство, с которым велись некоторые дневники, нередко были сами по себе проявлением высокого гражданского мужества. С самого начала они имели в виду постороннего читателя, что делало их менее интимными, нежели традиционные «записи для себя», хотя, разумеется, и в этом отношении между блокадными дневниками писателей были различия.

Дневниковый жанр широк по своим внутренним возможностям, свободен в выборе, организации и освещении материала, разнороден по своим художественным потенциям, диапазон которых — от сухой информативной хроники событий до широкого эпического повествования. Задачи, которые ставили перед собой авторы дневников и решали по мере сил и возможностей, создавая день за днем свои произведения, тоже были весьма различны. У Всеволода Вишневского, например, очень остро было ощущение необходимости «сохранить для истории наши наблюдения, нашу сегодняшнюю точку зрения — участников. Ведь через год, через десять лет — с дистанции времени будет виднее. Возможно, будет иная точка зрения. Оставим же внукам и правнукам свой рассказ. Наши ошибки и победы будут уроками для завтрашнего дня».¹

¹ В. Вишневский. Собр. соч. в пяти томах, т. 3. М., 1956, стр. 297—298. (Далее ссылки в тексте).

Иначе формулировал свою задачу Вячеслав Ковалевский, воевавший под Ленинградом: «Я с полевой сумкой, карандашом и бумагой ищу на фронте Человека. Хочу понять механику поведения человека на войне, механику всякого рода его побуждений, которая помогла бы мне понять что-то более общее и в то же время более глубокое».² Позже он записывает: «Я хотел бы иметь право ответить тем, кто через много-много лет спросит: „Что ты делал на войне?“ — Я был твоим глазом и твоим ухом!».³ Павел Лукницкий, который изо дня в день героически вел записи обо всем, чему был свидетелем в блокадном Ленинграде, так писал 18 января 1942 г.: «И, может быть, сохранится эта чистосердечная запись моя до будущих больших и светлых времен, когда, вероятней всего, меня самого уж не будет на свете, сохранится и поможет людям разобраться во всем, что происходило в самые страшные дни осады города, когда ежедневно умирали от голода многие тысячи ленинградцев, когда мертвецы валялись на каждой улице, замороженные лежали в пустых и еще обитаемых квартирах каждого дома, сваливались где попало с перегруженных ими трех- и пятитонных грузовиков; когда никто из живых уже не бежал и не припадал к земле при разрывах немецких снарядов; когда все-таки, все-таки, все-таки люди безропотно, мужественно, стойчески, в предсмертной слабости делали свое дело, выполняли тот труд, который партия и совесть требовали от них,— выполняли до последней минуты, валившей их с ног на морозных ли улицах, на темных ли лестницах, на служебных ли их постах. И когда у каждого ленинградца на устах был только один беспомощный, робкий вопрос: „Скоро ли отобьют у немцев дорогу, пробьют кольцо блокады?“».⁴

Одной из общих черт писательских дневников этой поры была их открытость перед людьми и миром. Частная судьба автора в них — лишь точка обзора, а не объект преимущественного внимания. О себе писали лишь в той мере, в какой это касалось всех. Личный мир каждого человека стоял на пересечении многих мощных социальных и духовных волн. Жизнь мира обозревалась с высоты частной судьбы, и сама частная судьба, целиком, как никогда, зависимая от политических условий и обстоятельств, почти незначимая в океане других судеб, выражала собой жизнь народа, его мысли, чувства, надежды. Поэтому дневники этих лет близки к жанру хроники. Предмет их внимания — война, ее лики и образы. Сознание летописной истории войны, осознаваемое писателями как социальный заказ, во многом совпадало с ведением такого рода дневниковых записей.

² В. Ковалевский. Тетради из полевой сумки. М., 1968, стр. 227. (Далее ссылки в тексте).

³ Там же, стр. 289.

⁴ П. Лукницкий. Ленинград действует... Фронтовой дневник. Кн. 1. М., 1961, стр. 551—552. (Далее ссылки в тексте).

Здесь возникает любопытная аналогия с литературой Отечественной войны 1812 г. Говоря о летописном стиле в прозе XIX в., Б. М. Эйхенбаум замечает, что «рецидивы летописного образа мыслей и стиля были не случайны: они возникли в трудные, грозные для страны и народа годы, когда „роль случая“ казалась всесильной, а попытки понять или хотя бы „угадать“ ход истории терпели неудачу. Понятно, что в такие моменты литература — и именно передовая, не потерявшая связи с народной жизнью и историей, — тянется к эпосу и находит его в фольклоре и в летописи».⁵ Дневниковые записи о событиях Великой Отечественной войны подтверждают закономерность тяготения литературы к летописной эпичности при известного рода обстоятельствах.

Дневники писателей, переживших вместе со всеми гражданами города блокадную трагедию Ленинграда, насквозь пронизаны необыкновенно острым чувством личного участия во всенародном действии, чувством общности, единения. Индивидуальное переживание словно растворяется во всеобщем горе. Социальное становится глубоко личным. Интимное ищет форму общественного выражения. Ощущение себя частью огромного коллектива, будь то город, Россия, Советский Союз, нередко стирает в дневниковых записях грань между «я» и «мы». Особенно это заметно в дневниках В. Вишневского, где сплошь и рядом размышления обретают публицистическую страстность. Вот, например, запись, сделанная 14 февраля 1942 г.: «За месяц количество выданных продуктовых карточек уменьшилось на тысячи (учитывая эвакуированных). Остается один месяц до оттепели и порчи Ладожской дороги. Тут дело должно быть решено. (Следует учитывать химическую и бактериологическую опасность).

Но что бы там ни было, мы будем бороться до конца. Это дело чести. И с каждым днем растет народное участие и желание удерживать Ленинград. А умирают люди просто, без жалоб. Очень глубоко сознание величия борьбы и национальной, социальной ее сути» (т. 3, стр. 338). Публицистичность подобного рода записей у Вишневского связана с его литературной деятельностью в этот период, на них лежат отзвуки его бесчисленных выступлений на митингах, собраниях перед защитниками города, его страстных статей и очерков, большой организаторской деятельности.

Говоря о своеобразии блокадных дневников писателей, следует отметить, что авторская точка зрения в них — это точка зрения рядовых бойцов, обороняющих Ленинград. И В. Вишневский, и П. Лукницкий, и В. Инбер и многие другие писатели, оставшиеся в осажденном городе, разделяли вместе со всеми, без каких бы то ни было преимуществ, смертную муку голода, вместе со всеми мерзли, переносили артобстрелы и бомбежки. Именно личная причастность к страданиям народа давала возможность говорить пол-

⁵ Б. М. Эйхенбаум. О прозе. Л., 1969, стр. 374.

ным голосом о своих согражданах, произносить с полным правом объединительное «МЫ» вместо «Я».

Проблема личного мужества писателей, их поведения, их нравственного облика во время грозных событий блокады была чрезвычайно острой. Право призывать людей к героизму и подвигу было отнюдь не безусловным. Его нужно было заслужить. 30 июля 1941 г. в дневнике Вишневского записано: «О наших писателях.— Некоторые из них работают отлично, но некоторые проповедуют воинские и прочие доблести, а сами трусят или стоят на грани трусости. Они учат „презирать смерть“, но усиленно заботятся о своем здоровье и целостности своей жизни. (Кстати, кажется, пламенный оратор Цицерон первый дал эту формулу, но, когда приблизилась опасность, сбежал, был пойман и обезглавлен). Несогласованность поведения этих лиц и их писаний меня мучит, они обесценивают нашу литературу и искусство. Есть какой-то обман народа во всем этом со стороны ряда писателей, кинематографистов и артистов. Пусть какие-нибудь философы оправдают мне это „право“ писателей сидеть вдали, в укрытиях, где тепло и сытно, и советовать другим идти умирать» (т. 3, стр. 556).

Для дневников, о которых мы ведем речь, в которые регулярно, день за днем заносятся записи об увиденном и пережитом, личное поведение их автора особенно значимо. Хотя, как я уже говорил, предметом внимания в этих произведениях в большей мере был мир внешний, нежели внутренняя душевная жизнь писателя, однако же именно личность автора становилась центральным, объединяющим стержнем дневника — это неизбежный закон жанра. Даже объективное стенографирование разговоров, бесед, даже включение в свои записи официальной газетной информации объединено авторским отбором, раскрывает психологию автора. Характерна в этом отношении одна дневниковая заметка Вишневского: «В последнее время думаю об этом дневнике, Он фиксирует ряд фактов, мыслей... Но я как-то стесняюсь писать о своем внутреннем духовном брожении, эволюции... Я не пишу или пишу мало о моих фантазиях; об обычных человеческих странностях; о личном; о бытовых мелочах... В силу врожденной или выработанной привычки я пишу главным образом о войне, о политических событиях. Впрочем, разве уйти современникам из „плена политики“?.. Еще Наполеон заметил Гёте об этом: рок заменен политикой. Душа, мозг — пронизаны тем же» (т. 3, стр. 673).

На современников Вишневского «плен политики» наложил отпечаток, не менее отчетливый, нежели на современников Наполеона; писательские дневники блокады — наглядное подтверждение тому. Вообще следует отметить, что, создавая «дневники войны», оставляя свидетельства очевидцев о пережитой трагедии, документы «живого времени», писатели создавали духовный портрет своего поколения, яркими представителями которого были они сами.

Перед лицом невероятной по своему размаху, фантастической картины смертей, мужества, страданий и стойкости, перед лицом

гибели, подстерегающей любого, предельно обострились нравственные переживания, отчетливыми и недвусмысленными стали контуры человеческих личностей, тайное в душах людей сделалось явным, нашло воплощение в делах и поступках. Поэтому есть особая достоверность в записях писателей этих лет: исповедальная достоверность чувств и мыслей, достоверность сиюминутного видения, не трансформированного ни временной, ни пространственной дистанцией.

О существенных событиях войны и эпизодах военных действий историк сможет найти документы, более точные, объективные и надежные, нежели дневники писателей, но именно в дневниках запечатлелась с удивительной подлинностью социальная психология поколения. В этом отношении дневники писателей — документ большой ценности.

2

Еще задолго до Великой Отечественной войны, в 1936 г., размышляя о своей судьбе, В. Вишневский записал в дневнике: «Неужели судьба моя: вечно война, о войне, о крови, *уничтожении живого*, о смерти... Или двадцать два года военной службы — давление войн — так безнадежно сильно в моем творчестве?»

Порывы к иному есть во мне. Наиболее сильно в прозе, в главах романа (зима 1935—1936), в мыслях, в мечте... Думаю о лирической теме, о современной жизни. Но чудовищная инерция старого сильна — еще не все я выговорил за два десятилетия... Мое отношение к войне менялось и меняется... Я как-то отглянулся: а где же моя радость жизни, *мой* отдых? Отдельные короткие паузы.

Эпоха войн и революций! Еще далеко от отдыха. Да и отдохнет ли человек вообще? Он вечный буйан, искатель» (т. 6, стр. 248).

Целое поколение, прошедшее сквозь горнило революций и войн, могло сказать о себе подобные слова. На протяжении своей жизни люди этого поколения ощущали себя солдатами, готовыми в любое время вновь взять в свои руки привычные винтовки, оставить за спиной всю прошлую жизнь и, выйдя из дома, окунуться в безытийность войны. Они верили, что «за пять поколений будущих в свой недолгий век отстрадали». Им грезились «сны революции», и ее романтический пламень согревал их в ледяные ночи походов. Эта «солдатская», «военная» тема выразительно прозвучала в стихах А. Суркова и К. Симонова, М. Светлова и В. Луговского, Я. Смелякова и многих других.

В блокадных дневниках В. Вишневского, более прочих склонного к обобщающим рассуждениям, мысль о необычности судьбы своего поколения, о его специфическом и неповторимом облике, сформированном временем, проходит через все записи. «Я бы хотел написать новую пьесу — просто о людях, о тайнах их духа, мыслей (без «военной установки»), — записывает он 15 июля

1943 г. — Современный человек — существо сложное, он пережил за несколько десятилетий столько передраг, переворотов, измен и войн. Он был религиозен, был окопником (1914—1917 годы), был героем Октября, героем гражданской войны, атеистом, интернационалистом, немного нэповцем, героем социалистического строительства и, наконец, героем пынешней Отечественной войны. Сколько наслоений, какая эволюция у людей за сорок — пятьдесят лет! Какая стойкость и вера в грядущий коммунизм!» (т. 4, стр. 236).

Через весь дневник Вишневского проходят воспоминания о гражданской войне, с которой он постоянно сопоставляет факты новой войны. Например: «В агитации нет смелости, резкости. В гражданскую войну говорили открыто, резко» (т. 3, стр. 170). «Встретил нескольких писателей... Ушло все это далеко... Есть освобожденность духа, мысли, отрешенность от былого „бытика“, литературных ссор. Вновь я захвачен войной, рецидивом эпоса гражданской войны!» (т. 3, стр. 190). Любопытно отметить в этой связи, что первоначально эти «рецидивы» ассоциировались с молодостью писателя; бодрость, столь характерную для него, еще не сменила усталость, и облик войны несколько романтизировался. 2 ноября 1941 г. Вишневский записывает: «Вспомнил зиму 1918—1919 годов — Кронштадт, Нижний Новгород. Молодость меня кидала куда попало, а сейчас все как-то знакомее, привычнее, но বেশено интересно.

Моя судьба! Как мне узнать твои пути?

Есть в моей судьбе сложные ритмические повторы мест, встреч, настроений и пейзажей! Иногда эти повторы поразительны...» (т. 3, стр. 187). Через два года, побывав в окопах на переднем крае, Вишневский с иным чувством отнесется к повторам, которые приносят бесконечно сменяющиеся войны: «Вот опять подлинная война, и я мысленно возвращаюсь к своим окопным годам и не могу больше справиться со сложным, горьким чувством, которое меня не покидает. Это — мое субъективное и объективное отношение к беспощадности мира сего; это — знание войны, которое уже переполняет меня; это — тоска о безвозвратно потерянном; это — странные повторы ощущений, год за годом — и так почти тридцать лет; это — вопросы, на которые никто не даст мне ответа; это — мучительные мои думы о жизни старшего, среднего и младшего поколений, которую я отчасти пытался показать в пьесе. Сумерки... Шагаю дальше. Сырой могильный дух. Кое-где стенки окопов уже обвалились. Над нами бесконечное темнеющее небо. Сосны простирают к небу обуглившиеся ветви-руки. Покалеченные деревья — «мертвый лес»... Я видел его дважды, трижды, четырежды в моей жизни. Я описал его в моей „Войне“ и в этих дневниках... Давление всех повторов, пожалуй, уже чрезмерно. „Мертвый лес“, потрясший меня, я увидел тебя впервые в мае 1915 года вдоль шоссе за Ломжей...» (т. 4, стр. 289—290). Быть может, именно опыт пяти войн давал возможность Вишневскому

«быть над эмпирикой опасности, смерти, голода и пр. и видеть общее направление движения человечества» (т. 3, стр. 373). Иногда эта обобщающая философичность его записей, сделанных в блокадном Ленинграде, умение вырваться за пределы трагедии, разыгрывающейся вокруг, и взглянуть на происходящее с высоты почти недосыгаемой поражают холодным логизмом граничащим с жестокостью: «Независимо от жертв нравственных, этических и прочих категорий, — война прокладывает человечеству новые пути, которые пока до конца не осознаны в ряде стран. Наружу вырвались новые народные силы, несмотря на все передраги XX века — кровь, усталость, травмы, кризисы... Поистине — запас энергии у человечества неиссякаемый!..» (т. 3, стр. 360), или: «... все действия, решающие судьбы наций, дорого оплачивались. Рыдаем ли мы сегодня над жертвами России во время татарского ига? Очень ли мы убиваемся сегодня по поводу „смутного времени“? Некий процент сил, жизней нужно отдавать в борьбе. Вспомним героев гражданской войны. Это — как жертва! И Ленинград — в ряду этих жертв за будущее...» (т. 4, стр. 429).

Нужно сказать, что желание увидеть явления и события текущей действительности с точки зрения историка будущего включало в себя и желание взглянуть со стороны на свое поколение, продлить в завтрашний день его судьбу. Размышляя о потрясенных до основания войной нормах, «законе человеческом», о психике людей, с выбитой из колеи жизнью, Вишневский так пишет в своем дневнике: «Я думаю: после войны надо искать цельности внутреннего мира, а главное — ощутить покой, прочность, я не решаюсь сказать — счастье. Наше поколение настолько отравлено войнами, непрерывными сдвигами, изменениями, рывками, настолько утомлено и ко всему еще так привыкло к постоянному нервному возбуждению, что, может быть, нам уже не дано ощутить покой и тишину, — мы и сами их оттолкнем и опять окунемся в стремительный поток жизни, привычно рассекая его течение... Война!..» (т. 4, стр. 428).

Острое ощущение жизни как постоянной борьбы, вечного преодоления невзгод и тягот внешних обстоятельств вошло в плоть и кровь этого поколения. Быть может, именно потому, что людям этой генерации пришлось чрезмерно страдать в своей жизни, видеть слишком много несчастий и горя, они умели находить радость в малом, умели быть счастливыми в условиях, казалось бы, исключаящих это. Жизнь производила среди них суровый отбор, и такие качества, как оптимизм и жизнелюбие, неприхотливость и быстрая ориентация в сложных обстоятельствах, сыграли немаловажную роль при этом отборе.

В умирающем от голода городе, сама находясь на грани жизни и смерти, Вера Инбер записывала в свой дневник 10 июля 1942 г.: «Единственное мое личное горе за этот год — смерть Мишеньки (умерший в эвакуации внук писательницы, — Э. Ш.). Если бы не это, я была бы совершенно счастлива самым высоким счастьем —

своей работой, которая оказалась нужной во время войны. Я могла бы сказать про себя словами одного партизана: „Живем хорошо. Эту оценку я дал в связи с тем, что жизнь хороша тогда, когда ее будни наполнены боевыми делами“. Но для меня писательские дела — это и есть мои боевые дела». ⁶

В мертвом ужасе блокады творчество было реальным актом противостояния смерти, реальным актом борьбы, мужества. В то же время творчество оказалось спасительным якорем, связующим с жизнью. Через весь блокадный дневник Веры Инбер проходит история создания поэмы «Пулковский меридиан», это одна из его сквозных сюжетных линий. Очень характерна своеобразная мистика защищенности творчеством от смерти, прозвучавшая в одной из заметок: «Ужасно чувствую себя физически. Когда я не работаю, я как бы остаюсь лицом к лицу со своими хворостями. И все они набрасываются на меня. Вообще у меня такое ощущение, что, только пока я работаю, со мной не может случиться ничего дурного.

Пока я работаю — пуля меня не возьмет.
Пока я работаю — сердце мое не замрет».

(стр. 248).

Подробно рассказывает Инбер о том, как перспектива творческой работы помогла выжить профессору Монтеверди, лежавшему в больнице в жесточайшей дистрофии. Он поднялся раньше срока и произвел в своем институте драгоценное для блокадников лекарство — дигиталис (стр. 381—385).

Каждое проявление радости, счастья, каждый солнечный всплеск живой жизни и творчества напряженно фиксируется в блокадных дневниках, словно это уже само по себе становится противовесом всем смертям и ужасам войны. Вот, например, одна из заметок Ольги Матюшиной, относящаяся к осени 1941 г.: «Хорошо сегодня греет солнце! Небо синее-синее. Ослепительно светится стена соседнего дома. Хочется в лес, на природу. Нельзя. Черные фашистские тучи нависли над нашей страной. Сколько тишины и мира в природе! Удивительно в этом году цветут мальвы. Они бело-розовым облачком лежат на темной земле. Захотелось нарисовать этот кусочек мира и радости. Быстро работают руки. Мальвы ожили у меня на бумаге. Теперь память о них сохранится надолго. Завыла сирена. Брошены краски и кисти. Иду на чердак, на мой пост». ⁷ Уже почти ослепшая художница рассказывает о творчестве в своем дневнике: «Я беру бумагу, краски и сажусь писать. Как я пишу — сама не знаю. Только мне хочется написать эти цветы так, чтобы они были знаком грядущей победы моей страны, моего любимого города.

⁶ В. Инбер. Собр. соч. в четырех томах, т. 3. М., 1965, стр. 238—239. (Далее ссылки в тексте).

⁷ О. М а т ю ш и н а. Записки. — «Звезда», 1943, № 2, стр. 62. (Далее ссылки в тексте).

И цветы сияют. Они светятся, стараясь помочь плохо видящему человеку. — Смотри, Наля, почти с закрытыми глазами рисовала твои пионы. Это цветы нашей победы, это цветы поражения фашистской тьмы» (стр. 60).

Рассказывая в своем дневнике о городе, пережившем первую, самую страшную, блокадную зиму, В. Вишневский с восторгом отмечает робкие приметы продолжающейся неистребимой жизни: «В витринах магазинов — шляпки (трогательно!), комиссионные вещи... Открылись киоски с водами... Очередей не видно... Детская беговая и даже волейбол. Глаз жадно останавливается на каждом проявлении жизни, на ее вечном упорстве. Тащится позеленевшая от дистрофии старушка и ... несет букетик первых весенних цветов. На деревьях взобрались мальчишки — неугомный народ, кричат мне что-то веселое» (т. 3, стр. 473). О цветах в городе пишет в это время в своем дневнике и П. Лукницкий: «Цветы я вижу везде, во всех домах, во всех квартирах, на улицах — у гуляющих или спешащих по делам девушек. Всем хочется красоты, цветы будят представление о мире и покое, о счастливой жизни ... сейчас, в июле, уже сравнительно редки случаи смерти от голода. В глазах ленинградцев, в их — от всего пережитого — ставших красивыми, выражающими затаенную скорбь глазах — мудрость, приобретенная за год войны. И до того людям обрыдло все одно и то же — голод, голод и голод, — что у тех, кто не слишком голодает, сейчас само слово „дистрофик“ стало чуть ли не бранной кличкой».⁸

В то же время у людей постоянно присутствовало чувство запретности, недозволенности радости или по крайней мере невозможности полноты счастья. В. Ковалевский, рассказывая о том, как на фронте присутствовал при чествовании героя, замечает: «Я тоже пел вместе со всеми и, обретя удивительное чувство свободы, вновь и вновь остро ощутил, что такое фронтовое братство, до радостного озноба в душе, до состояния, близкого к ощущению пронзительного счастья. Но для полного счастья не хватало все же слишком многого: чтобы война уже закончилась, и чтобы все из могил поднялись, стяхнули бы с себя землю и вместе со всеми нашими родными и близкими сидели бы сейчас вместе с нами и пели, и чтобы это длилось без конца, не обрывалось никогда» (стр. 141).

Яростная жажда жизни, сочетающаяся с чертами стоицизма, нередко была во время блокады тем внутренним «энергетическим резервом», который вступал в строй, когда физических сил уже не хватало для того, чтобы выжить. По мере того как мертвые пальцы голода все крепче сжимались на горле Ленинграда, по мере того как вероятность умереть от дистрофии, замерзнуть, быть убитым снарядом или бомбой становилась все более реальной,

⁸ П. Лукницкий. Ленинград действует... Фронтовой дневник. Кн. 2. М., 1964, стр. 359. (Далее ссылки в тексте).

все чаще появляется в дневниковых записях высокая отрешенность от страха за свою жизнь, все громче звучит всеопределяющее чувство личной ответственности за судьбу Родины, за судьбу великого города.

С какой-то обнаженной безжалостной четкостью П. Лукницкий, для дневников которого в общем-то не характерна отвлеченная философичность, формулирует свое кредо воина, человека, патриота. Хочется привести почти полностью эти слова, потому что в них писателю удалось выразить внутреннее переживание, которое определяло мысли, дела, поступки, и саму жизнь лучших людей этого поколения в годы войны: «Я живу в Ленинграде и, если понадобится, выполню мой долг до конца. Может быть, в боях за Ленинград я погибну, и утешением мне в последний час мой будет сознание, что я ничем ради продления моего существования не осквернил моей чести и в меру сил сделал все от меня зависевшее... А жизнь сама по себе?.. Ей-богу, за время войны я уже утратил ощущение драгоценности собственной жизни. Кто из нас, советских людей, осмелится подумать, что его жизнь ценнее, лучше жизнью сотен тысяч погибших? Каждый из нас научился рассуждать просто: среди несчетных погубленных войной во всем мире культурных ценностей что стоит маленькое, микроскопически маленькое зерно культуры, возвращенное фактом его личного существования на этой земле?

А мысль о родных и близких? Но ведь и это, по философическом размышлении, только условность. И если человек любит (а в последнее время мне все чаще приходит странная мысль, что самое чувство любви к родным и близким — только роскошь, позволенная человеку во всякое иное, но не в это страшное время, когда человек должен быть готов пожертвовать решительно всем, кроме своей чести, заключающейся в выполнении долга перед Родиной), и если, повторяю, человек кого-то любит, то надо довести себя до такого состояния стоицизма, чтобы просто и без лишнего угнетения чувств перенести утрату родных и близких в том случае, если их отберет война. Собственная же жизнь, скажу еще раз, сама по себе уже не ощущается как абсолютная ценность. Когда умирают миллионы здоровых, полнокровных людей, за то же священное дело будь готов умереть и ты. Всякое иное рассуждение — удел шкурников, предателей и трусов. Нельзя жалеть своей жизни в тот прекрасный момент, когда знаешь, что отдаешь ее не напрасно, что, умирая, становишься одним из атомов общей победы» (кн. 1, стр. 317—318).

Эта высокая отрешенность от всяких эгоистических движений души, подвижническое самозабвение во имя победы над врагом многократно отмечается авторами дневников как общее правило жизни ленинградцев. Инбер записала в дневнике: «Нельзя слушать без волнения, как этот голодный, темный, замерзающий город радуется морозам, от которых гибнут гитлеровцы на нашем фронте.

— Так им и надо! — повторяют люди посиневшими губами, стоя в подворотне во время обстрелов... Что такое жизнь? Это витамины и калории. Здесь это ощущаешь с неумолимой ясностью. Но есть мужество, которое нарушает все каноны жизни и смерти. Можно смело сказать, что Ленинград питается преимущественно ненавистью к врагу. И этим живет» (стр. 175).

Страшные, потрясающие душу картины первой блокадной зимы Ленинграда встают со страниц дневников: необрунные трупы, лежащие на улицах, в подворотнях, в промерзших квартирах, обессиленные люди, везущие на детских саночках мертвецов и сами падающие и замерзающие на глазах прохожих, у которых часто нет сил помочь. Появляется даже какой-то особый утилитаризм в подходе к умирающим на улице. Лукницкий, рассказывая о том, как он помог подняться упавшему в снег человеку, отмечает: «Это был хороший, еще *способный* жить (курсив мой, — Э. Ш.), обросший бородою старик-рабочий, п я провозился с ним, наверное, около часа, успокаивая его, забывшего названия улиц и куда он идет» (кн. 1, стр. 507).

Нужно отметить, что о голоде и смертях писали в дневниках в общем-то скупно, сдержанно и строго. Нужно было беречь душевные силы. Но порою одна, казалось бы случайная и маловажная, деталь ленинградского быта распаивает занавес перед черной бездной трагедии. В дневнике Инбер есть, например, такая почти неприметная запись: «В оркестре Филармонии вторые скрипки получили вторую категорию карточек и потому не жили... Они теперь все новые» (стр. 234).

Вишневский приводит слова приезжего человека, увидевшего ленинградский блокадный быт со стороны: «Город ваш фантасмогоричен: и фронт, и тыл. Так спокойно работать в условиях почти непрерывного обстрела — это за пределами человеческих возможностей. Вы все работаете из последних сил, не понимая этого. Вы либо герои, либо ненормальные». Вишневский так комментирует эти слова: «Нам неприятны эти разговоры. Не надо нас сбивать с привычного ленинградского ритма. Лично у меня еще нет „бокового“ взгляда на Ленинград, нет и дистанции. Суммирую все потом» (стр. 297).

Мужество ленинградцев было поразительно. Постепенно притуплялась острота ощущения осады. Обстрел становится настолько привычной частью быта, что даже не мог прервать, например, танцев молодежи: «Снаряды ложились в двухстах метрах, а девчужки, в праздничных платьях, беззаботно выделывали всякие „па“!..», — записал Вишневский летом 1943 г. (т. 4, стр. 296). Люди, живущие вопреки всем очевидным законам и нормам выживания, не могли не измениться, пройдя сквозь горнило блокады. Процесс этих изменений — одна из сквозных линий блокадных дневников. Существенным моментом во внутренней эволюции была принципиальная перестройка сознания на военный лад: штатские по духу люди уже через несколько месяцев войны

в полной мере ощутили себя воинами. В ноябре 1941 г., раздумывая над судьбами и характерами людей, которых он видел на передовой под Ленинградом, и, может быть, несколько опережая события, П. Лукницкий писал: «Было время, когда война взяла их в оборот. То время прошло. Теперь они берут войну в оборот! В этом — огромная, принципиальная разница. В этом — основное различие между двумя периодами Отечественной войны — прошедшим и настоящим... Такие отступать уже не могут. Такие могут только наступать. И самое трудное для них, что их наступательный дух еще не находит исхода, что время для наступления еще не пришло, наступление еще только зреет, еще находится, я сказал бы, в „утробном периоде“, название ему пока — активная оборона. Но эта активность не может не перехлестнуть за черту рубежей врага» (кн. 1, стр. 372). Весной 1942 г. Вишневский отметил в дневнике, что по сравнению с осенью 1941 г. в городе и следа не осталось «от некоторых пораженческих настроений», обывательских слухов. «В страданиях и борьбе люди закалялись и приобщались к великому» (т. 3, стр. 424).

В посажденном Ленинграде бесстрашие стало нормой поведения. Снайпер, «истребитель кукушек», Захариков рассказал Лукницкому о таком эпизоде: когда он ездил в Ленинград, то, проходя по Васильевскому острову, видел, как снаряд попал в очередь, стоявшую перед магазином. «Множество убитых разлетелись в стороны кусками мяса». Уцелевшие женщины сразу же снова собрались в очереди и продолжали стоять. «Захариков, бесстрашный в бою человек, этим зрелищем был подавлен» (кн. 1, стр. 374).

Многие, приезжающие с фронта в осажденный город, говорили и писали о том, что жизнь в Ленинграде была страшнее, мучительнее, опаснее и трагичнее, нежели на передовой. «Некоторые приезжие, — записывал в дневнике Вишневский, — находят нас изменившимися, суровыми, но было бы странно, если бы мы были, после всего пережитого, по-детски безмятежны» (т. 4, стр. 76). Он же писал в дневнике 22 сентября 1943 г., отметив эту дату («Два с четвертью года войны»), что, выслушав рассказ Н. Чуковского о подвигах летчиков, у которых тот был, он «поймал себя на том, что почти не реагирует на его рассказ — все это уже стало нормой...» (т. 4, стр. 382), а несколько раньше, говоря об упрочении военного быта и росте уверенности в своих силах, писатель отметил «притупление некоторых восприятий, реакций (например, на жертвы). Это подтверждают многие факты, это рефлекс защиты нервов» (т. 4, стр. 192). Постепенно сказывалась усталость, шел процесс адаптации в восприятии фактов героизма и страданий, в восприятии подвигов и смертей. Наверное, особенно это проявилось у тех, кому по роду своей деятельности приходилось выслушивать сотни биографий, историй, случаев, эпизодов, кому приходилось на этой почве вступать в близкие контакты со множеством людей, которые не были равно пре-

красны. Вероятно, именно с этим связана грустная запись в дневнике Вишневого, сделанная в январе 1943 г.: «Последние годы я стал нервнее, злее, горше... Уж очень много навидался, натерпелся... Каждый, видимо, несет в себе некий идеал человека, а, увы, люди — просто люди и далеки от идеала. Частые обманы, „разочарования“, недоумения создают в моей душе буквально ноющую рану. Все привыкаю, привыкаю, но никак не могу привыкнуть... Тянет к людям... Любовь к ним — внутренняя, огромная, усиливающаяся до восторга, до молчаливого экстаза... А приближение к отдельным индивидуумам в большинстве случаев трудно. Иной раз никого не хочется видеть. Может быть, лучше любить их издали? Живых, реальных... но на некоторой дистанции?» (т. 4, стр. 48).

Война отнюдь не упростила проблем гуманизма, скорее — оострила их, обнажила индивидуальные различия в их понимании и в отношении к ним. Писательские дневники раскрывают, как сложен был процесс перестройки сознания у многих мирных людей, которые в результате стали способны в полной мере видеть в ненависти к врагу наиболее действительную форму любви к людям. Не сразу в описании трупа эсесовца «босого, с наполовину размозженной головой, с комьями кровавого льда вместо глаз, мертвого, запрокинутого» могла прозвучать в дневнике у Веры Инбер жестокая радость (т. 3, стр. 362). Для этого нужны были три года нечеловеческих мук блокады, сотни тысяч смертей сограждан, смерть любимого внука и многое, многое другое. Даже у В. Вишневого, которого трудно обвинить в излишней мягкотелости, не сразу с яростной определенностью могло прозвучать в дневнике: «Смерть немецким оккупантам! Доброта, всепрощение и прочие хорошие чувства — потом!» (т. 4, стр. 56).

П. Лукницкий рассказывает о том, как обожгло его священное чувство ненависти: «Я не стыжусь упрека в слабости и сентиментальности, записывая то, что произошло дальше: так было, и, значит, я должен записать!.. Острота горечи с такой силой пронзила меня, что, сам того не ожидая, внезапно, напрасно стараясь сдержаться, я разрыдался — в первый раз за время войны!.. Я отдался этим рыданиям, может быть, всего на минуту, но такой тоски, грусти, горечи, душевной боли я, кажется, никогда не знал... Я стоял среди развалин моей жизни, семьи, имущества, дома, один на один с собою, одинокий и в эту минуту беспомощный, в городе, в котором миллионы людей пострадали так же, как я, и еще много больше моего... И внезапно изнутри меня обожгла огненная волна ненависти, я громко крикнул: „Сволочи гитлеровцы!“ — и выругался нещадно, и почувствовал обуревающую меня, зовущую к действию жажду мести! Что-то клятвенное было в этом самосознании. Я понял, что все мое существо клянется: за народ мой, за город мой, за погибших людей и за самого себя — мстить! И сразу же не стало слез, я почувствовал себя сильным, твердым, спокойным» (кн. 1, стр. 697—698). Эта жажда мести

ощущается писателем как высокая и благородная эмоция, дающая новые силы и энергию для «священного дела этой войны».

Нужно сказать, однако, что лозунг «Кровь за кровь! Смерть за смерть!», хотя и являлся в годы войны всеопределяющим по отношению к врагу, все-таки не исчерпывал всей реальной сложности переживаний русских людей по поводу подлых захватчиков. Вячеслав Ковалевский рассказывает о том, как в 1944 г. побывал в деревне Новожилово, сожженной немцами до основания, и задал уцелевшим жителям вопрос: что делать с немцами на их земле? «И вот женщина торопливо, как бы боясь запоздать с ответом, просит (записываю дословно):

— Будьте добры, не трогайте ихних детей и женщин!

У меня навертываются слезы. В просьбе старика тоже основная забота: как бы не пострадали в Германии невинные люди.

Боже мой, что же это за народ, где же граница его долготерпению?

Женщина показала рукой на толпившихся около нее детей и сказала:

— Ведь он, окаянный, вот таких бросал в огонь! Разве они виноваты? Если бы была тогда шапка-невидимка, подошла бы к нему сзади, оглушила бы колом и самого бы бросила в огонь. Нет, будьте добры, детей ихних не трогайте!

Почему у этих разоренных, обездоленных людей, у которых погибло много близких, родных, на первом месте не мысль о возмездии, а боязнь — как бы мы не совершили в Германии несправедливости. Почему?» (стр. 463).

Приведенный эпизод вызвал у одного из критиков «Тетрадей полевой сумки» реакцию недоверия в подлинности этой записи.⁹ Нам, однако же, представляется, что приведенные Ковалевским слова крестьян вполне в духе характера русских людей, способных ответить добром за зло и никогда не отличавшихся кровожадной мстительностью. Как хорошо сказал еще во время войны Леонид Леонов, «народ мой и в запальчивости не переходит границ разума и не теряет сердца».¹⁰

В блокадных дневниках писателей ярко запечатлелась еще одна характерная черта духовного облика защитников Ленинграда — особого рода сплоченность, взаимосвязь, единство, основанные на любви к родному городу. Это чувство было настолько острым, что многие даже умирающие от голода люди не хотели эвакуироваться. А. Фадеев, прилетевший в Ленинград весной 1942 г., записал в своем дневнике: «И снова я заметил эту черту, характерную для подавляющего большинства ленинградцев, переживших блокадную зиму: ощущение города как своего единого большого дома и всех ленинградцев как единой большой семьи, прошедшей через общее для всех тяжелое испытание. Как и во

⁹ См.: «Вопросы литературы», 1971, № 6, стр. 66.

¹⁰ Л. Леонов. Немцы в Москве. — «Правда», 1944, 19 июля

всякой семье. одни члены семьи обнаружили свои наиболее сильные стороны, а были и такие, что повернулись наиболее слабыми сторонами. Были отдельные члены семьи, которые повели себя дурно, но зато столько выдвинулось героев — гордости всей семьи! И при всем сложном переплетении личных и иных отношений дом от врага отстояли, а семья в подавляющем своем составе оказалась крепкой, сплоченной. Удивительная семья! И когда ленинградец рассказывает о перенесенных им испытаниях, то всегда говорит как представитель этой удивительной, крепкой семьи и как хозяин этого большого удивительного дома. Когда разговариваешь с ленинградцами, это чувство единого дома и единой семьи сразу включает свежего человека в строй самых больших и важных мыслей о войне, о смысле ее, о нашем народе, о Родине, о ее прошлом, настоящем и будущем».¹¹ Эти слова о Ленинграде как о единой семье, едином доме не были лишь риторической фигурой. Они отражали реальное чувство многих. Лукницкий, например, рассказывает о почти аналогичном переживании: «Как придирчивый хозяин наблюдает за каждым уголком своего дома, как врач мерит пульс на руке выздоравливающего больного, так я хочу знать каждый день все, что делается в моем Ленинграде. Он сейчас — исполинский живой организм, одержимый страстью: встать на обе ноги и, забыв о ранах своих, размахнуться и уж так отдубасить врага, чтоб тому неповадно было вновь подкрадываться к нам по-волчьки!..» (кн. 2, стр. 547).

Единство мыслей и устремлений у всего воюющего народа давало возможность радоваться одной радостью и горевать одним горем. Лукницкий рассказывает, как было воспринято на Ленинградском фронте сообщение о том, что наши войска оставили Севастополь: «Об этом так трудно, так больно думать, что здесь и записывать ничего не могу... За завтраком в столовой — общее молчание. Всякий смех, все „постороннее“ воспринимается как нечто чудовищно нетактичное, как резкий удар бича. Но говорить о Севастополе — всякий понимает — не следует, не следует потому, что любой разговор об этом может только усугубить тяжелое настроение, а дух, дух армии и мой собственный, как одного — пусть мельчайшего — из ее элементов, должен быть бодр. И потому молчаливы и сосредоточены все вообще» (кн. 2, стр. 345).

Характерной чертой авторов блокадных дневников было внутреннее органическое чувство истории. С первых дней войны они ощутили себя свидетелями и участниками великих исторических событий, ощутили себя в стремительном потоке истории, где прошлое, настоящее и будущее шли рядом, присутствовали в современности как реальность. Мыслями о завтрашнем послевоенном дне буквально пронизаны дневники участников обороны, прошлое

¹¹ А. Фадеев. Из дневника. — В кн.: Победа. Писатели о подвиге Ленинграда в Великой Отечественной войне. Л., 1970, стр. 18—19.

присутствует в виде постоянных воспоминаний и иллюзий. В своем цикле очерков «Из ленинградского дневника» В. Саянов отмечал, что к концу 1942 г. изменения в жизни города «старательно отмечали летописцы — таких в эту пору появилось уже немало».¹² Дневники осознавались летописной историей. Осенью 1941 г. П. Лукницкий, который стал вести свой дневник с первого дня войны, писал в нем: «Встают дела, о которых нигде не написано и никому не рассказано. Слишком много их, составляющих единый, великий и величественный подвиг народа нашего, чтобы каждое из них отдельно сохранить для истории! Но все, что в силах моих, все, что могу успеть, я заношу в мои полевые тетради с жадностью летописца» (кн. 1, стр. 162).

Сознание того, что лично удастся принимать участие в глобальных исторических свершениях, что время, в котором посчастливилось жить, величественно и значимо, морально поддерживало многих во время блокады: «...силы страха и подавленности, — писал, например, Лукницкий, — уступает перед восторгом от сознания, что ты — участник и свидетель небывалых и незабываемых событий, что ты есть один из ленинградцев зимы 1941—1942 года, о которых будет на протяжении тысячи лет говорить история. И своя собственная жизнь даже для себя самого перестает быть мерилom ценности» (кн. 1, стр. 544). В ноябре 1942 г. В. Вишневский тоже отмечал, что *«уже наши семнадцать месяцев — история; уже это кристаллизуется в мировые легенды...»* (т. 3, стр. 697), а через полтора года, уже после снятия блокады, побывав на выставке «Оборона Ленинграда» в Соляном городке, он с некоторой растерянностью записал: «Меня поразило превращение нашей жизни в военный музей! Вот наши газеты, оружие, куски хлеба (120 граммов), одежда. Все это уже за стеклом, с надписями, на фоне алого бархата... Странно, паразитная!» (т. 4, стр. 533).

Едва завершившаяся, еще не изжитая в душах трагедия словно отделилась от живых участников — стала историей. В 1942 г. Вишневский со стоическим умиротворением писал о том, как в будущем блокадная современность войдет в историю: «Будут жить и люди, и город, и страна, и мир! Родятся новые, в меру вспомнят умерших памятниками, книгами, шествиями, датами. Все будет в вечном ритме, в вечном потоке...» (т. 3, стр. 316). Но получилось это стремительнее, без временной дистанции, а потому — «странно» и «паразитно».

Современность становилась будущей историей, прошлое России протягивало руку современности. Опасность, нависшая над страной, угрожающая самому существованию русской нации, пробудила к жизни глубокое чувство национальной общности, заставила многих писателей обратиться к проблеме русского характера, всколыхнула память о военно-патриотических традициях России.

¹² В. Саянов. Ленинградский дневник. М., 1963, стр. 180.

Наиболее ярко все это проявилось в публицистике, поэзии, художественной прозе. Однако и в дневниках эта тема нашла свое отражение.

«Россия, именно Россия, — писал в своем дневнике В. Вишневский в 1943 г., — показала во всем своем величии всю силу своей новой организации, культуры, техники. И это фактически не только от 25 октября 1917 года, а из всего тысячелетнего и более русского пути, практики, многонациональных внутренних связей и т. д. . . Не надо сводить спор к тому, что „русское“ — это и кнут, и Аракчеев, и реакция николаевской эпохи. Берите лучшее, главное — историческую сущность русского народа. Она в военных и духовных качествах, в невероятной выдержке, в порыве души народа, в его мечте, в его делах. Дайте нам сейчас выговориться, обрести счастье и гордость: да, нас „150 миллионов“, мы — авангард мира, мы побеждаем фашизм! . . .» (т. 4, стр. 282).

Когда просматриваешь блокадные дневники Вишневского, то видно, как постепенно тема русской истории, тема связи прошлого и настоящего России органически вплетается в его раздумья о современности, как усиливается ее звучание. Вот одна из первых записей на эту тему, сделанная на 110-й день войны: «Да, со времен XIII века — нашествие татаро-монголов — не было таких напряженных, трагических дней! А история шагает неумолимо, не считаясь с жертвами, индивидуальными судьбами и мечтаниями. . . Верю в невероятную выносливость нашего народа, в его силу, стойкость, напористость» (т. 3, стр. 160).

Внимательно читает Вишневский материалы по древнейшей истории славян и с восторгом отмечает: «Любопытнейшая книга! Стоишь у порога народных тайн, чего-то неизъяснимо волнующего, притягательного и возбуждающего. Скифские степи, солнце. . . Да, народ славянский с давних лет — воинственный, крепкий» (т. 4, стр. 161).

Читая сборник исторических материалов «1812 год», Вишневский напряженно ищет аналогии с современностью: «Есть места, которые заставляют глубоко волноваться: какие примеры, документы! Письма Багратиона, описание подвигов крестьянской партизанщины, пустынной Москвы, бедствий отступающих французов, отъезда Кутузова из Петербурга. Какое-то удивительное ощущение — абсолютной близости той эпохи; физической, родственной близости к героическим простым людям 1812 года. Это наши прадеды, — и они и мы — единое, вечное! . . .» (т. 4, стр. 384).

Следует сказать, что именно по писательским дневникам военных лет можно судить о том, с какой остротой встала перед писателями проблема русского национального духа. Война — как неоднократно это бывало в истории русской литературы — тесно связала писателей с огромной массой русских людей, поднявшихся на защиту Родины. Это и прежде давало энергию для высоких художественных взлетов. Зависимость творческой удачи от глу-

бины проникновения в специфику национального духа отмечал и Вишневский в своем дневнике: «Понять, до конца постичь народные черты, глубже войти в суть народного духа, привычек, вкусов, языка!.. Временами мне это удавалось — и это рождало лучшие мои работы...» (т. 3, стр. 697). Не случайно восклицал он по поводу «Севастопольских рассказов» Л. Толстого: «Да ведь это сегодняшний эпос! Как видит Толстой силу и упорство русского народа, его простоту, военные детали, психологию военного быта!». Любопытно отметить, что «Севастопольские рассказы» с их оголенной достоверностью, «документальностью» в освещении реальных событий привлекали и другого автора военных дневников — В. Ковалевского, который находил глубокую внутреннюю связь между современностью и событиями почти столетней давности: «Кажется, что в этой книге все основное уже названо и нечего добавить. Раскрыта природа вещей на войне и найден метод. Показана анатомия эмоций человека на войне. Кажется, что, если и возможно еще что-то добавить, это будет относиться только к технике и к количеству: танки, самолеты, громадные человеческие массы. Принципиально новое в нашей войне — иная природа тыла. Война — тотальная, она захватывает все. Есть новое и в ощущениях человека, находящегося на войне: страх за семью, живущую в тылу (бомбежки, трудности эвакуации)» (стр. 279).

Характерно, что, связывая свои творческие планы с темой любимого города, Вишневский собирался рассматривать ее сквозь призму исторической преемственности: «Блистающий военный Санкт-Петербург; фантастический город — видение Гоголя, Достоевского, Белого, Блока; город Революции — *наш* Питер и Кронштадт... Краски, запахи, легенды, реалистическая суть...» (т. 3, стр. 501).

Такие качества русского человека, русского солдата, как стойкость, выносливость, неприхотливость, природная сметка, самозабвенная ярость в бою, становились реальными факторами в войне. Русский характер, претерпевший, конечно, большие изменения, но в основе своей сохраняющий всемирно известные черты, исторически сложившиеся качества, все больше привлекал внимание писателей и журналистов. Это нашло свое отражение в их дневниках. Если в первые дни войны В. Вишневский считал, что «мы победили старый русский тип, оказавшись более мобильны, молоды, активны» (т. 3, стр. 40), то жестокий опыт блокады заставил его по-новому взглянуть на внутренний мир наших людей («это святой народ»), увидеть глубокие корни духовной природы советского человека, признать, что уже Пушкин и Толстой угадывали ее (т. 3, стр. 680).

Ряд заметок о специфике русского характера есть и в дневках П. Лукницкого. Нужно отметить, что размышления Лукницкого о русском человеке, которые мы хотим привести, рождаются не на пустом месте, а, как он сам пишет, непосредственно после разговора с полсотней людей — красноармейцев, политработни-

ков, командиров: «Русский человек удивителен своей мягкой душевностью и верой в добро. Но стоит ему встретиться с несправедливостью — он мгновенно, словно переплавленный, становится непримиримо строгим и беспощадным. И тогда его гнева страшись, нарушитель справедливости! Тебя простит он только после того, как уничтожит принесенное тобою зло, а уж попадешься ли ты сам под его тяжелую руку или уцелеешь случайно, пока он, не падя ни себя, ни тебя, бьется за справедливость, — дело твоей судьбы, или, по-нашему говоря, дело случая» (кн. 1, стр. 161).

Говоря о блокадных дневниках писателей, следует сразу же подчеркнуть своеобразие их в рамках своего жанра: они имеют отчетливые временные и пространственные границы, которые определены центральным событием. От этого центрального события оказывается во многом зависим и сам жанр произведения, и его объем, и отдельные черты его внутренней структуры.

Начиная с первого дня войны вести дневник, цель которого — рассказать о грандиозной схватке с фашизмом, писатель сознательно или бессознательно предполагал, что победа над врагом как конечный результат борьбы должна стать и финалом записей. Такой финал, несмотря на неопределенность и неуправляемость всех возможных коллизий, весьма определенно ориентирует основные сюжетные линии создаваемого произведения и активно влияет на отбор изображаемого материала. Все это важно иметь в виду, тем более что рассматриваемые нами дневники создавались писателями-профессионалами, рассчитывающими с самого начала на опубликование своих записей.

И если следовать аристотелевскому разделению истории и литературы, суть которого в том, что первая дает то, что было, а вторая — то, что могло быть, тогда нельзя не отметить, что хотя блокадные дневники писателей несомненно отражают реальные события, однако же есть в них и момент очевидной преднамеренности. Она дает возможность различить в этих дневниках внутреннюю логику художественного произведения.

Я думаю, что частные дневники стали предметом читательских вожделений после того, как форма дневниковых записей утвердилась в виде жанровой формы художественного произведения. Использование такой формы в беллетристике давало мотивировку особой искренности, открывало возможность углубленной рефлексии, создавало иллюзию правдоподобия, к чему у прозы всегда есть особое тяготение. Главное своеобразие художественного дневника, вернее — дневниковой формы прозы, заключается в иллюзии настоящего, сиюминутного времени: то, о чем идет речь в произведении, произошло только что, человек пишет, еще целиком охваченный пережитыми эмоциями, мыслями. Автор как бы не может предвидеть того, что произойдет вслед за этим.

Авторы блокадных дневников действительно не знали, что произойдет завтра и удастся ли им когда-нибудь вообще сделать

очередную запись. Несомненно это придавало написанному особую доверительность интонации, исповедальную откровенность высказываний.

Любое несовершенство формы, естественное (если учитывать условия, в которых велись дневники) компенсируется непосредственностью переживаний. Сам жанр предполагает снисхождение к его разностильности, необработанности, несущим в себе достоверность конкретного момента. Художественные недостатки, таким образом, превращаются в достоинства. П. Палиевский справедливо заметил, что «даже штампы придают документу свежесть: таковы счастливые преимущества этой литературы».¹³

П. Лукницкий щедро включал в свой дневник дословные (видимо, стенографические) записи команд, при помощи которых офицеры управляют боем, артиллерийским огнем. Воспроизводя на многих страницах кажущуюся нелепицу из ориентиров, кодов, приказов, восклицаний, писатель стремится передать саму атмосферу боя, мощную волевую напряженность наступления.

Было, видимо, нечто магически притягательное в командах управления боем по телефону, потому что и В. Вишневский и В. Ковалевский включают в свои дневники обстоятельные стенограммы этих отрывистых, напряженных и бессмысленных для постороннего монологов. Вот, например, Ковалевский — в штабе Ударной армии накануне наступления: «Начались непрерывные звонки по телефону. Я вытащил из полевой сумки блокнот и принялся торопливо записывать все, что слышу, пытаясь быть точным почти стенографически» (стр. 31). Должно быть, в этом проявлялось желание зафиксировать все ставшие значимыми детали, как бы замедлить время, заключающее в себе так много событий.

Вообще нужно отметить, что писатели, попадая во фронтную обстановку, принимая участие в боевых действиях или являясь их свидетелями, остро ощущали значительность переживаемого времени. Здесь творилась история. Здесь было все важно, любая подробность, неприметный, на первый взгляд, эпизод могли обрести непреходящий смысл. Поэтому писатели стремились сказать обо всем, что попало в поле их зрения. Дневниковые записи в таких случаях приобретали характер почасового и даже поминутного репортажа с места событий. Особенно характерно это для дневников Павла Лукницкого, в которых эта форма записей появляется почти всякий раз, когда он в качестве журналиста оказывается на боевых позициях. Форма почасового репортажа есть и в дневниках В. Вишневского, когда, например, он описывает героический прорыв Балтийского флота из Таллина в Ленинград осенью 1941 г. Писатель был участником этого прорыва, и лаконичные, отрывистые записи, сделанные на борту корабля,

¹³ П. Палиевский. Документ в современной литературе. — «Иностранная литература», 1966, № 8, стр. 184.

идущего сквозь минные поля, под обстрелом вражескими торпедами и снарядами, передают драматизм подвига моряков. Несколько иначе стремится Вишневский замедлить течение времени в своих записях, когда рассказывает о своей поездке на фронт в июле 1943 г. Писатель внимателен к подробностям фронтового быта, потому что здесь, где решается в конечном счете судьба победы, важна каждая мелочь.

Если подробности армейской жизни, быт фронта были постоянным и несомненным предметом внимания писателей и журналистов, то быт самого блокадного Ленинграда не всеми и не сразу раскрылся в его истинной глубинной сущности. Весной 1942 г. В. Вишневский, например, записывал в своем дневнике: «Как-то ослабел мой интерес к ленинградскому быту. Может быть, это инстинктивная самозащита: надо дело делать. Да, война, особенно современная, уносит много жертв, но *развитие общества не останавливается ни на секунду*» (т. 3, стр. 363). Всю жизнь стремящийся в своем творчестве к романтической героике, Вишневский словно не замечает невиданного героизма сотен тысяч людей, погибших голодной смертью, но не покорившихся врагу. Размышляя в это время о возможной теме сценария на современном материале, писатель как-то проходит мимо темы самой блокады. Он признается: «Временами я заметно ухожу в области, совсем удаленные от быта. Что же делать, я не бытовик. Стоило подумать о сценарии, как зашевелились воспоминания: Таллин, поход 28—29 августа, осенние бои, образы бойцов морской пехоты, десанты» (т. 3, стр. 394). «Я „витаю в небесах“, как говорят иные, которые любят эмпирику, факты, людское кишение. . . Возможно. . . Большой мир идей, романтики, страстей мне ближе, понятнее мира сухово-кобылинских сплетений и извращений. Впрочем, я достаточно зряч, чтобы видеть и этот мирок. . . Правое, я, как человек, как писатель, как драматург, не хочу копаться в случайных людских отбросах. Не в этом смысл! Если я напишу о Ленинграде и флоте, я напишу песнь, гимн героям. . . Их много, их больше!» (т. 3, стр. 533—534).

Однако уже летом 1942 г. Вишневский записал: «Война и ее исход решаются, конечно, не в одних окопах. Гигантское общее усилие народа, стоицизм женщин — в огромной мере определяют ход событий. Если бы не обязанности в Политуправлении, я гораздо больше и глубже вникал бы в быт города. Если Мересье написал „Картину Парижа“ мирного, то надо писать „Картины Ленинграда“ осажденного. . .» (т. 3, стр. 487).

В 1943 г. в дневниках Вишневского появляется даже специальная рубрика «Из быта». Он зарисовывает здесь жанровые сценки из частной жизни ленинградцев, записывает разговоры, рассказывает о поведении людей в конкретных ситуациях; особенно часты записи о детях.

Быт ленинградцев все очевидней становился высочайшей героикой, и хотя отношение к нему у Вишневского постепенно

меняется, однако записи такого рода все-таки носят характер эпизодических вкраплений, которые тонут в рассуждениях общего порядка.

В блокадных дневниках В. Инбер, напротив, быту уделено преимущественное место. Поэтесса так писала в своей блокадной поэме:

В системе фильтров есть такое сито —
Прозрачная стальная кисея,
Мельчайшее из всех. Вот так и я
Стараюсь удержать песчинки быта,
Чтобы в текучей памяти людской
Они осели, как песок морской.¹⁴

В Ленинграде, где люди оставались жить в тех же квартирах, в которых жили до войны, где проходили каждый день, как и прежде, по тем же улицам, изменения, которые внесла война в привычный быт, ощущались особенно остро. Именно соседство привычного и невероятного порождало особое отношение к подробностям жизни. Блокадные дневники В. Инбер полны удивления перед неожиданным и странным миром, каким обернулась привычная и обыденная реальность. Поэтому рядом с записями о сгоревших Бадаевских складах — заметка о том, что взрывом бомбы засыпало слониху, а обезумевший соболь бегаёт по улицам, что в квартире, разрушенной взрывной волной, «стопки тарелок, стоявшие на буфете, аккуратненько, в полной сохранности этой же волной перенесены на дальний стул» (т. 3, стр. 143).

В одном из рассказов Н. Тихонова о блокаде, написанных через много лет после войны, писатель говорит о чувствах, испытанных им ночью во время обстрела на Невском проспекте. Тьма, освещаемая разрывами снарядов, свист осколков превращают реальность в фантазмагорно. Перед глазами рассказчика вдруг оживает дореволюционный Невский проспект с экипажами, каретами, красивыми всадниками в касках. Резкий временной сдвиг — и вот Невский накануне войны, залитый электрическим светом, с толпами людей и пронесшимися автомобилями. «Все жило, двигалось... но стоит мне открыть глаза, и я снова в доисторическом мраке, и, если сейчас выйдет из-за угла мамонт, я не удивлюсь. Я всю жизнь прожил в этом городе. Значит, надо увидеть и такое. От этого никуда не уйдешь...».¹⁵ Характерно, что у Тихонова так же, как и у Инбер, привычный быт каждое мгновение был готов тогда обернуться непредвиденным, невероятным.

Следует отметить, что на стиле дневниковых записей того времени сказалась каждодневная работа писателей в газете. Нетрудно увидеть, что нередко характеристики людей, о которых идет речь в дневниках, грешат газетным стилем. Чувствуя

¹⁴ В. Инбер. Пулковский меридиан. М., 1949, стр. 14.

¹⁵ Н. Тихонов. Повести и рассказы. М., 1965, стр. 564.

это, Лукницкий даже обыгрывает этот своеобразный газетный лаконизм: «О Леониде Захарикове можно сказать очень коротко, так, как пишем мы сейчас в газету: уложись в пятьдесят строк — и чтобы было все: и биография человека показана, и боевой путь его, и подвиг, который он совершил, и вывод, какой можно сделать, чтобы передать его опыт другим бойцам. В такой короткой заметке будет сказано, что „даже среди славящихся своим бесстрашием балтийцев особенной храбростью отличается комсомолец, сын уральского железнодорожника, старого коммуниста главстаршина флота Леонид Яковлевич Захариков, которого в подразделении морской пехоты, обороняющем Ленинград, прозвали «истребителем кукушек»... И так далее!» (кн. 1, стр. 304).

П. Капица тоже отмечает в своих «Блокадных дневниках, прочитанных сегодня»: «Я ловлю себя на том, что сам с собой разговариваю языком газетных передовиц».¹⁶

Достоверность писатели во многих случаях предпочитали художественности. Передавая дословно рассказ рядового бойца Петрова, которому чудом удалось вырваться живым с «пяточка» Московской Дубровки в 1942 г., Лукницкий так заключает эту запись: «Нужно ли пером писателя подчеркивать тот удивительный героизм последних защитников „пяточка“, который, как незримыми водяными знаками, вписан между строк этого солдатского скупого рассказа?» (кн. 2, стр. 379—380).

Все, кто вели дневниковые записи во время блокады, сознавали непреходящую ценность записей о событиях. Каждая подробность могла оказаться значительной, и даже если она была лишь случайностью, то все равно отражала дух времени с его надеждами, иллюзиями и желаниями. «Необходимо каждый, именно каждый, день записывать то, что я вижу и, главное, что слышу», — замечает в своем дневнике В. Инбер зимой 1942 г. (т. 3, стр. 169).

П. Капица рассказывает, как переживал он, найдя по возвращении в Ленинград после 18 месяцев фронта спрятанные дневники отсыревшими и размокшими: «Ведь как я их оберегал! Прятал в противогазную сумку и всегда носил ее на себе, а по ночам укладывал ее под голову рядом с пистолетом. Неужели напрасно рисковал: не уходил во время бомбежки и артиллерийских обстрелов, а садился за стол и, пользуясь свободными минутами, делал торопливые записи? Зимой от холода коченели пальцы. Я их отогревал дыханием, чтобы они крепче держали перо. А сколько занятых людей я заставлял сидеть по ночам у коптилки и рассказывать».¹⁷

А. Сапаров в «Четырех тетрадах» приводит предсмертное письмо умершего от дистрофии историка Алексея Алексеевича

¹⁶ П. Капица. В море погасли огни. Блокадные дневники, прочитанные сегодня. Четыре тетради. — «Звезда», 1971, № 2, стр. 169.

¹⁷ Там же, № 1, стр. 180.

Верновского: «Очень ослаб. О своей болезни не буду больше распространяться, здесь не место. Я веду, как музейную работу, ежедневный дневник. Уцелею ли я — не знаю, но дневник этот — документ для истории города ценный. Он (конечно, с долей субъективности) отражает эти исключительные дни».¹⁸

Критерий достоверности, объективности осознается в дневниковом жанре как важнейшее художественное качество. Характерна в этой связи дискуссия, разгоревшаяся вокруг книги В. Ковалевского «Тетради из полевой сумки».¹⁹ Разговор концентрировался преимущественно вокруг проблемы: имеет ли право автор дневника вносить в него *post factum* изменения, литературный вымысел, перестраивать его композиционно. Проблема эта непростая, и решение ее не может быть однозначным, а во многом зависит от того, подходить ли к дневнику как к жанру художественной литературы или же к жанру историческому. Нам представляется, что В. Ковалевский весьма справедливо отвечал своим оппонентам: «Суть документальности, документально-художественной литературы, по-моему, состоит в глубоком и точном выражении правды эпохи, ее истинного духа, истинного хода событий, в выражении всего этого средствами писателя-художника, а не протоколиста. Это по мере своих сил я и пытался сделать в своей книге с исповедальной откровенностью... Когда я вел на войне почти ежедневно запись своих наблюдений и размышлений, этим самым я непрерывно в продолжение всей войны — еще сам того до конца даже не сознавая — работал над осуществлением своей мечты: написать документально-художественную книгу о войне, главную в моей жизни».²⁰

Книга В. Ковалевского и ряд других дневников писателей, о которых мы вели речь, являются не только историческими документами, запечатлевшими факты, эпизоды, события великой трагической народной эпопеи, но и произведениями художественными, обладающими своеобразными, но несомненными эстетическими качествами и достоинствами. И есть значительная доля истины в размышлениях В. Инбер, записанных в дневник 25 апреля 1944 г.: «Главные книги на свете — это, собственно говоря, история и мемуары. А если уже романы, то гениальные. Да и то „Война и мир“, например, это — соединение истории и мемуаров. Все сводится к мемуарам в конечном итоге. Мемуары целого народа — это и есть история...» (т. 3, стр. 375—376).

¹⁸ А. Сапаров. Четыре тетради. Повесть военных лет. Л., 1962, стр. 131.

¹⁹ Права и обязанности документалиста. — «Вопросы литературы», 1971, № 6, стр. 63—135.

²⁰ «Вопросы литературы», 1971, № 6, стр. 131, 132.

**ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО
БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА**

Материалы к библиографии

1. Азаров В. Б. Всеволод Витальевич Вишневский. Л., Лениздат, 1966, с. 274—334; Изд. 2, доп. Л., Лениздат, 1970, с. 281—337.

Главы: В осаде. (Выступления по радио, работа над статьями, очерками). — «Раскинулось море широко». (История создания пьесы). — «У стен Ленинграда». (Работа над пьесой. Встреча ленинградской интеллигенции с английским журналистом А. Вертом).

2. Азаров В. Б. Живой с живыми. — «Звезда», 1945, № 4, с. 92—95.

Стихи В. Маяковского в передачах ленинградского радио.

3. Азаров В. Б. Письма с Балтики. — «Звезда», 1943, № 1, с. 113—120.

О работе группы писателей-балтийцев (В. Вишневский, А. Крон, Н. Браун, Г. Мирошниченко, И. Амурский, А. Тарасенков, А. Зонин).

4. Алатырцев М. Ленинградские художники в дни блокады. — «Ленинград», 1942, № 1, с. 21 с ил.

Обзор выставок работ ленинградских художников (январь—июнь 1942 г.).

5. Алянский Ю. Л. Театр в квадрате обстрела. Л.—М., «Искусство», 1967. 231 с. с ил.

Главы: Ревущие сороковые. (Коротко о днях блокады). — Баллада о репродукторе. (Ленинградское радио в дни блокады. Выступление В. Вишневского). — Восемьдесят минут победы. (Работа Д. Шостаковича над Седьмой симфонией; исполнение ее оркестром Филармонии под управлением К. Элиасберга). — Товарищ, мы едем далеко. (Пьеса В. Вишневского, А. Крона, В. Азарова «Раскинулось море широко» на сцене Театра музыкальной комедии). — Виктор Горбунов держит свой флаг. (Пьеса А. Крона «Офицер флота»; постановка Театра Балтийского флота. Отрывки из дневника А. Крона). — Маленькие танцовщицы идут в огонь. (Выступления ансамбля А. Е. Обранта перед бойцами Ленинградского фронта). — Кавалер ордена Владимира с мечами и бантом. (Артист Н. В. Левицкий в пьесе К. Симонова «Русские люди»; постановка Городского (Блокадного) театра). — Не отводите глаз от них, живые! (Работа В. Вишневского и Е. Учителя над созданием фильма «Ленинград в борьбе»). — Служба памяти. (Творчество О. Берггольц блокадных лет).

6. Банк Н. Б. Ольга Берггольц. Критико-биографический очерк. М.—Л., «Сов. писатель», 1962, с. 38—90.

Глава: Война. (Работа О. Берггольц в ленинградском радиокомитете. Юбилей Низами и Навои в Эрмитаже. Работа И. А. Орбели над исследованием о средневековой армянской литературе).

7. Бартошевич А. А. Художники Ленинграда. — «Лит. и искусство», 1942, 1 авг., № 31, с. 3 с ил.

Обзор выставки «Ленинградские художники на темы Великой Отечественной войны».

8. Без антракта. Актеры города Ленина в годы блокады. Сост. В. Я. Меркулова-Маширова и С. А. Пономаренко. Предисл. Ю. Толубеева. Л., Лениздат, 1970, 367 с. с ил.

Содерж.: Гузынин К. А. Когда говорили пушки. — Никитин Ф. М. Из записок фронтового актера. — Копелян Е. З. Взвод выступает на концерт. — Усков В. В. Так мы жили... — Гершуни Е. П. Фронтовой цирк. — Гусарова Т. А., Гусаров О. А. Фотография на память. — Руммель И. М. Боевое подразделение песни. — Фаяпсов М. В. Букет из березовых веток. — Элиасберг К. И. Говорит Ленинград. — Чернявская Н. А. Источник силы. — Ярмагаев В. С. Позывные осажденного города. — Макарьев Л. Ф. Сто дней ленинградского ТЮЗа. — Шкорова Е. П. Искусство — сражающемуся народу. — Назарова В. Н. Работа продолжалась. — Шрамкова А. Г. Место в строю. — Сорокина Е. Н. Страницы блокадных лет. — Кавецкая-Глейзарова З. В. В госпитале. — Меркулова-Маширова В. Я. Боевое крещение. — Папаян-Рейх В. В. Фронтовыми дорогами. — Смирнова А. В. Дни испытаний. — Вельтер Н. Л. Работать, бороться, победить. — Шестакова В. И. В годы войны. — Холмовская Т. Ф. Театр — военный объект. — Болотина Н. Д. Возвращение к жизни. — Луговая К. А. Немного из того, что сохранила память. — Иордан О. Г. Из дневника (см. № 58). — Дубровицкая М. В. Отзыв с печатью. — Сахновская Т. Ф. Этого не забыть... — Бронская Б. М. Ансамбль оперетты. — Полячек Г. М. О боевых делах «несерьезного жанра». — Янет Н. Я. За строчками чужого дневника (см. № 121). — Пельцер Н. В. Две малюпкие блокадные истории. — Дмитриев А. Н. Музыканты одной армии. — Обрант А. Е. Их воспитал фронт. — Горская Т. И. Мечта сбылась! — Самойлова М. Н. Концерты военных лет. — Пасынкова А. А. Под парусами на далекие острова. — Пергамент А. В. Шесть тысяч выступлений. — Бепяинов А. Д. Отрывки из фронтовой тетради.

9. Берггольц О. Ф. Говорит Ленинград. Главы из книги. М., «Сов. Россия», 1964, 151 с.

Радиоречи за декабрь 1941—июнь 1945 гг. В предисловии: выступления по радио Д. Шостаковича, А. Ахматовой (приведен текст выступлений), обращение к ленинградцам М. Шолохова. Участие В. Волженина, М. Золотенко, Е. Шварца в передачах «Радиохроника». «Театр у микрофона». Седьмая симфония Д. Шостаковича. Радиофильм «Девятьсот дней». Я. Бабушкин — художественный руководитель радиокомитета.

10. Берггольц О. Ф. Грозный смех. — «Лит. газета», 1970, 11 марта, № 11, с. 16.

Сатирические плакаты «Окон ТАСС» времен блокады.

11. Берггольц О. Ф. Ленинградский опыт. — «Октябрь», 1944, № 1—2, с. 150—153.

Тема блокадного Ленинграда в произведениях советских писателей.

12. Берггольц О. Ф. От имени ленинградцев. — «Лит. газета», 1965, 9 мая, № 56, с. 3.

Творчество А. Ахматовой блокадных дней. Исполнение Седьмой симфонии Д. Шостаковича. Выдержки из выступления Д. Шостаковича по радио.

13. Богданов-Березовский В. М. Боевые песни ленинградцев. — «Звезда», 1942, № 5—6, с. 179—183.

Краткая характеристика сборников «Песни Краснознаменной Балтики» по словам поэтов Н. Брауна, А. Чуркина, А. Решетова и др.

14. Богданов-Березовский В. М. Живая легенда. — «Сов. музыка», 1965, № 5, с. 5—13.

Творчество композиторов Ленинграда в блокаду: создание симфоний (Д. Шостакович, Б. Асафьев), музыкальных комедий (В. Витлин,

- Л. Круц, Н. Минх «Раскинулось море широко», М. Глух «Орешек»). гимнов, частушек. Песни Ю. Кочурова и Б. Гольца на слова ленинградских поэтов (В. Саянов, А. Решетов, Н. Браун, А. Чуркин). Научно-исследовательская и критическая работа ленинградских музыковедов (Б. Асафьев, А. Оссовский, Р. Грубер и др.). Анализ оратории Г. Белова на стихи О. Берггольца.
15. Богданов-Березовский В. М. Седьмая симфония Шостаковича. — «Ленингр. правда», 1942, 11 авг., № 189, с. 4.
Исполнение симфонии в Ленинграде.
16. Богданов-Березовский В. М. Триумф антифашистской симфонии. — «Звезда», 1942, № 3—4, с. 201—205.
Седьмая симфония Д. Шостаковича.
17. Богданов-Березовский В. М. Труд художника. — «Лит. и искусство», 1942, 8 авг., № 32, с. 2.
Творческая деятельность Б. Асафьева в годы блокады.
18. Большедурова Е. И. Партийное руководство творческими союзами Ленинграда в годы блокады (сентябрь 1941—январь 1943 г.). — Вестн. ЛГУ, 1970, № 14. История. Язык. Литература. Вып. 3, с. 151—156.
Создание и деятельность оперативных групп писателей при Политуправлении Ленинградского фронта и Балтийского флота. Выступления Н. Тихонова, В. Вишневского, В. Кетлянской на общefронтном и городском совещаниях ленинградских писателей. Помощь партийной организации города в проведении творческих просмотров композиторов, организации выставок ленинградских художников, издании произведений литературы и искусства.
19. Бродский И. А. Ленинградские зарисовки. — «Лит. и искусство», 1942, 15 авг., № 33, с. 3.
Творчество М. П. Бобышева в блокаду.
20. В годы Великой Отечественной войны. Воспоминания, материалы. (Сборник статей. Под общ. ред. В. Богданова-Березовского и И. Гусина). Л., «Сов. композитор», 1959, с. 7—77, 94—179.
Заборский В. Ленинградские композиторы в месяцы блокады. (Выезды композиторов в воинские части, училища, госпитали. Работа над новым музыкальными произведениями: Седьмая симфония Д. Шостаковича, опера В. Богданова-Березовского «Ленинградцы», Четвертая симфония Б. Асафьева; песни на слова фронтовых и ленинградских поэтов. Исполнение Седьмой симфонии Д. Шостаковича. «Раскинулось море широко» в Театре музыкальной комедии). — Витлин В. Композиторская группа балтийцев. (Создание песен о морях Балтики. О своей работе над «Песней о балтийских летчиках» (с Н. Браун) и музыкой к оперетте «Раскинулось море широко». Воспоминания о встречах с В. Вишневским. Репетиции и постановка оперетты «Раскинулось море широко»). — Асафьев Б. Моя творческая работа в Ленинграде в первые годы Великой Отечественной войны. (Музыкальные и научные работы периода блокады. Исследования: «Евгений Онегин», «Форма как процесс» и др.). — Оссовский А. Моя творческая работа в годы Великой Отечественной войны. (Лекции, беседы, доклады, выступления в городском лектории, на крейсере «Киров», госпиталях. Работа над исследованиями: «Русская музыка и Запад». «Русская мысль о музыке в XVIII веке»). — Элиасберг К. Оркестр ленинградского радиокомитета в дни Великой Отечественной войны (см. № 120). — Гершун Е. В военные годы. Из записок пачальника фронтовой агитбригады. (Выступления артистов и композиторов (В. Липатов, Ю. Кочуров, Н. Леви) на фронте, Дороге жизни). — Гольдштейн М. Семьдесят медалей «За оборону Ленинграда». (Открытие Дворца пионеров. Концерты детской фронтовой бригады). — Пен Д. В осажденном Ленинграде. (Город. Люди. Музыка). Записки музыканта. (Выступление Д. Шостаковича по радио 1 декабря 1941 г. Оркестр ленинградского радиокомитета: исполнение Девятой симфонии Бетховена (дирижер К. Элиасберг). Концерты в Филармонии: Шестая

симфония Чайковского в исполнении оркестра радиокомитета под управлением И. Миклашевского. Репетиции и исполнение Седьмой симфонии Д. Шостаковича). — Богданов-Березовский В. Из дневника блокадных лет. (Фрагменты). (Дневниковые записки с 18 января 1941—27 января 1944 г. Творческая деятельность композиторов Лепсигграда. Частично о своей работе над музыкальными произведениями, статьями для газет и журналов). — Список произведений, созданных ленинградскими композиторами за годы Великой Отечественной войны (1941—1945).

21. Варшавский С. П. и Рест Б. Подвиг Эрмитажа. Гос. Эрмитаж в годы Великой Отечественной войны. Л.—М., «Сов. художник», 1966, 190 с. с ил.; Изд. 2. Л., «Сов. художник», 1969, 192 с. с ил.

22. Вишневский В. В. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 3. Дневники военных лет 1941—1942. М., Гослитиздат, 1956, с. 187—749.

В дневниковых записях 2 ноября 1941—31 декабря 1942 г.: деятельность ленинградских поэтов и писателей. Литературный вечер В. Инбер. Выступления Н. Тихонова, А. Прокофьева, В. Кетлицкой перед интеллигенцией города; В. Азаров и Г. Мирошниченко на встрече с рабочими Кировского завода. Исполнение Седьмой симфонии Д. Шостаковича. Работа Театра музыкальной комедии и Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. О своей работе над очерками, статьями, сценарием фильма «Ленинград в борьбе», пьесой «Раскинулось море широко» и др.

23. Вишневский В. В. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 4. Дневники военных лет. 1943—1945. М., Гослитиздат, 1958, с. 7—459.

В дневниковых записях 1 января 1943—10 декабря 1943 г.: о своей работе над очерками, статьями, докладами, пьесой «У степ Ленинграда», выступлениях на юбилее А. С. Пушкина (приведен полный текст выступления). Отмечены события в культурной жизни Ленинграда; литературный вечер в городском лектории с участием Н. Тихонова, В. Инбер, О. Берггольц, В. Азарова, Е. Рывиной, Н. Тихонов, А. Штейн и другие на вечере, посвященном 240-летию Ленинграда; выступления Н. Тихонова и В. Инбер на митинге памяти А. С. Пушкина. Коротко о читке пьесы А. Крона «Офицер флота».

24. Воронов Н. И. На шестом этаже ленинградского дома. — «Огонек», 1943, № 34—35, с. 13 с ил.

Жизнь и работа Н. С. Тихонова в дни блокады Ленинграда.

25. Гяглов И. И. В осаде. — В кн.: Журналисты на войне. М., Восгиздат, 1966, с. 85—91 с ил.

Ленинградские газеты в дни блокады. Работа Н. Тихонова, М. Дудина, В. Кочетова в газете «На страже Родины». «Ленинградские дневники» и статья «Кровь Ленинграда» Н. Тихонова на страницах «Красной звезды». Выступления в печати В. Вишневского, А. Прокофьева, В. Саянова, В. Инбер, О. Берггольц, Б. Лихарева, В. Рождественского и Н. Чуковского. Писатель А. Зонин — корреспондент газеты Балтийского флота.

26. Гершберг С. Р. Завтра газета выходит. М., «Сов. Россия», 1966, с. 104—119 с ил.

Глава: Ленинградцы. (Ленинградские писатели — корреспонденты «Правды». Публикация в газете очерков В. Вишневского «Морские охотники», «Моряки на фронте», статьи «Фашистские детоубийцы». Отрывки из дневника В. Вишневского конца 1941—начала 1942 г. Статья Н. С. Тихонова о премьере «Раскинулось море широко» (пьеса В. Вишневского, А. Крона, В. Азарова). В. Инбер, Н. Тихонов, А. Таиров на репетиции пьесы В. Вишневского «У степ Ленинграда». Работа Н. Тихонова над поэмой «Киров с нами» и «Ленинградскими рассказами». Альбом Н. Тихонова и С. Струнникова «Ленинград в борьбе». Корреспонденты «Правды» Л. Ганичев и Н. Воронов в блокадном Ленинграде).

27. Голубов В. И. На линии фронта. (Искусство Ленинграда в дни блокады). — В кн.: Театр. Сборник статей и материалов. (Отв. ред. М. С. Григорьев). М., ВТО, 1944, с. 166—182.

Постановка пьесы В. Вишневского, А. Крона, В. Азарова «Раскинулось море широко» в Театре музыкальной комедии (1942 г.). История создания и деятельность Городского (Блокадного) театра. Оперно-балетный коллектив в дни осады. Рассказ А. Пергамента о выездном спектакле Театра Балтийского флота (пьеса А. Корнейчука «Фронт»). Пьеса К. Симонова «Русские люди»; постановка Театра Красной Армии. Художественный руководитель Фронтového театра миниатюр А. Вениаминов о себе и работе театра в блокаду. Выдержки из письма А. Вениаминова к Чарли Чаплину. Выступления ленинградских поэтов. Спектакль-концерт «Анна Каренина».

28. Гордон А. и Коннов А. Артисты-бойцы. — «Сов. музыка», 1965, № 5, с. 146—149.

Программы концертов Ленинградского ансамбля бойцов МПВО.

29. Груздев И. А. Ленинград. — «Лит. и искусство», 1943, 29 мая, № 22, с. 1; то же. — В кн.: Груздев И. А. Родная земля. Л., Лениздат, 1944, с. 5—14.

Выступление архитектора Л. А. Ильина на общегородском собрании с участием деятелей науки, литературы и искусства (декабрь 1941 г.).

30. Груздев И. А. О Ленинграде. — «Лит. и искусство», 1942, 16 мая, № 20, с. 3.

Жизнь и деятельность ленинградских писателей и поэтов: В. Кетлинской, О. Берггольц, И. Кратта, З. Шишовой, А. Голубевой, Л. Борисова.

31. Груздев И. А. Поэма о Ленинграде. — «Ленингр. правда», 1943, 12 янв., № 9, с. 4; то же. — В кн.: Груздев И. Родная земля. Л. Лениздат, 1944, с. 44—52.

Поэма В. Инбер «Пулковский меридиан».

32. Девятьсот дней. Лит.-худож. и докум. сборник, посвящ. героич. обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. Л., Лениздат, 1957, с. 90—91, 121—128, 169—171, 293—294, 574—575; Изд. 2, доп. Л. Лениздат, 1962, с. 77—78, 108—116, 154—156, 313—315, 577—578.

Шостакович Д. Будем защищать наше искусство. Выступление по радио (1 сентября 1941 г.). (Частично о своей работе над Седьмой симфонией). — Иордан О. Величие духа. (О своих выступлениях на фронте). — Учитель Е. Две встречи. (Воспоминания о встречах с архитектором А. С. Никольским). — Фадеев А. В дни блокады. (Глава «Носящий имя Кирова», см. № 112). — Федин Н. Свидание с Ленинградом. (Глава «Ленинградская натура», см. № 113).

33. Долинский М. Г. и Черток С. М. Премьера в осажденном городе. — «Муз. жизнь», 1964, № 4, с. 5—6 с ил.

Исполнение Седьмой симфонии Д. Шостаковича.

34. Дудин М. А. и Соловьев В. Б. Ради твоей жизни. Л., Лениздат, 1962, с. 88—89, 92; Изд. 2, доп. и перераб. Л., Лениздат, 1967, с. 109—110, 115—116.

Коротко об истории замысла поэмы О. Берггольц «Памяти защитников». Встреча Г. Суворова с Н. С. Тихоновым в блокадном Ленинграде.

35. Езерский С. Н. Для будущего. — «Ленингр. правда», 1943, 21 авг., № 197, с. 2.

Ленинградские архитекторы над проектами восстановления разрушенных зданий (Б. Рубаненко, И. Фомин, В. Каменский, О. Гурьев, А. Гинцберг и др.).

36. Елин А. Торжественная увертюра Чайковского «1812 год». — «Ленингр. правда», 1942, 29 дек., № 307, с. 4.

Первые публичные концерты симфонического оркестра радиокомитета (апрель 1942 г.).

37. Загурский Б. И. Искусство суровых лет. Л., «Искусство», 1970, с. 9—57, 75—95.

Главы: Начало войны. Эвакуация художественных учреждений и музейных ценностей. Укрытие памятников. — Театрально-концертная жизнь Ленинграда. (Работа симфонического оркестра радиокомитета. Музыкально-литературные вечера с участием О. Берггольц, В. Иббер, В. Саянова, Н. Тихонова, А. Решетова. Выставка ленинградских художников (К. Рудаков, Г. Верейский, А. Пахомов, А. Остроумова-Лебедева). Исполнение Седьмой симфонии Д. Шостаковича. Премьера спектакля «Раскинулось море широко» в Театре музыкальной комедии; отзвук Н. Тихонова. Работа оперно-балетного коллектива; премьера оперы «Навстречу эскадре» в постановке Театра Балтийского флота; показ театром спектакля «Фронт» А. Корнейчука бойцам Действующей Армии. Выступления Агитзвода Дома Красной Армии и ансамбля А. Обранта на фронте. Создание и работа Городского (Блокадного) театра. Киностудия «Ленфильм» в дни блокады. — Творческие союзы композиторов, художников, архитекторов. (Создание ленинградскими композиторами новых музыкальных произведений (Б. Асафьев, Б. Савельев, В. Богданов-Березовский). Работа группы композиторов Балтийского флота (выпуск сборников песен, руководство самодеятельностью). Плакаты художников-ленинградцев. Агитационные листы «Боевого карандаша» (тексты О. Берггольц, Н. Тихонова, В. Саянова, А. Прокофьева, Б. Тимофеева). Создание ленинградскими скульпторами агитационных комплексов на магистралях города). — Художественные учебные заведения, музеи. Выставка «Героическая оборона Ленинграда». (Научно-исследовательская работа ученых Института театра и музыки, музеев Ленинграда, Союза архитекторов. Открытие выставки «Героическая оборона Ленинграда» (1943 г.)). — Из дневника Б. И. Загурского (24 марта 1942—июль 1943 г.). (Выставка в Союзе художников (март 1942 г.)). В. Вишневский на совещании по созданию фильма «Оборона Ленинграда». Письмо к М. Б. Храпченко об условиях работы ленинградских художников, музыкантов, артистов. Окончание работы и читка второго тома записок А. Остроумовой-Лебедевой. Открытие зала камерной музыки).

38. Зощенко М. М. В эти дни. — В кн.: В боях за Родину. Вып. 10. Свердловск, Свердловск, 1941, с. 5—10.

Встреча с Д. Шостаковичем; композитор о своей работе над Седьмой симфонией.

39. Изобразительное искусство Ленинграда. Альманах. Л.—М., «Искусство», 1948, с. 113—130, 137—150 с ил.

Горбунов П. Ленинградские художники в дни войны. (Деятельность «Боевого карандаша»; художники и поэты — авторы агитационных листов «Окон ТАСС». Обзор выставки «Работы ленинградских художников в дни Великой Отечественной войны»; отзвуки о ней на страницах газет. Коротко о выставках фронтовых художников. Работа театральных художников). — Пестошина Н. Ленинградский плакат. (Обзор плакатов блокадных лет).

40. Иббер В. М. Почти три года. Ленинградский дневник. Л., «Сов. писатель», 1946, с. 7, 8, 26—47, 152—229, 243.

Дневниковые записи (1941—1944 гг.), относящиеся к событиям литературной и культурной жизни Ленинграда. О своей работе над статьями и очерками для газет и радио, о создании песни «Эйская высотка». Выступления на юбилейных вечерах памяти А. С. Пушкина и В. В. Маяковского, доклад о поэзии на совещании писателей и др.

41. Иббер В. М. Это было в Ленинграде. — «Лит. газета», 1967, 18 окт., № 42, с. 4.

Поэты и писатели Ленинграда в блокаду: выступления по радио В. Вишневского, О. Берггольц, Н. Тихонова. Юбилей Маяковского и Пушкина; участие в них В. Вишневского, Н. Тихонова, Е. Рывиной.

42. Их оружие — кинокамера. Сборник статей. Сост. В. И. Желтов и А. А. Лебедев. М., «Искусство», 1970, с. 70—80, 82—92.

Богоров А. Ленинград в борьбе. (Съемки документальных кадров о жизни ленинградцев). — Погорелый А. 900 дней блокады. (Киностудия Лепфильм в дни войны).

43. Каратыгина В. А. «Ленинград в Великой Отечественной войне». (Коллекция Публичной библиотеки). — В кн.: Труды гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Т. XII (15). Л., 1964, с. 253—262.

История создания и характеристика коллекции материалов и библиографии по обороне Ленинграда. В составе коллекции литературные, художественные, музыкальные издания блокадных времен, фотоматериалы и альбомы.

44. Карская Т. Я. Почетная вахта. — «Лит. и искусство», 1942, 21 марта, № 12, с. 3.

Ленинградские работники искусства в годы блокады.

45. Кетлинская В. К. Испытание душ. — «Нева», 1965, № 5, с. 185—196; то же же. — В кн.: Рядом с героями. М.—Л., «Сов. писатель», 1967, с. 44—69.

Ленинградские поэты и писатели (О. Берггольц, В. Инбер, С. Хмельницкий, Е. Шварц, Л. Рахманов, Н. Тихонов) в осажденном городе — их быт, работа, творческие планы. Воспоминания о встречах с О. Берггольц, ее работе на радио. Выступления В. Инбер в воинских частях, госпиталях, заводах. Частично о своем творчестве блокадных лет.

46. Клячкин А. В Ленинграде. — «Лит. и искусство», 1942, 11 июня, № 28, с. 4.

Информация о новых поступлениях литературы в Публичную библиотеку им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Окончание работы М. П. Алексеева над трудом по истории англо-русских отношений. Проведение архитектурного конкурса на тему «Город Ленина в дни Отечественной войны».

47. Клячкин А. Ленинградские вечера. — «Лит. и искусство», 1942, 25 июля, № 30, с. 1.

Творческая жизнь ленинградских писателей, художников, артистов.

48. Кольцов А. В. Ученые Ленинграда в годы блокады (1941—1943). Отв. ред. А. В. Предтеченский. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1962, с. 101—102.

Деятельность Института русской литературы; участие в организации заседаний, посвященных памяти А. С. Пушкина и А. М. Горького, лекции (Б. П. Городецкий, В. А. Маууйлов, Н. И. Мордовченко и др.) в воинских частях. Выступления на страницах печати В. М. Глинки, Б. Г. Рейзова, Д. С. Лихачева. Брошюра Д. С. Лихачева и М. А. Тихановой «Оборона древнерусских городов».

49. Коссаковская И. Необоримая сила. Выставка «Героическая оборона Ленинграда в произведениях художников». — «Сов. культура», 1964, 15 февр., № 20, с. 6.

Тема блокадного города в произведениях ленинградских художников.

50. Крафт И. Ф. Мужество. — «Лит. и искусство», 1942, 10 окт., № 41, с. 2.

Работа ленинградских художников в условиях блокады.

51. Королькевич А. В. А музы не молчали. Рассказывает актер. Л., Лениздат, 1965, с. 141, 142, 179, 180, 183—187, 203—205.

Работа Театра музыкальной комедии; постановка пьесы В. Вишневского, А. Крона, В. Азарова «Раскинулось море широко». Исполнение Седьмой симфонии Д. Шостаковича. Надпись Н. С. Тихонова на книге «Ленинградский год», подаренной А. В. Королькевичу.

52. Крашке А. Выездное заседание писателей. — «Лит. и искусство», 1942, 25 апр., № 17, с. 4.

Выступления ленинградских писателей (В. Инбер, И. Груздев,

В. Кетлинская, М. Дудин) в Н-ском соединении Ленинградского фронта.

53. Крон А. А. Алексей Лебедев. — «Звезда», 1966, № 6, с. 172—174. Воспоминания о встречах с поэтом, его работе (1941 г.).

54. Крон А. А. Знамя театра. — «Театр», 1965, № 5, с. 31—34; то же. — «Нева», 1966, № 10, с. 196—198; то же. — В кн.: Талант и мужество. Воспоминания. Дневники. Очерки. Ред. и сост. И. Сахарова. Кн. 1. М., «Искусство», 1967, с. 34—40.

Театр Балтийского флота в дни блокады. Пьесы К. Симонова, А. Корнейчука, М. Тевелева на сцене театра. Премьера пьесы З. Аграненко и А. Штейна «Добро пожаловать» (сентябрь 1943 г.). О своей работе над пьесой «Офицер флота».

55. Крон А. А. Из балтийских дневников. — «Нева», 1966, № 10, с. 196—202.

Главы: Знамя театра (см. № 54). — Любимый корабль. (Автор на эсминце «Сильный». Написание текста для альбома «Любимый корабль»). — «Раскинулось море широко». (История создания пьесы).

56. Лебедев А. К. В осажденном городе. — «Искусство», 1964, № 12, с. 37—46 с ил.

Деятельность ленинградских художников (выпуск плакатов, работа в газетах и журналах, маскировка военных объектов). В. Серов — редактор плакатов «Боевого карандаша». Анализ творчества В. Серова. Выставка «Ленинград в дни Отечественной войны» (2 января 1942 г.).

57. Лебедев В. Н. Агитвзвод Ленинградского фронта. — «Театр», 1965, № 5, с. 24—30; то же. — В кн.: Талант и мужество. Воспоминания. Дневники. Очерки. Ред. и сост. И. Сахарова. Кн. 1. М., «Искусство», 1967, с. 24—33.

Ленинградский Агитвзвод. 1941—1943 гг. В. Вишневский на просмотре спектакля «Первая Конная». Показ Агитвзводом спектакля «Русские люди» К. Симонова, Н. Тихонов, А. Прокофьев, В. Саянов, Б. Лихарев на премьере спектакля «Суворов» в Доме Красной Армии (пьеса И. Бахтерева и А. Разумовского).

58. Ленинградские театры в годы Великой Отечественной войны. Сборник статей под ред. Т. Я. Карской. Л.—М., «Искусство», 1948, с. 257—276, 289—303, 355—447, 481—531.

Статьи: Бепьяш Р. Театр музыкальной комедии. (Постановка пьесы В. Вишневского, А. Крона, В. Азарова «Раскинулось море широко». Н. Тихонов о премьере спектакля). — Бурлаченко А. Городской Драматический театр. (Создание Театра Народного ополчения; выступления артистов театра на фронте. Спектакль К. Симонова «Русские люди» в постановке Агитвзвода Ленинградского Дома Красной Армии. Пьесы К. Симонова, Л. Леонова, А. Корнейчука в репертуаре Городского театра). — Пергамент А. Театр Краснознаменного Балтийского флота. (Работа М. Тевелева, Л. Левина, Е. Тарвид над произведениями для театра. Письмо поэта-публициста В. М. Волженина. Премьера пьесы М. Тевелева «Навстречу эскадре». Постановка пьесы З. Аграненко, А. Штейна «Добро пожаловать» и А. Зиповина «Крылья гнева». Н. Тихонов, В. Инбер, В. Саянов, Л. Малюгин на читке пьесы В. Вишневского «У стен Ленинграда»). — Мин Евг. Государственная эстрада. (Работа на радио, концерты на фронте, в госпиталях, бомбоубежищах). — Гершуни Е. Фронтной цирк. (Выступления на фронте. Открытие в Доме Красной Армии Фронтного цирка (23 февраля 1943 г.)). — Иордан О. Из дневника. (Открытие Филармонии. Балетные и оперные спектакли в дни блокады. Выступления артистов ленинградского балета на фронте). — Нечаев И. Опера в дни блокады. (Концерты артистов Кировского театра у воинов Ленинградского фронта; работа на радио. Премьера оперы «Евгений Онегин» (8 ноября 1942 г.). Прослушивание оперы В. М. Богданова-Березовского на либретто В. К. Кетлинской).

59. Леонов Л. М. Ленинградцы. — «Лит. и искусство», 1942, 10 окт., № 41, с. 2.

Отзыв о выставке работ ленинградских художников в Москве (октябрь 1942 г.).

60. Литературное наследство. Т. 78. В 2-х кн. Советские писатели на фронтах Великой Отечественной войны. Кн. 2. М., «Наука», 1966, с. 209—230, 244—252.

Вишневский В. Письма к А. Я. Таирову и А. Г. Коонен. (Выставка ленинградских художников 26 июля 1942 г. Коротко о фильме «Ленинград в борьбе» и пьесе М. Тевелева. Работа над пьесой «Раскинулось море широко»: ее репетиции в Театре музыкальной комедии. Отрывки из отзывов Н. Тихонова, В. Инбер, А. Зонина о пьесе «У стен Ленинграда»). — Вечтова Е. Вопреки всему. Из ленинградских блокадных записей 1943—1944 гг. (Поэты Б. Тимофеев и Н. Крандиевская на творческих отчетах в Доме писателя. Коротко о создании ансамбля А. Обранта).

61. Луговцов Н. П. Сражающаяся муза. (Поэзия подвига Ленинграда). — «Нева», 1966, № 6, с. 181—183.

Поэты-ленинградцы в дни осады. Выступления по радио, в журнале и сборниках М. Дудина, С. Орлова, Н. Грудининой, А. Чепурова, Л. Хаустова. Ленинградские поэмы Н. Тихонова, В. Инбер, О. Берггольц, А. Прокофьева, И. Авраменко.

62. Лукницкий П. Н. Ленинград действует... Фронтовой дневник. Кн. 1. М., «Сов. писатель», 1961, с. 90, 120, 193, 512—514, 699, 700; кн. 2. М., 1964, с. 354, 364—366, 525, 530, 542, 543, 573; кн. 3. М., 1968, с. 37, 263, 278, 280, 281; то же. Изд. 2. Кн. 1. М., 1971, с. 84, 108, 166, 332, 333, 418, 433, 552, 567, 648, 661; кн. 2. М., 1971, с. 174, 182—184, 319—331, 360; кн. 3. М., 1971, с. 164, 165, 180—183.

Дневниковые записи 1941—1944 гг. О своей работе над рассказами, статьями, очерками. Выступления по радио Д. Шостаковича, Н. Тихонова, О. Берггольц, А. Прокофьева. Ленинградские издательства. Исполнение Седьмой симфонии Д. Шостаковича. Журналы «Ленинград» и «Звезда». Издание поэмы И. Авраменко «Ночь накануне бессмертия». Выступления О. Берггольц, В. Кетлинской, Л. Рахманова, Е. Рысса, С. Хмельницкого, В. Волжепина в госпиталях. Н. С. Тихонов о работе ленинградских писателей. Премьера пьесы В. Вишневского, А. Крона, В. Азарова «Раскинулось море широко». Союз художников в годы блокады. Чтение О. Берггольц сценария о зиме 1941/42 г. в Ленинграде. Работа архитекторов над проектами восстановления разрушенных зданий.

63. Маграчев Л. Е. Голоса эпохи. Записки радиожурналиста. — «Аврора», 1972, № 2, с. 42—43 с ил.

Рассказ А. Е. Мордвиновой о своей жизни в блокадном городе.

64. Максимова Л. В. В рядах воюющего народа. (Из истории советской культуры в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.). М., «Мысль», 1965, с. 70, 71, 80, 81, 89, 90, 92, 93, 109, 127, 169—171, 204, 205, 215—219, 239—241, 268—273.

Отрывки из писем московских писателей на имя В. Кетлинской по поводу помощи писателям-ленинградцам (1942 г.). Очерки Н. Тихонова. Деятельность В. Вишневского в годы блокады. История создания и премьеры пьесы «Раскинулось море широко». Выступление Н. Тихонова перед рабочими Кировского завода 1 декабря 1942 г. с чтением поэмы «Киров с нами». В. Вишневский о работе ленинградских писателей. О выступлениях Н. Тихонова перед ленинградской интеллигенцией в январе 1942 г. Работа библиотек Ленинграда. Открытие выставки «Ленинград в дни блокады» (январь 1942 г.). Ленинградские кинооператоры над созданием фильма «Ленинград в борьбе». Театры Ленинграда в годы блокады. Исполнение Седьмой симфонии Д. Шостаковича (9 августа 1942 г.). Работа ленинградских композиторов.

65. Маркевич Н. Репортаж о мужестве. (Из блокадного дневника). — «Неделя», 1964, № 5, 26 янв.—1 февр., с. 10; то же. — В кн.: В редакцию по вернулся. Кн. 1. М., Госполитиздат, 1964, с. 259, 268, 269.

Собрание материала для очерка «Гранит». Встречи с Б. Асафьевым и К. Элиасбергом (1941—1942 гг.).

66. М а т ю ш и н а О. К. В домике на Песочной. — «Звезда», 1962, № 2, с. 143—153.

Воспоминания о жизни и работе В. Вишневского в блокадном Ленинграде.

67. Мессер Р. Д. Готическая гостиная. — «Доп», 1972, № 4, с. 167—176 с ил.

Воспоминания о В. Е. Арнс-Гаксель, Н. С. Войтинской, Е. В. Дружининой-Георгиевской, А. Н. Ермолаевой, Е. А. Вечтомовой, А. И. Иоаннисан. Литературный вечер в Доме писателя им. Маяковского; обсуждение блокадных номеров журнала «Звезда».

68. М и х а й л о в В. Начали под артобстрелом... Театру им. В. Ф. Комиссаржевской — 30 лет. — «Сов. Россия», 1972, 19 окт., № 246, с. 4.

Коротко о создании театра.

69. М и х а й л о в с к и й Н. Писатели и поэты Краснознаменной Балтики. — «Лит. и искусство», 1942, 21 февр., № 8, с. 2.

Писательская группа ПУБАЛТа (В. Вишневский, А. Кроп, Г. Мп-рошниченко, В. Азаров, И. Амурский, А. Тарасенков, А. Зоппи, В. Рудный).

70. М и ч у р и п а - С а м о й л о в а В. А. Шестьдесят лет в искусстве. Л.—М., «Искусство», 1946, с. 135—176.

Главы: Война и блокада. (Воспоминания о работе ленинградских театров. Концертные выступления артистов ТЮЗа и театра им. Лепсовета в бомбоубежищах. Открытие Филармонии. Выступление П. З. Андреева и С. П. Пресображенской перед бойцами. Деятельность ВТО). — Возрождение. (Театр музыкальной комедии. Постановка спектакля «Раскинулось море широко» (пьеса В. Вишневского, А. Крона, В. Азарова). Открытие Городского (Блокадного) театра. Работа ленинградского радио; передачи «Театр у микрофона»).

71. М о и с е е в А. Вдохновение. — «Ленингр. правда», 1942, 5 февр., № 29, с. 2.

Создание Б. Асафьевым новых музыкальных произведений и теоретических исследований. Начало работы над книгой воспоминаний.

72. М о к ш и п С. И. Работа газеты в условиях фронтового города. (Из опыта «Ленинградской правды»). — Вестн. МГУ. Филология, журнал-листка, 1961, № 3, с. 24—30.

73. Музыка продолжала звучать. Ленинград, 1941—1944. Вступит. статья и сост. А. Крюкова. Л., «Музыка», 1969, 296 с. с ил.

Содерж.: Крюков А. Ленинград. Блокада. Музыка. (Вступит. статья). — Говорят ленинградцы. (Письма к артистам, блокадные дневники ленинградцев и другие документы). — Копдратьев Н. Из театрального дневника. (Дневниковые записи 1941—1943 гг. о работе Филармонии). — Воспоминания: Элиасберг К. Единственный в городе симфонический оркестр в годы блокады. (Исполнение Пятой симфонии Чайковского в радиопередаче для Англии (28 сентября 1941 г.). Музыка ленинградских композиторов (Ю. Кочуров, О. Евлахов, В. Богданов-Верезовский и др.) в программе концертов Симфонического оркестра. Сельская симфония Д. Шостаковича). — Вслытер Н. И театр был нужен. (Концерты артистов оперно-балетного коллектива на фронте. Опера «Кармен» в Большом зале Филармонии (1 июля 1942 г.)). — Колесникова Л. На блокадной вахте. (Театр музыкальной комедии. Читка В. Вишневским пьесы «Раскинулось море широко»; ее премьера). — Матвеев М. Страпички воспоминаний. (Союз композиторов в дни блокады. Деятельность ленинградских издательств «Искусство», ленинградское отделение Музгиза)). О своей работе над песнями на слова ленинградских поэтов (М. Дудин, В. Ип-

79. Очерки истории Ленинграда в 6 томах. Т. 5. Период Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945 гг. Л., «Наука», 1967, с. 578—682.

Соболев Г. Л. Печать и радио. (Выпуск газет («Ленинградская правда», «На страже Родины» и др.), журналов, научной и художественной литературы в условиях блокады. Работа типографии «Правда». Программы передач ленинградского радио). — Загурский Б. И. и Соболев Г. Л. Культурно-просветительская работа. (Музеи, библиотеки, Дома культуры и клубы Ленинграда в дни осады). — Загурский Б. И. Искусство. (Сохранение художественных ценностей Ленинграда. Творческая деятельность художников и скульпторов блокадного города. Театрально-концертная жизнь Ленинграда 1941—1943 гг. Работа киностудии «Ленфильм». Научная работа в музеях и художественных учебных заведениях). — Азаров В. Б., Павловский А. И., Шошин В. А. Литературная жизнь. (Ленинградский союз писателей в дни блокады. Анализ произведений писателей, поэтов, драматургов Ленинграда, созданных в годы блокады).

80. Павловский А. И. Звездный час. — «Аврора». 1970, № 5, с. 62—63.

Тема блокады в творчестве О. Берггольц. Публикация Н. Банк писем В. Вишневского и А. Таирова к О. Берггольц.

81. Пиотровский Б. Б. Юбилей Низами и Навои. — «Сообщения гос. Эрмитажа». Вып. 5. Л., 1948, с. 50.

Торжественные заседания в Эрмитаже; участие Н. Тихонова и В. Рождественского (1941 г.).

82. Подвиг века. Художники, скульпторы, архитекторы, искусствоведы в годы Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда. Воспоминания. Дневники. Письма. Очерки. Литературные записи. Автор-составитель Н. Паперная. Л., Ленгиздат, 1969, 391 с. с ил.

Содерж.: Абдулова В. (Предисл.) — Рипп Д. А. Последняя мирная ночь в Петергофе. — Балаева С. Н. Снаряды рвутся в Гатчине. — Турова Е. Л. Снаряды рвутся в Пушкине. — Зеленова А. И. Снаряды рвутся в Павловске. — Орбели И. А. Мы были не одни. — Щербачева М. И. Дни блокады. — Калинин В. В. «Великий дух был вместо крыл!» — Михайлова О. Э. Единая семья. — Милютина В. В. Раны Эрмитажа. — Калинин В. Героический труд ученого. — Балтун П. К. Русский музей вступает в войну. — Алексеева В. В. Работа продолжалась. — Лотоцкая В. В. По страницам блокадного дневника. (В. М. Конашевич). — Калинин В. Пока билось сердце. — Савинов Г. А. Слово об отце и учителе. — Вахрамеев А. Художник революции. Как русский витязь (И. Я. Билибин). — Рощин А. 1) Формула весны. 2) Блокаде посвященные. — «А у меня в Академии вся жизнь прошла...» (П. С. Наумов). — Корнилов П. Е. Мы были вместе. — Земцова А. М. Можно ли забыть? — Бочанова И. Каждый год 18 января... — Серебряный И. А. Мои герои. Врозь было страшнее (Н. Х. Рутковский). — Кофман С. С. О моих друзьях. — Рончевская Л. А. Дневник без слов. — Лепорская А. А. Работы непочтатый край. — Князева В. «Оглянувшись из теплого дома...» — Милютина В. В. Альбом. — Матафонов В. «Смерть фашизму!» — Муратов Н. Е. «Боевой карандаш». — Галляба В. А. О животных и о скотах. — Слыщенко В. С. Говорит ТАСС! — Ключкова Е. Друзья по искусству — товарищи по оружию. — Неприцев Ю. М. Невозможно забыть. — Коровкевич С. В. «Сводка». — Веселов Г. Н. Памяти друга. (И. А. Тарпаягин). — Савинов Г. А. Вася Желтиков. — Крашенинников А. Ф. И они ковали победу. — Жежеленко Т. М. Непоправимое. — Смирнова А. М. Память сердца. — Крестовский И. В. Народный художник. — Добровольская В. В. Академия человечности. — Кузнец Л. Н. и Турова Е. Л. «Напряжением всех сил». — Ардентова К. В. Верность

призванию. — Ильин Л. А. «Прогулки по Ленинграду». — Академик архитектуры. (Страницы блокадного дневника А. С. Никольского). — Лебедев В. В. «Вереница испытаний». (Рассказ, посвященный Л. В. Рудневу). — Давыдов С. Н. Подвиг архитектора Белехова. — Крестовский И. В. Памятники в броне. — Левина Э. Г. Военные грани архитектуры. (Фронтные блокноты архитекторов). — Зеленова А. И. Возрождение. — Вместо эпилога. Зеленый пояс славы. — Мемориальные страницы.

83. Подвиг Ленинграда. (1941—1944). Докум.-худож. сборник. М., Воениздат, 1960, с. 95, 96, 195—197, 410—412, 426—428, 528—540.

Половников А. История одной радиопередачи. (Участие ленинградских поэтов в передаче «Радиохроника»). — Нечаев И. Песня — мое оружие. (О своих выступлениях на фронте, по радио, в опере «Евгений Онегин» (21 ноября 1941 г.)). — Вишневецкая С. «Раскинулось море широко». (Воспоминания о работе В. Вишневецкого, А. Крона, В. Азарова над песней. Репетиции и премьеры оперетты). — Вишневецкий В. Блокада прорвана. Радиоречь, произнесенная 19 января 1943 г. — Как мог выстоять Ленинград. Беседа английского журналиста Александра Верта с представителями интеллигенции Ленинграда. (Стенографическая запись беседы с В. Вишневецким, А. Прокофьевым, В. Саяновым, В. Кетлинской, Б. Лихаревым, А. Голубевой, В. Серовым, Н. Шумиловым, К. Элиасбергом о жизни и работе ленинградцев в годы блокады). — Берггольц О. Ф. Победа не за горами. Радиоречь 31 декабря 1943 г. — Вечтатова Е. Жилец квартиры № 1. (Рассказ о сохранении квартиры А. С. Пушкина).

84. Половников А. П. Говорит Ленинград!.. Литературные передачи ленинградского радио. — В кн.: Литературное наследство. Т. 78. В двух кн. Советские писатели на фронтах Великой Отечественной войны. Кн. 1. М., «Наука», 1966, с. 427—432 с ил.

Обзор радиопередач за 1941—1943 гг.

85. Премьера пьесы «Фронт». — «Лит. и искусство», 1942, 7 нояб., № 45, с. 4.

Сообщение о премьерах «Фронта» А. Корнейчука в ленинградских театрах.

86. Работа композиторов и музыковедов Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. Информационный обзор. Л., «Искусство», 1946, с. 7—32, 63—87 с ил.

Богданов-Березовский В. Ленинградские композиторы в месяцы блокады. (Творческая деятельность Союза композиторов (просмотры, радиопередачи, концерты на фронте, лекции, руководство самодеятельностью). Создание музыкальных произведений (Д. Шостакович, Б. Асафьев, А. Пащенко, Ю. Кочуров, А. Митюшин); песни композиторов-балтийцев (Б. Гольц, Н. Будашкин)). — Магид С. Композиторская группа Краснознаменного Балтфлота. (Краткая характеристика сборников песен композиторов-балтийцев. Работа В. Витлина, Л. Круца, Н. Минха над музыкой к оперетте «Раскинулось море широко»). — Котикова Н. На творческих просмотрах ЛССК. (Музыкальные произведения за 1941—1943 гг.). — Язовицкая Э. Ленинградские музыковеды во время блокады. (Научно-исследовательская работа сотрудников Института театра и музыки: Н. Малкова, Ю. Кремлева, Б. Асафьева, А. Оссовского. Научные сессии института, посвященные юбилеям Чайковского и Римского-Корсакова). — Наша работа в годы Отечественной войны (И. Дзержинский, А. Оссовский, А. Пащенко, Д. Шостакович). — Матвеев М. Музыкально-издательская работа в Ленинграде за время Отечественной войны. — Свирина Т. Список произведений ленинградских композиторов за годы Великой Отечественной войны.

87. Рагинский И. Ленинградские бригады. — «Лит. и искусство», 1942, 28 февр., № 9, с. 3.

Программы выступлений концертных бригад ленинградских артистов.

88. Рахманов Л. Н. Душа города. — «Москва», 1957, № 6, с. 27; то же. — В кн.: Рядом с героями. М.—Л., «Сов. писатель», 1967, с. 308—310.

Публичный концерт «Литературно-художественное утро» в Ленинграде (январь 1942 г.). Выступление архитектора Л. А. Ильина.

89. Репцов Б. Г. Публичная библиотека. — «Лит. и искусство», 1943, 30 янв., № 5, с. 3.

Коротко о работе Ленинградской Публичной библиотеки им. М. А. Салтыкова-Щедрина.

90. Ринтала Пааво. Ленинградская симфония судьбы. Фрагмент из книги. Пер. с фин. — «Север», 1970, № 2, с. 72—73.

Исполнение Седьмой симфонии Д. Шостаковича.

91. Рождественский В. А. Под грохот канонады. — «Огонек», 1964, № 5, с. 22.

Юбилей А. Навои в Эрмитаже (10 декабря 1941 г.).

92. Рубашкин А. И. Говорит Ленинград. — «Звезда», 1969, № 1, с. 133—147.

Обзор передач ленинградского радио за 1941—1944 гг. Деятельность радиожурналистов. Обращение к ленинградцам по радио М. Шолохова, И. Эренбурга, М. Андерсена-Нексе.

93. Рубашкин А. И. Десять писем. — «Звезда», 1970, № 5, с. 173—180.

Письма к О. Берггольц, связанные с ее работой на ленинградском радио в годы войны.

94. Руднев Л. В. Архитекторы на защите города Ленина. — «Лит. и искусство», 1942, 14 марта, № 11, с. 2.

Маскировка военных объектов, промышленных зданий, памятников архитектуры.

95. С пером и автоматом. Писатели и журналисты Ленинграда в годы блокады. Сост. А. Н. Васильев и М. И. Гордон. Ред. и предисл. М. С. Куртынина. Л., Лениздат, 1964, с. 9—174, 188—202, 216—226, 254—265, 282—295, 304—317, 354—376, 382—391, 407—469, 483—490, 521—527.

Тихонов Н. В дни испытаний. (Работа В. Вишневского, А. Прокофьева, В. Рождественского, М. Дудина и др. в ленинградских газетах. Публикация стихов О. Берггольц и глав из поэмы В. Илбер «Пулковский меридиан» в «Ленинградской правде». О своей работе над поэмой «Киров с нами» и «Ленинградскими рассказами»). — Васильев А., Груднин В. Газета фронтового города. (Выступления поэтов и писателей, карикатуры В. Гальбы на страницах «Ленинградской правды»). — Петерман Г. Вспомним же юность свою боевую... (Работа коллектива «Смены» в условиях блокады). — Гордон М., Самойлов Ф. Перо приравняли штыку. (Воспоминания о работе в газете «На страже Родины» Н. Тихопова, В. Саянова, Б. Плехарева, В. Кочетова, Е. Катерли, В. Шишкова, М. Дудина). — «Говорит Ленинград». (По воспоминаниям журналистов (Л. Е. Маграчев, Г. П. Макогоненко, А. Н. Пази, М. Л. Фролов, В. А. Ходоренко), работавших на ленинградском радио. Я. Бабушкин — организатор передачи «Театр у микрофона»). — Стрешинский М... Идет война народная. (Л. Раковский и В. Рождественский в редакции газеты «На защиту Ленинграда»). — Меркурьев В. На Невских берегах. (История написания В. Вишневским статьи «За Ленинград!»). — Стихи А. Прокофьева в дивизионной газете 115-й стрелковой дивизии). — Буров А. Рождена в блокадном Ленинграде. (Обзор газеты «Боевая тревога», издававшейся в Ленинграде (1942 г.)). — Пруссян Л. Люди армейской газеты. (Публикация отрывков из поэмы И. Авраменко «Ночь накануне бессмертия» в газете «Знамя победы». Участие в работе газеты М. Дудина. Воспоминания о презде в редакции газеты В. Кетлпской, В. Илбер, И. Груздева, В. Шефнера). — Бойцов С. С блокнотом в окопах. (В. Саянов, А. Прокофьев, А. Фадеев в газете народного

ополчения «На защиту Ленинграда»). — Прохвятилов А. Незабываемые дни. (А. Прокофьев, М. Гордон в редакции армейской газеты «Отважный воин»). — Соловцов В. «Киполетопись грозových лет». (Ленинградские операторы над созданием фильма «Ленинград в борьбе»). — Семенов Б. Художники были бойцами. (Воспоминания о ленинградских художниках. Участие с А. Флитом и М. Дудиным в сатирических материалах газеты «На страже Родины»). — Виноградов А., Щетинин С. Информация поступает бесперебойно. (Деятельность ЛенТАСС). — Прокофьев А. Рядом с народом. (Работа ленинградских писателей во фронтовой печати). — Кочетов В. Шестьдесят строк. (О своей работе над очерком для газеты «На страже Родины»). — Берггольд О. «Слушай нас, родная страна!» (Воспоминания. Передачи ленинградского радио. Выступления А. Ахматовой и Д. Шостаковича. Исполнение Седьмой симфонии в Большом зале филармонии. Частично о своей книге «Говорит Ленинград»). — Азаров В. О друзьях-товарищах. (Воспоминания о писателях-балтийцах). — Благин А. Суровая школа жизни. (Газета «Смена» в блокаду). — Сапаров А. «Дрожат дома-громады». (Воспоминания о А. Решетове). — Михалев М. «От нашего воен. корр.» (В. Кочетов — военный корреспондент «Ленинградской правды»). — Езерский С. Через двадцать лет. (О своей работе в «Ленинградской правде»).

96. Саянов В. М. Ленинградский дневник. М., Воениздат, 1963, с. 165—168, 208—213.

Главы: Асафьев (Знакомство автора с Б. В. Асафьевым. Работа композитора над оперой «Медный всадник»). — Художники. (Выставка картин и рисунков ленинградских художников (январь 1942 г.): картины В. Серова, Я. Николаева, зарисовки Н. Павлова, литографии А. Пахомова и Е. Белухи). — Рудаков. (Воспоминания о встрече с художником в блокаду).

97. Своим оружием. М., Госполитиздат, 1961, с. 45—63, 188—202, 297—302.

Воспоминания: Тихонов Н. В дни ленинградской осады. (Работа над поэмой «Киров с нами». Выступления А. Прокофьева и А. Фалеева перед рабочими Кировского завода). — Ипбер В. Это мое партийное дело. (Выступление с чтением стихотворения «Обращение к Одессе» перед моряками Кронштадта. Коротко о произведениях, созданных в блокаду («Почти три года», «Рассказы о ленинградских детях», «Пулковский меридиан»). — Першцетская Л. Сказы о родном городе. (О своей работе над сказами; выступления с ними на фабриках, заводах, в госпиталях). — Мичурин-Самойлова В. А. Вместе с народом. (Работа на радио, выступления на фронте). — Макарьев Л. Ф. В кольце блокады. (Шефские концерты артистов ТЮЗа). — Шостакович Д. Д. Седьмая симфония. (Программа и характеристика частей симфонии. Коротко об отклике А. Толстого в «Правде»).

98. Сегал А. В. В дни осады. — «Лит. и искусство», 1942, 28 марта, № 13, с. 1.

Творческая жизнь Академии художеств (Н. Петров, И. Билибин, М. Бобышев).

99. Сегедн А. Театр на фронте. — «Ленингр. правда», 1941, 5 мая, № 264, с. 4.

Выступления артистов ТЮЗа на фронте, концерты в бомбоубежищах.

100. Семенов Б. Ф. Блокадная встреча. — «Аврора», 1972, № 2, с. 80. Воспоминания о Ю. П. Мезерницком.

101. Серов В. А. Художники Ленинграда в дни войны. — «Известия», 1944, 8 окт., № 240, с. 3.

Тема войны и героической обороны города в творчестве ленинградских художников.

102. Соболев Г. Л. Ученые Ленинграда в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). Отв. ред. В. М. Ковальчук. М.—Л., «Наука», 1966, с. 85—86.

Коротко о научной работе Института русской литературы. Публикация сборника «Героическое прошлое русского народа в художественной литературе» (1941 г.). Брошюра Д. С. Лихачева и М. А. Тихановой «Оборона древнерусских городов».

103. Соколова Н. Правда пережитого. — «Лит. и искусство», 1942, 10 окт., № 41, с. 2.

Краткий обзор выставки ленинградских художников в Москве (октябрь 1942 г.).

104. Соловьев В. Б. События, встречи. Заметки журналиста. Л., Лениздат, 1972, с. 110—209.

Глава: В осажденном Ленинграде. (Ленинградские и фронтовые газеты в дни войны).

105. Спектакль «Русские люди» для фронта. — «Лит. и искусство», 1942, 1 авг., № 31, с. 4.

Сообщение о постановке спектакля Агитвзводом Дома Красной Армии.

106. Тарасенков А. К. Ленинград, февраль 1942 года. Строки из писательского дневника. — «Лит. газета», 1964, 23 янв., № 10, с. 1.

О совещании писателей с участием В. Вишневского, В. Инбер, Н. Чуковского, А. Крона, В. Азарова, А. Зонина (6 февраля 1942 г.).

107. Тихонов Н. С. В огне испытаний. — «Лит. и искусство», 1942, 14 февр., № 7, с. 2.

Ленинградские поэты в дни блокады.

108. Тихонов Н. С. «Ленинград в борьбе». — «Краснофлотец», 1942, № 15, с. 51—52.

О документальном кинофильме «Ленинград в борьбе».

109. Тихонов Н. С. Люди света. — «Известия», 1964, 21 янв., № 17, с. 6; то же. — В кн.: Тихонов Н. С. Писатель и эпоха. Выступления, лит. записи, очерки. М., «Сов. писатель», 1972, с. 547—553.

Театры в дни блокады. Юбилей Низами в Эрмитаже.

110. Тихонов Н. С. Письма из блокадного Ленинграда. — «Вопр. лит.», 1970, № 5, с. 91—109.

Письма к Д. И. Ортенбергу за 1942—1943 гг. О своей работе над статьями, очерками, рассказами.

111. Тихонов Н. С. «Раскинулось море широко». — «Правда», 1942, 30 нояб., № 334, с. 3.

Спектакль в Театре музыкальной комедии.

112. Фадеев А. А. «Носящий имя Кирова». — «Лит. и искусство», 1942, 5 дек., № 49, с. 3; то же. — «Огонек», 1942, № 48, с. 15; то же. — В книгах: Фадеев А. Ленинград в дни блокады. (Из дневника). М., «Сов. писатель», 1944, с. 75—91; Фадеев А. За тридцать лет. Избранные статьи, речи и письма о литературе и искусстве. М., «Сов. писатель», 1957, с. 309—311; то же. Изд. 2. М., «Сов. писатель», 1959, с. 313—314; Собрание сочинений в семи томах. Т. 4. М., «Худож. лит.», 1970, с. 165—167.

Литературный вечер на Кировском заводе с участием Н. Тихонова и А. Прокофьева.

113. Федин К. А. Ленинградская натура. — «Новый мир», 1944, № 4—5, с. 51; то же. — В кн.: Федин К. Свидание с Ленинградом. Л., Воениздат, 1945, с. 51.

Выставка работ В. М. Конашевича в Ленинграде.

114. Фесечко Г. Ф. В дни блокады Ленинграда. — В кн.: Ленинградская консерватория в воспоминаниях. Л., Музгиз, 1962, с. 395—403.

Воспоминания о педагогах и студентах консерватории, оставшихся в блокадном Ленинграде.

115. Фролов М. Л. Ленинградцы. — «Новый мир», 1957, № 6, с. 192, 194, 197, 198.

Дневник 1942—1945 гг. В записях 1942—1943 гг.: возобновление работы Театра музыкальной комедии. Открытие спектаклем К. Симона «Русские люди» Нового театра. Выступления Н. Тихонова, В. Вишневого, В. Инбер на юбилее А. С. Пушкина.

116. Хренков Д. Т. Друзья мои — стихи. (Книга о Б. Лихареве). Л., Лениздат, 1966, с. 90—138.

Главы: И лежала тетрадь на прикладе винтовки. (Газета «Ленинский путь». Отрывки из блокадного дневника Б. М. Лихарева). — Сколько было стихов, посвященных солдатам! (Обзор журнала «Ленинград» за военные годы. Ода И. Я. Билибина «На 1942 год»).

117. Художники Ленинграда в годы блокады. Л., «Художник РСФСР», 1965, 91 с. с ил.

Содерж.: Серов В. Искусство — оружие в борьбе. (Коротко о художниках в дни блокады). — Кбровкевич С. Художники города-фронта. — Окунь Я. Пламенное искусство. (Плакаты ленинградских художников). — Павлов Г. Графика в бою. (Деятельность «Боевого карандаша» и «Оков ТАСС». Работа поэтов (О. Берггольц, А. Прокофьев, В. Саянов, Б. Тимофеев) и ленинградских художников над созданием агитационных листов. Открытие выставки «Работа ленинградских художников в дни Великой Отечественной войны» (январь 1942 г.)). — Буракова А. Скульптура на войне. — Матафонов В. «Боевой карандаш». (Н. Тихонов, В. Саянов, А. Прокофьев, Б. Тимофеев в «Боевом карандаше»). — Карская Т. В театрах тех лет. (Театральные художники. Оформление художниками В. Лебедевым, С. Манделем и С. Вишневецкой спектаклей «Русские люди» и «Раскинулось море широко»).

118. Чуковский Н. К. В осаде. Из воспоминаний. — «Юность», 1966, № 1, с. 80—92; то же. Гл. «Еремей Лаганский». — В кн.: В редакцию не вернулся... Кн. 2. М., Госполитиздат, 1967, с. 75—78.

О встрече с О. Берггольц и В. Инбер в блокадном Ленинграде. Оперативная группа писателей ПУБАЛТА (В. Вишневский, Л. Успенский, А. Тарасенков, А. Крон, В. Азаров и др.). Судьба Е. Лаганского.

119. Шошин В. А. «И содрогнешься, стихом пронзенный». (К двадцатилетию прорыва блокады). — «Нева», 1963, № 1, с. 171—177.

Творчество ленинградских поэтов и писателей блокадных лет. Поэма В. Инбер «Пулковский меридиан». Н. Тихонов, А. Прокофьев, В. Саянов, А. Решетов, Б. Лихарев, И. Авраменко в редколлегиях «Звезды» и «Ленинграда» (1941—1944 гг.). Стихи А. Ахматовой и О. Берггольц периода блокады. Выступления В. Вишневого и О. Берггольц по ленинградскому радио.

120. Элиасберг К. И. Ленинградский радиокомитет в годы войны. — «Сов. музыка», 1946, № 2—3, с. 71—74.

Радиопередача для Англии — исполнение Пятой симфонии Чайковского. Возобновление работы Симфонического оркестра; Седьмая симфония Д. Шостаковича.

121. Янет Н. Я. За строчками чужого дневника. — «Нева», 1969, № 7, с. 198—203; то же. — В кн.: Без антракта. Актеры города Ленина в годы блокады. Сост. В. Я. Меркулова-Маширова и С. А. Пономаренко. Предисл. Ю. Толубеева. Л., Лениздат, 1970, с. 284—299.

Театр музыкальной комедии. Концерты артистов театра в воинских частях и на Дороге жизни. История создания и премьера пьесы В. Вишневого, А. Крона, В. Азарова «Раскинулось море широко». Отрывки из дневника В. Вишневого. Коротко о писателях блокадного Ленинграда (Н. Тихонов, А. Прокофьев, Б. Лихарев, В. Шефнер, Н. Чуковский, В. Саянов, Л. Успенский, М. Дудин, О. Берггольц, В. Инбер).

122. Янковский М. С. Рожденный в блокаду. — «Нева», 1968, № 9, с. 199—200.

Частично об открытии и работе Городского (Блокадного) театра.

Содержание

	Стр.
От редакции	3
А. И. Павловский. Поэтический эпос блокадных лет	6
А. Ф. Бритиков. Жанры художественной прозы	38
А. А. Смородин. Писательское слово на страницах ленинградских газет	72
К. Ф. Бикбулатова. Поэзия на страницах армейских газет	108
Л. Ф. Ершов. Сатира на войне	140
А. И. Рубашкин. Писатель у микрофона	167
В. Б. Азаров. Письма с Балтики	212
Э. А. Шубин. Блокадные дневники писателей	251
Л. Г. Мироненко. Литература и искусство блокадного Ленинграда. Материалы к библиографии	275

**Литературный Ленинград
в дни блокады**

*Утверждено к печати
Ученым Советом Института русской литературы
(Пушкинский дом) АН СССР*

Редактор издательства Г. А. Щербак ова
Художник Л. А. Яценко
Технический редактор М. Н. Кондратьева
Корректоры К. И. Видре, Р. Г. Гершинская,
А. И. Кац

Сдано в набор 18/VI 1973 г. Подписано к печати 6/IX 1973 г. Формат бумаги 60×90¹/₁₆.
Бумага № 2. Печ. л. 18¹/₄=18,25 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 21.41. Изд. № 5267. Тип. зак. № 417.
М-43689. Тираж 10 000. Цена 1 р. 52 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, Менделеевская линия, д. 1

1-я тип. издательства «Наука» 199034, Ленинград, 9 линия, д. 12

